

Василий
Блюм

Ван Клифф по-новому

Другой город, новые люди. Прошлое забыто, а будущее светло и безоблачно. Но счастье не бывает долгим, рассыпавшись, словно картонный домик от порыва ветра. Выбор не велик: долгие годы в холодных стенах тюрьмы, или бесконечная гонка в смертельном противостоянии, где нет друзей, а проявления человечности рассматриваются как слабость. Опасный путь, пройти который способен лишь человек с могучим духом, даже если это всего лишь хрупкая девушка.

Василий Блюм

Валькирия поневоле

— Уникальный экземпляр, присланный из Японии друзьями на мое совершеннолетие! Новейшая разработка на стыке биологии и кибернетики: специальная магнитная вставка, нормализующая давление, сверхпрочный корпус, почти бесконечный алмазный грифель, можно делать записи годами, экологически чистые сорта пластмасс. За такие деньги сложно придумать лучший подарок. Возьмите, и вы не разочаруетесь!

Мужчина повертел в руке блестящую палочку карандаша, спросил недоверчиво:

— Раз такой хороший, зачем продаешь?

Ольга порывисто прижала руки к груди, сказала с мукой:

— Я бы ни за что на это не пошла, но... сильно заболела бабушка. Нужно купить лекарств, а от стипендии остались жалкие крохи.

Мужчина покивал в такт словам, поднес карандаш к глазам, произнес замедленно:

— Да, вижу, действительно хорошая вещь.

Он вытащил из кармана мятую сотенную купюру, протянул Ольге. Приняв деньги, Оля благодарно кивнула, мягко шагнула назад и растворилась в плотной толпе, с началом выходных заполнившей просторную площадь городского рынка.

Миновав бесконечные ряды торговцев фруктами, Ольга свернула в неприметный тупичок. Стенки тупика, образованные примыкающими к рынку гаражами, пестрят яркими пятнами купальников, а с деревянного навеса, словно спелые бананы, свешиваются гроздья солнцезащитных зонтиков. Остановившись, Оля пошарила взглядом, отыскивая хозяина, но, так и не обнаружив, произнесла негромко:

— Есть кто живой?

Не дождавшись ответа, Оля уже хотела позвать громче, но передумала. Усмехнувшись, она протянула руку и с силой дернула за один из зонтиков. Заскрипели, раскачиваясь «гроздья», где-то жалобно хрустнуло, с навеса посыпалась бурая труха. Висящие по соседству тяжелые меховые шубы с шорохом раздвинулись, показалось веснушчатое заспанное лицо, глаза-щелочки глянули недовольно.

— Вот неймайся тебе?

Широко зевая, наружу выбрался парнишка. Загорелый до черноты, одетый в потрепанные джинсы, он ничем не отличался от множества таких же пацанов торгующих китайским барахлом по всему рынку. Ольга с усмешкой понаблюдала, как он заботливо поправляет зонтики и проверяет узлы на веревках, сдерживая нетерпение, произнесла:

— Петр, у меня время не резиновое. Карандашей отсыпь, товар потом поправишь.

Парень повернулся, сказал с удивлением:

— Ты ж с утра двадцать штук взяла. Неужели продала?

— Потеряла.

Петр недоверчиво покачал головой, но промолчал. Раскрыв одну из стоящих тут же сумок, он некоторое время с кряхтением копался внутри, затем извлек наружу невзрачную картонную коробку, поинтересовался:

— Как всегда?

Ольга кивнула. Петр снял крышку, коробка оказалась доверху набита блестящими цилиндриками карандашей, скрупулезно отсчитал десяток, после чего, с не меньшим тщанием, пересчитал полученные деньги, с удовлетворением произнес:

— Все правильно, сто пятьдесят рублей, как в аптеке. — Видя, что Ольга собирается уйти, спросил с любопытством: — А все-таки, почему ты их продаешь?

Оля подмигнула, произнесла весело:

— Много будешь знать — плохо будешь спать. До встречи.

Покинув тупичок, Ольга ощутила аппетитных ароматов. Подчиняясь чувству голода, она двинулась к источнику запаха и вскоре вышла к румяной женщине торгующей горячей выпечкой с передвижной тележки. Сочный обжигаящий беляш показался настолько вкусным, что съев один, Оля взяла еще и долго со вкусом жевала, ощущая, как восстанавливаются силы и улучшается настроение. Смятая промасленная бумажка полетела в урну, облизав пальцы, Ольга окинула взглядом лица проходящих людей.

— Здравствуйте, — улыбаясь, она поднялась навстречу молодому мужчине, озадаченно созерцающему торговые ряды. — Уделите мне минутку внимания.

Сделав шаг, Ольга резко остановилась, словно налетела на невидимую стену, ее глаза испуганно расширились. Позади мужчины возникли несколько парней спортивного телосложения. Оживленно переговариваясь, они пристально всматривались в толпу. Скрываясь от взглядов, Ольга юркнула в сторону, вплотную прижалась к мужчине, слегка обалдевшему от такого поворота событий, негромко, так, чтобы голос был слышен лишь вновь обретенному спутнику, взволнованно произнесла:

— Вы мне не поможете? Мы пришли с подругой, но я настолько увлеклась покупками, что потеряла ее из вида. Я устала и хочу домой, но не могу найти выход. — Она прислушалась к голосам, что становились все громче, с надеждой взглянув на мужчину, умоляюще произнесла: — Ведь вы поможете мне, правда? — не дожидаясь, пока спутник окончательно придет в себя, крепко взяла его под руку, и повлекла вдоль торговых рядов, уходя от нежелательной встречи.

— Держи, вон она!

К крику присоединился еще, послышался приближающийся топот. Ольга мельком осмотрелась. Неподалеку призывно запахнул ворота овощной склад, но дорогу преграждало большое скопление людей. Мысли взвихрились, словно сорванные порывом ветра осенние листья, и тут же опали, оставив в черепе безмолвную пустоту, глаза прикипели к спасительному входу. Ненадолго в плотной толпе мелькнул просвет, и тело отреагировало мгновенно.

Резкий толчок руками. Изумленное лицо спутника исчезает, отлетая в сторону вместе с парой случайных прохожих, ноги, словно поршни, начинают разгон, вдавливая стальные шпильки каблучков в мягкий асфальт. В позе заходящего в поворот конькобежца тело ввинчивается в толпу. Глаза жестко фиксируют цель, отслеживая малейшие изменения нестабильного пространства. Кровь молоточками стучит в висках, а шаги отдаются болью, сотрясая от макушки до кончика крестца.

Мимо проплывают тела в аляпистых платьях, тяжелый запах пота касается ноздрей. До спасительных ворот остается совсем чуть-чуть, когда впереди медленно выдвигается нечто массивное: огромный торчащий живот, ноги-тумбы, пухлые дряблые руки, голова титана неторопливо поворачивается, и в этот момент заплывшие жиром глазки замечают летящую фигуру. Многочисленные подбородки испуганно вздрагивают, рот замедленно открывается для крика, а огромное тело на секунду замирает, позволяя в последнее мгновение проскользнуть, ощутив лишь мягкий толчок в плечо.

Сквозь гул в ушах пробились возмущенные крики, а в глазах замелькали сетчатые

стенки ячеек, до верху заставленных пустыми коробками из-под овощей. Свернув за угол, и едва не поскользнувшись на ворохе гнилых капустных листьев, Ольга прыжком преодолела огромную мутную лужу, собравшуюся в углублении посреди коридора, понеслась вдоль прохода. Каблуки звонко зацокали, выдавая беглянку, отголоски заметались под бетонными сводами хранилища, далеко разносимые злорадным эхом.

За спиной застучало. Один за другим преследователи выметнулись из-за поворота, гулко зашлепали, разбрызгивая кроссовками мутную влагу. Один ненадолго остановился, воскликнул призывно:

— Конкурентка, стой, нужно поговорить. Да остановись, наконец!

Коридор казался бесконечным. Следуя витиеватым изгибам бетонного русла, Оля бежала мимо многочисленных ответвлений-комнаток, с замиранием сердца гадая — есть ли у хранилища второй выход. Один поворот, второй, третий. Воздух потеплел, а впереди блеснуло. Прикрывая глаза от солнца, Ольга выскочила на открытое пространство, остановилась, озираясь... Высокая стена из стальной проволоки, деревянные ящики вокруг, квадратный, пять на пять, участок, огороженный провисшей металлической сеткой. Напротив рыночная площадь. Краем уха улавливая приближающийся топот, Оля коротко разбежалась, подпрыгнула, вскочив на ближайший к стене ящик, с силой оттолкнулась ногами...

Редкие прохожие, прогуливающиеся неподалеку, с интересом наблюдали за хрупкой девушкой, что, без видимых усилий, преодолела трехметровый забор, после чего с улыбкой отрянула руки, и, как ни в чем не бывало, легкой походкой направилась в сторону рынка.

Углубившись в рынок, подальше от злополучного овощехранилища, Ольга уже нацелилась на очередного «покупателя», когда сзади негромко кашлянули, переключив внимание. Обернувшись, Оля мазнула взглядом по толпе, но увидела лишь отстраненные лица, озабоченные предстоящими покупками. Пожав плечами, она собралась продолжить прерванное занятие, когда в затухающем образе что-то показалось неверным, заставив вновь обернуться. Пройдясь вторично по лицам, глаза сами собой опустились, а брови, напротив, поползли вверх.

Свесив обрубки ног с деревянной каталки, снизу, ехидно прищурившись, смотрел карлик. Хмыкнув, калека насмешливо изрек:

— Совсем неплохо. Уйти от троих оболтусов, и тут же продолжить работу... это заслуживает уважения, — он улыбнулся, ощерив гнилые пеньки зубов. — Но радость от красочного рассказа не изживет убытков. — Калека понизил голос, сказал нахмурившись: — Ты мне нравишься, и я с удовольствием расскажу Шустрому, как ловко ты провела его людей. Он ценит способных. Хотя, боюсь, лучше не станет. Шустрый не любит конкурентов, даже если это симпатичные девушки с длинными ногами... — он сладострастно сглотнул.

Проследив за вожденным взглядом карлика, Ольга приветливо улыбнулась:

— Привет, Обрубьш. Давно не видались. Все девчонкам под юбки заглядываешь?

Коротышка пожал плечами:

— Конечно. У меня ведь только ног нет, остальное на месте. Показать?

Ольга улыбнулась шире, сказала со смешком:

— Обрубьш, не смущай, мне еще работать.

В очередной раз продемонстрировав остатки зубов, калека произнес:

— Я тебя предупредил, а дальше — как знаешь. Бывай, — махнув на прощание рукой, он

подхватил лежащие тут же деревянные бруски, и, упираясь ими в асфальт, покатился, мгновенно скрывшись за частоколом ног.

Ольга проводила калеку задумчивым взглядом. Предостережение не было пустой угрозой. Шустрый, глава банды местных подростков занимавшихся фарцовкой, отличался нетерпимостью к конкурентам, и за последнюю пару месяцев неоднократно это демонстрировал, постоянно создавая мелкие неприятности и ощутимо осложняя торговлю.

Прогнав неприятные мысли, Оля огляделась. Напротив, с тоской глядя на многочисленные прилавки, стоял мужчина. Улыбнувшись краешками губ, Ольга устремилась к очередной жертве.

* * *

Народу заметно поубавилось. В преддверии вечера многие продавцы уже прибирали товар, лишь самые стойкие продолжали упрямо сидеть, поджидая запоздавших покупателей. Взятые у Петра карандаши закончились. Пересчитав деньги, Ольга с удовлетворением кивнула, двинулась к выходу, перекидываясь прощальными фразами с оставшимися «на посту» подругами.

Домой идти не хотелось. Поплутав по улочкам, Ольга вышла к парку. Засаженный кленами, парк представлял собой идеальное место для влюбленных парочек, что, несмотря на ранний вечер, уже оккупировали все свободные скамейки. Прогуливаясь по аллеям, Оля вслушивалась в тихий, навевающий грусть шелест листьев. В памяти всплыли знакомые лица: Рыжая, Сова, Седая... где они теперь, что с ними?

Закрутился, разматываясь, клубок воспоминаний: Марк Анатольевич, Олег, отец. Одно за другим перед глазами вставали лица когда-то бывших близкими людей, и вот уже асфальтовая дорожка расплылась, а темнеющая вокруг зелень потеряла очертания от проступивших слез. Закрыв лицо руками, Ольга остановилась. Слезы прорвали запруду, хлынули солеными ручейками, оставляя на щеках черные дорожки туши.

Захотелось забиться в щель, накрыться одеялом, заглушая мысли и обрывая воспоминания. Сцепив зубы, чтобы не завывать, Ольга двинулась по дорожке, не обращая внимания на удивленные взгляды редких прохожих.

Послышался шум шагов, раздались пьяные голоса. С трудом вынырнув из оцепенения, Ольга обернулась. Сзади, постепенно нагоняя, надвигалась компания нетрезвых парней. Заметив Ольгу, они засвистели, замахали приглашающе руками. Досадливо дернув головой, Оля пошла быстрее, но парни догнали, обступили, глумливо скалясь. Один, что понаглее, смазливый юноша восточной внешности, сказал с сальной улыбкой:

— Красивая девушка, пойдём с нами.

Ольга мотнула головой, не желая начинать разговор.

— Девушка просто стесняется! — воскликнул второй.

— С нами ты забудешь обо всем, — проблеял третий.

Собравшись с силами, Ольга произнесла, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Ребята, идите своей дорогой, я не в настроении беседовать.

Парни, как один, заржали. Покачав головой, восточный юноша произнес:

— Ты не знаешь, от чего отказываешься. У нас есть нечто такое... — он масляно причмокнул губами, — чего ты никогда не видела.

В памяти услужливо возникли лица, множество мужских лиц, смотревших на нее с подобным выражением и говоривших подобные слова. Тоска отступила. Внутри зародилась глухая темная волна. Добавив в голос твердости, Ольга отчеканила:

— Ребята, повторяю еще раз, я не в настроении.

Но сопротивление лишь распалило парней. В одурманенных алкоголем рассудках возникло желание, что с каждой минутой только усиливалось. Один из парней попытался схватить Ольгу за руку, но промахнулся, едва не завалившись на землю. Восточный юноша брезгливо покосился на приятеля, произнес, нехорошо прищурившись:

— Лучше иди по-хорошему, а то...

— А то что? — с вызовом спросила Ольга, подступив вплотную к парню.

От неожиданности тот отшатнулся, но тут же опомнился, воскликнул яростно:

— Сука огрызается! Да мы тебя сейчас прямо тут поимеем, — он схватил девушку за плечо, рванул с силой.

Затрещала тонкая ткань, платье разошлось, обнажая грудь. Парни одобрительно заорали, поддерживая, обступили теснее в предвкушении потехи. Уставившись на коричневое пятнышко соска, восточный юноша задышал сильнее, протянув руку, жадно лапнул.

Тяжелая волна поднялась выше, затапливая рассудок, ненависть хлестнула, словно бич, рванула мышцы, заноса руку. Короткий удар, по-кошачьи, растопыренной пятерней, от которого ухоженное лицо ублюдка мгновенно окрашивается кровью. Ярость выплескивается, принося едва ли не оргазмическое удовлетворение. Еще удар. Руки хлещут не переставая, с каждым взмахом оставляя на лице, что в этот момент воплощает все мужские пороки, глубокие борозды, тут же заполняющиеся кровью.

Пьяная тварь еще не поняла, что теперь надолго лишится женского внимания, но это не имеет значения. С кончиков ногтей срываются алые капли, в сумеречном свете парка отливающие черным. Подернутые дымкой алкогольного дурмана, глаза противника в удивлении распахиваются. Но вот боль пробивается через завесу отупения, зрачки парня стремительно суживаются, рот раскрывается, а по ушам стегает надрывный визг. Схватившись за лицо, он падает на колени, оглашая воздух пронзительным воем. Сквозь пальцы обильно течет кровь, расходясь по белоснежной рубашке темной кляксой.

Разом протрезвев, парни ненадолго замирают, ошарашено глядя то на скорчившегося от боли товарища, то на бешеную фурию, на их лицах явственно читается борьба страха и жажды мщения. Но чувство самосохранения перевешивает, повернувшись, парни разом обращаясь в бегство.

Взглянув на мир, вместе с уходящей яростью стремительно теряющий багровый оттенок, Ольга с ужасом уставилась на лежащего у ног парня, перевела взгляд на себя, охнула: руки до локтей покрыты кровью, а платье забрызгано красным, словно она побывала на скотобойне.

Послышались голоса, донесся женский смех, на дорожке показалась группа молодежи. Не желая отвечать на вопросы, Ольга быстрым шагом двинулась в глубь парка, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Несмотря на вечер, до наступления темноты оставалось еще несколько часов, так что нечего было и думать идти по городу в таком виде.

Ушей коснулось едва слышное журчание. Двинувшись на звук, Ольга вышла к небольшому фонтану, погруженному в буйную зелень разросшегося вьюна. Вода оказалась очень кстати, как и отсутствие поблизости людей. Отмыв руки и лицо, Ольга поспешно сняла платье и долго оттирала ткань, стараясь не пропустить даже малейшего пятнышка.

Закончив, Ольга осторожно натянула платье. Мокрая ткань плотно облепила тело и приятно холодила. Порадовавшись, что на дворе лето, будучи проделанной осенью, подобная процедура принесла бы гораздо меньше удовольствия, она двинулась к выходу из парка, стараясь держаться дальше от людных мест.

В квартиру Ольга зашла, когда стало уже совсем темно. Чуть слышно щелкнул выключатель, под потолком загорелась затянутая паутиной желтая лампа. Вглядевшись в висящее на стене лопнувшее зеркало, Ольга покачала головой, из глубины стекла на нее взглянула растрепанная девушка с почерневшими от растекшейся туши глазами и испятнанной каплями запекшейся крови шей.

Пережитое вновь встало перед глазами, заставив поежиться. Столь сильная вспышка ярости, казавшейся естественной в парке, сейчас представлялась чем-то ужасным. Стараясь быстрее отделаться от неприятных воспоминаний, Ольга скользнула в ванну. Мокрое платье полетело в таз с грязным бельем, а тело с наслаждением нырнуло под холодные струи душа, смывающие грязь и дарящие сладостную прохладу.

Освежившись, девушка двинулась на кухню. Облепленный наклейками, старенький холодильник, как большой кот, мерно урчит в углу, навевая спокойствие. Ольга потянула за ручку. Недовольно чавкнув резиновыми прокладками, холодильник нехотя открылся. Глубокомысленно оглядев пустые полки, занятые лишь сиротливой баночкой засахарившегося варенья, да пакетиком с остатками молока, Ольга перевела взгляд на дверцу, где топорщились округлыми боками пяток недоеденных яиц.

Вскоре к равномерному гулу холодильника добавилось веселое шкворчание, а по квартире потек ароматный запах. Отключив плиту, Ольга передвинула тяжелую чугунную сковороду на доску, вооружилась ложкой и приступила к запоздалому ужину. Омлет закончился на удивление быстро, не помогла даже чайная ложка, выбранная специально, чтобы растянуть удовольствие. Вздохнув, Ольга отодвинула сковороду, встав из-за стола, замедленно подошла к окну, вглядываясь в наступающий сумрак.

За стеклом раскинулся город. Мягко моргают желтые огни далеких кварталов, через горбатый речной мост красноглазыми мурашками шныряют машины, а над прилегающей улице, озаряя мостовую зелеными всполохами, мерцает зеленая вывеска казино. Чувствуя, как на душе становится легко и свободно, Ольга распахнула окно, вдохнула полной грудью

свежий вечерний воздух. Кухня мгновенно наполнилась множеством запахов, а слуха коснулись тихие звуки: негромко гудя, по соседней улице прошла поливальная машина, невидимый в кустах, испуганно мявкнул потревоженный кот, на крыше, по соседству, сонно заворчали голуби.

Не закрывая окошко, Ольга потушила свет, прошла в комнатку, где, треплемые сквозняком, чуть заметно колышутся шторы. В таинственной полутьме волнующиеся полосы ткани кажутся воротами в сказочный мир. Улыбнувшись сравнению, Ольга вышла на миниатюрный балкончик, поджав ноги, присела на скатанный в рулон старый матрас. Тонкие металлические перила, ограждающие балкон, почти не загораживали обзор, откинувшись на стену, Ольга застыла, за созерцанием переливов ночных огней, незаметно погрузилась в раздумья.

Небольшая квартирка, что Ольга сняла сразу по приезду в город, располагалась в башенке старинного пятиэтажного дома, где, по словам хозяйки, пожилой чопорной женщины, никто не жил уже добрый десяток лет. За несколько дней непрерывной уборки Оля привела помещения в должный вид, избавившись от покрывающего все поверхности толстого слоя грязи, и разложив по шкафам груды загромождающих проходы старых вещей.

Особенно тяжело пришлось с балконом, куда, за долгие годы, нанесло килограммы грязи, что, удобренная птичьим пометом, образовала твердый конгломерат, не поддающийся ничему, кроме острой саперной лопатки, найденной тут же, в квартире. Сперва Ольга решила ограничиться уборкой в комнатах, но, выглянув однажды вечером на балкон, была настолько очарована открывшимся ночным видом города, что, буквально на следующий день, взялась за очистку грязевых наслоений.

Глядя, как девушка раз за разом перетаскивает к помойным бакам набитые мусором ведерки, гуляющие во дворе старушки лишь качали головами, а соседка с нижней квартиры, в чьи растущие на балконе цветы, в ходе уборки, то и дело сыпалась грязь, зло зыркала из окошка, да, время от времени, как бы случайно, норовила облить Ольгу водой.

Захваченные с собой деньги стремительно таяли, и, спустя неделю, когда в квартире можно было уже спокойно жить, не рискуя задохнуться в облаке пыли, или, запнувшись о разбросанный повсюду антиквариат, насмерть запутаться в паутине, свисающей с потолка рваными седыми космами, Ольга задумалась об устройстве на работу.

Прогуливаясь по городу в поисках подходящего места, она заглянула на базар. Сонное оцепенение полупустого рынка навевало тоску, и Ольга уже собралась уйти, когда к ней подскочил вихрастый парень, воскликнул с подъемом:

— Девушка, вы очаровательны, но ваша прическа...

Ольга с удивлением воззрилась на парня, спросила осторожно:

— А что с прической?

— Она растрепалась! — сделав большие глаза, парень схватился за голову.

Оля замедленно потянулась к сумочке, но, вспомнив, что расческа осталась дома, покачала головой, сказала:

— Очень любезно с вашей стороны, но...

Заметив ее движение, парень быстро произнес:

— И даже не думайте! У вас наверняка ужасная пластмассовая расческа, из этих, новомодных. — Он опасливо оглянулся, сказал, понизив голос: — Не пользуйтесь пластиком, от него выпадают волосы.

Мелькнула смутная догадка. Ольга поинтересовалась с тонкой улыбкой:

— Так что же мне теперь делать, оставаться растрепанной?

— Вопрос сложный. — Парень на мгновение задумался, но тут же просиял, воскликнул с подъемом: — Но выход есть! Как это не удивительно, у меня, совершенно случайно, с собой оказалась очаровательная расческа из молодой березы. Я бы с удовольствием отдал ее вам бесплатно, но, — он понурился, — понимаете, это подарок, а на новый у меня денег нет.

Ольга вздохнула, сказала, с притворной грустью:

— Что ж, значит мне суждено бродить остаток дня растрепанной.

Парень сделал отрицательный жест, сказал решительно:

— Нет, я не могу этого допустить, — на его лице обозначилось мучительное раздумье. Пошевелив складками на лбу, парень с достоинством произнес: — Решено, я отдам его вам за столько, за сколько взял, а сам сбегаю — куплю новый. Всего сто рублей, и вы станете обладателем замечательной расчески из экологически чистого материала.

Улыбаясь, Ольга отдала деньги, получив взамен украшенную резьбой расческу и очередную порцию комплиментов, неторопясь двинулась по рынку. Проходя мимо забитого безделушками лотка, Ольга замедлила шаг, взгляд остановился на россыпи разноцветных расчесок, выделив одну. Взглянув на ценник, а затем на зажатую в руке деревянную расческу, Оля расхохоталась. На ценнике, нарисованное синим маркером, красовалось число «пятьдесят».

Решение пришло мгновенно. Пройдясь по рынку в поисках подходящей вещи, Ольга остановилась возле одного из лотков, где, рассыпанные в беспорядке, в изобилии лежали блестящие карандаши, подняв глаза на продавца, мелкого загорелого мальчишку, спросила без интереса:

— Сколько?

Вернувшись ко входу на рынок, Ольга замедлила шаг, присматриваясь к покупателям. Вычленив взглядом из толпы одинокого мужчину, она набрала воздуха в грудь, шагнула навстречу со словами:

— Простите, но, судя по вашему виду...

Сперва торговля шла с переменным успехом, мешала неуверенность, к тому же конкуренты, несколько молодых человек, едва заметив девушку, норовили вмешаться, всеми силами отвлекая покупателей. Ольга злилась, порой, расстраивалась так, что, возвращаясь домой, бросалась ничком на диван, решая раз и на всегда закончить неблагоприятное занятие, но едва наступало утро, вновь шла на рынок.

Постепенно дело пошло успешнее. Ольга научилась с одного взгляда определять людей, к кому можно было обратиться, с большой вероятностью не получить отказ, в основном это оказывались одинокие мужчины зашедшие на рынок скоротать время. Появился постоянный поставщик карандашей. Петр сперва недоумевал, для чего симпатичная девушка, вместо того, чтобы сразу взять нужное количество, берет каждое утро понемногу, но постепенно привык, а после, узнав о появившейся на базаре шустрой продажнице, при встрече лишь улыбался, да качал головой.

Не все гладко оказалось лишь с конкурентами. Парни по-прежнему мешали, так что приходилось быть начеку, отслеживая уже знакомые лица и вовремя скрываясь в толпе при их приближении. Несколько раз на нее пытался выйти Шустрый, руководитель и организатор аналогичного «бизнеса» в масштабах местного рынка, но Ольга старательно избегала встреч, хотя и понимала, что рано или поздно разговор все же состоится.

Негромко хрустнул шифер, шумно вспорхнули потревоженные голуби. Ольга

вздрагнула, вернувшись к реальности, с испугом осмотрелась. Вновь хрустнуло, с крыши сорвались мелкие камушки, с шорохом устремились вниз. Вытянув голову, Ольга напряженно вгляделась в сгустившуюся тьму. На крыше, по соседству, протаяла тень, приблизилась, оформилась в невысокую фигуру.

Не понимая, кому приспичило бродить по крышам ночью, Ольга затаила дыхание, вглядываясь в приближающегося незнакомца. Напрямую с крыши попасть башенку было нельзя, но, тем не менее, ночной гость настораживал, заставляя чувства обостряться, а сердце биться сильнее.

Сухо чиркнуло, колеблющийся огонек осветил худое лицо. Глядя на темное пятно балкона, гость негромко произнес:

— Будем знакомы, я Шустрый.

Ольга несколько мгновений вглядывалась в бледное лицо, не зная как реагировать. Шустрый выследил ее, не поленившись залезть на крышу, чтобы поговорить, и теперь недвижимо стоял, выжидательно глядя в сторону балкона. Решившись, она неторопливо встала, оперевшись на перила, сухо поинтересовалась:

— Чем обязана визиту?

Парень с удовлетворением кивнул, отбросив догоревшую спичку, отчего вновь превратился в пугающую тень, произнес:

— В гости не напрашиваюсь, догадываюсь, каков будет ответ. Полагаю, о цели моего визита ты догадалась.

— А что ж так? — дерзко поинтересовалась Ольга. — Подходи — прыгай, коли сил хватит, тут всего ничего до балкона. А насчет визита, даже не знаю. Решил полюбоваться на ночной город за компанию?

Послышался шорох. Шустрый неторопливо опустился на корточки, замер. Ольга напряглась в ожидании резкого ответа, но парень вдруг сказал:

— Красиво здесь у тебя, а у меня из окна только мусорку и видно. — Он немного помолчал, поинтересовался: — Конкурентка, уж прости, не знаю твоего имени, почему ты избегаешь разговора? Последний раз, когда парни хотели передать тебе предложение поговорить...

— То едва не загнали меня насмерть, — едко перебила Ольга. — Или нынче так принято, перед романтической встречей гонять девушек по рынку?

Шустрый терпеливо произнес:

— Не прикидывайся душой, ты прекрасно знаешь, о чем я хотел поговорить. Да и парней, если честно, ты изрядно достала, уводя клиентов буквально из-под носа.

Ольга саркастически хмыкнула, произнесла тоненьким голоском:

— Ах, бедные. Плохая девочка увела единственного покупателя на базаре. Правда, ужасно?

Из темноты донесся вздох. Шустрый задумчиво произнес:

— Понять не могу, ты действительно такая безбашенная, или от страха чувство реальности потеряла? Думаешь, раз девушка, то получишь какое-то послабление?

И хотя внутри все сжималось от страха, Ольга насмешливо бросила:

— Так ты меня убить пришел?

Шустрый сдавленно чертыхнулся, пробурчал еле слышно:

— Черт бы тебя побрал, дура безмозглая... — Добавил громче, придав голосу убедительности: — Ты пойми, против тебя лично я ничего не имею, мне даже нравится, как ты работаешь, моим парням бы такую хватку. Будь я один, даже вопросов бы не возникло, но у нас организация.

— И что же? — напряженно поинтересовалась Оля.

— А то, — теряя терпение, ответил гость, — что здесь замешаны интересы десятков людей.

— Ого! А я думала вас от силы пяток.

С крыши донеслось рычание. Более не сдерживаясь, Шустрый прорычал:

— Или ты вливаешься в организацию, или мы тебя...

Ольга уже готова была согласиться, понимая, что долго не выдержит, конкурировать с организованной работой парней становилось день ото дня сложнее, а ей хотелось работать, а не воевать, но последний выпад Шустрого затронул в душе нечто, отчего слова соскочили с языка раньше, чем среагировал опасливый разум:

— Обойдусь без помощников!

Поняв, что поторопилась, Ольга уже открыла рот, чтобы объясниться, но Шустрый с грохотом вскочил, воскликнул зло:

— Я думал, мы придем к взаимовыгодному соглашению, но, похоже, с тупыми бабами нужно говорить по-другому. — Развернувшись на пятках, он зашагал по крыше, и через мгновение исчез в провале чердачного окна.

Чувствуя, как внутри все застыло, Оля с трудом оторвалась от перил, на ватных ногах прошла в комнату, замедленно присела в кресло. Разговор закончился, оставив гадостное ощущение обреченности. Скорее всего, Шустрый припугнул просто для остротки, выплеснув негодование. Но почему так тревожно внутри? Словно этот парень действительно обладает каким-то весом, чтобы разбрасываться подобными угрозами.

Ольга припомнила все, что мельком слышала на рынке о «организации» Шустрого, но, кроме туманных слухов и пары случаев драк с конкурентами, в голову ничего не пришло. Немного упокоившись, она двинулась на кухню. Включив свет, подошла к умывальнику, где, ожидая своей очереди, ждала горка грязной посуды. Взгляд наткнулся на баночку с остатками кофе.

Когда небольшой старинный чайничек протяжно засвистел, вычищенная до блеска посуда уже сохла на полочке. Выключив плиту, Оля высыпала в стакан остатки кофе, плеснула кипятка, и, не дожидаясь, пока напиток настоится, тут же отхлебнула. Горячая жидкость растеклась по языку, обжигающей струйкой устремилась в желудок, бодря и возвращая к жизни.

Настроение постепенно выравнилось. Угроза уже не казалась столь страшной, а решение необратимым. Поразмыслив, Ольга решила, что в где-то Шустрый безусловно прав, о чем ему необходимо намекнуть в ближайшее время, пока... как он сказал, с «тубой бабой», не поступили соответствующим образом.

Едва лучи восходящего солнца коснулись постели, Ольга открыла глаза. Происшествия вчерашнего дня подернулись дымкой и воспринимались как нечто обыденное. Широко зевнув, так что в челюстях негромко хрустнуло, Оля поднялась, прошла ванную, открыв кран с горячей водой, не глядя, ополоснула лицо и руки, а когда подняла голову, едва не вскрикнула от ужаса. С помутневшего от известковых отложений зеркала на нее взглянуло испятнанное темно-коричневым лицо.

Опустив глаза, Ольга чертыхнулась, из крана текла темная струя ржавой воды, собираясь на дне ванны в серую массу, поспешно открутила другую ручку. Ледяная струя ударила, смывая грязь, заискрилась облачком холодных брызг. Оля шагнула в ванную, собравшись с духом, присела, ныряя под струю, словно в прорубь. Спину обожгло холодом. Тело дернулось, пытаясь ускользнуть от мучений, но, стиснув зубы, Ольга заставила себя выдержать минуту, вслух отсчитывая секунды.

На последних мгновениях, когда спина почти превратилась в ледяной панцирь, она выбралась из ванной, трясущимися руками сдернула с вешалки полотенце, с силой растерлась, разгоняя кровь по сосудам. Чувствуя себя обновленной, Ольга направилась в кухню. Рука привычным движением потянулась к плите, но, взявшись за ручку, замерла.

Последние крошки кофе закончились вчера вечером, а опустевшая коробочка из-под чая улетела в мусорку еще на прошлой неделе. Пожав плечами, Ольга плеснула воды из чайничка, несколькими глотками утолила жажду, и начала собираться.

День складывался на удивление удачно. Покупатели, как на подбор, одинокие мужчины, выслушивали слезливую историю, понимающе кивали, и... покупали карандаши, так что до обеда пришлось дважды обращаться к Петру за дополнительной партией. Куда-то исчезли конкуренты, и, пользуясь случаем, Ольга не останавливалась ни на минуту. Ощувив вдохновение, она обращалась уже не только к одиноким мужчинам, но и попавшим на глаза парочкам, преподнося легенду настолько ярко и убедительно, что, даже девушки, сперва глядящие с подозрением, под конец рассказа проникались сочувствием, и незаметно пихали своих парней локтями, помогая принять решение.

Ближе к вечеру, когда народу на рынке стало меньше, а очередная партия карандашей подошла к концу, Ольга вздохнула с облегчением. Копившаяся весь день усталость дала о себе знать, голос охрип, голова слегка кружилась, а в ушах застучали незримые молоточки. Вскоре подал голос желудок, заурчав так, что шарахнулась пробегающая мимо собачонка, властно потребовал внимания.

Отыскивая продавцов съестного, Ольга завертела головой, завидев вдалеке беляшную, заспешила к спасительному ларьку. Когда рот наполнился горячим соком, а желудок принял первую порцию прожаренного мяса, сразу стало значительно легче. Отойдя в укромный уголок, Ольга пересчитала выручку. От конечной суммы закружилась голова. Будь каждый день таким, или, хотя бы пару раз в неделю...

Ольга тряхнула головой, останавливая разошедшуюся фантазию, покосилась на висящие у входа на рынок часы. Большая стрелка замерла на отметке «пять». Дожевав беляш, Ольга двинулась к выходу, рассчитывая обратный маршрут таким образом, чтобы посетить как можно большее количество магазинов, ведь кроме пустого холодильника существовало множество не менее насущных нужд.

Увешанная пакетами, словно новогодняя елка игрушками, Ольга неторопясь подошла к дому. В глаза бросилась стоящая напротив подъезда милицейская машина. Покосившись на милиционеров, сидящих в салоне с отстраненным выражением лиц, Оля прошла в подъезд, гадая, к кому, и по какому поводу, приехала милиция.

Покупки оттягивали руки, и, прежде чем попасть в квартиру, пришлось сгрузить пакеты на пол. Пока Ольга рылась в сумочке, отыскивая затерявшийся ключ, в подъезд кто-то вошел. Донеслась быстрая поступь множества ног. Задумавшись, Оля не обратила внимания, вздрогнув от неожиданности, когда по ушам резанул жесткий голос:

— Не двигаться, сейчас у вас будет произведен обыск!

Испуганно оглянувшись, Ольга обнаружила хмурых мужчин в форме, вгляделась, узнала виденные только что лица. Больше удивленная, чем напуганная, она пожала плечами, сказала осторожно:

— Пожалуйста. Только... я недавно снимаю эту квартиру и вполне возможно...

Оборвав ее на полуслове, один из мужчин жестко произнес:

— Нам поступила точная информация, что вы прячете украденные драгоценности. Будьте добры, заходите, и не мешайте работе.

Недоумевая, о каких драгоценностях может идти речь, ведь, кроме груды старинного хлама, в заброшенной квартире ничего не было, Ольга замедленно прошла внутрь.

Послышался брзжащий женский голос, зашаркали шаги, в квартиру, вслед за

милиционерами, вошла соседка с нижнего этажа, злорадно взглянув на Ольгу, присела на покосившийся стул. Следом за ней вдвинулся молчаливый пожилой мужчина, Ольга часто видала, как он прогуливается вечерами с маленькой лохматой собачкой, застыл у входа.

Милиционеры приступили к работе. Глядя, как они деловито открывают шкафы, заглядывают за ковер, копаются в ящиках с бельем, Ольга никак не могла поверить в реальность происходящего. Казалось, что это какой-то розыгрыш, что сейчас эти суровые люди разом рассмеются, воскликнут — Шутка! — и, извинившись за причиненные неудобства, уйдут. Но минуты текли, обыск продолжался, а милиционеры не спешили уходить.

На полу уже громоздился ворох белья, когда один из мужчин с радостным возгласом вытащил из кучи старых коробок небольшую шкатулку, подойдя к столу, открыл, осторожно высыпал содержимое. Ольга во все глаза смотрела, как на белой скатерти, образовалась горка сокровищ: блестя и переливаясь, засверкали полупрозрачные камни ожерелий, янтарными каплями застыли золотые украшения, суровыми ликами уставились тяжелые кругляши почерневших монет.

Соседка издала вопль восторга, и метнула на Ольгу уничтожающий взгляд, пожилой мужчина покачал головой, а один из милиционеров, по всей видимости, старший, затвердев лицом, строго произнес:

— Вам придется поехать с нами.

— Но я... — Ольга потеряно взглянула на соседей, но, наткнувшись на осуждающие лица, осеклась.

Что-то подсказывало, что спорить и доказывать бесполезно. Глядя, как милиционер складывает сокровища обратно в коробочку, соседка с негодованием воскликнула:

— Это просто ужасно! Такая молодая, а уже воровка.

Пожилой сосед покачал головой, сказал негромко:

— А вы уверены, что она действительно виновата?

Соседка насмешливо бросила:

— Вам мало того, что увидели, или не доверяете собственным глазам?

Словно по команде, милиционеры засобирались, застучали ботинками, один за другим покидая квартиру. За ними вышли и соседи. Глядя на задержавшегося милиционера, что поджидал у входа, Ольга прошептала:

— Но ведь вы знаете, что я не виновна.

Мужчина нахмурился, сказал сурово:

— Пока ничего не могу сказать. Но я обязан доставить вас в отделение. Пожалуйста, поспешите.

Стремительно сменяя одна другую, мысли неслись, не позволяя сосредоточиться. Оля растеряно оглянулась, не зная, что делать. Взгляд упал на лежащие у стены пакеты. Спohватившись, она быстро забросила продукты в холодильник, на всякий случай проверила, выключена ли плита, и, подхватив сумочку, вышла в коридор.

Окинув девушку взглядом, милиционер сделал приглашающий жест, молча вышел в подъезд. Ольга двинулась следом. Тщательно заперев квартиру, она спустилась по лестнице, чувствуя, как через дверные глазки с интересом наблюдают соседи.

Когда она вышла, милицейская машина уже стояла возле подъезда с раскрытыми дверями. Ольга на мгновение замерла, окинув взглядом двор. С лавки на нее молча смотрели старушки, а с балконов, будто заранее предупрежденные, выглядывали соседи. Вздохнув, Оля

села в машину. Милиционер, что до того с отстраненным видом стоял возле, сразу же сел рядом, захлопнув за собой дверь.

Машина резко тронулась, пошла быстрее. Ольга опустила глаза, но, повинувшись наитию, тут же вновь подняла, изумленно вздрогнула. Неподалеку, провожая машину взглядом, стоял Шустрый. Поймав взгляд девушки, он насмешливо улыбнулся, махнул на прощание рукой, и скрылся в зарослях кустарника.

В отделении милиции царило оживление. В кабинет, где сидела Ольга, ожидая, пока пожилой следователь уделит ей внимание, то и дело заскакивали люди, о чем-то докладывали, требовали, ругались. От непрерывного шума и суеты Оля впала в легкий ступор, так что не сразу услышала вопрос, лишь, когда следователь, повысив голос, повторил, опомнилась, подседа ближе на указанный стул.

Следователь некоторое время изучал лежащий на столе покрытый мелким подчерком лист, наконец, подняв голову, произнес:

— Не успела приехать в город, а уже такая неприятность.

Ольга развела руками, сказала потеряно:

— Я даже не знаю, как это попало ко мне в квартиру.

Следователь покачал головой, сказал насмешливо:

— Конечно. Так всегда бывает. Живешь себе, ничем таким не занимаешься, и в один прекрасный момент — оп, в шкафу полная драгоценностей шкатулка! — Он перегнулся через стол, отечески потрепал Ольгу по плечу, сказал примирительно: — Ну, это ничего, ничего. Понятное дело, молодость, жажда жизни, тысячи желаний... Как не позариться на чужое. Тем более, такие драгоценности. Что там, в протоколе, написали?.. Золота и драгоценных камней на сумму... М-да.

Скрипнула дверь, в комнату заглянул молоденький милиционер, но следователь так зыркнул на пришельца, что тот, ойкнув, мгновенно исчез.

Глядя на следователя, что, нахмурившись, вновь уставился на листочек, Ольга осторожно спросила:

— И... что теперь делать?

Следователь пожал плечами, сказал замедленно:

— А ничего особенного. Посидишь немного, подумаешь. Может, что и поймешь.

Ольга улыбнулась, сказала с облегчением:

— Благодарю, я знала что вы... — От мелькнувшей жуткой мысли перехватило дыхание.

С трудом сглотнув, Ольга прошептала враз охрипшим голосом: — Что значит посижу, где?

Следователь с вялым любопытством понаблюдал за сменой чувств на ее лице, произнес снисходительно:

— Известно где, в тюрьме.

В дверь сдержано постучали. Чертыхнувшись, следователь рявкнул зло:

— Какого черта? Дадут мне сегодня... — он поперхнулся на полуслове.

Дверь распахнулась, на пороге, одетый в строгий деловой костюм, возник высокий мужчина. Шагнув в кабинет, он мягким движением затворил за собой дверь, произнес насмешливо:

— Стареешь, Петрович. Нервишки сдают.

Следователь расплылся в улыбке, его движения стали суетливыми. Подскочив, он протянул руку мужчине, чуть согнувшись, промямлил:

— Здравствуйте, Василий Федорович. Вот уж не ждал... Да, видите, все дела, дела. Сутками на работе, продохнуть не дают.

Пожимая протянутую руку, гость гадливо поморщился, словно прикоснулся к чему-то омерзительному, покосившись на Ольгу, спросил:

— А это у тебя кто, новая подопечная?

— Да, мелочевка, — следователь отмахнулся. — Привели тут... У одной известной персоны золотишко увела. У Веселкина, вы же его знаете... Нашли при обыске.

Мужчина покивал, сказал насмешливо:

— Веселкину полезно, совсем страх потерял. — И уже совсем другим голосом поинтересовался: — Как продвигаются дела с набором?

Следователь мелко затряс головой, ответил испуганно:

— Так всего месяц прошел, где ж я...

— Медленно работаешь, Петрович, — в тоне гостя послышались угрожающие нотки. — Принеси списки, взгляну.

Ольга с удивлением наблюдала, как у следователя задрожали губы, точно побитая собака он метнулся к двери, промямлив:

— Я сейчас, сейчас... принесу.

Хлопнула дверь, стихли шаги.

Гость прошелся по кабинету, усевшись на место следователя, без интереса мазнул взглядом по забытому на столе листочку, поднял глаза на девушку. Ощущая в душе трепет, Ольга выдержала взгляд. Мужчина хмыкнул, спросил заинтересованно:

— Как золотишко взяла? Веселкин, конечно, мужик говнистый, но за подобное по головке не погладят.

Ольга честно призналась:

— Я не брала. Мне подбросили, и... даже догадываюсь кто.

— Правильно, — мужчина кивнул, — так и надо говорить, — знать не знаю, ведать не ведаю. Только, — он вновь опустил взгляд к листочку, — тут написано, что золото изъяли при свидетелях, а это статья. Не боишься?

Оля опустила голову, произнесла чуть слышно:

— Боюсь. Но, что делать? Как доказать?

Собеседник побарабанил пальцами по столу, спросил невпопад:

— Спортом занимаешься?

Не ожидав вопроса, Ольга на мгновение смешалась, но, собравшись с силами, ответила:

— Сейчас нет, но до недавнего времени занималась легкой атлетикой.

— Успешно? — во взгляде мужчины протаяла заинтересованность.

Ольга пожала плечами:

— Выступала на соревнованиях за сборную института.

Хлопнула дверь, в кабинете, распространяя запах подбострастия и пота, возник следователь. Увидев гостя на своем месте, всплеснул руками, сказал со смешком:

— А вам, Василий Федорович идет. Не хотите сменить стезю?

Мужчина встал, взял из рук следователя пухлую папку, сказал:

— Я тороплюсь. Почитаю дома, завтра с утра заброшу. — Он взялся за ручку двери, оглянувшись на Ольгу, сказал в раздумии: — А насчет девчонки пока ничего не решай. Возможно, она мне пригодится.

Глядя в спину гостя, следователь возопил:

— Василий Федорович, но ведь она главный подозреваемый! Как я...

— Уж постарайся как-нибудь, — холодно бросил мужчина, и, не прощаясь, вышел в коридор.

Следователь опустился на кресло, его грудь ходила ходуном, а лоб покрылся испариной,

словно он только что совершил небольшой забег. Отдышавшись, следователь промокнул лоб платочком, взглянув на Ольгу, поинтересовался:

— Василий Фе... он что-нибудь говорил в мое отсутствие?

Ольга на секунду задумалась, но тут же нашлась, произнесла с улыбкой:

— Сказал, что тяжелая у вас работа. Устаете сильно.

От удивления следователь опешил, несколько мгновений смотрел на девушку застывшим взглядом, затем расплылся в улыбке, произнес кротким голосом:

— Что верно — то верно. — Помолчав, он вновь уткнулся в листок, пробежавшись взглядом по строчкам, со вздохом произнес: — Ну, а теперь займемся тобой.

* * *

Комната предварительного заключения, куда ее поместили «до выяснения», как объяснил следователь, оказалась битком набита народом. Осторожно пробравшись вдоль стеночки, Ольга присела на свободное место в дальнем углу, опасливо огляделась. Вдоль мрачных, исписанных стен, во множестве сидят женщины, от молодых до совсем дряхлых, озабоченные лица, негромкие разговоры, неподалеку, одетая в черное, покачиваясь, словно в трансе, молодая девушка смотрит в стену застывшим взглядом, рядом нервно озирается пожилая женщина, вздрагивая от малейшего шума, в дальнем углу закатываются от смеха две девушки, похожие, как две капли воды, но в смехе чувствуется фальшь, а бросаемые на соседок взгляды полны настороженности.

Над ухом тяжело вздохнуло. Ольга перевела взгляд. Рядом, скорчившись в неудобной позе, застыла молодая девушка, губы припухли, под глазами потеки туши. Заметив, что на нее смотрят, девушка подобралась, спросила опасливо:

— Что-то не так?

Ольга через силу улыбнулась, ответила:

— У тебя макияж поплыл.

Та кивнула, пробормотала чуть слышно:

— Знаю. Но это все мелочи.

Оля покачала головой, спросила, настраивая себя на дружелюбный лад:

— А не мелочи?

— Мыться негде, — пожаловалась собеседница. — Почти сутки тут, сил уже нет, так все чешется.

Ольга уже открыла рот для следующего вопроса, когда в плечо больно кольнуло. Дернувшись, Оля задрала рукав и ахнула, на коже, медленно раздуваясь, сидело нечто мелкое, полупрозрачное, отвратительное на вид. Глаза еще толком не успели разобраться, когда рука стремительно метнулась, точным движением размазав паразита по коже.

Глядя на ошарашенную Ольгу, девушка кивнула, произнесла трагичным тоном:

— Вот-вот, об этом я и хотела сказать, только они опередили.

— Кто? — Оля сглотнула.

— Клопы.

Зазудело сразу в нескольких местах. Ольга завозилась, нервно почесываясь. Случайно оглянувшись на стену, ахнула, по грязной бесцветной поверхности в изобилии двигались мелкие точки. Подскочив, точно ужаленная, Оля произвольно вскрикнула. Разговоры на

мгновение стихли, лица разом повернулись в ее сторону, но, заметив, куда именно смотрит новенькая, без интереса отвернулись, лишь одна женщина, с головы до ног закутанная в ватное одеяло, хрипло произнесла:

— Уймись, заполошная. Чай клопов не видала?

Отпрыгнув едва не на середину комнаты, Ольга воскликнула:

— Да как вы тут вообще можете находиться?

Смеющиеся девушки-близняшки на мгновение замолчали, одна произнесла тонким голосом:

— Бедняжка, видать первый раз в КПЗ.

— И думает, что клопы самое плохое, — добавила в тон вторая.

Девушки вновь повернулись друг к другу, в голос захохотали. Ольга вернулась к своему месту. После тяжелого дня ноги основательно гудели, но при взгляде на клопов накатывало такое омерзение, что хотелось бежать к выходу и долбиться в дверь с требованием немедленно выпустить ее из этого ада.

Решившись, Ольга подошла к двери, осторожно постучала. Звук оказался настолько тих, что она сама расслышала с трудом. Разозлившись на себя, Оля загрохотала кулаками, привлекая внимание охраны. Некоторое время никто не отвечал, затем послышались шаркающие шаги. С противным скрежетом отъехала заслонка, обнажив небольшое оконце, на Ольгу взглянули сонные глаза.

— Чего надо? — голос милиционера казался недовольным, словно его оторвали от дел.

Стараясь говорить спокойно, Оля произнесла:

— Вы вообще в курсе, что здесь клопы?

Глаза некоторое время с удивлением рассматривали девушку, после чего из-за двери донеслось задумчивое:

— Что дальше?

Ольга задохнулась от негодования, воскликнула:

— Как что? Здесь же находятся люди, женщины! Вы что не понимаете?

Глаза сонно мигнули, голос спросил с явными нотками раздражения:

— Тебе что надо-то?

— Немедленно предоставьте человеческие условия...

Охранник прервал насмешливо:

— Ты видно забыла, где находишься, и по какому поводу.

Ольга пыталась еще что-то сказать, но милиционер оборвал, рывкнул зло:

— Еще раз постучишь без особой необходимости, не поленюсь, объясню доступно, кто ты есть и какие имеешь права.

Звякнув, заслонка вернулась на место. Ошарашенная, Оля повернулась, наткнувшись на заинтересованные взгляды сокамерниц. Одна из женщин, похабного вида с огромным синяком под глазом, задумчиво произнесла:

— Надо же, находятся люди, что еще чего-то требуют...

Ольга взглянула хмуро, поинтересовалась:

— Вас это устраивает?

Женщина сказала со вздохом:

— Все познается в сравнении. А с этими, — она кивнула в сторону двери, — бесполезно говорить. Только хуже сделаешь.

Оля обвела взглядом грязное помещение, спросила печально:

— Куда хуже?

Собеседница пожала плечами, ответила:

— Когда отобьют почки и начнешь мочиться кровью, станет понятнее.

Ночь прошла в мучениях. Несмотря на сильнейшее желание спать, Ольга не могла найти себе места. Стоило лишь ненадолго присесть, как оголодавшие клопы нападали стайей, вгрызаясь во все открытые места, а через некоторое время пробирались и в закрытые. Казалось, время остановилось. Вновь и вновь меряя шагами камеру, Оля лихорадочно размышляла. Произошедшее казалось странной случайностью, глупым розыгрышем, что обязательно разъяснится, и ее сразу же выпустят.

Утро не принесло облегчения. Небольшое, забранное решеткой оконце под сводом камеры посветлело, но за дверью еще долго стояла тишина, казалось, прошла целая вечность, прежде чем в скважине повернулся ключ. Но чуда не произошло. Вместо долгожданной свободы в камеру втолкнули очередную девушку, а через полчаса еще двух. Затем нескольких вызвали. В конце концов, измученная, Ольга сбилась со счета, впав в оцепенение, где, в тягостной черноте, слышались тихие перешептывания, да время от времени лязгала невидимая дверь.

Когда, в очередной раз раздался скрип замка, Оля не обратила внимания, только смутно удивилась, что долго не затворяют дверь, и лишь когда ее с силой трянуло, подняла голову, непонимающе уставилась на мужчину в форме.

— Дементьева, на выход! — нахмурившись, милиционер смотрел ей в лицо. — Ты накурилась что ли? Давай, вставай.

Плохо соображая, что нужно делать, Ольга встала, на негнущихся ногах двинулась к выходу. Посмеиваясь, милиционер пошел следом, время от времени указывая, куда именно поворачивать. Когда тесный коридор закончился, Оля вздохнула свободнее, а едва за спиной захлопнулась дверь, отгораживая от тесных помещений участка, ощутила, как пьянящей волной в легкие вливается свежий уличный воздух, после спертой вони душной клетушки показавшийся божественным.

Сопровождающий милиционер осмотрелся, кивнул в направлении стоянки, откуда как раз вырливалась черная иномарка с тонированными стеклами, сказал со смешком:

— А вот и спаситель.

Ольга тупо смотрела на машину, что уже заворачивала к крыльцу, спросила замедленно:

— Спаситель?..

— Он самый, — хмыкнул сопровождающий. Глядя, как опустилось окошечко на передней дверце, пробормотал: — Ладно, считай, передал с рук на руки. — Взглянув на Ольгу, добавил: — Надумаешь еще попасться, предупреди заранее, чтобы мы, ха-ха, успели клопов вытравить, — сделав ручкой, милиционер исчез за дверью.

Пытаясь собраться с мыслями, Оля сошла с крыльца, всмотрелась в сидящего за рулем мужчину. Лицо показалось смутно знакомым, но точно определить мешали темные очки, к тому же сказала проведенная на ногах бессонная ночь, мысли путались, разбегались, при малейшем напряжении в висках неприятно покалывало.

Мужчина некоторое время сидел неподвижно, затем повернул голову, и снял очки. На Ольгу взглянуло волевое лицо давешнего гостя следователя. Окинув девушку взглядом, мужчина бросил:

— Неважно выглядишь.

— Клоповник — сокрушенно пробормотала Оля.

Собеседник еще несколько мгновение вглядывался в ее лицо, затем мотнул головой, приглашая в машину. Ольга поспешно обошла автомобиль, распахнула дверцу. Удобное кресло мягко приняло тело, а рука потянулась к ремню безопасности.

Заметив движение, мужчина небрежно бросил:

— Оставь, этого не требуется.

Чуть слышно взревел мотор, машина мягко сдвинулась, поплыла, унося пассажиров от серого здания отделения милиции. Глядя на проносящиеся за окном дома, Оля вспомнила тряские дороги родного города, серый микроавтобус, утомленные лица подруг. Воспоминание вернуло к реальности. Повернувшись к хозяину машины, Оля осторожно поинтересовалась:

— Как понимаю, услуга оказана не проста. Что я должна сделать?

Василий Федорович взглянул с уважением, ответил:

— Молодец, все понимаешь. В нашем мире просто так не помогают даже близким. — Некоторое время ехали молча, затем он продолжил: — Сперва думал отделаться красивой сказкой, но что-то подсказывает, что ты девка тертая, поэтому объясню без обиняков, тем более, — он нехорошо улыбнулся, — что дело пока не закрыто и вернуться в клоповник — пара пустяков.

При воспоминании о комнате предварительного заключения, Ольгу передернуло.

Нахмурившись, она сухо произнесла:

— С нетерпением жду рассказа.

Мужчина улыбнулся шире, сказал примирительно:

— Не ершись. Это я для профилактики напомнил, а то, знаешь, у многих память чересчур коротка. — Он свернул с оживленного проспекта на одну из прилегающих улочек, сбросил скорость, чтобы случайно не задеть машины, в беспорядке припаркованные вдоль тротуара, сказал негромко: — Я занимаюсь набором девушек...

Не сдержавшись, Ольга насмешливо хмыкнула, произнесла чуть слышно:

— Не сложно догадаться.

Спутник неодобрительно покосился, сказал сдержанно:

— Плохая привычка перебивать старших. Так вот, я занимаюсь набором девушек с хорошими внешними данными, гибким умом и... отличной физической подготовкой. — Заметив брошенный Ольгой удивленный взгляд, он усмехнулся, продолжил: — На мой взгляд, ты обладаешь всем вышеперечисленным. Разве что немного мелковата, но это не проблема, скорее даже плюс.

Улочка незаметно кончилась, за окном замелькали мелкие домишки пригорода. Глядя на растущие за оградами усыпанные спелыми яблоками деревья, Ольга поинтересовалась:

— И в чем соль?

Василий Федорович вновь кивнул, произнес со смешком:

— С каждой минутой все больше убеждаюсь, что не ошибся с выбором. Девушки отбывают в специальное место, где проходят... — он побарабанил пальцем по рулю, подыскивая уместное сравнение, — скажем так, определенную подготовку, которая позволяет им впоследствии устроиться на весьма достойную работу.

Ольга покачала головой, поинтересовалась шутливо:

— Приятная внешность, физические данные... Вы готовите наемных убийц?

Но улыбка погасла на ее губах, когда собеседник очень серьезно ответил:

— Не совсем точно, но близко. Большого не скажу, сама понимаешь. И так разболтался не в меру, что, надо сказать, идет тебе в зачет — вызываешь у людей доверие.

Ольга растеряно смотрела на спутника, не решаясь поверить в услышанное. Собравшись с мыслями, она медленно произнесла:

— Насколько понимаю, выбора у меня нет: либо к вам, либо к ним, — она мотнула головой, указывая на оставшееся где-то далеко позади отделение милиции. — И... сколько у меня времени на размышления?

— Пять минут, — Василий Федорович кивнул на встроенный в панель приборов циферблат. — Примерно столько осталось до места, откуда ты двинешься уже без меня... Конечно, если примешь соответствующее решение.

Ольга всплеснула руками, воскликнула:

— Но у меня в городе остались дела! К тому же квартира...

Мужчина тряхнул головой, прорычал, теряя терпение:

— Ты, видно, не совсем понимаешь обстановку. Мужик, у которого ты взяла золото... — заметив, как страдальчески сморщилось лицо девушки, поправился, — хорошо, мужик, чье золото тебе подкинули, похлопочет, чтобы тебе вкатили максимальный срок, и, будь уверена, добьется этого без особых сложностей. Ко всему прочему, ждать суда тебе придется в кишашим клопами КПЗ или еще где похуже.

Жестокие слова хозяина машины били, словно молоты, обрекая на забвение

выстроенные с великой тщательностью планы, и разрушая в пыль надежду на счастливую жизнь.

Последние домишки остались позади. Стеной надвинулся лес, дорога пошла петлять среди деревьев, словно убегающий от хищника заяц. То и дело попадались глубокие, заросшие тиной лужи, откуда, заслышав шум приближающейся машины, врассыпную прыгали мелкие зеленые лягушки.

В просвете деревьев мелькнуло желтое, а через несколько мгновений впереди показался свежесрубленный деревянный дом: стены чернеют пустыми глазницами окон, из трубы не идет дымок, лишь у стены, сложив руки на груди, стоит мужчина, внимательно глядя на приближающуюся машину.

Хозяин машины заглушил мотор, отворив дверь, бросил:

— Жди здесь.

Ольга без интереса смотрела, как мужчины пожали друг другу руки, неспешно пошли, о чем-то оживленно беседуя, перевела взгляд, только сейчас заметив, что, неподалеку, скрытая в подлеске, стоит большая грузовая машина, за густой листвой не различить обводов. В ожидании, Оля закрыла глаза, незаметно для себя провалившись в сон.

— Просыпайся, — суровый голос выдернул из сладостной дремы.

Ольга открыла глаза, скачком вернувшись из мира грез в реальность, и едва не застонала, вспомнив свое положение. Распахнув двери, ее спутник терпеливо ждал.

Выбравшись из машины, Ольга поинтересовалась:

— Что теперь?

— Что ты решила? — вопросом на вопрос ответил мужчина.

Оля развела руками, сказала со смешанным чувством:

— Похоже, у меня нет особого выбора. Я принимаю предложение.

Ни сколько не удивившись, собеседник сказал:

— Хорошо. Дальнейшие инструкции получишь у Игната, — кивок в сторону замершего неподалеку мужчины. — А теперь последнее. Надеюсь, ты понимаешь — любое решение подразумевает ответственность, как за само решение, так и за последствия.

Оля кивнула, спросила с удивлением:

— Я понимаю. Только... к чему это?

Собеседник произнес с нажимом:

— К тому, что здесь, как нигде, работает это правило. Не вздумай пойти на попятную, иначе...

— Иначе... — эхом откликнулась Ольга.

— Не буду тебя пугать, но иначе выбора уже не будет.

Хлопнула дверца, под колесами захрустели мелкие камушки, сверкнув блестящими боками, машина развернулась, и вскоре лишь оседающее облачко пыли указывало, что по лесной дороге недавно кто-то проехал.

Оля перевела взгляд на мужчину, неуверенно шагнула навстречу, поинтересовалась:

— Что теперь?

Тот оторвал взгляд от ее фигуры, сказал с сомнением:

— Что-то больно мелкая. Видать, совсем туго с набором, — сплюнув, махнул рукой, приглашая за собой, пошел вразвалочку.

Ольга двинулась следом. Игнат не внушал опасности, всей фигурой напоминая деревенского увальня, он и двигался соответствующим образом. Дойдя до стоящей в кустах

машины, парень обернулся, сказал, указывая на кузов:

— Стукни там, сзади, откроют, — после чего неторопливо забрался в кабину.

Но, прежде, чем дверь захлопнулась, Оля успела перехватить острый взгляд сидящего в кабине мужчины. Несмотря на то, что взгляд длился всего мгновение, Ольга почувствовала, как кольнуло сердце. Списав ощущение на расстроенные последними событиями нервы, она неспеша обошла машину, поглядывая на мутные окошечки, прорезанные в сплошной поверхности кузова.

Позади, встроенная в кузов, обнаружилась дверь. Едва Ольга протянула руку, как негромко щелкнуло, дверь беззвучно отворилась, в проеме возникло миловидное женское личико, холодные голубые глаза взглянули пристально.

— Заходи.

Оперевшись на железную ступеньку, Ольга легко заскочила внутрь, захлопнула за собой дверь, и почти сразу же рявкнул мотор, дернувшись, машина сдвинулась с места. Оля осмотрелась. Внутри фургон представлял собой небольшое помещение с железной печкой в углу и невысокими лавками-скамьями вдоль стен, на которых, покачиваясь в такт рывкам машины, виднелись смутные тени.

Замазанные грязью окошки пропускали слишком мало света, так что Ольга сперва не поняла, а когда глаза привыкли к темноте, вздрогнула, на нее изучающее смотрели десятки глаз.

На скамейках, скорчившись в неудобном положении, плечом к плечу сидели девушки. Ольга насчитала десять человек, когда та, что открыла дверь, невысокая, плотно сложенная девушка с пронзительными голубыми глазами негромко произнесла:

— Присаживайся, в ногах правды нет.

Ольга развела руки, сказала, окинув взглядом тесную коробку кузова:

— Я бы рада, но пока не вижу места.

Девушка пожалала плечами, сказала ровно:

— И не увидишь, пока не подсуетишься. Если же думаешь отстояться — не советую, ехать долго.

Оля прошла в дальний конец, при ее приближении девушки немного сдвинулись, освобождая место, поблагодарив кивком, втиснулась в уголок, замерла. Попутчицы с интересом покосились, одна, крупная девушка с тяжелой грудью и презрительным выражением на лице, поинтересовалась:

— Ну, рассказывай. За какие достижения нынче собирают таких задохликов.

— Папу не слушалась, — не поворачивая головы, процедила Ольга.

Рядом хихикнула девчушка. Невысокая, одетая в длинное цветастое платье, она выделялась на фоне остальных приветливым лицом и пытливым взглядом карих глаз. С улыбкой глядя на Ольгу, девчушка произнесла:

— Так ей! А то уже плешь всем проела. Думает, если грудь крупная, так остальные уже и не люди.

— Конечно не люди, — пожалала плечами крупная, — у настоящей женщины есть три достоинства: длинные ноги, большая грудь и густые волосы.

— А если чего-то не хватает? — насмешливо поинтересовалась Ольга.

— Тогда это не женщина, вернее, недоженщина, — крупная с гордостью расправила плечи, демонстрируя выпуклости тяжелой груди.

Сидящая напротив, наголо бритая деваха в кожаном костюме и тяжелых берцах недобро произнесла:

— И откуда такие суки берутся? — Добавила, обращаясь к остальным: — Может попинать ее немного, для ума?

Переводя тему в интересующее русло, Ольга осторожно произнесла:

— Мне сказали, что поездка будет легкой, а отдых приятным, но, судя по тому, что я вижу...

Одна из девушек покачала головой, спросила поражено:

— Ты считаешь, что едешь на отдых?

— Да что ты в самом деле, — перебила другая. — Тут половина не понимает куда, а главное, для чего они едут.

К разговору подключились остальные. За общим шумом стало сложно понять, что говорит каждая, но Ольга внимательно прислушивалась, выхватывая отдельные слова, а то и целые фразы, одновременно, она вглядывалась в лица, силясь понять, с кем свел случай. Хмурые и веселые, задумчивые и простые девушки живо обменивались мнениями, за исключением одной, той, что впустила Ольгу внутрь, а теперь молча сидела у дверей, безучастно вперившись в стену напротив.

В уши пробился крик. Ольга отвлеклась от мыслей, прислушалась.

— Это все ваши домыслы, а я точно знаю, что нас будут учить на гейш! — тоненько верещала высокая худая девушка. — Лучших отправят в Японию, а остальных...

— А остальных продадут в рабство, — гулко хохотнули из угла.

— Да что вы паритесь? — раздраженно бросила бритая. — Вон, у сопровождающей спросите, она точно знает.

— Толку-то, — отмахнулась девушка в цветастом платье, — все равно не скажет. Молчит всю дорогу, как сыч.

Фыркнув, затих мотор, машина замерла. Разговор прекратился, все разом прильнули к окнам. Некоторое время за стенами кузова царила тишина, затем в дверь негромко постучали. Сопровождающая встрепенулась, щелкнула замком. В распахнувшуюся дверь с порывом ветра ворвался ураган запахов, раздражил, закружил голову. Девушки тут же повернулись к выходу, с вождением вглядываясь в синее пятно неба.

— Пять минут на туалет, затем едем дальше, — громко произнесла сопровождающая.

— А шесть можно? — капризно произнесла девчушка в цветастом платье. — Я за пять не успею...

— Пять минут, не больше, — нейтральным тоном повторила сопровождающая.

— А если я опоздаю? — томно поинтересовалась одна из девушек.

— Поскачешь за машиной с голой жопой, — хмыкнула бритая.

Проходя мимо сопровождающей, Ольга на мгновение задержалась, спросила негромко:

— Ну а если человек действительно не успеет?

Та взглянула остро, голубые глаза блеснули льдом, ответила холодно:

— Увидишь. Пока ни один набор не обходился без «опоздавших».

Ольга шагнула наружу. В глазах запестрело от буйного разнотравья, а в носу запершило от пылицы. Вокруг, насколько хватает глаз, расстилается степь, ветер расходится рябью по верхушкам цветов, а воздух гудит от множества насекомых. Лишь покрытая пылью грунтовая дорога, вытянувшаяся грязным червем, нарушает всеобщую гармонию, воспринимаясь чем-то уродливым и чужеродным. Залюбовавшись, Оля на мгновение замешкалась, за что тут же получила тычок в спину, сзади раздалось недовольно:

— Сама ссать не хочешь, так другим не мешай. Всего ничего стоять осталось.

Ольга поспешно соскочила на землю, пропуская толпящихся позади девушек, и, хотя организм не требовал, быстро отошла на несколько шагов, приподняв юбку, ненадолго присела. Вокруг потрескивали стебли, доносились тихие шаги и приглушенный шепот. Оправившись, девушки возвращались в машину, под внимательными взглядами вожатой нехотя забирались в кузов.

Ольга ощутила, что сама с удовольствием бы осталась в этой чудесной степи, где вместо шума машин — шелест ветра, воздух чист, а горизонт бесконечен, и если приглядеться, видно, как едва заметно закругляется далекая линия, где небо сходится с землей, но, вспомнив выражение лица, с каким вожатая предупреждала о последствиях, поспешила обратно, не желая на деле проверять истинность ее слов.

Едва Ольга поднялась в кузов, взревел мотор. Присев на свое место, она заметила, как сопровождающая обвела пристальным взглядом девушек, едва заметно кивнула. Хлопнула дверь, машина тронулась. На этот раз ехали молча, разговаривать не хотелось. Стоящее в зените солнце нагрело обшивку кузова так, что, казалось, они находятся внутри доменной печи. Не спасали даже распахнутые форточки, откуда к тому же быстро налетели слепни,

наполнив воздух грозным гудением.

Задыхаясь в духоте и истекая потом, Ольга отмахивалась от кровососущих тварей, изредка поглядывая на спутниц, что, судя по лицам, чувствовали себя еще хуже. Большая пластиковая бутылка с водой, извлеченная из-под одной из скамеек, стремительно пустела, и девушки едва не подрались, когда кто-то попытался брызнуть несколько капель себе на лицо.

— С ума сошла! — кричала одна на другую, резким движением вырвав бутылку у нее из рук, — тут пить нечего, а она поплескаться решила.

Та отводила глаза, виновато бормотала:

— Ну, я же совсем чуть-чуть, всего несколько капель.

— А воду потом где брать? — не унималась первая. — Тут же степь на сотни километров!

Голоса сливались, вместе с ревом мотора и гудением слепней превращались в бесконечный гул, что ввинчивался в голову тупым сверлом, вызывая психоделические видения и нервные спазмы.

К вечеру стало легче. После того, как палящее солнце опустилось к горизонту, разговоры возобновились, а когда, на очередной остановке вожатая ненадолго отлучилась, а затем вернулась с несколькими пластиковыми бутылками с водой и огромным пакетом набитым всевозможными полуфабрикатами, беседа набрала новый виток.

Давясь копченой колбасой, девушка с копной ярко рыжих волос и смешными мелкими веснушками назидательно произнесла:

— И тогда он подошел и сказал — с вашими данными нужно заниматься совсем другими вещами.

— Ну а ты?

— А я и согласилась. Не сразу, конечно. Мало ли таких, предлагающих. Конечно, никто не говорил, что путешествие будет происходить в таких ужасных условиях, иначе бы я ни за что не согласилась.

Девушки закивали, возникла небольшая пауза, во время которой бритая произнесла:

— Интересные истории рассказываешь. У меня было совсем по-другому.

Глядя на ее блестящий лысый череп и суровое лицо, рыжая бросила высокомерно:

— Еще бы. Я вообще удивляюсь, как тебя взяли на кастинг.

На нее зашикали. Презрительно отвернувшись, рыжая замолчала.

Тяжело роняя слова, бритая продолжила:

— Мы с парнями замочили черныша. Попался там один, под горячую руку. А через неделю ко мне подошел дядя в деловом костюме, отвел в сторонку, и объяснил, что и как. Оказывается, тот черныш был сыном одного из шишек, и теперь либо я делаю то, что он скажет, либо меня упекают далеко и надолго.

— Черныша?.. — эхом откликнулась полногрудая девица, — собаку что ли убили?

— Какую собаку, дура, чурбана они пришибли! — прошипела рыжая. — Я в шоке! С нами в одной машине едет убийца.

Бритая подняла голову, нехорошо взглянула на рыжую, подавшись вперед, произнесла жарким шепотом:

— Я-то может и убийца, а за других ты уверена, солнышко?

Повисла напряженная тишина. Девушки заметно напряглись, опасно косясь друг на друга. Разряжая обстановку, Ольга произнесла:

— Девчонки, как я понимаю, никто толком не знает, куда и для чего едем. Быть может, если каждая расскажет свою историю, то части мозаики сложатся воедино? Чтобы не быть голословной, начну с себя...

За оконцами давно погасли последние лучи солнца, в машине воцарилась крошечная тьма, но еще далеко не все успели поведать свои истории. Вслушиваясь в голоса спутниц, Ольга терзалась сомнениями. Большинство рассказов сводились к тому, что некая организация, совершенно легальным способом подбирала девушек для участия в новом телевизионном проекте, оформляла документы и за свой счет приобретала билеты до Москвы. Но конкурс проводился по таким жестким критериям, что большинство не доходило даже до середины. Когда расстроенные и заплаканные девушки покидали салон, у входа их встречал мужчина, представлялся агентом конкурирующей организации и предлагал головокружительные перспективы. Мало кому удавалось устоять.

Но две-три истории полностью выбивались из общей картины, подрывая стройную легенду, да и грузовая машина вместо поезда, отнюдь не способствовала иллюзиям. Подводя итоги, бритая произнесла:

— Что ж, ясно.

— Что тебе ясно? — надменно поинтересовалась крупная девушка с большой грудью, подсвечивая себе мобильником.

— То, что нас везут куда угодно, только не на телепробы.

— Например? — кто-то нервно спросил из темноты.

— Откуда я знаю?! — «бритая» озлилась. — Убирать плантации конопли, ублажать какого-нибудь восточного князька, на органы...

В темноте отчаянно завозилось, донесся вздох ужаса. Чувствуя, что нервозность перерастает все разумные пределы, Ольга произнесла, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Нужно подумать, что можно сделать прямо сейчас? Может быть стоит позвонить?

В голубоватом свете экрана мобильного, мелькнуло чье-то искаженное страхом лицо, послышался пронизанный истерическими нотками голос:

— Да я весь день звоню. Начала, едва только нас запихали в этот душный ящик, но сигнал не проходит!

Послышались возбужденные голоса:

— У меня тоже.

— И у меня.

Нахмурившись, Оля достала мобильник, щелкнула кнопкой. Высветилась знакомая таблица дисплея, мигающие цифры времени, полный столбик сигнала... Выбрав первый попавшийся номер, она нажала вызов. Несколько мгновений ожидания и вызов сброшен. Ольга быстро выбрала другой номер, повторила процедуру, затем еще. Но всякий раз с одинаковым эффектом: едва только устанавливалась связь, как звонок сбрасывался, а дисплей возвращался в исходное состояние.

Глядя на мобильник, Оля едва слышно произнесла:

— Действительно, телефон не работает.

У кого-то не выдержали нервы. Мелькнуло черное платье, по забранной железными пластинами кабине забарабанили кулачки, раздался исполненный негодования вопль:

— Остановите, немедленно остановите! Я не хочу, слышите, я не хочу ни куда ехать.

Сухо щелкнул выключатель. Под потолком вспыхнула лампочка, заставив сощуриться, холодно прозвучал голос:

— Замолчи и сядь, — возле двери, пронизывая взглядом вопящую, замерла сопровождающая.

Та обернулась, воскликнула с вызовом:

— А то что?

— Сядь, — с нажимом повторила сопровождающая. Ее лицо затвердело, а глаза нехорошо прищурились.

Усаживая, Ольга с силой рванула девушку за руку, повелительно прошипела:

— Успокойся.

«Бритая» неодобрительно покосилась на Ольгу, неторопливо повернулась, пристально взглянув в синие глаза водителя, произнесла с угрозой:

— Командовать не боишься? Нас много, и мы недовольны.

Не отводя взгляд, та ответила:

— Правила просты, выходить и заходить по команде, не кричать. Если что-то нужно, спрашивать у меня.

— А если нас не устраивают правила? — бритая вопросительно вздернула бровь.

Голубоглазая улыбнулась уголками губ, сказала мирно:

— Попробуй, измени.

Послышался робкий голос:

— Девочки, может не надо?

Бритая хрустнула суставами, произнесла с кривой ухмылкой:

— Я бы тоже не хотела, но, похоже, без этого не обойтись, — она поднялась, для большей устойчивости широко расставила ноги, набычившись, двинулась к двери.

Никто не понял, что произошло, но бритая с грохотом опрокинулась, подхватившись, вновь кинулась в нападение, и опять оказалась на полу. На третий раз она не успела подняться, голубоглазая мгновенно оказалась сверху, дважды с силой ударила противнице в живот, после чего, поставив колено на горло, стала давить, пока поверженная не захрипела.

Неспешно вернувшись на место, водительница обвела взглядом затихших девушек, зевнув, произнесла:

— Развлечение закончено. — Щелкнул выключатель, вновь погружая машину во тьму. Из угла, где замерла голубоглазая, донеслось: — И не пытайтесь напасть ночью, буду бить уже по настоящему.

Проснувшись, Ольга не ощутила привычного покачивания, открыв глаза, оглядела темные силуэты спутниц, перевела взгляд на светлеющий прямоугольник двери. Кишечник напомнил о себе мощным позывом. Осторожно, стараясь не разбудить спящих, она встала, дойдя до двери, выглянула наружу, но едва поставила ногу на верхнюю ступеньку, ощутила чье-то присутствие.

Стараясь не выказывать страха, Оля спустилась, неторопливо повернулась, наткнувшись на черные в утреннем сумраке глаза сопровождающей, молча указала на росший возле дороги кустарник. Та кивнула, произнесла чуть слышно:

— Стоим десять минут. Постарайся не задерживаться.

Ольга неторопясь сошла с обочины, невидимые в темноте сучки больно царапали кожу, а остывший воздух неприятно холодил. Присев, она задумалась, глядя в прорехи кустарника на дорогу. В голову лезли невеселые мысли. Путешествие нравилось все меньше. Кампания сумасбродных девиц, вывезенных обманом из города, не утешала, в случае чего, серьезно рассчитывать можно было на одну, максимум двух, остальные представляли собой избалованных детей, кидавшихся в истерику по любому поводу.

Проанализировав ночную стычку, Ольга покачала головой, припоминая, с какой легкостью прозванная вожатой охранница, а в том, что это охранница, не осталось и тени сомнений, расправилась с бритоголовой. О прямом столкновении не могло идти и речи, тем более охранница была не одна, в памяти, заставив поежиться, всплыл тяжелый взгляд из кабины.

По здравому размышлению, нужно было бежать, используя малейшую возможность, например такую, как сейчас. Ольга вновь взглянула на дорогу. Широкая, уложенная ровным асфальтом трасса, уходит вдаль. Днем не составит труда поймать попутку и вернуться, чтобы... Она едва не застонала, вспомнив, что именно ей вменили в вину. Наверняка во всех рубриках «их разыскивает милиция» уже расклеено ее фото, а дежурящие на постах милиционеры получили соответствующие указания.

Конечно, можно попытаться доехать до столицы, Москва, Питер — огромные города, где легко затеряться в бесконечных лабиринтах улочек, смешавшись с толпой, попытаться устроиться на работу, начать жизнь с нуля... Закусив губу, Ольга лихорадочно размышляла, когда в памяти всплыли слова Василия Федоровича о специальной подготовке и возможностях неплохой работы.

Мысли мгновенно потекли в новом русле. С одной стороны, мужчина мог лгать, чем она лучше десятка одуроченных девиц в кузове грузовика, чтобы говорить правду, но с другой... Почему-то казалось, что мужчина, при виде которого покрывается потом даже следователь, не станет лгать. Ольга прислушалась к себе. Интуиция, так часто выручавшая в критических ситуациях, молчала, что можно было трактовать, как в одну, так и в другую сторону.

Поразмышляв еще немного, Оля приняла решение. Замедленно встав, от неудобного положения ноги успели занеметь, она твердым шагом направилась к машине. Позади хрустнула веточка, донесся чуть слышный шорох. Поднимаясь в машину, она мельком обернулась, заметив, как от кустов, в сторону кабины, движется человеческий силуэт. Ольга улыбнулась краешками губ, понимая, что приняла верное решение.

С самого утра зарядил дождь и лил, не переставая, до вечера. Дышать стало значительно

легче, исчезли надоедливые слепни, но настроение царило упадническое. Угнетенные происходящим, девушки почти не говорили, лишь изредка перекидывались отрывистыми фразами, да вяло жевали полуфабрикаты, регулярно поставляемые охранницей. Даже суровая бритоголовая притихла, время от времени неприязненно косясь на сопровождающую, что с отстраненным видом сидела возле двери.

Глядя на спутниц, Ольга лишь качала головой, боясь представить, что будет с ними дальше. Поддерживая девушек, она регулярно заводила беседы на различные темы, заразительно смеясь, подкалывала соседок, вызывая на пикировку, но вспыхивающее веселье быстро сменялось унынием, разговор стихал, так что, в конце концов, Оля махнула рукой, предоставив спутниц собственным мыслям.

Машина в очередной раз остановилась, девушки унылой толпой двинулись к выходу. Не желая толкаться, Ольга дождалась, пока в кузове никого не осталось, и лишь после этого поднялась. Снаружи громко вскрикнули, зашумели. Оля поспешила к двери, выглянув, осмотрелась. Девушки оживленно жестикулировали, то и дело указывая куда-то в сторону. Проследив за взглядами, она заметила в сотне метров от машины мелькающее цветастое платье. Ольга вздрогнула, узнав в убегающей смешливую спутницу, взгляд прикипел к стремительно уменьшающейся фигурке, сердце забилось сильнее, а внутри зародилось страстное желание — пусть хотя бы у этой девчушки получится уйти.

Негромкий хлопок сотряс воздух, далекая фигурка взмахнула руками, на мгновение застыла, словно пытаясь взлететь, и, покачнувшись, мягко упала в траву. Ольга ощутила, как оборвалось сердце. Разум еще не осознал, что произошло, мысли хаотично заметались, подыскивая подходящее объяснение, но внутри все застыло от страшного понимания.

Хлопнула дверца кабины. Зашуршали удаляющиеся шаги. От машины, по следам убежавшей, быстро шел высокий мужчина в камуфляже. Каким-то седьмым чувством догадываясь, что сейчас произойдет, Ольга на деревянных ногах вернулась в кузов, застыла, обхватив голову руками. Тихий хлопок далекого выстрела проник в уши, сердце болезненно екнуло, а перед глазами встало смеющееся, почти детское лицо.

«Иначе выбора не будет». Непонятные недавно слова обрели пугающий смысл, окрасились алым. Ольга закричала зубами, осознавая, насколько серьезным оказался путь, на который она ступила. Да и наивно было бы полагать, что кто-то предоставит преступнице, пусть даже только формальной, билет на курорт.

Кузов наполнился шорохом, из-под опущенных ресниц Ольга наблюдала, как спутницы замедленно рассаживаются: мертвенные лица, широко раскрытые глаза, в которых застыл страх. Все заняли свои места, лишь в центре одной скамьи осталось пустое пространство. Сидящие по обе стороны девушки испуганно жались к соседкам, не желая даже невзначай оказаться там, где совсем недавно сидела их случайная попутчица.

Хлопнула дверь. В могильной тишине слова сопровождающей прозвучали как эпитафия. — Я предупреждала. Если кто-то попытается уйти — повторит ее судьбу.

В этот день ни кто больше не притронулся к еде. Девушки впали в какое-то полуобморочное состояние, откуда ненадолго выныривали, чтобы отойти на очередной остановке в кусты, но лишь только возвращались, тут же замирали, словно пытаясь спрятаться от страшной реальности в смутных грезах.

Под вечер машину затрясло, словно они пробирались по ухабам. Порой колеса пробуксовывали, доносились чавкающие звуки, мотор надрывно взревывал, вытягивая грузовик из невидимых ям. С трудом различимые через мутные стекла окошечек, мимо

проплывали кроны деревьев. Повеяло прохладой.

Простужено чихнув напоследок, мотор затих. Шевельнулась охранница, щелкнув замком, распахнула дверь настежь. Тут же потянуло соляжкой и чем-то удивительно приятным. Принюхавшись, Ольга различила влажное дыхание леса.

— Приехали, — коротко бросила сопровождающая.

Девушки зашевелились. Медленно, словно сонные мухи, побрели наружу, с трудом переставляя занемевшие от долгой неподвижности ноги. На этот раз Оля вышла первой, двинувшись к выходу, едва вожатая открыла рот. Выскочив наружу, она с удивлением обнаружила, что вокруг стеной стоит лес, и даже над дорогой, вытянувшись в длину, ветви сплелись настолько плотно, что образовали сплошной шатер из листьев и веточек.

Пока девушки выбирались из машины, Ольга с любопытством оглядывалась, жадно впитывая сырые лесные запахи, особенно приятные после спертого воздуха грузовика. Щелкнул замок, неторопясь распахнулась дверца, из кабины на землю прыгнул мужчина в камуфляже, внимательно оглянувшись, негромко позвал:

— Софья. — Заметив, что сопровождающая дернула головой в его сторону, добавил: — Долго собираетесь. Давай в темпе.

Сопровождающая засуетилась, принялась подгонять девушек, что, приходя в себя после дороги, сгрудились возле машины. Послышался ее напряженный голос:

— Пошли, пошли, кому сказала. Выстроились по одному, и вдоль дороги. Тебя тоже касается.

Ольга стремительно повернулась на окрик, заметив недобрый взгляд голубых глаз, быстро подошла к остальным, пристроилась впереди. Мельком оглядев подопечных, мужчина в камуфляже двинулся вдоль дороги, жестом приказав следовать за собой. Едва они отошли на десяток шагов, как позади взревело. Обдирая со стволов кору и ломая молодую поросль, грузовик с трудом развернулся на тесной дороге, погнав в обратном направлении.

Влажная земля чавкала под ногами, прилипала к туфлям, собираясь в огромные куски, волочилась следом, затрудняя шаг. Время от времени попадались глубокие, раскисшие по краям ямы, заполненные водой, так что ноги начинали съезжать вглубь, увлекая за собой незадачливую хозяйку. То и дело оскальзываясь, девушки медленно брели по разбитой колесами колее, бросая вокруг хмурые взгляды.

Позади зашушукались, Ольга различила еле слышный шепот.

— Как думаешь, если сейчас рвануть в лес, будут шансы уйти?

— Совсем спятила! Хочешь, чтобы он сперва тебя застрелил, а потом и на нас отыгрался? — ответили испуганно.

Первый голос раздраженно произнес:

— Дура, там же поле было, а тут лес кругом, два шага, и хоть из автомата пали, не попадешь ни во что.

— Вот и беги, если такая умная, а мне умирать не хочется, — слышались частые шлепки, обладательница испуганного голоса спешила отойти подальше от беспокойной попутчицы.

Ольга мельком обернулась. Нисколько не удивившись, когда среди измученных лиц спутниц мелькнуло одно сосредоточенное: суровый взгляд, сошедшиеся в линию брови, блестящий, покрытый каплями пота, череп. Судя по всему, только бритая, единственная из остальных, все еще сохранила присутствие духа.

Ольга соступила в сторону, нагнулась, сделав вид, что отлепляет грязь, и распрямилась

ровно в тот момент, когда бритая поравнялась с ней. Быстро шагнув в строй, так что лысый затылок оказался прямо напротив глаз, прошептала чуть слышно:

— Хочешь бежать?

Спина под кожаной курткой на мгновение напряглась, но плечи тут же опали, в ответ донеслось:

— Хочу. Но не хочу одна. Пойдешь со мной?

Оля помолчала, сказала, подбирая слова:

— Тот, кто устроил мне эту поездку, сказал, что будет тяжело, но результат того стоит.

Плечи под черной кожей передернулись, послышалось насмешливое:

— Какой результат? Подохнуть от тяжелой работы, или медленно загибаться, глядя, как твои органы направляются богатым дядям?

— Нет! — Ольга сама удивилась вдруг непонятно откуда взявшейся уверенности. — Это будет обучение. Вполне возможно, многие сломаются. Но остальные...

Бритая обернулась, некоторое время с подозрением сверлила Ольгу взглядом, затем выдохнула:

— Знаешь, не думала, что дело может обстоять так, — она выделила последнее слово. — И, скажи кто другой — не восприняла бы всерьез. Но тебе верю. — Она отвернулась, долго молчала, затем добавила едва слышно: — Хотя, может и зря.

Ольга ощутила, как в животе словно распускается туго стянутая пружина, возникшая, едва она услышала первые слова разговора. Почему-то даже мимолетная мысль о побеге в лес вызывала смутное беспокойство, что Ольга смогла осознать лишь после завершения беседы.

Дорога изогнулась, резко уходя в сторону, словно огибая неведомое препятствие. Дойдя до поворота, девушки на мгновение замерли, впереди, в десятке-другом метров, высились ворота.

Ольга присмотрелась внимательнее. От ворот в обе стороны расходится высокий забор, настолько искусно разукрашенный зелеными пятнами, что почти сливается с лесным массивом, поверху, закрученная в спираль, проходит колючая проволока. От наблюдений отвлек голос сопровождающей:

— Двигаемся. Еще успеете насмотреться.

Девушки двинулись нестройной толпой. Мужчина в камуфляже уже стоял возле ворот, и, заложив руки за спину, терпеливо ждал. Едва они приблизились, громко лязгнуло, в створке ворот наметилась щель, расширилась, превратившись в узкий проход. Под бдительным взглядом мужчины, девушки по-очереди проскользнули внутрь. Вновь лязгнуло, дверь захлопнулась, отрезая их от привычного мира.

Оля остановилась, осматриваясь. Обширный, покрытый асфальтом двор, неподалеку, один за другим возвышаются ряд затянутых маскировочной сеткой новеньких бараков, поодаль покрытое копотью кирпичное здание, из распахнутых ворот доносится глухой рев моторов, то здесь, то там деловито снуют люди в камуфляже. Ольга удивилась обилию женщин, но понять, с чем это связано не успела, от размышлений отвлек низкий голос.

— Следуйте за мной, — из бетонной пристройки к воротам вышел коренастый мужчина, неторопливо двинулся к сверкающему новеньким пластиком двухэтажному зданию с утыканной параболическими антеннами крышей.

Блестящая ручка входной двери, короткий коридор, небольшой, заставленный стульями зал, на стене, напоминающая школьную, доска со следами мела, рядом низенькая трибуна. Мужчина кивнул на стулья, сам прошел за трибуну. Дождавшись, когда девушки расселись и стихли перешептывания, он произнес:

— Для начала представлюсь. Меня зовут Владимир Петрович, мое звание — полковник. В дальнейшем мы будем видеться не часто, а беседовать и того реже, по этому, чтобы после не возникло недопонимания, предлагаю разобраться со всеми вопросами сейчас. Полагаю, вы пока не догадываетесь — куда и для чего попали? Скажу сразу, на вопрос «куда» — ответа не будет, а вот «для чего» — на этом остановимся подробнее.

Послышался робкий голос:

— Ведь вы не продадите нас в рабство?

— И не пустите на органы? — добавил кто-то нервно.

Полковник постучал пальцем по столу, призывая к вниманию, сказал замедленно, стараясь, чтобы слушатели не пропустили ни единого слова:

— Здесь не торгуют рабами и не пускают на органы, этого можете не бояться. — Заметив, как многие с облегчением вздохнули, а на губах заиграли робкие улыбки, добавил: — Но это не повод расслабляться. Вы попали в центр подготовки высокоуровневых специалистов по охране VIP персон. Говоря простым языком — телохранителей...

У кого-то невольно вырвалось:

— Мы будем тренироваться вместе с мужчинами?

— Мы будем учиться... убивать? — добавил кто-то шепотом.

Полковник отчеканил:

— Будете ли вы среди мужчин — нет, будете ли убивать... возможно.

Воцарилось мертвое молчание, глаза девушек в ужасе распахнулись, а лица побледнели.

Ольга осторожно поинтересовалась:

— Владимир Петрович, но ведь телохранитель... это чисто мужская профессия. Может ли женщина... особенно если она не отличается крупным телосложением...

Губы полковника тронула улыбка, он произнес с подъемом:

— Отличный вопрос. Обычная — нет, женщина прошедшая нашу школу — еще как.

Не желая проявлять излишнюю заинтересованность, Ольга, тем не менее, спросила:

— Но для чего такие сложности? Не проще ли обучить того, кто самой природой предназначен для войны, чем мучаться с заведомо более слабым... материалом?

Владимир Петрович одобрительно кивнул, сказал с огоньком:

— А мы не ищем легких путей! — Продолжил уже без улыбки: — Организаций тренирующих мужчин больше чем достаточно, в одной только нашей области их... Не важно. Важно то, что на текущий момент наша программа единственная в своем роде и под нее выделены немалые суммы. Говорю вам это не из пустого бахвальства, а чтобы вы поняли, — он сделал резкий жест, — здесь все серьезно. Запомните это, чтобы после не пришлось пожалеть. Что до остального, — полковник покосился на Ольгу, — по последним данным медицины женский организм гораздо более вынослив, нежели мужской, правда... при определенных условиях.

Послышался вопрос:

— А что будет, когда мы закончим обучение?

— Если вы закончите, — полковник сделал акцент на первом слове, — то будете отправлены работать по специальности. Поверьте мне, в предложениях недостатка нет. А отличившихся особо, ожидают просто умопомрачительные перспективы.

— Если?..

Лицо полковника вдруг стало жестким, а взгляд похолодел, он произнес отстраненно:

— Я не зря акцентирую ваше внимание на значимости программы. Ставки предельно высоки, но высока и цена. Не закончившие обучение будут отправлены на «доводку» в горячие точки, те же, кто покажет полную непригодность к «работе»... — он многозначительно промолчал, но девушки ощутили в недоговоренном неприкрытую угрозу, в испуге съежились.

Собравшись с силами, Ольга задала давно мучающий вопрос, что не решались высказать остальные:

— После завершения... В случае успешного завершения сможем ли мы вернуться обратно?

Владимир Петрович жестко отрезал:

— Нет.

По залу пронесся полу-вздых полу-стон. Кто-то закрыл лицо руками, кто-то содрогался всем телом, с трудом сдерживая рыдания, лишь двое не проявили чувств: бритая, что с начала собрания не проявила ни единой эмоции, да Ольга, не ожидавшая иных слов: слишком наивен был вопрос, слишком очевиден ответ.

Давая девушкам время прийти в себя, полковник неспешно прошелся вдоль стены, вернувшись, снова стал за кафедру, поинтересовался:

— Еще вопросы будут? Нет? Тогда считаю вводную лекцию закрытой.

Едва прозвучали последние слова, в зал заглянула высокая женщина в деловом костюме, испрашивая разрешения, мельком взглянула на Владимира Петровича, заметив короткий кивок, произнесла:

— Выходим в коридор и следуем за мной.

Девушки засобирались, закрипели стульями. Пробираясь к выходу вслед за остальными Ольга обернулась, на мгновение встретившись глазами с полковником. Тот подмигнул, растянул губы в улыбке, но глаза под кустистыми бровями смотрели холодно. Почувствовав себя неуютно, Оля поспешно выскользнула в коридор.

От двухэтажного здания двинулись в сторону барачков. Едва подошли к первому, как из дверей, словно по сигналу, вышла суровая женщина в военной форме, ткнув пальцем в двух идущих первыми девушек, поманила за собой, безмолвно зашла обратно. Понурившись, избранницы двинулись следом, одна за другой скрылись в здании.

Тоже повторилось и возле второго барака и возле третьего. Глядя, как за тяжелыми створками исчезла очередная пара спутниц, Ольга ощутила волнение. За несколько дней поездки в тесном фургоне она успела свыкнуться с попутчицами, что, хоть и не стали полноценными подругами, но уже и не казались чужими.

К пятому барачку она подошла одна. Вышедшая навстречу женщина окинула Ольгу скептическим взглядом, поинтересовалась у провожатой:

— И это все?

Та поджала губы, произнесла непонятное:

— Издержки доставки.

Женщина проворчала чуть слышно:

— Мало того, что недобор, так еще и мелочь. — Добавила громче: — Ладно, что есть то есть, пойдём.

Ольга поправила сумочку, обтрепанную за дни переезда больше, чем за прошедший с покупки месяц, двинулась следом. Первой к двери подошла Оля, дотронувшись до отполированной прикосновениями ручки, дернула, но дверь едва шелухнулась. Ольга уцепилась обеими руками, потянула, что было сил, с трудом преодолевая сопротивление пружины. Дверь нехотя подалась, но продолжала давить так, что пришлось навалиться плечом.

Сзади донесся тяжелый вздох, давящая на плечо тяжесть неожиданно исчезла. Обернувшись, Оля наткнулась на скептический взгляд женщины. Та поддерживала дверь рукой без видимых усилий, а на лице застыло уныние. Воспользовавшись помощью, Ольга скользнула внутрь.

Плавно изгибаясь, короткий коридор вел к двустворчатым дверям. Сделав несколько шагов, Ольга слышала за спиной звяканье ключей, одновременно раздался голос:

— Подожди, сперва ко мне.

Оля послушно вернулась, дождавшись, когда женщина отопрет неприметную, утопленную в стене дверь, зашла следом. Небольшая, скромно обставленная комната, аккуратно застеленная кровать, рабочий стол с ноутбуком, у стены металлический шкаф с многочисленными пронумерованными дверцами-сегментами. Женщина сходу ткнула в клавиатуру. Черное поле монитора мигнуло, развернулось яркой картинкой, из-за краев всплыли полупрозрачные окна менюшек. Одно из окон расширилось, закрыв остальные, замерцали бегущие колонки цифр. Женщина шевельнула рукой, колонки застыли, с тихим щелчком отодвинулся один из сегментов шкафа.

Ольга скосила глаза вниз, отметив, что от странного шкафчика отходят толстые провода, скрываясь под столом, подняла голову и наткнулась на внимательный взгляд женщины. Та чему-то коротко усмехнулась, сказала негромко:

— Все личные вещи оставишь здесь, вон в том ящике. — Отвечая на невысказанный вопрос, пояснила: — Все, и трусы и сумочку. Раздевайся.

Пока Оля торопливо сбрасывала одежду, женщина выдвинула из угла большую картонную коробку, некоторое время рылась, с удовлетворением кивнув, протянула несколько хрустящих пакетов и пару новеньких кед, проворчала:

— Будет чуток великовато, но ничего не поделаешь. У нас обычно народ покрупнее. Хорошо хоть это нашла...

Ольга приняла пакеты, развернула. Внутри оказались белая майка, маскировочные рубашка и штаны. Облачившись в новое, она несколько раз повернулась, осматриваясь, одежда действительно оказалась великовата, зато кеды пришлись в самый раз, удивительно удобные, они мягко, и, в то же время, крепко облегли ступни, создавая в ногах ощущение надежности и комфорта.

С сожалением положив вещи в шкаф, новенькое платье было куплено всего три дня назад, Оля поинтересовалась:

— Что-то еще?

— Да. — Женщина оторвалась от монитора, где, вместо колонок с цифрами, белели исписанные страницы какого-то документа, сказала строго: — Здесь серьезная организация, поэтому вся ненужная информация сведена к минимуму, включая личные данные. В своей среде можете называть друг-друга как хотите, но для обращения к инструкторам используется исключительно опознавательный номер. Твой номер — семьсот тринадцать. Можешь идти.

Покинув комнату, Ольга прошла через коридор, решительно распахнула дверцы.

Длинная с низким потолком комната, вдоль стен заправленные кровати, рядом с каждой квадратная тумбочка, на кроватях в расслабленных позах лежат девушки. Все головы разом повернулись на звук, множество взглядов обратились к Ольге, оценивающе скользнули по фигуре, переместились на лицо.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Ольга замедленно двинулась по проходу, отыскивая свободное место. Пристальное молчаливое внимание создавало ощущение дискомфорта, и, не выдержав, Оля остановилась посреди комнаты, спросила со слабой улыбкой:

— Девчонки, где здесь свободно?

Лежащая напротив девушка со скуластым лицом и плотной фигурой тяжелоатлетки ткнула пальцем в дальнюю часть комнаты, бросила коротко:

— Там.

Поблагодарив кивком, Ольга двинулась в указанном направлении. В самом конце, у стены, обнаружили две пустые кровати. Присев на крайнюю, она вдруг поняла, о чем забыла спросить: кроме одежды, хорошо было бы получить хоть какие-то гигиенические принадлежности. Оля уже собралась вернуться, когда взгляд упал на стоящую рядом тумбочку. Рука невольно потянулась к дверце, пальцы коснулись витиеватой ручки, потянули.

Зубная щетка, свернутое вафельное полотенце, пачка прокладок в дальнем углу... Ольга несколько секунд вглядывалась в содержимое, удовлетворенная увиденным, притворила дверцу. Минимальный набор женский принадлежностей порадовал. Конечно, о ночных кремах и лаке для волос оставалось лишь мечтать, но за последние месяцы жизни Оля приучила себя к сдержанности.

Не смотря на смену одежды, тело зудело, а из подмышек тянуло так, что казалось, будто она окунулась в сточную канаву. Поднявшись с кровати, Ольга подошла к лежащей по соседству девушке, по уши закутанной в одеяло, поинтересовалась:

— Подскажи, где здесь можно помыться?

Та некоторое время молчала, созерцая потолок, затем чуть повернула голову, на Олю в упор взглянули глубоко посаженные карие глаза, произнесла вяло:

— Если по мелочи — умывальник за дверью.

— А если нет? — Ольга вопросительно вздернула бровь.

— Тогда до вечера.

Ольга поморщилась, представив, что еще несколько часов придется ощущать удушливый запах застарелого пота. Наблюдая за ее мимикой, девушка хмыкнула, спросила с кривой ухмылкой:

— Тебя это расстраивает?

Оля пожала плечами, ответила замедленно:

— Не так, чтобы очень, но как-то непривычно не мыться несколько дней подряд.

Девушка выпростала из-под одеяла руку, поправив волосы, вяло отмахнулась:

— Пройдет через несколько дней.

— Что пройдет? — Ольга недоуменно уставилась на собеседницу.

Та тряхнула головой, сонное выражение постепенно уступало место сосредоточенности.

— Все.

Видя, что девушка теряет интерес к беседе, Ольга взглянула умоляюще. Но та лишь отмахнулась, отбросив одеяло, неторопливо встала с кровати, нашарив кроссовки, обулась и неспешно двинулась к выходу.

Проводив неразговорчивую девушку взглядом, Ольга пожала плечами, и уже собралась вернуться на место, когда за спиной раздался звонкий голос:

— Никак у нас новенькая?

Ольга обернулась. По проходу, шумно бедую, стайкой двигались девушки. Идущая первой, высокая, с густыми белокурыми волосами, дружелюбно улыбнулась, здороваясь, протянула руку, приветливо произнесла:

— Здравствуй.

Следом подтянулись остальные, столь же рослые и не менее веселые, окружили. Ольга отвечала на крепкие, почти мужские рукопожатия, улыбалась, но, ощущая на себе оценивающие взгляды, держалась настороженно.

— Меня зовут Вероника, — представилась белокурая. — А это Юлия.

Стоящая рядом крупная девушка кивнула, сказала низким грудным голосом:

— Так и есть.

— Виктория.

— Светлана.

Девушки стали наперебой представляться, по-прежнему стоя вокруг плотным кольцом. Ольга ощутила смутный укол тревоги, но непрерывный поток слов сбивал, уводил в сторону, а ласковые улыбки успокаивали.

— Мы здесь в полной изоляции, — грустно промолвила одна, — ничего не знаем.

— За модой не следим, — добавила в тон другая.

— Пожалуйста, расскажи, как там, на воле, что носят, как красятся?! — с жаром воскликнула третья.

— Про прокладки, про прокладки расскажи! — выкрикнул кто-то из-за спин.

Ольга удивилась столь откровенным вопросам, но девушки смотрели с такой жадностью, а некоторые с глубокой тоской, что, не желая расстраивать будущих подруг, она подробно и принялась обстоятельно описывать новомодные фасоны одежды, не забывая о новинках парфюмерии и последних веяниях в макияже.

Скрипнула дверь. Послышались приближающиеся шаги. Мельком оглянувшись, Оля увидела хмурое лицо неразговорчивой девушки, та несколько мгновений прислушивалась к разговору, затем покачала головой, бросила чуть слышно:

— Опять над новенькой глумятся. И не надоело...

В душе вновь зашевелился червячок сомнений, слишком открытые лица, слишком честные глаза. Даже в кругу знакомых и друзей люди часто оказывались задумчивы, отягощенные проблемами, не пускали во внутренний мир, а уж здесь, где отобранные по физическим данным, проходят тяжелую подготовку будущие телохранители, встретить такое радушие казалось вдвойне странным.

Решившись, Оля улыбнулась как можно более открыто, спросила, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал слишком резко:

— Девчонки, мне кажется, или все-таки вы меня разыгрываете?

— С чего вдруг такой вопрос? — искренне удивилась Вероника.

— Честно? — Ольга помялась, подбирая слова. — Неестественно как-то, не по настоящему.

Ольга ожидала ответа, чувствуя, как вокруг что-то неуловимо меняется.

— Ну вот, — всплеснула руками одна из девушек, — как всегда.

— Она нас раскусила, — грустно добавила другая.

— И почему радость всегда столь быстротечна? — театрально спросила третья.

Вероника обвела взглядом подруг. От любезной улыбки не осталось и следа. Теперь перед Ольгой стояла женщина с холодным взглядом и презрительно поджатыми губами. Высокомерно оглядев новенькую, она произнесла:

— С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Стоящие вокруг обидно захохотали. Кто-то с деланным испугом произнес:

— Верка, беги, она тебя сейчас ударит!

Захохотали громче.

Чувствуя, как подгибаются ноги, стоящие вокруг девушки минимум на голову выше и гораздо крепче, Ольга выдохнула:

— Убогих бить, лишь мараться.

Смех мгновенно прекратился. На нее взглянули с удивлением, как, если бы, заговорила случайно забежавшая в дом собака, и почти тотчас вокруг образовалось пустое пространство. Не понимая что происходит, Оля обернулась, и в то же мгновение живот взорвался болью. Она согнулась пополам, замерла, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Все стало на свои места. Крепкий фигуры, насмешливые лица, и почти осязаемое презренье, разом заструившееся от только что милых девушек. А ведь на секунду она почти поверила в неподдельность происходящего.

Под подбородок легла ладонь, с силой потянула, заставляя поднять голову. Перед глазами возникло обрамленное белым, расплывчатое пятно, сфокусировавшись, превратилось в насмешливое лицо в светлых кудряшка. Полные губы дрогнули, раздался приторно сладкий голос:

— Сучка огрызается? Тем лучше. А то я уж подумала, веселье закончено.

Краем зрения Ольга заметила движение, но отшатнуться не успела, перед глазами вспыхнули ослепительные искры, а голова взорвалась болью. Открыв глаза, Оля обнаружила пыльные носки кроссовок. Сквозь шум в ушах послышалось опасливое:

— Вер, ты осторожнее. Убьешь ненароком. Гюрза не порадует. Видишь, какой задохлик.

Возбужденный голос перебил:

— Гляди, зашевелилась!

Вновь послышалось приторно сладкое:

— А сучка-то, ничего, живучая.

Повернув голову так, чтобы видеть говорящую, Ольга выдохнула:

— Говорят, вас тут стрелять учат?..

Вероника чуть заметно нахмурилась, сказала с подозрением:

— Может и так. К чему вопрос?

Неторопливо перевернувшись на бок, Ольга осторожно встала, дотронулась до затылка, все время ощущая на себе напряженный взгляд ожидающей подвоха противницы, взглянув прямо в голубые глаза, произнесла:

— Наверное, жутко неприятно, когда пуля случайно попадает не туда, куда следует... Особенно, если это чужая пуля.

Вероника изменилась в лице, глаза вспыхнули яростью, она выдохнула зло:

— Сука, ты мне вздумала угрожать?

Правое плечо девушки пошло назад. Готовясь к очередному удару, Ольга напряглась, впилась взглядом в руки противницы. Но руки остались на месте, а вместо них взметнулась нога. От неожиданности Ольга распахнула глаза, застыла, ожидая жуткой боли. Глухо чавкнуло, лицо обдало воздухом, нога зависла, не долетев до лица всего чуть-чуть. Сглотнув, Оля скосила глаза, с удивлением узрев могучий кулак, сжимающий ногу противницы у лодыжки.

Из-за плеча послышался низкий голос:

— Вер, и не запаadlo тебе новичков бить?

Ольга повернула голову. Совсем рядом, за левым плечом, со скучающим видом застыла скуластая «тяжелоатлетка».

Балансируя на одной ноге в неудобной позе, «Белокурая» прошипела:

— Решила за угнетенных вступить? Что-то не замечала за тобой раньше. И ногу-то отпусти, а то, не ровен час, рук не хватит, — она зыркнула по сторонам. Стоящие подле девушки заметно напряглись.

«Скуластая» покачала головой, произнесла мирно:

— Отпущу конечно, куда денусь, не ходить же с ней. Только и ты после не прыгай. Не кончится это добром.

Толстые пальцы разжались, ослабив хват, нога исчезла, а Вероника, мазнув по Ольге на прощание гневным взглядом, процедила сквозь зубы:

— Ладно, поглядим, как сложится, — резко развернувшись, она двинулась в противоположный угол барака. Часть девушек последовала за ней, остальные разошлись по койкам.

Ольга некоторое время смотрела вслед уходящим, затем повернулась к спасительнице, сказала с чувством:

— Благодарю.

Та отмахнулась:

— Не за что. Боюсь, как бы это тебе в минус не пошло.

— Как это? — Ольга удивленно приподняла бровь.

— Меня Буйдар зовут, — представилась девушка.

Ольга спохватилась, сказала поспешно:

— Прости, забыла представиться. Меня Ольга. Очень приятно. Так почему в минус?

Буйдар поморщилась, подбирая слова, сказала замедленно:

— Тут жесткое обучение и жесткие люди. Полагаясь на кого-то, ты лишь ослабляешь себя.

Ольга грустно улыбнулась, сказала со вздохом:

— Сама удивляюсь, что так вышло. Хотя и зарекалась уже. Видать, до конца тяжело поверить, что мир жесток.

Буйдар покивала, произнесла успокаивающе:

— Здесь это быстро пройдет.

Вернувшись к койке, Ольга присела, после пережитой стычки сердце бьется в ускоренном темпе, а мысли без устали кружатся испуганной стайкой птиц, в задумчивости коснулась рукой лица. Щеку царапнуло острым. Отдернув руку, Оля осмотрела покрытые пылью ладони, нахмурившись, огляделась. Взгляд упал на дверь по соседству.

За дверью оказался короткий коридор. Взглянув на блестящие значки обозначений, Оля

двинулась направо. До слуха донеслись тихие стоны. Ольга замерла в замешательстве, некоторое время стояла, затем, решившись, отворила дверь. Глазам предстала обширная душевая. По правую руку, вдоль стены, ряд аккуратных раковин, над каждой овальное зеркало, по левую, разделенная на десяток секций, душевая, новенькие ручки кранов блестят металлом, в центре каждого отсека с потолка свешивается короткий шланг с пластиковым раструбом на конце. Все отделано новеньким кафелем, настолько чистым, что страшно наступить, того и гляди, нога оставит жирный черный след.

Стоны стали громче, к одному голосу присоединился второй, что-то звякнуло, загремело. Косясь на дальний отсек, откуда доносилась возня, Ольга остановилась возле первой же раковины, открыла кран. Брызнула холодная струйка, от крана пахло такой свежестью, что кожа тут же начала зудеть, требуя немедленной очистки.

Оля некоторое время крепилась, прислушиваясь к непрекращающимся стонам, что становились все громче и откровеннее, затем не выдержала, быстро разделась, повесив одежду на вбитый в стену крючок, шагнула в ближайшую душевую.

Ледяная вода хлынула потоком, заставив застонать от блаженства. Упругие струи с силой хлестали по коже, смывая застарелую грязь и усталость, наполняли тело энергией. Зажмурившись, Ольга полностью отдалась ощущениям, а когда открыла глаза, вздрогнула, напротив, изогнувшись в сладострастных позах, застыли две девушки.

От неожиданности Ольга вздрогнула, взглянула вопросительно. Стоящая справа, полногрудая шатенка с широкими плечами и узкой талией, томно произнесла:

— Что тут у нас... Новенькая?

— Да еще такая аппетитная, — в голос выдохнула широкобедрая брюнетка. — Иди к нам, только выключи эту ужасную воду.

Брюнетка живо закрутила кран, а шатенка, не обращая внимания на холодные капли, придвинулась, протянула руки. Ольга почувствовала, как сильные ладони легли на голову, потянули. Перед глазами на мгновение мелькнули расширенные зрачки, затем смазались, приблизившись почти вплотную. Что-то гибкое и теплое прошло по губам, раздвинуло, проникло глубже. Почувствовав, что стало труднее дышать, Ольга распахнула рот. Ощувив отдачу, партнерша задышала глубже, язык затрепетал быстрее, сжимаясь и шевелясь, словно живое существо.

Чувствуя, что начинает возбуждаться, Ольга попыталась отстраниться, но лишь уперлась в стену. По ноге пробежало мягкое, скользнуло на внутреннюю поверхность бедра, поднялось выше, перебирая пальчиками-ножками. Пытаясь остановить домогательство, рука дернулась вниз, но не успела. Мягкие пальчики, что до того лишь щекотали, неожиданно обрели твердость, с силой надавили, раздвинув складки, проникли внутрь, затрепетали нежными лепестками.

Внизу живота возникло жжение, стремительно растеклось по телу, наполняя каждую клеточку сладкой истомой. Руки невольно потянулись к соскам, дотронувшись, легонько сжали. Затвердевшие от холодной воды кончики, словно пронзило током.

Чужой язык во рту уже не казался лишним. Потянувшись навстречу, Ольга впиалась в горячий рот партнерши, чувствуя, как окружающее исчезает в пламени желания. Снизу пронзило сладкой болью. Застонав, Ольга ощутила, как шевелящийся цветок внутри резко уплотнился, разросся, заполнив все свободное пространство. Скосив глаза, сквозь плавающие в глазах яркие круги, она с трудом различила, как вторая девушка, стоя на коленях, активно двигает плечами, запустив обе руки ей между ног.

Словно ощутив взгляд, та подняла голову, задорно подмигнула, ее плечи задвигались быстрее. В животе зародился смерч, стремительно разросшись, наполнил тело, ударил в голову, сметая заслоны и захлестывая сознание. Мир потонул в огне, а из перехваченного спазмом горла вырвался крик счастья, угасая, зазвенел тоненькими колокольчиками. Закружилась голова, мягко подогнулись ноги, выскользнув из объятий девушек, Ольга обессилено осела на пол.

Брюнетка поднялась с колен, высунув язык, облизала пальцы, покосившись на Ольгу, томно произнесла:

— А ты медовая.

С трудом расслышав, в ушах до сих пор тоненько свистело, Ольга подняла глаза, сказала с вымученной улыбкой:

— Меня Ольга зовут.

Брюнетка кивнула, ответила:

— Меня Анюта, а вот ее, — пухлая ручка игриво дотронулась до соска Шатенки, — Элеонора.

Та покачала головой, сказала низким голосом:

— Было здорово, но надо одеваться. Сейчас Гюрза завалится, на стрельбы потащит.

Подхватив с крючков одежду, они устремились к выходу. Обернувшись, Аня бросила на прощание:

— Поторопись, здесь с опозданиями строго.

Хлопнула дверь, по коридору зашлепали босые ноги. Шевелиться не хотелось. Со стоном воздев себя на ноги, Ольга повернула рукоятку крана. Холодная вода забарабанила по плечам, вымывая из тела истому и возвращая к реальности.

Выйдя из кабинки, Оля потянулась к крючку, одной рукой протирая лицо, а другой нащупывая одежду, но пальцы наткнулись на гладкую поверхность кафеля. Ольга открыла глаза, решив, что ошиблась местом, оглянулась. Взгляд прошелся по пустому ряду крючков, туда — обратно, так ни чего и не обнаружив. Покачав головой, она с улыбкой выдохнула:

— С-суки.

Находящиеся в бараке девушки заинтересованно проследили взглядами, как новенькая без всякого стеснения прошла неглиже по проходу, спокойно забрала с одной из кроватей одежду, после чего вернулась к своей койке, неторопливо оделась, не обращая внимания на глумливые смешки и ехидные комментарии.

Едва Ольга затянула ремень, все-таки штаны оказались ощутимо больше и без должного удержания норовили сползти, как послышался начальственный голос:

— Поднимаемся, выходим.

Оля повернула голову. В дверях, широко расставив ноги, возвышалась уже знакомая женщина. Скрипнуло, со стоящей рядом койки подскочила невысокая девушка с двумя тоненькими косичками, произнесла с досадой:

— Ни минуты покоя. Едва заснешь — Гюрза тут как тут...

Ольга покосилась на соседку, спросила чуть слышно:

— Скажи пожалуйста, а почему Гюрза?

Та отмахнулась, буркнула:

— Да фамилия у нее...

По помещению пронесся шелест. Девушки вскакивали, быстро собирались, успевая за какие-то секунды не только надеть разложенную на тумбах и спинках кроватей одежду, но и заправить постель. Набросив рубашу, Оля покосилась на свою кровать, расправила пару мелких складок на одеяле, захлопнула тумбочку, и выскочила в проход, на ходу натягивая кеды. Несмотря на жуткую, как показалось, скорость, с которой она проделала все операции, из казармы Ольга вышла последней.

По-прежнему стоящая в дверях женщина, покачала головой, бросила сурово:

— Долго собираешься. На первый раз прощаю, но в будущем...

Женщина сопровождала свои слова столь красноречивым взглядом, что Оля почла за лучшее быстрее проскользнуть в коридор. Когда она почти миновала строгую даму, взгляд случайно зацепился за блестящую карточку бейджа, зацепленную за карман рубашки. На мгновение замедлив шаг, Ольга прочла — «начотряда, лейтенант Гюрзель».

Звонко шлепнуло, ягодицу обожгло болью. Ахнув от неожиданности, Ольга метнулась вперед. За спиной раздалось резкое:

— Давай, не зевай!

Перед входом девушки уже выстроились в ровную шеренгу по двое. Оля лихорадочно оглянулась, отыскивая место. Заметив в самом конце одинокую фигуру, Ольга с облегчением

выдохнула, пристроилась к высокой полногрудой девушке, что с отрешенным лицом стояла, чуть заметно покачиваясь под неслышимый ритм.

Лейтенант вышла следом, прошла вдоль строя, негромко скомандовала:

— Двинули к стрельбищу. Надеюсь, не заблудитесь. Я подойду чуть позже.

Девушки бодро двинулись вдоль барака. Шагая в такт с остальными, Ольга с интересом осматривалась. Прочие бараки остались позади, показалось спортивное поле с асфальтовой беговой дорожкой и зелеными частоколом полосы препятствий, где непрерывно мелькали растрепанные фигурки. Миновали поле, прошли вдоль комплекса полуразрушенных домов. Оля с удивлением вглядывалась в останки зданий, словно кто-то специально возвел, а затем безжалостно разрушил новенькие постройки: выбитые окна, оторванные двери, обшарпанные стены.

Проводив взглядом развалины, Ольга негромко поинтересовалась:

— Что это?

Идущая впереди девушка обернулась, охотно ответила:

— Полигон.

— А для чего он? — осторожно уточнила Оля.

Девушка улыбнулась, сказала загадочно:

— Увидишь.

Послышался рев двигателей, Ольга повернула голову. Справа, на обширный пустырь выехали несколько темно-зеленых внедорожников. Разъехавшись в разные стороны, они одновременно развернулись, ринулись навстречу друг другу. Затаив дыхание, Ольга наблюдала, как из-под колес взлетели комья земли, а машины, выпустив облачка дыма, понеслись, с каждым мгновением набирая скорость. Когда казалось, что столкновение уже неизбежно, невидимые за стеклами водители выкрутили рули, и машины, резко сменив направление, каким-то чудом разъехались, не превратившись в кучу искореженного металла.

Заметив, что помимо воли задержала дыхание, Ольга выдохнула, но больше спрашивать не решилась, опасаясь, что бойкие на язык девчонки, пользуясь ее незнанием, понараскажут жути, сочинив на ходу очередную страшную историю.

Впереди, окруженное густым кустарником, показалось странное сооружение. Массивные стены из бетона, плотно притворенная металлическая дверь, покрытая слоем земли с зеленеющей травой наверху покатая крыша. Дойдя до здания, остановились. Несмотря побагровевшее солнце, что уже клонилось к закату, посылая миру прощальные лучи, воздух по-прежнему окутывал душным одеялом, заставляя чаще дышать, оттягивая липнущие к телу рубахи, так что все вздохнули с облегчением, когда к зданию быстрым шагом приблизилась уже знакомая лейтенант и коротко приказала:

— Заходим.

Сразу за дверью обнаружилась уводящая вниз лестница. Ноги застучали по бетону, а под сводом заметалось глухое эхо. Стало заметно холоднее, несмотря на жаркое лето снаружи, здесь царила прохлада. Пролет закончился толстой железной дверью, за которой обнаружилась еще лестница. Спустившись глубже, свернули, и некоторое время шли по узкому коридору, где можно было пройти лишь по двое. В стенах то и дело попадались металлические двери, настолько массивные, что оставалось гадать, что же такого ценного могло храниться в запертых помещениях, чтобы под слоем бетона, глубоко под землей устанавливать столь мощные преграды.

Впереди, по правую руку, показалась арка, возле которой девушки сворачивали, по-

очереди исчезая в глубине помещения. Заинтригованная, Ольга зашла следом за остальными. Взору открылся длинный зал с серыми бетонными стенами и низким потолком. У дальней стены, подвешенные на специальных приспособлениях, белеют листочки-мишени, за которыми, расположенные в строгой последовательности, чернеют странные щели-провалы.

— Итак, приступим, — над ухом раздался резкий голос.

Ольга повернула голову. «Гюрза» стояла тут же, глядя на девушек из-под козырька зеленой кепки. Часть девушек, демонстрируя знание предмета, уже разошлись к столикам, стоящим тут же, поперек зала, остальные отошли назад, негромко переговариваясь, перебирали какие-то железные детали, во множестве лежащие на широком деревянном выступе, козырьком выступающем из стены на уровне пояса.

— Поясняю для новичков, — лейтенант покосилась на Ольгу. — В этом помещении проводится тренировочная стрельба из огнестрельного оружия. Правила просты: в людей не целиться, оружие заряжать только перед выстрелом, наушники не забывать. Впрочем, — она усмехнулась, — последнее не обязательно. Всем, кто не стреляет, заняться делом, — Гюрзель кивнула на деревянный выступ.

Ольга ненадолго замешкалась, присматриваясь, где удобнее встать, когда жутко загремело. В ушах болезненно отдалось. Одним прыжком достигнув стены, Ольга схватила ближайšie наушники, во множестве висевшие вдоль стены, стремительно натянула. Глядя, как она очумело трясет головой, стоящие поблизости сородницы глумливо скалили зубы и весело перемигивались. Заметив насмешку, Оля нахмурилась, сделав надменное лицо, отвернулась.

Детали, при ближайшем рассмотрении, оказались частями пистолетов. Покосившись на девчонок, Ольга с досадой закусил губу, глядя, как те, почти не глядя, разбирают и собирают оружие, превращая сперва в кучу бесполезного железа, после чего, почти сразу же, воссоздавая исходную форму.

Все еще ощущая в голове неприятный гул, Оля взяла один из собранных пистолетов, осторожно потянула. Чувствуя, что оружие не подается, потянула сильнее. Из-за плеча высунулась чья-то рука, выхватив оружие, перевернула, и, сунув обратно в руки, стремительно исчезла, успев на прощание легонько стукнуть пальцем в лоб. Раздраженная собственной недогадливостью, Ольга дернула, что есть сил. Верхняя часть пистолета подалась неожиданно легко, и сразу же палец прострелило болью. Взглянув на сломанный ноготь, Ольга несколько раз глубоко вздохнула, продолжила, уже не торопясь.

Вскоре дело пошло на лад, а через четверть часа руки сами повторяли нужные движения. Удивляясь, что еще совсем недавно металлическая конструкция представляла неразрешимую загадку, Ольга отложила оружие. На стол, рядом с пистолетом, легла запечатанная картонная коробочка. Вскинув глаза, Ольга с удивлением обнаружила рядом мужчину, указав на коробочку, непонимающе развела руками. Тот мгновение вглядывался в ее растерянное лицо, затем коротко кивнул. Одним движением вытащив из пистолета обойму, он сорвал с коробочки пломбу, подковырнув, потянул. Под крышкой обнаружились красноватые кругляши гильз. Зацепив одну, мужчина подчеркнуто замедленным движением вставил патрон в обойму, после чего передал Ольге. Та осторожно взяла, и, в точности копируя движения, дважды повторила процедуру. Удостоверившись, что все понято верно, мужчина кивнул, отошел в сторону.

На плечо опустилась тяжелая рука. Обернувшись, Оля наткнулась на спокойный взгляд Буйдар. Та указала на освободившийся стол. Кивнув в знак благодарности, Ольга двинулась в

указанном направлении, но Буйдар остановила, покачав головой, осторожно забрала пистолет и вытащила обойму. Получив обратно обойму, Оля подсадовала на себя за забывчивость, и решительно подошла к столу.

Пятнышки мишеней, едва различимые, маячат впереди белесыми точками, от непривычной тяжести рука едва заметно дрожит, не позволяя совместить мушку с целью. Ольга покосилась на соседку слева, что легко отстреливала патрон за патроном, повернула голову направо. Уже знакомая брюнетка, Аня, удерживая пистолет обоими руками, размеренно выпускает пули через равные промежутки.

Оля подвела левую руку под рукоять, с силой прижала. Стало гораздо легче, ствол перестал дрожать, а правая рука, избавившись от напряжения, начала двигаться увереннее. Прищурившись, Ольга задержала дыхание, палец замедленно надавил на крючок, сильнее, еще сильнее... Пистолет слегка дернулся, донесся приглушенный наушниками хлопок.

Ошарашенная легкостью произошедшего, Оля несколько мгновений стояла недвижимо, затем методично расстреляла всю обойму, ощущая, как в душе рождается непривычное ощущение бесшабашности.

Хлопки прекратились, сдвинувшись с места, мишени плавно заскользили, перемещаемые по прикрепленным к потолку миниатюрным рельсам, приблизившись, замерли. Ольга недоуменно всмотрелась в мишень, с обозначенной серым контуром фигурой, отыскивая следы пуль, но лист оказался нетронут, лишь в правом верхнем углу в бумаге виднеется небольшая выемка, больше производящая впечатление случайного надрыва, чем целенаправленного попадания.

Покосившись на зависший поодаль «портрет» Ани, Ольга закусила губу, серая фигура пестрит многочисленными отверстиями, и лишь два выстрела ушли чуть в сторону, пробив бумагу в нескольких сантиметрах за контуром. Вынув обойму, Ольга отложила пистолет, стянула наушники, и уже собралась отойти, когда над ухом прозвучало:

— Номер?

Оля вскинула голову, только сейчас обнаружив стоящего позади мужчину. Тот держал в руках журнал и что-то быстро записывал.

— Простите? — Ольга вопросительно вздернула бровь.

Мужчина поднял глаза, подчеркнуто замедленно повторил:

— Твой личный номер.

Прыснула в кулак Аня, сзади обидно хохотнули, донеслось презрительное:

— Да она, похоже, тупая. Даже номер запомнить не может.

Почувствовав, что краснеет, Оля пробормотала:

— Семь... семьсот тринадцать.

— Громче, — мужчина смерил ее ледяным взглядом.

— Семьсот тринадцать! — отчеканила Оля.

Мельком взглянув на мишень, мужчина кивнул, что-то отметил в журнале, и двинулся дальше.

Анютка покачала головой, скорчив страшную рожу, прошептала:

— Ох, и написал он тебе...

— Что? — Ольга подобралась.

Позади раздалось вкрадчивое:

— Он написал, что ты провалила занятие.

Обернувшись, Оля едва не уткнулась в склонившуюся к плечу Элеонору, спросила

хмуро:

— И что теперь?

Элеонора хмуро пробормотала:

— За это наказывают... хотя, есть выход. — Она провела язычком по пухлым губкам, добавила томно: — Ты должна будешь всего-навсего ему... отсосать.

Ольга подмигнула, приблизив губы к уху Элеоноры, вкрадчиво прошептала:

— Надо понимать, вы, с Анютой, так и отрабатываете?

Элеонора всплеснула руками, сказала с чувством:

— Конечно! Как иначе?

По ушам ударил громогласный голос:

— Наушники снять, оружие на место, все на выход.

Вокруг засуетились, послышалось металлическое звяканье. Прежде чем раствориться в толпе, Элеонора на прощание бросила:

— И не забудь. Всего один минет и ты в белом. Не доводи до наказания.

Не желая толкаться, Оля дождалась, пока зал опустеет, положила пистолет к остальному оружию, повесила наушники и двинулась к выходу. Возле двери, скрестив руки на груди, замерла лейтенант. Окинув взглядом помещение, она вышла следом, окликнула негромко:

— Семьсот тринадцатая.

Ольга успела сделать несколько шагов, прежде чем запоздалое понимание мелькнуло вспышкой, заставив остановиться. Дождавшись лейтенанта, Ольга пошла рядом, глядя себе под ноги.

Гюрзель некоторое время молчала, затем произнесла усталым голосом:

— Не скажу, что мне есть до этого особое дело, но на всякий случай предупрежу, чтобы не наделала глупостей. За недостаточное старание здесь наказывают, порой, жестоко. То, как ты сегодня отстрелялась, тянет как минимум на... — она замолчала.

Оля хмуро шла рядом, ожидая приговора, не слыша продолжения, повернула голову, переспросила:

— Как минимум?..

Лейтенант кашлянула, сказала хрипло:

— Это не существенно. Важно другое. Я слышала, что тебе говорили девчонки. Не вздумай последовать совету.

— Это было бы смешно, — не сдержавшись, Оля усмехнулась:

— Это было бы грустно, — с нажимом произнесла Гюрзель. — Всем инструкторам на этот счет даны особые распоряжения. Просьба о поблажке, расценивается как подкуп, со всеми вытекающими.

Ольга вновь нахмурилась, спросила осторожно:

— Подкуп? С какой целью мне может понадобиться...

— Цель может быть любой, — жестко отчеканила лейтенант. — От послабления режима, до побега с территории.

— Но зачем?!

— Ты сюда приехала по своей воле? — насмешлив изогнув губы, поинтересовалась Гюрзель.

Ольга осеклась, вновь уткнулась взглядом в пол.

— Короче, — лейтенант сделала рукой отстраняющий жест, — поблажек не жди, на

провокации не ведись, работай в полную силу. Все.

Потянуло теплым воздухом. Преодолев последние ступеньки, они вышли наружу. Смех и шушуканье мгновенно прекратились, девушки выпрямились, глядя строго перед собой. Ольга тут же юркнула в сторону, пристроилась с краю, застыв вместе со всеми.

«Гюрза» неторопливо прошла перед отрядом, кому-то стукнула по чересчур расслабленному животу, кого-то одернула за выбившуюся из брюк рубаху, сказала кровожадно:

— Ну что ж, развлечение закончилось, вас ждет полоса препятствий.

Возвращаясь в казарму, Ольга ощущала, что тело живет какой-то своей жизнью: игнорируя команды разума, ноги загребали песок, запинаясь на ровном месте, норовили подломиться, уронив хозяйку на землю, руки болтались из стороны в сторону, онемев почти до полной нечувствительности, в плечах саднило, а глубоко в спине при каждом шаге что-то вздрагивало, отзываясь тупой болью.

Дотащившись до кровати, она рухнула как подкошенная. Сил не хватило даже на то, чтобы снять кроссовки. Сквозь гул в ушах с трудом проникали какие-то звуки, настолько далекие, что лишь спустя несколько минут, Ольга разобрала, что звуки являются ни чем иным, как шорохом кед соседок по казарме, входящих и выходящих из умывальника.

Ольга попыталась привстать, но смогла лишь едва шелохнуться. Заподозрив в соратницах замаскированных роботов, ничем другим объяснить их бодрый вид после столь чудовищной тренировки не представлялось возможным, Оля сцепила зубы, рывком села. Комната качнулась, стены угрожающе надвинулись, грозя раздавить. Дождавшись, пока в глазах перестанет двоиться, Ольга осторожно встала и медленно, боясь, что здание вновь закачается, двинулась в санитарную комнату.

Ее проводили сочувствующими взглядами. Послышалось жалостливое:

— Мелкая. Загнется от нагрузок.

Чудовищным усилием выпрямив спину, Оля двинулась вперед, некоторое время почти не шатаясь, но едва за спиной захлопнулись створки, влипла в стену, с трудом удерживаясь от падения.

* * *

Неделя прошла, словно в бреду. Поднимаясь с утра, Ольга с трудом сгибалась, ощущая себя так, словно попала в автомобильную катастрофу, шла в душевую, холодный душ помогал прийти в себя, после чего быстро заправляла постель и вместе со всеми выходила на разминку в «Колизей», как между собой девушки называли спортивный комплекс на открытом воздухе.

После разминки сообща двигались в столовую, единственное место, где в одно время собирались все пять отрядов. Ольга часто встречала своих невольных попутчиц по грузовику, иногда даже успевала перекинуться парой слов. Девушки выглядели не лучшим образом: изможденные лица, черные круги под глазами, запавшие глаза, казалось, что их заставляют заниматься непосильной работой сутками напролет.

Ольга отдавала себе отчет, что и сама выглядит не лучше. По утрам, глядя в висящее на стене, над рукомойником, зеркало, она ужасалась отражению, но с началом тренировок грустные мысли исчезали, возникая вновь лишь при встрече со старыми знакомыми.

Перед выходными в коридоре вывесили таблицу результатов. Разглядывая прикнопленный к пробковой панели бумажный лист, исписанный мелкими цифрами достижений, девушки шумно делились впечатлениями. Подобравшись ближе, Ольга пробежалась глазами по столбцу с порядковыми номерами, не обнаружив своего, некоторое время размышляла, затем, пожав плечами, развернулась, собираясь уйти, когда слуха коснулся негромкий разговор.

— Полагаешь, Настю?

— Да ты сама глянь, сплошная краснота.

Заинтересовавшись, Ольга прислушалась, встав к говорившим боком, перевела взгляд на таблицу, где, среди множества данных, отпечатанных привычным черным шрифтом, некоторые цифры бросались в глаза, выделенные красным и зеленым маркером.

Вновь раздался голос:

— Но у Юльки столько же, если не меньше!

— Больше. Глянь внимательнее.

В мыслях возникла Юлия — нескладная угрюмая девушка, с утомленным лицом и вечно поджатыми губами. Вспомнив, под каким номером значилась Юлия, Оля обратила внимание, что красных пятен в списке ее достижений действительно оказалось значительно больше чем у других.

Пока Ольга размышляла, что могла бы означать цветовая градация, послышались приближающиеся шаги, за спиной пренебрежительно хмыкнуло. Оля скоса взглянула через плечо. Позади, пристально всматриваясь в табличку, замерла одна из подруг белокурой Вероники — Светлана. Перехватив Ольгин взгляд, она насмешливо улыбнулась, сказала с сарказмом:

— Решила результаты глянуть? Можешь не бояться, новичков первую неделю не вывешивают.

Ольга повернулась к собеседнице лицом, спросила с подозрением:

— Бояться? С чего вдруг?

Та сделала большие глаза, спросила с удивлением:

— Разве тебе не сказали? Впрочем, не важно. Видишь эти красные точки? Чем их больше, тем хуже. Самого худшего наказывают, двое получше — неделю убирают казармы.

— А зеленые? — Оля мельком взглянула на таблицу.

— Ты совсем тупая? — Светлана раздраженно дернула головой. — Это лучшие. Та же система, только в плюс. Троицким отличившимся, дается лишнее свободное время, ну и прочие приятности тоже.

Пропустив оскорбление мимо ушей, Ольга уточнила:

— И ты считаешь, что я, конечно же, окажусь аутсайдером?

Светлана наморщила лоб, пытаясь понять незнакомое слово, но лишь отмахнулась, сказала едко:

— Ты себя в зеркало видела, нет? Сходи, обнови память. С такими данными ты здесь вечно будешь на уборке, если вообще не окочуришься.

— Уж конечно, жопа в три обхвата да сиськи до пупа гораздо полезнее, — ответила Ольга в тон.

Не ожидая подобной наглости, Света несколько секунд моргала. За это время Ольга успела обойти девушку и углубиться в казарму, когда сквозь двери донеслось бешенное:

— Слышь, щепка, это ты кому сейчас сказала? А ну стоять!

От пинка с грохотом распахнулись двери, за спиной затопало, приближаясь, рубаху на плече рвануло. Ольга ударила по вцепившимся в ткань пальцам, развернувшись, взглянула в упор на противницу.

Вокруг зашумели, часть девушек с одобрительными возгласами повскакивали с кроватей, приблизились, остальные повернули головы, с интересом прислушиваясь к происходящему.

— Сейчас я тебе... — прошипела Светлана.

Ольга ощутила боевой азарт. Скопившееся на протяжении недели недовольство, от постоянных придинок и подначек, прорвалось. Качнув головой так, что хрустнули шейные позвонки, она поманила пальцем противницу, бросила короткое:

— Больше дела, меньше слов.

Та рванулась вперед, одновременно нанося удар рукой, но памятью схватку недельной давности, Ольга держалась настороже и вовремя уклонилась. За ударом последовал еще один, а потом еще. Не зная толком, что делать, Ольга медленно отступала, время от времени с силой шлепая ладонями по мелькающим возле лица рукам.

Вокруг орали все громче, гвалт стоял такой, что закладывало уши. Сквозь общий шум донесся чей-то радостный крик:

— Гони ее к стене, там добьешь!

Выбрав мгновение, когда между ударами наступила короткая пауза, Оля мельком оглянулась. До ведущих в санузел дверей осталось не так уж много. Место для отступления еще оставалось, но Ольга с холодком поняла, что рано или поздно упрется в тупик, и вот тогда...

Вновь замелькали кулаки, пришлось отбросить все лишние мысли, сосредоточившись на бое, чтобы случайно не пропустить удар. Войдя в раж, Светлана била в полную силу, и пропустить один подобный удар — означало проиграть, сразу и бесповоротно. Глядя в перекошенное яростью лицо противницы, Ольга содрогнулась, чувствуя, что одним ударом дело не закончится, разъяренная фурия будет бить и пинать поверженное тело, пока не переломает все кости, если просто не убьет.

В очередной раз едва избежав удара, Оля с силой хлестнула ладонью в ответ, вложив в движение сил более обычного. На лицо брызнуло влажным, а палец окрасился кровью. Не отдавая себе отчет, Ольга повторила движение, а когда поняла, в груди зародился восторг. Несколько мгновений она хлестала в полную силу, попадая через раз, и остановилась лишь после того, как удары прекратились.

Противница стояла, тяжело дыша, и с удивлением разглядывала руки, из которых тонкими струйками сочилась кровь, вытекая из многочисленных глубоких царапин. Подняв глаза, она яростно прошипела:

— Ах ты!

Удар ногой оказался настолько быстр, что Ольга не успела среагировать. Плечо взорвалось болью, а из груди вырвался невольный стон. Болельщицы завопили громче. Лицо Светланы осветилось предвкушением победы, когда она вновь начала атаку.

Рука онемела. Двигаться становилось все сложнее. Пульсирующая в плече боль сбивала с ритма, при каждом рывке распространяя вокруг себя злые острые иглы, замедляла

реакцию. Несколько ударов почти достигли цели: нижнюю челюсть саднило, а глаз начал заплывать. Нужно срочно что-то делать, иначе... представлять, что будет «иначе» не хотелось.

Под ногу попало мягкое. Отдернувшись от неожиданности, Оля неловко наступила, несколько мгновений балансировала, размахивая рукой, но, не удержав равновесия, опустилась на колени. Испустив радостный вопль, противница рванулась вперед, занося руку для удара.

Предчувствуя вспышку боли, Ольга сжалась, от отчаяния мышцы свело судорогой, почти не осознавая, что делает, она резко устремилась вверх. Ноги с силой распрямились, тело взметнулось, словно подброшенное пружиной. В голову больно ударило. Одновременно раздался тихий вздох.

Очумело трясая головой, Ольга непонимающе смотрела на Светлану, что вдруг обмякла и замедленно, словно в кино, с сухим стуком завалилась навзничь. Нос девушки казался неестественно вывернут, а из ноздрей обильно текла кровь, собираясь на полу в большое красное пятно.

Из галдящей замолкшей толпы выдвинулась Вероника, взглянув на поверженную подругу, поморщилась, произнесла насмешливо, обращаясь к Ольге:

— Что ж, один-один. Но партия только начинается.

Хлопнула дверь, в проеме возникла лейтенант. «Болельщицы» мгновенно рассосались по койкам, с увлеченным видом занялись мелкими делами. Лейтенант прошла вдоль прохода, взглянув на по-прежнему лежащую без сознания Светлану, поинтересовалась:

— Что произошло? — Не дождавшись ответа, повысила голос: — Я спрашиваю, что произошло?

Гюрзель обвела взглядом притихшую казарму, под ее требовательным взглядом девушки опускали глаза и стушевывались.

Кто-то проямлил:

— Ничего особенного, мы просто... — но, поперхнувшись под ледяным взглядом, замолчал.

Повернувшись к Ольге, стоящей в прежней позе, лейтенант терпеливо произнесла:

— Семьсот тринадцатая, я жду объяснений.

Ольга помялась, мельком взглянула в сторону выхода, откуда на нее с ненавистью смотрела Вероника, опустила глаза. На мгновение остро захотелось рассказать все в подробностях. Но, пересилив постыдное желание, Оля вскинула голову, отстраненно произнесла:

— Светл... семьсот четвертая оступилась и неудачно ударилась при падении.

Гюрзель покивала, разглядывая лежащую девушку, затем пристально взглянула Ольге в лицо, поинтересовалась:

— Наверное, ты знаешь и о том, что произошло с ее руками?

— Конечно, — Ольга улыбнулась, — я пыталась остановить ее падение, но, к сожалению, не удержала.

— Остановить чем? — брови лейтенанта взлетели ко лбу, — палкой с гвоздями?

Оля развела руки, демонстрируя окровавленные пальцы, сказала с глубокой грустью:

— Мне не хватало сил, пришлось использовать ногти, но даже это не помогло.

По лицу начотряда невозможно было определить, поверила ли она в услышанное, но через несколько мгновений напряженного молчания Гюрзель отчеканила:

— Бойца привести в чувство и отправить в санчасть. Кровь убрать. Кто там нынче дежурный?.. И не забудьте — через полчаса кросс.

Едва за лейтенантом захлопнулась дверь, девушки тут же засуетились, вокруг поверженной собралась толпа, а Ольгу оттеснили в сторону. Понаблюдав, как Светлану приводят в чувство, вытирают от крови и поднимают на ноги, Оля направилась в душевую.

Взглянув в зеркало, Оля покачала головой, несколько мелких царапин особо не портили внешность, но расплывшееся под глазом желтое пятно, что уже начало темнеть, не порадовало. Пустив из крана холодную воду, она еще некоторое время рассматривала себя в зеркало, затем опустила лицо под струю. Царапинки защипало, а ноющая боль под глазом утихла.

Когда кожа почти потеряла чувствительность, а лицо превратилось в холодную маску, Оля со вздохом облегчения выпрямилась, стряхнув с ресниц капли влаги, вновь взглянула в зеркало. Ничего не изменилось, за исключением того, что в глубине отражения возникло задумчивое веснушчатое лицо.

Ольга не припоминала, чтобы эта худая, молчаливая девушка с копной рыжих волос и смешным курносом носиком хоть раз что-то произнесла, потому сильно удивилась, когда та негромко произнесла:

— Почему ты не сказала правду?

Смывая с рук остатки крови, Оля повернула голову, уточнила:

— Какую правду?

Рыжая девушка подошла ближе, встав у соседнего раковины, и Ольга вспомнила ее номер — семьсот шестой, сказала негромко:

— Правда о произошедшем. Ведь это она затеяла драку, не ты.

Ольга пожалала плечами, ответила задумчиво:

— Даже не знаю. Наверное, не привыкла ябедничать.

— Ябедничать? — Рыжеволосая казалась удивленной. — Но разве не правильнее было бы отплатить той же монетой? Кстати, меня Алла зовут, а тебя, насколько помню...

— Ольга, — Оля улыбнулась.

— Да, да, конечно. — Алла развела руками. — Так все же, почему ты не сказала? Ведь тогда бы ее наказали. Причем заслуженно.

Оля отмахнулась, сказала с досадой:

— Да черт с ней! Что теперь, по каждому поводу к «Гюрзе» бежать?

Рыжая покачала головой, сказала убежденно:

— Не по каждому, конечно. Но такие вещи нельзя спускать. Иначе решат, что ты боишься. Тем более, — она понизила голос, — Света одна из подруг Вероники, а та тебя недолюбливает.

Оля вспомнила полный ненависти взгляд белокурой противницы, глухо пробормотала:

— Возможно, ты в чем-то и права... В будущем постараюсь быть умнее.

Словно не слыша последних слов, Алла продолжила рассудительно:

— Конечно, остальные, кто не является прихлебалами Веры, в глубине души без сомнения одобрили, но, знаешь, менять реальную возможность отомстить врагу, на молчаливое одобрение чужих людей... Сомнительная выгода.

Вода смыла последние красные крупинки. Закрутив кран, Ольга взглянула в глаза рыжей, спросила с кривой улыбкой:

— Неужели обязательно во всем искать выгоду?

Собеседница покачала головой, не отводя взгляд, произнесла с легкой грустью:

— Похоже, ты все еще не поняла, куда попала. Постарайся все же осознать, и хорошо бы это произошло раньше, чем станет поздно, — отвернувшись, она отряхнула руки и вышла из душевой.

Когда Оля вернулась в казарму, следы драки уже устранили, пол сиял чистотой, а Светланы нигде не было видно, судя по всему, ее таки отправили в санчасть. Ольга опустилась на кровать, осторожно ощупала плечо. Мышца припухла, при надавливании, сустав постреливал болью, но чувствительность вернулась. Оля несколько раз согнула и разогнула руку, пошевелила пальцами, с удовлетворением ощутив, как откликаются мышцы, осмотрелась.

Сидя на своей койке, Буйдар перехватила взгляд, чуть заметно кивнула, стоящие поодаль девушки ободряюще улынулись. Ольга ощутила, как навеянные разговором с рыжеволосой Аллой сомнения рассеиваются, а настроение неуклонно поднимается. Завидев Ольгу, романтические подружки, Аня с Элеонорой, тут же подошли, остановились рядом.

Схватившись за голову, Аня тоненько зататорила:

— О, как это было зрелищно!

— Столько кровищи, столько кровищи! Я думала, сблюю, — картинно закатив глаза, вторила Элеонора.

— А как ты ей нос сломала! — Анечка всплеснула пухлыми ручками.

— Раз — и на полу кровавая лужа! — не успокаивалась Эля.

От голосов зазвенело в черепе. Ольга зажмурилась, заткнула уши руками, а когда, через несколько секунд, открыла глаза, девушки смотрели на нее с постными лицами. Улыбнувшись, Ольга примирительно произнесла:

— Девчонки, у меня после драки голова гудит, еще и вы шумите.

Подбоченившись, Анюта взглянула на подругу, недовольно произнесла:

— Кошмар. Мы ее хвалим, а она уши затыкает.

Элеонора поджала губы, сказала обиженно:

— Не говори. Вот и поддерживай после этого людей. Такое скотство.

Они одновременно отвернулись, двинулись назад, с видом оскорбленного достоинства. Ольга поспешно вскочила, схватила девушек за талии, воскликнула с веселой досадой:

— Да куда же вы! Мне очень приятно, что вы подошли.

Анюта живо обернулась, жарко прошептала в ухо:

— Так же, как тогда, в душе?

Элеонора поддержала, выдохнула со страстью:

— Может, прямо сейчас и повторим? До сбора десять минут...

Ольга закатила глаза, а подружки заразительно захохотали. После чего Анюта сказала с милой улыбкой:

— Это действительно было здорово.

Эля кивнула, добавила в тон:

— Думаю, когда Светка решит отомстить, будет не менее интересно. Надеюсь, мы не пропустим.

Сделав на прощание недвусмысленные жесты языками, они удалились, эротично виляя бедрами. Глядя на уходящих, Ольга всерьез задумалась о психическом здоровье обеих. Но вскоре от раздумий отвлек шум, девушки в ускоренном темпе разглаживали постельное белье и одевались, приближалось время обещанного кросса.

Сигнал подъема безжалостно прервал сон, зазвенел в ушах, болезненно ввинчиваясь в мозг тупой иглой. Голова еще не очистилась от сонной одури, а руки уже привычно откинули одеяло, уперлись в кровать, помогая телу вырваться из нежных объятий сна. Ноги зашарили по полу, отыскав кеды, запрыгнули внутрь. Ольга встала, сонно покачиваясь, двинулась в душевую, стараясь добраться до заветной комнаты раньше остальных, чтобы после не стоять в живой очереди возле дверей, ожидая, пока освободится место.

Холодная вода стеганула по телу тугими струями, заставив вздыбиться малейшие волоски, выбила остатки сна. Прополоскав рот, Ольга завинтила ручку крана, отряхнулась, накинув майку и трусики, все это время провисевшие тут же, на вбитом в переборку крючке, двинулась на выход.

Несмотря на раннее утро, в казарме царила непривычная нервозность. Девушки не спешили заправлять постели, то и дело собирались кучками, негромко шушукались. Когда в дверях возникла Гюрзель, половина состава отряда все еще оставались в нижнем белье.

Критически осмотрев девушек, лейтенант произнесла:

— Если кто-то из вас полагает, что медленными сборами добавит себе баллов, это большое заблуждение.

Ее слова произвели магическое действие. Девушки ускорились в разы. Расправляя одеяла и натягивая одежду, они задвигались с такой скоростью, что, казалось, промедление грозило отставшим мучительной смертью. Не прошло и полминуты, а отряд в полном составе уже стоял вдоль прохода, вытянувшись по стойке смирно.

Пока проводили переключку, а затем двигались в сторону столовой, Ольга безрезультатно гадала, что могли означать слова начальницы отряда. Вокруг зашептались. Ольга вынырнула из размышлений, с удивлением отметив, что вместо здания столовой они подошли к плацу — широкой заасфальтированной площадке, покрытой многочисленными линиями, нанесенными белой краской. В обычные дни занятый машинами, бойко снующими вдоль линий и совершающими головоломные повороты, плац оказался пуст.

В глаза бросились крестообразные приспособления, выстроенные рядком неподалеку. Оглядевшись, Ольга заметила, что сюда же направляются другой отряд, а вслед за ним, еще один. В течение нескольких минут подошли оставшиеся отряды, некоторое время выстраивались, после чего замерли в ожидании.

Вскоре подошла Гюрзель, а с ней и другие начальницы отрядов. Критически оглядев подопечных, лейтенант поморщилась, но, ничего не сказав, встала неподалеку, повернувшись вполборота. Ольга во все глаза смотрела на странные приспособления, не в силах понять их предназначение. Повернувшись к соседке, она уже готова была задать вопрос, когда внимание привлек звук мотора.

Негромко урча, к плацу подлетел внедорожник, не доезжая нескольких метров до полосы асфальта, мягко притормозил. С легким щелчком отворилась дверца, из салона вышел немолодой, грузный мужчина в военной форме. По рядам пронесся чуть слышный шепот, и почти сразу же воцарилась тишина. Ольга пристально вглядывалась в прибывшего, пытаясь прочесть хоть какие-то эмоции, но лицо мужчины отражало лишь усталость и скуку.

Замедленно приблизившись, мужчина постоял, глядя себе под ноги, затем поднял глаза и буднично произнес:

— И снова здравствуйте. Вот и прошла неделя, и настало время подвести итоги. Итак, чтобы поняли недавно прибывшие, а остальные не забыли, напоминаю... — Прокашлявшись, он продолжил скороговоркой, так, словно совершал необходимую, но ужасно утомительную процедуру. — Все что здесь происходит непосредственно связано с вашей будущей работой, и чем лучше вы будете стараться, тем большего достигнете. Ни сколько не сомневаюсь, что вы это отлично понимаете, но все мы люди, и порой позволяем себе слабости... — мужчина замолчал, достал из кармана платочек, тщательно промокнул лицо. Несмотря на раннее утро, и еще не прогретый с ночи воздух, его лоб во множестве покрывали мелкие бисеринки пота.

Рядом прошелестел вздох. Ольга покосилась на соседку. Девушка стояла навтыжку, как и прочие, но ее лицо выражало бесконечную тоску. Наклонившись в ее сторону, Оля прошептала:

— Тебе не интересно?

Та некоторое время молчала, словно погрузившись в глубочайшие раздумья, затем произнесла чуть слышно:

— Интересно? Да он эту шнягу еженедельно лепит. Хоть бы слова переставил.

Тем временем «лектор» вновь заговорил.

— Принятая в нашем лагере система подсчета баллов позволяет эффективно преодолевать слабости. Тот, кто по настоящему старается, не жалея сил, получает приятные возможности, ну а ленивые, — мужчина развел руками, его лицо перекопилось, в тщетной попытке изобразить скорбь, — заслуженное наказание.

Хлопнули дверцы, из машины, один за другим, выбрались пятеро крепких мужчин в маскировочной одежде, лица лишены эмоций, у каждого в руках небольшой сверток, выстроились рядком.

С удивлением рассматривая новых участников действия, Ольга упустила момент, когда обрюзгий мужчина, достал из кармана небольшой листок, подслеповато шурясь, зачитал порядковые номера, и вновь обратила внимание, лишь когда из замерших рядов вышли пятеро девушек, понурившись, остановились напротив непонятных крестовин.

Ольга во все глаза смотрела, как, ранее стоящие недвижимо, мужчины одновременно шагнули вперед, на ходу разворачивая свертки. Мгновение, и на плечах у девушек уже красуются странные черные куртки с длинными рукавами. Девушек подвели к крестовинам, и... Ольга сперва даже не поняла, что происходит, лишь когда девушки замерли, растянутые, словно морские звезды, мелькнуло страшное понимание.

По-прежнему не желая поверить в увиденное, Оля прошептала:

— Они собираются... Но этого не может быть!

Соседка скосила глаза в ее сторону, спросила с пониманием:

— Новенькая? — Глядя в расширившиеся глаза Ольги, произнесла: — Ничего, привыкнешь. Меня тоже сперва мутило.

Тем временем мужчины отступили на пару шагов, в их руках, словно по волшебству, распустились длинные плети. Пять рук поднялись, как одна, и, по команде, разом ударили. Свистнул рассекаемый воздух. Кожаные плетки со смачным чавканьем распрямились. Дернулись закутанные в черное женские тела.

Ушей коснулся сдавленный полу-всхлип полу-стон. Ольга вздрогнула, как будто это она сейчас висит на крестовине, закрыла глаза. Картинка исчезла, но смачные удары бичей и болезненные вскрики били по ушам, рисуя растянутые силуэты несчастных, даже под плотно

сомкнутыми веками.

Не открывая глаз, Оля спросила с дрожью:

— Зачем их завернули... в это?

— В плащи? — донесся уже знакомый, чуть насмешливый голос. — Чтобы шкуру не попортить.

Ольга открыла глаза, стараясь не смотреть на экзекуцию, быстро повернулась к собеседнице, спросила чуть слышно:

— Боятся последствий?

Та лишь криво ухмыльнулась, сказала с ненавистью:

— Им нечего бояться. Они могут нас всех убить и закопать по соседству, так что никто и не узнает.

— Тогда зачем?

— Обычный расчет. Это мужчин шрамы украшают, а стоимость женщины напрямую зависит от внешнего вида.

Очередной удар выбил из жертвы особенно жалобный крик. Ольга поморщилась, спросила с сомнением:

— И... куртка защищает?

Собеседница кивнула, ответила со знанием дела:

— Конечно. Но только от рубцов. Боль от ударов точно такая же. Уж поверь.

Девушка замедленно повела плечами, словно прислушиваясь к ощущениям, и Ольга с содроганием поняла, что ее знания основаны не на пустом месте.

Уже гораздо позже, когда пришло время обеда, и все ели в непривычной тишине, перед глазами снова всплыла картина наказания во всех мелочах. Вяло ковыряя ложкой остывшую кашу, Оля раз за разом прокручивала перед внутренним взором момент, когда потерявших сознание от боли девушек отвязали, и, словно бесчувственные кули, растащили по казармам, а «лектор» прежним безэмоциональным тоном пожелал всем успехов.

Проверить на себе прочность защищающей от рубцов куртки не хотелось, и, подстегиваемая страхом и отвращением, Ольга напряженно размышляла. Когда ложка заскребла по пустому дну, а большая часть отряда уже выдвинулась на очередную тренировку, в царящем в голове хаосе мелькнула интересная мысль, покругившись в хороводе слов и размытых картинок, отделилась от прочих, расцвела красками, выкристаллизовавшись в план действий. Улыбнувшись себе, Ольга резко встала, собрав грязную посуду, быстро направилась в сторону выхода.

Вечером, когда до отбоя осталось чуть больше часа, Ольга остановилась напротив кабинета начотряда, глядя на пробивающийся из-за неплотной двери тонкую полоску света. Несколько секунд постояв в раздумии, Ольга тряхнула головой и решительно постучалась.

— Войдите, — раздалось в ответ негромкое.

Потянув дверь за ручку, Ольга вошла. Неотрывно глядя в монитор, лейтенант что-то быстро набирала на клавиатуре, так что щелканье клавиш сливалось в непрерывное стрекотание. Обернувшись на скрип двери, она выжидательно посмотрела на гостью.

Кашлянув для проформы, Оля произнесла:

— Разрешите обратиться.

— Что-то серьезное? — Гюрзель вопросительно изогнула бровь.

Ольга повела плечами, сказала ровно:

— Ничего особенного, но... у меня возник вопрос.

Лейтенант несколько мгновений смотрела испытывающе, после чего отодвинулась от стола, устало произнесла:

— Что ж, слушаю.

Собравшись с духом, Оля выпалила на одном дыхании:

— Предусматривает ли обучение в лагере возможность дополнительных занятий?

Лейтенант потерла лоб, спросила с некоторой заминкой:

— Я не очень понимаю, что имеется в виду?

Ольга сказала с жаром:

— За прошедшую неделю я ощутила острую нехватку знаний по многим дисциплинам, и... мне хотелось бы восполнить имеющиеся пробелы.

Гюрзель поморщилась, произнесла с расстановкой:

— Если ты имеешь в виду лекции, то они начнутся со следующей недели.

Оля помотала головой, сказала с нажимом:

— Я имею в виду возможность лично почерпнуть знания из дополнительных источников. Брошюры, пособия, книги... — Видя, как нахмурилась лейтенант, Ольга заторопилась. — Я не сомневаюсь, что лекции подготовлены так, чтобы преподать знания в наиболее доступной форме, но... Меня не устраивает просто хороший результат, я хочу отличного. Но для того, чтобы полностью овладеть материалом, нужно изучить каждый предмет всесторонне.

Лейтенант некоторое время сидела неподвижно, на ее лице застыло странное выражение, наконец, она шевельнулась, произнесла задумчиво:

— За все время моей здесь работы, впервые сталкиваюсь с проявлением личной инициативы в... подобной форме. — Она перевела взгляд на мерцающий экран ноутбука, затем обратно на Ольгу, спросила невпопад: — С монитора читать можешь?

Оля развела руками, сказала с улыбкой:

— В свое время только этим и занималась.

— Что ж, пойдем, попробуем...

Гюрзель встала, захлопнув крышку ноутбука, указала глазами на выход. Ольга попятилась, распахнув дверь, выдвинулась в коридор. Меньше чем через минуту лейтенант вышла следом. Стоящие возле казармы девушки прервали беседу, проводили их настороженными взглядами. В глазах соратниц Ольга прочла сочувствие. Судя по всему, подобные выходы, одни на один с начальством, ничем хорошим не заканчивались.

Шагая вслед за лейтенантом, Оля то и дело оглядывалась. С наступлением вечера обычно шумный, наполненный кипучей деятельностью лагерь обезлюдел. В сгущающейся тьме застыли угрюмыми пятнами машины, наброшенная на здания маскировочная сеть превратилась в чудовищную паутину, а красные огоньки установленных на стенах камер казались жуткими глазами ночных созданий.

Ольга грустно улыбнулась возникшим ассоциациям, тряхнула головой, прогоняя неуместные мысли. Впереди белесым пятном замаячило здание связи, и вскоре они стояли перед дверью. Гюрзель вытащила из кармана блестящий пластиковый прямоугольник, вставила в тонкую щель электронного замка.

Мигнул зеленый глазок, тихо щелкнуло. Едва они вошли в здание, в коридоре вспыхнул свет. Лейтенант свернула налево, поднялась по лестнице на второй этаж, остановилась возле первой двери. Вновь в дело пошла карточка. На этот раз система защиты думала немного дольше, но, как и раньше, вновь загорелась зеленая лампочка и дверь распахнулась.

— Ну вот и пришли, — лейтенант сделала широкий жест рукой. — Проходи, располагайся.

Ольга огляделась. Освещенный ровным желтым светом, небольшой зал плотно заставлен столиками, на каждом возвышается плоская коробочка ноутбука. Тут же пачка небольших листков и шариковая ручка. Оля шагнула к ближайшему, отщелкнула крышку. Мигнул индикатор, чуть слышно застрекотал жесткий диск, зашумел, пробуждаясь ото сна, кулер.

Экран протаял яркой заставкой, мелькнул и пропал логотип операционной системы, взору открылся однотонный рабочий стол с множеством папок. Глаза пробежались по названиям, а пальцы сами собой улеглись на панельку управления, задвигались, смещая треугольник курсора к нужным местам.

— Вижу, тебе помощь не требуется...

Ольга подняла глаза, произнесла с подъемом:

— Да, да, конечно. Только... — Она на мгновение замялась, спросила с опаской: — Тут нет ничего секретного, чтобы потом не возникло проблем?..

Гюрзель чуть заметно усмехнулась, ответила:

— Это учебный компьютер. Можешь смотреть все, что найдешь. В папках краткая информация по факультатавам и подборка специальной литературы. И еще... Сейчас я тебя закрою и уйду. Вернусь через час. Постарайся за это время ничего не сломать, поскольку твое присутствие здесь в это время исключительно моя ответственность.

Негромко скрипнула дверь, тоненько пискнула сигнализация, и Ольга осталась одна. Внутри разлилось приятное спокойствие, уже больше недели она не оставалась в одиночестве. Глубоко вздохнув, Ольга счастливо улыбнулась, но взгляд уже прикипел к монитору, а пальцы защелкали по клавишам, и вскоре окружающий мир исчез, вытесненный потоком новой, непривычной, зачастую страшной, но жизненно важной информации.

В сознание пробился посторонний звук. Ольга недовольно дернула плечом, но звук повторился, усилился. Смутно знакомый голос ворчливо произнес:

— Заканчивай, заканчивай. Ишь, зачиталась, не оторвать.

Оторвавшись от монитора, Ольга встала из-за стола, сказала с восторгом:

— Очень много полезного! Было бы здорово попадать сюда каждый день.

Гюрзель произнесла скептически:

— Не разбегайся. Пару раз в неделю — возможно, чаще — сомнительно. Но вообще, все будет зависеть от твоих результатов, повысишь — значит, толк есть, нет — уж извини, здесь не комната отдыха для любителей чтения.

Ольга прямо взглянула на лейтенанта, сказала твердо:

— Результаты будут. Не сразу, не во всем, но будут — обещаю.

— Тянем носок! Удар должен производиться при полном распрямлении ноги, тыльной стороной стопы. Не пальцами! Повторили еще. Раз! Раз! Раз!

Два десятка ног взметнулись в едином порыве, на мгновение застыв в высшей точке, вернулись обратно, и вновь взмах. Два десятка облаченных в кимоно фигур, как заведенные, двигаются по дощатому полу, повторяя одно и то же, доводя заданное движение до рефлекса. Инструктор в черном кимоно мягко перемещается по залу, успевая следить одновременно за всеми, поправляет, указывает, заметив особенно плохое исполнение, пресекает болезненным ударом ладони, после чего провинившийся начинает стараться вдвойне, опасаясь повторной экзекуции.

Движения даются легко. Ноги, словно на крыльях, движутся по нужной траектории, не ощущая сопротивления, взмывают на необходимую высоту. На мгновение промелькнуло воспоминание о легкоатлетическом манеже, когда, вот также приходилось растягивать тело, разминая перед основной нагрузкой. Доставшаяся тяжелой работой растяжка сохранилась и поныне, значительно облегчая усвоение приемом рукопашного боя. Воспоминания мелькнуло и погасло, суровый голос вернул к действительности.

— А теперь лицом друг к другу... Начали!

Быстрый кивок, короткое касание перчатками, и вот уже глаза противницы внимательно смотрят через щель в маске, отслеживая малейшее движение. Кулак в синей перчатке угрожающе летит навстречу, но это пробный удар, можно не реагировать, лишь чуть-чуть отодвинуть голову... на всякий случай. Следом идут два коротких сильных удара в живот. Отбивая, руки размеренно дергаются вниз, по одному движению на каждый удар, не больше.

Противница сдвигается, перенося вес тела на левую ногу, а правая чуть заметно вздрагивает. Легкая улыбка касается губ Ольги: слишком заметно, чересчур медленно, так мог бы двигаться новичок или пьяный. Обычная обманка, удар придет не оттуда. Словно согласуясь с мыслями, ноги противницы остаются на месте, а руки выстреливают навстречу, целясь в уязвимую шею. Короткий обмен ударами и вновь настороженный взгляд.

Оборона не поощряется. Пора наступать. Резкий рывок вперед. Попавшись на обман, партнерша уходит в защиту, но, отклонившись назад, «забывает» в зоне поражения ногу. Подсечка. Конечно, нога не опорная, но если повезет, то можно попытаться... Да! Выведенная из равновесия, противница на мгновение переносит внимание на ногу. Теперь нужно успеть. Резкий подъем. Тело разворачивается вокруг своей оси, а левая нога выстреливает, набирая скорость, несется, описывая дугу, к голове партнерши. Удар. В реальном бою бы потребовался еще один в полную силу, но здесь обучение, хватит и имитации. Правый локоть вырывается вперед, замирает в сантиметре у виска противницы. Все, бой окончен. Короткий кивок, касание перчатками...

— Меняем партнеров!.. Начали.

Развернувшись, Ольга ощутила легкий дискомфорт. Напротив, крепкая, словно скала, возвышается Буйдар, раскосые глаза смотрят спокойно, на лице застыло умиротворение. Для тяжелоатлетки она не противник. Почти невозможно что-то сделать, когда разница в весовой категории столь существенна. Почти...

Кивок. Касание. Фигура напротив напряглась, растопырила руки, сразу превратившись

из девушки в киборга, закованного в непробиваемые латы из мощной мускулатуры. Ольга сдвинулась на пару шагов вправо, затем влево. «Киборг» не шелохнулся, лишь серые глаза, чуть прищурившись, лениво следят из щели маски. Без особой надежды на успех, Ольга атаковала. Удар. Еще один. Нога упруго отскакивает, словно под ней не человек, а резиновая кукла. Короткий тычок в ответ. Тело легко уходит в сторону. Быстрый обмен ударами. Буйдар явно бьет в треть силы, но даже этого хватает, чтобы предплечья занемели.

Отскочив, Ольга затрясла руками и едва не пропустила захват. Противница резко надвинулась, руки сблизилась навстречу друг-другу, норовя захватить, сжать, расплющить. Клацнув зубами, Оля «провалилась», уйдя из плоскости атаки, стоя на коленях, дважды ударила вверх, туда, где сейчас находится нижняя челюсть противницы, удивленной неожиданным исчезновением.

Кулаки ударили в твердое, опытная, Буйдар успела сомкнуть руки, защитившись локтями, а вслед за этим... Ольга ощутила, как чудовищная сила, которой невозможно противиться, подхватила, метнула в сторону. Зал завертелся, перед глазами заплясали фигуры в белых кимоно, поспешно отскакивающие в стороны. Остановливая верчение, Ольга выставила локти, подхватила. По пятам, стремительно увеличиваясь в размерах, несется противница. Предчувствуя столкновения, после которого останется лишь медленно приходить в себя, Ольга бросилась на пол, поспешно откатилась в сторону. Мимо пронеслось массивное, остановилось поодаль, понеслось назад.

Выждав несколько мгновений, Ольга вскочила, с силой оттолкнувшись, взлетела затылком в прыжке. Мелькнул, приближаясь, синий окатыш защитной каски, в прорези застыли распахнутые от удивления глаза Буйдар. Еще мгновение, и колено впечатается в лоб противнице, ударит, ошеломит, и возможно даже опрокинет. Но за мгновение до удара, голова Буйдар внезапно сместилась в сторону, навстречу взметнулись руки, ухватили, дернули. Мир смазался, в грудь ударило твердым.

Боясь пошевелиться, Ольга мелко вдыхала, замедленно приходя в себя, когда незримая сила подхватила, потянула вверх, устанавливая в вертикальное положение. Оказавшись на ногах, Оля с трудом сфокусировала взгляд, оглянулась. В глазах протаяло напряженное лицо тренера, сквозь гул в ушах донеслось:

— Живая? Следи за рукой.

Перед глазами возникла пятерня, покачиваясь, поплыла в сторону. Ольга честно пыталась следить, но пятерня расплывалась, раздваивалась и исчезала совершенно непостижимым образом, возникая в непредвиденном месте.

Нахмурившись, Ольга прошептала:

— Да вы издеваетесь!

Пятерня исчезла, вновь донесся далекий голос:

— Два раунда на скамье, потом обратно.

Ольга пыталась противиться, но ее подхватили, доволокли до стоящих у стены скамей, едва не насильно усадили. На плечо опустилась тяжелая рука, ободряюще похлопала. Послышался знакомый голос.

— Молодец. Не ожидала от тебя такой прыти. Едва успела отмахнуться.

Оля подняла глаза, наткнувшись на внимательный взгляд Буйдар, прошептала чуть слышно:

— Да я тебя просто пожалела...

Та улыбнулась краешками губ, кивнула, и поспешно вернулась к остальным. Ольга

прислонилась к стене. Гладкая поверхность приятно холодит, так что вскоре перед глазами перестало кружиться, а тупая боль в голове сошла на нет. Задумавшись, Ольга прикрыла глаза, так что шорохи и вскрики вскоре отошли на задний план, вытесненные невеселыми размышлениями.

Прошло уже почти два месяца, но все попытки разузнать хоть что-то о финальной стадии обучения оканчивались ничем. Изредка, за полчаса до подъема, в казарму заглядывала Гюрзель, бесшумно шла вдоль прохода и будила одну из девушек, затем они вместе исчезали за дверью, после чего «избранницу» больше никто не видел. Подобное исчезновение говорило лишь об одном — пришел день экзамена. Подробностей никто не знал. О том, в какой именно форме проводится пресловутый экзамен, ходили самые страшные слухи, а уж насчет тех, кто не сдал, догадки строили и того ужаснее. Ольга частенько слышала, как вечерами, после отбоя, когда гасло освещение, а внешние ворота казармы запирали на замок, девушки негромко переговаривались, пугая друг-друга чудовищными историями, в которых провалившихся на экзамене отправляли на урановые рудники, травили собаками или, того горше, бросали в клетки к огромным обезьянам-переросткам, которые сутками насиловали жертву, прежде чем разорвать и пожрать еще трепещущее мясо.

Среди бесконечных сплетен и вымысла порой все же удавалось вычленить отдельные крупинки информации, более-менее похожие на правду. Так было точно известно, что экзамен сдают пятерками, поскольку девушек забирали одновременно по одной из каждого отряда, а в этот же день, поздно вечером, от ворот отходила грузовая машина, увозя избранных за пределы лагеря.

Отвлекая от размышлений, скрипнула скамья. Вернувшись к реальности, Ольга открыла глаза, повернула голову. Рядом застыла Варвара, голова откинута, глаза недвижимо уставились в потолок, из ноздри тоненькой дорожкой течет красное, капает на кимоно, оставляя темные пятна. Ольга сунула руку за пазуху, пальцы нащупали торчащий из кармашка тряпичный уголок, потянули. Дотронувшись до плеча девушки, она сказала негромко:

— Возьми. Кто тебя?

Варвара скосила глаза, медленно, стараясь не делать резких движений, взяла платок, промокнула, произнесла в нос:

— Викулька, паскуда. Дождалась сигнала к окончанию, а потом ударила...

Глядя на волосы Варвары, ниспадающие на плечи красивыми локонами, Оля задала давно мучающий вопрос:

— Варь, ведь у тебя волос прямой. Как добиваешься?

Девушка усмехнулась, но тут же болезненно сморщилась, спросила чуть слышно:

— Тоже хочешь?

Ольга отмахнулась:

— Мне прямые нравятся. Да и времени нет на подобную ерунду. Наверняка изощряешься по часу.

Варвара покачала головой, сказала рассудительно:

— По часу, не по часу, но попотеть приходится. А вообще, не сложно это: горячая вода, кран, немного терпения...

Ольга некоторое время напряженно размышляла, затем воскликнула, с трудом сдерживая смех:

— Варюха, ты его... как плойку?!

Соседка поджала губы, сказала недовольно:

— Не нравится, не ешь, но и в других не плюйся. Я до этого месяц додумывалась. Зато теперь вот... — она пригладила волосы, — почти как на воле. Жаль, только косметики нет.

Давясь от смеха, Ольга посочувствовала:

— Это да, печально. Но ты не теряйся, глядишь, еще что придумаешь. У нас вон, гараж из кирпича, центральный блок тоже...

— Это ты к чему? — на лице Варвары отразилось недоумение.

— Ну как! — Ольга вплеснула руками. — Можно отколоть кусочек, растереть. Тут тебе красный. Из-за забора ветки еловые торчат — вот и зеленый готов. А если цвета смешать — тоже что-нибудь получится...

Варя вновь поморщилась, сказала беззлобно:

— Да иди ты в жопу. Выглядите тут все, как чмошки: ни маникюра, ни прически, ни косметики. Со стороны б себя видели...

Ольга покивала, сказала насмешливо:

— Ага, ага. А кровью, кстати, можно ногти вымазать. Если равномерно засохнет — красиво получится.

Ободряюще похлопав Варю по плечу, она встала, поспешила к остальным. Спарринг закончился, и девушки устремились в дальний угол, где, у стены, на равных промежутках друг от друга, возвышаются тренировочные пластиковые модели. Ольга подскочила последней, пристроилась к крайней группке.

— Сегодня отрабатываем болевые точки верхней части корпуса. Как вы, надеюсь, помните из лекции, основные болевые точки находятся тут, тут и тут, — рука инструктора прошла по манекену, на мгновения замирая в местах обозначенных небольшими красными кружочками. — На предыдущем занятии мы отработали три. Сегодня закрепляем материал, и добавляем еще... четыре.

— Семь штук! Да никаких рук не хватит, — кто-то задохнулся от возмущения.

Инструктор замедленно повернул голову на голос, отчего недовольная тут же замолчала, сказал, подчеркнуто миролюбиво:

— Моя задача научить вас рукопашному бою, и знание болевых точек один из ключевых моментов. — Он обвел затихших девушек тяжелым взглядом, сказал с нажимом: — Вы женщины, но противостоять вам будут в основном мужчины. И если вы рассчитываете справиться с противником с помощью обычной техники, милости прошу, — он сделал приглашающий жест в сторону центра зала, — можете прямо сейчас это проверить на мне.

Из задних рядов донеслось осторожное:

— Но вы мастер! Ведь не каждый день на дороге попадают мастера рукопашного боя...

Инструктор кивнул, сказал просто:

— Не каждый и не каждому, но вам, — он выделил обращение, — будут попадаться часто.

Послышался жизнерадостный голос:

— А если мужик попадется сильный, но... легкий?!

Фраза вызвала сдерживаемый смех. Инструктор улыбнулся, вспомнив известный анекдот, произнес:

— Так в окно его!.. Хорошо, вижу, вы в отличном настроении, тогда еще немного

лирики. Вопрос всем — какова основная цель в любом бою?

Девушки оживились, предположения посыпались одно за другим.

— Победить.

— Убить!

— Убежать...

— Всыпать так, чтобы впредь неповадно было.

Лицо инструктора затвердело, а брови сошлись на переносице. Он жестко отчеканил:

— Закончить бой в минимальный срок с наименьшими затратами. И до конца курса я вобью в вас это знание, даже если придется провести демонстрацию ощущений при воздействии на болевые точки для каждой персонально. Как говорится — тяжело в учении... Все, начали.

Пластиковый манекен таращится в пространство застывшими стеклами зрачков. В глубине глазниц спрятаны лампочки, что вспыхивают красным при каждом удачном попадании. Чем сильнее удар, тем ярче вспышка. Но как же сложно попасть. Кулак раз за разом наносит удар в намеченное место, но пластик сопротивляется, пружинит, словно под рукой не бездушная пластмасса, а настоящая плоть из тугих мышц и сухожилий.

Удар — вспышка, еще удар. Прикрученный к полу, манекен почти не двигается, принимая на себя многочисленные тычки и затрещины. Наверное, также будет и в жизни. Ольга почувствовала себя неуютно, представив, что напротив возвышается настоящий мужчина сходной комплекции. Ведь он не будет стоять столбом, ожидая, пока очередной удар поразит болевую точку. И если она не может должным образом поразить недвижимый манекен, что говорить о большем...

Страх породил ярость. Руки задвигались сильнее, обрушивая на цель все более сильные удары. Костяшки пальцев заныли, а на бледной поверхности пластика появились розовые оттиски, но Ольга уже не обращала внимания. Застывшие стеклянные глаза с кровавыми проблесками внутри. Сильнее, еще сильнее, еще! Окружающий мир съезживается, стремительно уменьшаясь до двух точек. Удар — вспышка, удар — вспышка. Быстрее, жестче.

Сердце бьется все сильнее, а в груди зарождается глухое рычание, так, словно это по-настоящему, словно от того, попадет ли очередной удар в цель, зависит жизнь. Кровь несется по жилам, а отдельные движения сливаются в сплошной убийственный шквал. Белесые точки блистают красным почти непрерывно, а в голове бьется лишь одна мысль, — лишь бы не промахнуться.

Неведомая сила сжимает плечи, мягко тянет в сторону. Красные точки потухают, вновь превращаются в кусочки бездушного пластика. Мир возвращается скачком, перед глазами возникает смутно знакомое лицо, шевелит губами, что-то непрерывно повторяя. Совершив над собой усилие, Ольга вслушивается в слова. Издалека, постепенно становясь громче и отчетливее, доносится:

— Глубже. Дыши глубже и медленнее. Еще, еще, еще...

Оля послушно повторяет, ощущая, как успокаивается сердце, а в тело возвращается чувствительность. В поле зрения возникает удивленное лицо Анютки, доносится восторженное:

— Ну, ты маньячка! Я бы так не смогла, — пухлая ручка тянется к манекену.

Взгляд сам собой перемещается в указанное Аней место. Грудь и плечи манекена густо покрыты красными пятнами. Вместе с удивлением, приходит запоздалая боль. С разбитых

костяшек пальцев срываются алые капли, а в голове крутится короткое — «тяжело в учении».

Похолодало. По утрам мелкие лужицы подергиваются ледком, а стены казарм белеют от инея. И хотя к полудню солнце по-прежнему набирает мощь, прогревая воздух так, что становится жарко, дыхание приближающейся зимы ощущается во всем. Перечеркивая небо серыми клиньями, птицы улетают теплые края, деревья за стеной лагеря окрасились желтым, а пушистая мелкая травка, в изобилии растущая повсюду, пожухла, и топорщится почерневшими пеньками.

На складе, куда однажды утром отправили всех девушек, выдали осеннюю обувь и комплект теплой одежды. Теперь, прежде чем выйти из казармы, девушки тщательно застегивались, стараясь не оставлять отверстий, куда бы мог забраться утренний морозец. Несмотря на похолодание, в казармах, лекционных аудиториях и тренировочных залах температура оставалась прежней, батареи топили исправно, и, за исключением утренних пробежек, когда под ногами похрустывал лед, а изо рта вырывались облачка пара, уровень комфорта остался прежним.

Едва вернулись с утренней разминки, в казарму влетела возбужденная Светлана, ликующе заорала с порога:

— Девки, сегодня будем ВИПа водить!

Послышались радостные возгласы, лица осветились улыбками. Лежа на койке, Ольга скосила глаза, с интересом наблюдая за оживившимися соратницами. У кровати остановилась Элеонора, загадочно подмигнув, поинтересовалась:

— Семьсот тринадцатая, слыхала?

Оля улыбнулась, ответила в тон:

— Слышать-то слыхала, тут разве глухой не услышит, да только слабо себе представляю.

Эля удивленно изогнула бровь, спросила недоуменно:

— А как же лекция на той неделе? Ты не была?

Ольга покачала головой, рука сама собой скользнула к лицу, пальцы осторожно дотронулись до свежего шрама над глазом, мягко пробежались, ощупывая рубец, сказала со вздохом:

— Нет, не была. Пришлось в санчасти поваляться. А потом руки не дошли...

Элеонора кивнула, сказала с уважением:

— Жестко вы тогда, с Веркой. Надо же, до сих пор на тебя зуб точит. Как еще не поубивали друг-друга. Хорошо хоть под рукопашку схлестнулись, а то бы не миновать наказания обеим.

Оля кивнула. Воспоминания живо восстановили картину, когда, на очередной тренировке по рукопашному бою, они с Вероникой попали в пару. Сперва, все шло ровно, но потом тлеющие угли застарелой неприязни вспыхнули вновь, после чего бой перешел в неконтролируемую потасовку, из которой Ольга вышла с рассеченным лбом, а Вероника с двумя трещинами в ребрах.

Ольга грустно улыбнулась. Несмотря на жесткие условия обучения, делить им, по большому счету, было нечего. Но Вероника, по какой-то непонятной причине, продолжала питать к ней неприязнь, и все попытки примирения ни к чему не приводили, вызывая лишь колкие замечания, да насмешливые взгляды со стороны Веры и пары-тройки ее подруг. То время, когда Оля была новичком, уже давно прошло, и, как правило, конфронтация

ограничивалась словесной перепалкой, но порой эмоции все же прорывались, выплескиваясь в яростном столкновении, и в эти моменты лишь с великим трудом удавалось сдерживать алчущую крови лютую ненависть.

Вынырнув из мыслей, Ольга взглянула на Элю, что по-прежнему с вопросом в глазах стояла напротив, сказала просительно:

— Элочка, ну ты же мне расскажешь, в двух словах? По старой, гм... дружбе.

Элеонора вздохнула, закатив глаза, сказала томно:

— Ну ладно, куда от тебя, сладенькой, деться. — Заметив, как Ольга насмешливо улыбается, добавила: — Ты не радуйся, не радуйся. Или думаешь, я тебе лекцию прочту? Все просто, как тусы. Берется лопух, ну, болван из гражданских, наших пара — тройка, ну и тащат под присмотром через полигон. Цель — довести живым до места.

Ольга прищурилась, спросила недоверчиво:

— Эль, ну ты еще расскажи, что нас, по ходу, валить будут.

Элеонора тряхнула головой, сказала с удивлением:

— Конечно, будут. Только не нас, а ВИПа. И не с огнестрела, понятно дело. Там девки из другого отряда засядут, с маркерами. — Заметив непонимание на лице собеседницы, она раздраженно дернула плечом, сказала скороговоркой: — Ну, про пейнбол слыхала? Там такие хреновины, шариками с краской пуляют. Чтобы сразу было видно — попали, нет ли.

Ольга села, спросила с легким недоумением:

— А мы с чем пойдём, безоружные?

Эля отмахнулась, бросила уходя:

— Нет, конечно. Тоже какую-нибудь симуляцию выдадут. Но точно не скажу, не запомнила.

Едва Элеонора удалилась, как хлопнула дверь, в казарму вошла Гюрзель. Окинув девушек взглядом, произнесла буднично, в своей обычной манере:

— Сегодня вместо стрельбы — отрабатываем охрану ВИП персон. Жду вас через пятнадцать минут на полигоне...

Лейтенант вышла, а девушки засобирались, готовясь к состязанию. Как стало понятно из разговоров, тренировки, подобные предстоящей, включали в себя людей из одновременно двух, а то и трех отрядов. Ко всему прочему, если в других дисциплинах набранные баллы лежали исключительно на совести каждого, то здесь результат зависел не столько от личных навыков, сколько от слаженности действий группы в целом. Особую значимость тренировке прибавляло и то, что это было единственное состязание, где представители разных отрядов соревновались в непосредственном контакте, напрямую влияя на результат соперников.

Через пять минут, с трудом сдерживая возбуждение, выдвинулись, и вскоре уже подходили к полигону. Лейтенант оказалась на месте. Сидя за пластиковым столиком, она что-то отмечала ручкой, перебирая лежащие под руками листки с колонками цифр. Тут же восседал инструктор по стрельбе, вооружившись биноклем, он что-то высматривал в высящихся неподалеку полуразрушенных зданиях. По соседству с инструктором, удобно развалившись в мягком кресле, замер незнакомый мужчина в деловом костюме. Его губы кривились, а прикрытые солнцезащитными очками глаза, казались закрыты, но едва девушки приблизились, мужчина повернул голову, неотрывно уставившись на прибывших.

Закончив делать отметки, Гюрзель отложила ручку, мельком взглянула на часы, после чего произнесла с расстановкой:

— У нас еще есть пара минут. Вам это уже объясняли, но, во избежание накладок,

повторюсь. Итак, суть занятия довольно проста. Необходимо провести ВИП агента живым через занятую условным противником территорию. Противников немного, но они будут активно мешать. Пойдете тройками, так что, пока не вышло время, предлагаю рассчитаться на первый — третий.

Пока девушки рассчитывались, инструктор поднял с земли стоящий у ног плоский ящик, раскрыв, водрузил перед собой на столик. Приблизившись к столу вместе с остальными, Ольга с интересом всмотрелась в содержимое ящика. Три автомата с телескопическими прикладами, несколько пистолетов, пачка запасных обойм, тут же, в отдельной секции, уложенные ровным рядком пластиковые очки.

Заметив несколько ошарашенных лиц, инструктор улыбнулся, сказал успокаивающе:

— Не пугайтесь, не смотря на детальное сходство, это не настоящее оружие.

— Мягкая пневматика? — уточнил кто-то знающий.

— Она самая, — инструктор кивнул. — Аккумуляторы, глаз, пластиковые шарики...

Бьет не смертельно, но чувствительно. Для большей реалистичности обоймы заряжены по аналогии с настоящим оружием, так что считайте выстрелы.

Лейтенант оглянулась, кому-то помахала рукой. Под тяжелыми шагами хрустнул песок. Девушки повернули головы, заинтересованно воззрились на приближающуюся фигуру: широкие плечи, мешковатый комбинезон, на голове подобие шлема из ткани и пластика. Мужчина подошел ближе, приветственно помахал рукой, за прозрачной полоской пластика обозначилась широкая улыбка.

Ольга взгляделась пристальнее, припоминая, что уже не раз видела эту улыбку, проходя мимо гаража. Остатки сомнений развеял голос Гюрзель.

— В качестве ВИПа в нынешних учениях согласился участвовать наш механик — Вячеслав. Полагаю, он отлично справится с этой ролью. Что ж, начали.

В наступившей тишине чуть слышно щелкнули предохранители. Девушки первой тройки, уже стоящие на исходной позиции, взяли механика в кольцо, торопливо повели вглубь полигона, пристально всматриваясь в развалины и угрожающе поводя стволами.

Раздался хлопок. ВИП покачнулся, взмахнув руками, завалился на спину. Лейтенант сделала пометку на одном из листков, произнесла отстраненно:

— Следующие.

Вернувшихся ободряюще хлопали по плечам, давали советы. Девушки отшучивались, снисходительно махали руками, но расстроенные лица выдавали истинные чувства. Пока следующая тройка примеряла оружие, инструктор достал тряпочку, смочив прозрачной жидкостью, тщательно стер пятнышко краски с груди ВИПа. Прежде чем занятие продолжилось, девушка из первой тройки подошла к следующей группе, сказала чуть слышно:

— Первый этаж, второе слева.

Ольга заметила, как дрогнули, растянувшись в едва заметную улыбку, губы Гюрзель, но лейтенант не подняла глаз, произнесла с прежним выражением:

— Начали.

Следующая тройка двинулась гораздо быстрее. Двое время от времени стреляли по окнам, держа невидимого противника в напряжении, третья, забросив автомат на плечо, едва не силой волокла ВИПа.

Девушки напряженно наблюдали, коротко комментировали, время от времени досадливо восклицая. Ольга и сама не заметила, как, увлекшись, выдвинулась вперед. Тело

мелко подергивалось, повторяя движения соратниц, а глаза вглядывались в темные проемы окон, отслеживая малейшее движение.

— Куда они прут, куда прут! — раздался по соседству раздраженный голос. — Там же...

Одна из фигурок прыгнула вперед, перекатившись через голову, выпустила очередь куда-то вбок и... упала.

— Все, вдвоем не доведут, — раздалось унылое.

— Не каркай! — огрызнулись в ответ сразу несколько голосов.

Оставшиеся «в живых» девушки еще некоторое время активно двигались, умудрившись пройти десяток — другой метров, но вскоре распростерлись на земле, замерев в нелепых позах.

— Я же говорила, — вновь послышалось злорадное. — Надо было сбоку заходить...

Вернувшись, девушки возбужденно загалдели, заспорили, активно обсуждая произошедшее. Дело едва не дошло до драки, так что третья тройка прошла почти незамеченной. А когда объявили четвертую, Ольга спохватилась, быстро накинула кобуру, распахав по карманам запасные обоймы, подхватила оружие.

Голос начальницы отряда обозначил точку отсчета.

— Начали.

Сердце заколотилось сильнее, а руки задрожали, едва Оля сделала первый шаг. Успокаиваясь, она несколько раз глубоко вздохнула, обернулась, мельком оглядела спутников. Справа, привычно хмуря брови, двигалась Юлия, обиженно поджатые губы на фоне прижатого к плечу автомата выглядели смешно. Немного позади, прикрывая ВИПа телом, мягко шагала Лиза. Появившись в отряде всего неделю назад, она успела завоевать уважение отличной стрельбой и живым незлобивым характером. Над плечом Лизаветы возвышалась голова механика, глядя сквозь запотевший пластик маски на девушек, он задумчиво улыбался.

Ольга махнула рукой, рванулась вперед. Полтора десятка метров проскочили на одном дыхании, после чего пошли медленнее, старательно пригибаясь, и используя для прикрытия малейшие неровности рельефа, благо в разбросанных повсюду металлических ящиках и кусках бетонных арматур недостатка не наблюдалось.

Полигон представлял из себя подобие узкой улочки. По сторонам, чернея пустыми окнами, располагались одно и двух этажные домики, а в центре, разделяя улицу на две равные части, стилизованная под разрушенный небоскреб, возвышалась трехэтажная конструкция из пластика и бетона. Памятуя, что из себя представляет конструкция изнутри, Ольга лелеяла надежду, что удастся пробраться снаружи.

До слуха донесся шепот:

— Справа, первый этаж.

Оля повернула голову, всмотрелась через перекрестье прицела в дом напротив. Ближущая металлическая поверхность стены мешала видеть, но глаз успел различить мимолетное движение в глубине окна.

Юлия рывком метнулась в сторону домика, распростершись под окном, замерла. Пригнувшись, Ольга осторожно двинулась следом, но едва сделала шаг, как мокро чавкнуло, плита, рядом с головой, расцвела яркой кляксой. Чертыхнувшись, Оля перекатом ушла назад, бросила сдавленно:

— Бьют из соседнего. Возможно не одна.

— Что с Юлькой? — Лиза мотнула головой в сторону, где их соратница по-прежнему

недвижимо лежала у стены. — Бросаем, выручаем?

Ольга произнесла с досадой:

— Оставить бы ее, чтобы не кидалась без предупреждения. Но вдвоем не пройти...

Лизавета легко согласилась:

— Тогда вытаскиваем. На счет три. Раз, два...

— Ты право, я лево, — быстро прошептала Ольга.

Лиза коротко кивнула.

— Три!

Они одновременно выпрямились, ударили в два ствола. Оля едва успела среагировать, когда в проеме двери, в домике по соседству, возникла фигура в камуфляже. Дернувшись, словно от удара током, Ольга выпустила в противницу едва не половину обоймы, отпустив крючок, лишь, когда та истошно заверещала:

— Да убита, убита, твою мать!

— Дура, назад! — по ушам стеганул вопль.

Ольга мгновенно обернулась, успев увидеть, как Юлия рванулась внутрь дома. Послышался сухой стрекот, а секундой позже, Юля выглянула из окна, довольно улыбнулась. Лиза с облегчением выдохнула, махнула рукой, подзывая. Вокруг зачавкало. Девушки разом пригнулись, пережидая обстрел, а когда выглянули, Юлия понуро сидела возле стены, по лицу, стекая со лба, растекалось пятно зеленой краски.

— Вот ведь хрень! — с досадой процедила Лиза. — Не успели выйти, одна за минусом.

Ольга усмехнулась, произнесла ободряюще:

— Ты вспомни, как первые прошли. ВИП на третьем шаге сложился.

Лиза кивнула, обернувшись, придирчиво осмотрела механика, сказала со смешком:

— Наш цел. По крайней мере, двух сложили, не худший результат.

Оля вопросительно подняла бровь, поинтересовалась:

— А имеет значение, скольких положили? По-моему, или довели, или нет, остальное не в счет.

Соратница сплюнула, сказала со злым весельем:

— Зато не так обидно. Ладно, двинули, пока нас тут по уши не закрасили.

Короткое движение головой. Глаза обшаривают пространство, за доли секунды пытаюсь уловить очертания врагов. Быстрая пробежка. Тело влипает в заграждение, скрываясь за препятствием от потока враждебного внимания. Резкая отмашка. Пока партнерша, пригнувшись, несется вперед, закрывая телом ВИПа, руки дрожат от напряжения, готовые рвануть ствол автомата в сторону опасности.

Справа черный зев дверного проема, а впереди несколько метров пустого пространства: ни кочки, ни ящика. Короткая очередь в темноту, прыжок с кувырком. В голове плывет, а взгляд с трудом фокусируется, вычлняя опасность. Позади громко топает ВИП, вразвалочку, словно настоящая «шишка», что, от переполняющего гонора, не поторопится, даже зная, что уже попал в перекрестье прицела.

— Сзади! — эхом отдается резкий крик.

Резкий, до боли в руках, разворот. Короткая очередь в неизвестность. Фигура в пятнистом комбинезоне стремительно скрывается за домом, а на земле, закрыв ВИПа телом, лежит Лизавета, на груди зеленеют сразу три кляксы.

— Твою мать! — не сдержалась Ольга. — Как же...

Лиза чуть заметно улыбнулась, молча указала глазами куда-то за спину. Ольга рванулась в сторону, вскидывая автомат, почти не глядя, выпустила остатки боезапаса. Выглядывающая из-за угла противница болезненно вскрикнула, выронив оружие, схватилась за щеку.

Осторожно сдвинув «убитую» соратницу в сторону, Оля схватила механика, едва не насильно потащила, увлекая следом за собой. Остатки «небоскреба» нависли темной громадой, заслонив солнце, уставились черными провалами окон. Заменяв обойму, Ольга с

ходу бросилась ногами вперед, проехав полшага, замерла. Приклад удобно устроился на плече, а ствол, чуть покачиваясь, угрожающе уставился на окна. Не отрывая взгляда от предательских пустот в стене, она бросила зло:

— Слава, к стене пригнувшись, быстро! И только попробуй, притормози, пол обоймы в задницу вгоню.

Губы механика расплылись в улыбке, сделав под козырек, он неловко побежал в указанном направлении, то и дело спотыкаясь. Что-то шевельнулось в окне второго этажа. Не раздумывая, Оля выпустила короткую очередь. Глаза продолжили обшаривать окна, в то время, как уши чутко прислушиваясь к топоту ВИПа. Едва шаги затихли, Ольга бросилась следом. Откуда-то пару раз выстрелили, но не попали, и шарики с чмоканьем размазались по пыльной земле.

Ольга осторожно заглянула в щель между «небоскребом» и боковыми домами. Узкая, заваленная хламом щель не внушала доверия, но внутрь здания идти категорически не хотелось. Несколько секунд Оля терзалась сомнениями, наконец, решительно двинулась в проход. ВИП затопал сзади.

Под ногами хрустят камушки и битое стекло, словно специально рассыпанные повсюду заботливой рукой. Каждый шаг громом отдается в ушах. Сердце грохочет так, что, кажется, слышать и за пределами полигона, а от переполнившего кровь адреналина сводит мышцы.

Проход закончился. После сдавливающих стен, открывшееся впереди замусоренное пространство улочки кажется воплощением простора. Шаг, другой. Вокруг на удивление спокойно. Мелькнула сладостная надежда, что враги, по какой-то странной случайности, остались на другой стороне, а то и вовсе погибли от метких выстрелов группы. С раздражением отмахнувшись от расслабляющей мысли, Ольга застыла, напряженно вслушиваясь, но кроме далекого карканья ворон, да шуршания перемещаемых ветерком песчинок ничто не нарушало зловещей тишины.

Механик пошевелился, привлекая внимания, спросил чуть слышно:

— Каков план?

Ольга мельком взглянула на Вячеслава, бросила сквозь зубы:

— Справа домик. Видишь? Поверить бы надо, но... В общем, беги туда, заскакивай, и не шевелись.

Слава кивнул, дождавшись отмашки, бросился в указанном направлении. Но едва он сделал шаг, как тут же зачмокало, стена расцвела пятнами. Слава на мгновение замешкался, присел, прикрыв голову руками, напряженно поинтересовался:

— Мне... назад?

Ольга вскинула автомат к плечу, ответила длинной очередью, заставив противника спрятаться, воскликнула в ярости:

— Да беги ж ты... — бросилась следом, отстреливаясь короткими очередями.

Забежав в дом, тут же упали на пол, уходя с линии огня. Несколько шариков ударили в косяк, забрызгав капельками краски. Отщелкнув обойму, Оля заглянула внутрь, покачав головой, отложила автомат в сторону. Неторопясь вытащила пистолет.

— Последняя? — поинтересовался Слава сочувственно.

Ольга кивнула, сказала с улыбкой:

— Тем лучше. А то не оружие, а непонятно что: ни отдачи, ни шума. Может хоть это ближе к реальному.

— С пистолетом много не навоюешь, — произнес Вячеслав уныло.

Ольга пожалала плечами, ответила с легкостью:

— А нам и не надо много. Вон, видишь, напротив, по диагонали, дом с крестом на двери. Все что нужно, это доставить тебя туда.

Слава некоторое время смотрел в указанное место, после чего бодро изрек:

— Тогда пошли. Мне к смерти не привыкать.

Используя насыпанную у двери кучу щебня в качестве щита, по-очереди выползли наружу. Двигаясь первой, Ольга выбирала маршрут таким образом, чтобы между ползущим следом ВИПом и невидимым стрелком постоянно находилось какое-нибудь препятствие. Таким образом преодолели большую часть пути.

Когда до двери осталось всего несколько метров, стрелок активизировался. Шарик полетел чаще, не давая двинуться ни на сантиметр. Ситуация осложнялась тем более, что вокруг нужного дома оказалась чистая площадка, без малейшего укрытия. Морщась от брызг краски, Ольга несколько мгновений напряженно размышляла, после чего повернулась к Вячеславу, лежащему тут же, сказала тяжело:

— Я не смогу к ней подобраться, придется идти на прорыв.

Слава мигнул, соглашаясь, спросил покорно:

— Что делать?

Глядя на мятого, вывозившегося в пыли ВИПа, Оля улыбнулась, сказала с азартом:

— Все просто. Сперва встаю я и ухожу налево. Через секунду встаешь ты, и бежишь к двери.

— Мы оба умрем, — произнес Вячеслав со вздохом.

Ольга подмигнула, сказала со смешком:

— Значит, встретимся в аду. Готов? Начали!

Прыжок. От неудачного движения колено простреливает болью. Тело плавно уходит в сторону, а в руке, пытаясь вырваться, дергается пистолет, выплевывая один за другим блестящие пластиковые шарики. Мимо, почти касаясь руки, пролетает темная точка, затем еще одна. Щеку обдаёт ветром, а спустя мгновение, в плечо с силой толкает, на шею брызгает холодным. Бой окончен.

Замедленно упав на мягкую земляную кучу, Ольга повернула голову как раз вовремя, чтобы заметить, как Вячеслав рванул дверь на себя, шагнул внутрь, и... Негромкий хлопок. ВИП на мгновение замирает, после чего замедленно выходит обратно. Плечи механика уныло опущены, спина ссутулилась, а на груди, в месте, где располагается сердце, расплывается яркое пятнышко краски.

* * *

Умиротворяюще жужжит ноутбук, с потолка льется мягкий свет желтоватых ламп. Подперев рукой подбородок, Ольга задумчиво смотрит в монитор. На экране черно-белая схема со множеством обозначений, снизу яркая подпись — «особенности ведения боя в условиях ограниченного пространства». Палец раз за разом нажимает клавишу, картинки прокручиваются одна за другой, сменяясь, словно кадры в старинном кинофильме.

Глаза тщательно всматриваются в схемы, вычлняя важное, но мысли витают далеко. Родители, подруги, институт... Все покрыто серой дымкой, скрывающей формы и искажающей очертания, словно все происходило когда-то давным-давно. Прошлая жизнь,

сладкие воспоминания детства, чудесные мечты, что ушли в небытие и больше никогда не вернутся.

Неподалеку хлопнула дверь, по коридору, шаркая, и приволакивая ногу, прошагал кто-то грузный. Мысли вспорхнули, заметались испуганными рыбками, переключаясь на насущное. Ольга с улыбкой вспомнила, как, узнав о ее внеплановых занятиях, почти половина казармы с возмущением потребовали включить их в список «любимчиков», с чем девушки не замедлили обратиться к начальнице отряда. Гюрзель выслушала подопечных с каменным выражением лица, к изумлению Ольги, на удивление легко согласившись выдать допуск всем желающим.

Уже на второй раз, из почти двенадцати человек желающих, пришли всего четверо, а через неделю, когда Оля появилась возле кабинета в условленное время одна, лейтенант сказала задумчиво:

— Сдулись девчата... Что ж, как и ожидалось.

Ольга осторожно произнесла:

— Неделя выдалась тяжелой. Возможно, к следующему разу они вернутся.

Гюрзель покачала головой, сказала уверенно:

— Не вернутся. Мало кто хочет лишний раз напрягаться, даже если это в обозримом будущем грозит неплохими плюсами.

Не желая выставлять подруг в невыгодном свете, Ольга заступилась:

— Но ведь что-то сподвигло их на...

— На первые пару раз? — усмехнувшись, перебила лейтенант. — Несомненно. Ведь могло оказаться, что под «дополнительными занятиями» кроется нечто другое.

— Например? — Ольга прямо взглянула в глаза Гюрзель.

Та несколько мгновений изучала ее лицо, затем улыбнулась, ответила покровительственно:

— Да что угодно: общение в социальных сетях, Интернет службы знакомств, просто приятное времяпрепровождение.

Оля покачала головой, сказала с сомнением:

— Но ведь это очевидно, что здесь нет и быть не может подобного рода послаблений, одна колючка под вольтажом на ограде чего стоит!

Лейтенант пожала плечами, сказала устало:

— Как видишь, не всем.

Вспоминая детали разговора, Ольга покачала головой. Она лукавила, деланной простотой побуждая начальницу отряда к откровенности. То, что девушки рассчитывали на нечто ненормированное, было понятно изначально. После тяжелейших дневных нагрузок заниматься чем-то кроме отдыха приходилось заставлять себя едва не силой, и отсутствие инициативы со стороны соратниц, особенно, после ознакомления с материалом, представлялось вполне закономерным.

Ольга и сама несколько раз порывалась прекратить вечерние посещения, но каждый раз откладывала. С трудом добираясь на негнущихся ногах до кабинета, она читала, преодолевая сон. Глядя в монитор слезящимися от усталости глазами, Оля делала пометки, отбрасывая второстепенное, и запоминая наиболее важное, а перед уходом, пробегая взглядом по нетронутым папкам, приходила в ужас, осознавая, сколько еще осталось непрочитанного.

Устало вздохнув, Ольга закрыла ноутбук, замедленно встав, взглянула на улицу, на мгновение замерла. За окном, в стремительно наступающей мгле, мягко падают огромные

снежные хлопья, покрывая землю равномерным белым одеялом. Мысли вновь вернулись в детство, когда за неделю-две до новогодних праздников на балконе появлялась замотанная в веревку зеленая красавица — елка, а через несколько дней уже красовалась в почетном углу гостиной, преображенная: огромные разноцветные шары, отражающие комнату в гротескном, искаженном виде, блестящие потоки серебристого «дождика», мерцающего от малейшего дуновения и таинственное сияние электрических гирлянд.

— Хей, заучка, бросай учебники, пошли, разомнемся! — в уши ворвался возбужденный голос.

Вздрогнув, Ольга обернулась, несколько мгновений смотрела на застывшую в дверях Варвару. Щеки девушки покраснелись с мороза, глаза задорно блестят, а на голове, запутавшись в пышных волосах, стремительно тают снежинки, на глазах превращаясь в блестящие капли.

Оля с силой протерла лицо, спросила замедленно:

— Какая тренировка, Варь?

Варвара широко распахнула глаза, сказала с деланным изумлением:

— Что значит «какая»? Обычная, по распорядку. Давай, в темпе, с вещами на выход. И пошла, пошла!

— Варь, иди в задницу. Что еще за тренировки по воскресеньям? — поинтересовалась Ольга раздраженно.

Варвара покачала головой, сказала с досадой:

— Избыток знаний приводит к деградации мозга! — Го видя, что Оля и не думает торопиться, добавила со вздохом: — Да не вру я, не вру. Гюрза что-то с расписанием намудрила. Через десять минут «поножовщина». Я сама только узнала. Решила за тобой сбегать, знаю, что не болтаешься, сидишь, зубришь. Но им-то по фигу, прогул поставят — радуйся потом...

Подскочив к подруге, Ольга звонко чмокнула в щеку, бросив короткое:

— Я твоя должница, — после чего поспешно набросила куртку, схватила с вешалки шапку и шагнула к выходу.

Варя тщательно вытерла щеку рукавом, сказала неодобрительно:

— Ты лучше с Элькой целуйся, или с Анюткой. Этим в кайф. А меня не надо.

Расхохотавшись, Ольга с силой хлопнула Варвару по плечу, воскликнула с подъемом:

— Ладно, передам им пламенный привет. А теперь погнали!

С тихим щелчком захлопнулась дверь, мигнула красная лампочка, но в коридоре уже никого не было.

Зал фехтования, или, как закрепилось в среде девушек, «поножовщины» расположился в дальней части лагеря, так что когда Ольга с Варварой вбежали внутрь, остальные уже разминались, помахивая пластиковыми палками в разных частях зала. Скользнув в раздевалку, девушки стремительно переоделись, и, меньше чем через минуту, уже бродили по залу, неотличимые от остальных.

— Становись! — под сводами прогремел бодрый голос инструктора.

Девушки мгновенно выстроились в шеренгу, замерли в ожидании дальнейших команд. Инструктор неторопливо прошелся вдоль отряда, вкрадчиво произнес:

— Вижу, вы не очень-то рады нашей сегодняшней встрече.

— Так воскресенье... — уныло протянул кто-то.

Инструктор покивал, сказал сочувственно:

— Понимаю, понимаю. У самого были определенные... кх-м, планы. Но, что поделаешь.

— Так может, поможем друг-другу? — послышался исполненный страстной надежды голос.

Инструктор шумно вздохнул, произнес с деланной грустью:

— Рад бы, девочки. Но, сами понимаете. Работа есть работа.

— Так ведь никто не узнает! — хихикнул кто-то.

Один за одним раздалась радостные возгласы:

— Мы никому не скажем.

— Это же в наших интересах!

— Точно!

Инструктор некоторое время стоял в глубокой задумчивости, на его лице читалась борьба эмоций. Глядя на происходящее, девушки затихли, боясь ненароком сдвинуть невидимую чашу весов, колеблющуюся между чувством долга и личными планами.

Забавляясь ситуацией, Ольга с интересом переводила взгляд с соседок на инструктора, ожидая, чем закончится представление. Когда напряжение достигло критической точки, инструктор вдруг выдохнул, его плечи поникли, а лицо вытянулось. Исполненным невыносимой муки голосом, он произнес:

— Нет, девочки, не могу.

Раздался всеобщий вздох разочарования. Послышалось обиженное:

— Но почему?

Лицо инструктора преобразилось. Еще минуту назад казавшийся воплощением печали, теперь он выглядел исполненным сарказма. Насмешливо хмыкнув, инструктор снисходительно произнес:

— Девочки. Я не устаю поражаться вашей наивности. Вместо того, чтобы воспринимать занятия как благо, вы ноете, еще и тренера норовите подвести под монастырь, двигаясь на поводу собственной лени.

— Но ведь это анахронизм! — раздраженно воскликнул кто-то. — Ножи, мечи... Сейчас все решает огнестрел!

Инструктор кивнул, сказал мирно:

— Все верно. С появлением огнестрельного оружия эпоха мечей ушла в историю. Но я и

не ставлю цель сделать из вас профессиональных фехтовальщиков.

— Тогда зачем? — спросил кто-то неугомный.

— Для большей надежности, — жестко отчеканил инструктор. — Вы должны уметь использовать в своих целях любой предмет, подчеркиваю — любой! Пистолет хорошо, автомат — еще лучше, но намного чаще придется довольствоваться тем, что под руку подвернется: куском арматуры, палкой, кирпичом, а то и просто кулаками. А теперь развернулись и десяток кругов трусдой. Вперед!

Закончив разминку, разобрали пластиковые тренировочные ножи и разбились на пары. Первые двадцать минут стандартная отработка движений, настолько однообразная, что можно отвлечься, улететь мыслью в даль. Удар — блок. Натренированные руки сами двигаются в заданном темпе, заученно выбрасывая пластиковое лезвие, и столь же заученно отбивая атаки противника. Удар — блок.

Сперва, Ольга недоумевала, зачем нужно это тупое бесконечное повторение, ведь в реальном бою будет совсем, совсем по другому: другая скорость, другие ситуации. Понимание пришло намного позже, когда в очередной мелкой стычке, увенчанной острыми ноготками пальцы раздосадованной соратницы метнулась к лицу, но в сантиметре от глаз замерли, перехваченные, а спустя мгновение сердце кольнул страх: не сработай отшлифованный рефлекс, мир мог погрузиться во тьму.

Прямой удар в грудь — блок предплечьем, ответный удар в шею — уворот. В глазах противницы скука, движения давно выучены, можно тренироваться с закрытыми глазами. Привычные связки, знакомые комбинации. Новые элементы вводятся не часто. Инструктор не устает повторять одно и то же, вот и сейчас его голос звучит бодрым аккомпанементом.

— Раз, раз. Повторяем заново. Вижу, что вам это смертельно надоело. Меня самого уже тошнит. Но скажу в сотый раз, в тысячный: лучше знать два приема на отлично, чем десять абы как! Раз, Раз... Хорошо. Закончили. Пока сами не померли от тоски, и не уморили меня, пятиминутный спарринг.

По залу проносится вздох облегчения. Лица бойцов разглаживаются, а глаза пробуждаются от спячки, зажигаясь опасным огнем. Не смотря на то, что «междусобойчик», как сокращенно, и, отчасти, ласково называют короткие спарринги, не идет в зачет по баллам, противостояние продолжается: ежедневное, ежечасное, ежесекундное.

Незатейливая, на первый взгляд, система подсчета баллов посеяла ядовитые семена в души девушек. Ольга несколько раз ловила себя на том, что даже в свободное время, лежа на кровати, просчитывает, как получить дополнительные баллы, чтобы не отстать, опередив тех, прочих, что со страхом ожидают конца недели, боясь обнаружить в своей строчке обведенные красным цифры.

Вот и сейчас, в глазах партнерши, кроме естественного желания самоутвердиться, демонстрируя превосходство над противником, мелькает затаенный страх, возбуждающий глубоко упрятанную звериную жажду — победить любой ценой. Ощувив, как нечто похожее охватывает и ее, Ольга напряглась, вытеснив опасения за грань эмоций. Порой, страх неплохой помощник, но чаще — лютый враг, заставляющий спешить и оступаться.

Прыжок, удар. Лезвие мелькает в опасной близости. Смещение в сторону и вновь удар. Рука напарывается на блок, а клинок противницы уже несется в живот. Предплечье рвется вниз, подстраховывая, а ноги отшагивают, уводя тело с линии удара. Несколько обманных движений, обмен ударами. Гладкий пластик нежно касается внутренней поверхности предплечья, губы партнерши раздвигаются в улыбке. Все правильно. Безобидное касание на

тренировке — опасное ранение в бою. Такого лучше не допускать. Мгновенный выпад. Плечо пронзает болью, но цель достигнута. Радость на лице партнерши сменяется разочарованием.

— Рисковый шаг, — противница опускает глаза, глядя на уткнувшийся в живот нож.

— Зато действенный, — Ольга с улыбкой отшагивает. — Да и ты молодец, успела в плечо садануть.

Та лишь уныло отмахивается:

— Толку с плеча, коли кишки наружу.

В поле зрения появляется инструктор, одобрительно качает головой, уходит дальше. Через несколько секунд доносится его бодрый голос:

— Закончили. Пять минут отдых, затем меняем формат.

Девушки разбредаются по залу, возбужденно обмениваясь впечатлениями: одни расслабленно усаживаются на скамью, другие, распираемые энергией, тут же подхватывают тренировочные мечи, начинают усиленно разминаться. В углу кто-то встал на колени, удерживая в каждой руке по ярко-красной пластмассовой палке, под взрывы хохота, имитирует мастурбацию.

Пять минут пролетают незаметно. И вот уже вновь встали парами, только в руках, вместо коротких ножей, длинные клинки восточного типа. Улыбнувшись, Ольга пару раз взмахнула оружием, встала в стойку. Не смотря на то, что тренировка на мечах оканчивалась травмами намного чаще ножевой, Оля нравился этот вид состязаний. Шероховатая рукоять оживляла в памяти детские переживания от прочитанных книг, где доблестные рыцари спасали прекрасных принцесс, повергая к своим ногам ужасных драконов и толпы прочей нечисти. То, что в данном случае приходилось отыгрывать вовсе не принцессу, лишь прибавляло интерес. К тому же, почти все остальные терпеть не могли фехтование, и упускать шанс заработать лучшие баллы, было попросту глупо.

По залу пронесся удивленный шепоток. Отвлечшись от мыслей, Ольга повернула голову и замерла. Из дальнего угла зала, где кучами свален разнообразный спортивный инвентарь, со странной улыбкой идет инструктор, а в его руках... Ольга не поверила глазам, но раздавшийся мелодичный звон развеял сомнения. В руках инструктор пара настоящих восточных мечей.

Дойдя до центра зала, инструктор остановился, негромко произнес:

— Прочувствовать бой можно лишь с настоящим оружием. Вы уже не раз стреляли, бились друг с другом в рукопашной схватке, и многое другое, но холодное оружие по-прежнему ассоциируется для многих с чем-то скучным и ненастоящим. Сегодня мы исправим это упущение. — Он крест накрест взмахнул мечами, клинки холодно блеснули, со свистом рассекли воздух. Подняв оружие так, чтобы всем было видно, инструктор продолжил: — Это типичные восточные мечи. Ничего особенного, хотя, возможно, узнай вы цену, то сильно удивились бы.

— Сколько? — раздалось несколько заинтересованных голосов.

Инструктор улыбнулся, сказал мягко:

— Это не имеет значения. Важно другое. Качество оружия позволяет не опасаться за его сохранность, так что вы можете смело, не боясь испортить инвентарь, попробовать себя в деле. Как говорится — в условиях приближенных к реальности. Итак, есть желающие?

Ольга выступила вперед, выдохнула с восторгом:

— Есть!

Оглядев прочих девушек, замерших в глубокой задумчивости, инструктор кивнул, сказал замедленно:

— Хорошо. Надеюсь, к концу демонстрации созреют еще два-три человека, чтобы мне не пришлось заставлять вас насильно, — он развернул меч, протянул ручкой вперед.

Отложив тренировочный меч, Ольга быстро шагнула вперед, осторожно приняла оружие. Обхватив рукоять двумя руками, как учили, так чтобы ведущая оказалась снизу, она дважды взмахнула оружием, прислушалась к ощущениям. Плотно обернутая кожаным ремешком рукоять будто прилипла к ладоням, черный ромб гарды приятно холодит пальцы, а, покрытый волнистыми линиями, клинок завораживает, побуждая непрерывно вглядываться в металлические переливы холодных отблесков.

— Обалденно! — с жаром выдохнула Оля.

Инструктор подмигнул, сказал весело:

— Нравится? Что ж, рад. Только постарайся не увлекаться. Конечно, я самый крутой инструктор и бла-бла-бла, но все же не хотелось бы остаться без пальцев, или... еще чего похуже.

Послышались смешки, кто-то воскликнул с подъемом:

— Но разве не вы говорили, что нужно биться до победного?

Тренер кивнул, ответил серьезно:

— Конечно. Но ситуации бывают разные. Порой, приходится останавливать удар в последнее мгновение. — Он взглянул на Ольгу, поинтересовался: — Готова? Начали!

Ольга отступила на полшага и подняла меч, так что ручка сместилась чуть вправо, а острие нацелилось инструктору в грудь. Ускоряя кровоток, сильнее забилося сердце, грудь заходила ходуном, нагнетая воздух, глаза прищурились, стараясь удерживать фигуру противника целиком. Вспомнились наставления инструктора, что он методично повторял на каждом занятии: — Не нужно смотреть на оружие — вы не успеете среагировать, не стоит следить за глазами — они обманут, наблюдайте за телом, оно движется раньше всего.

Пружинящей походкой Ольга пошла на сближение, каждую секунду ожидая атаки. Инструктор стоит расслабленно, на лице рассеянная улыбка, взгляд направлен в пространство. Но эта кажущаяся отстраненность, призванная усыпить бдительность, скрывает под собой мощь, ждущую лишь удобного момента, чтобы выплеснуться в сокрушающем вихре.

Пробный удар, настолько быстрый, насколько и бесполезный. Рука инструктора мгновенно смещается, поднимая меч ровно настолько, чтобы отбить удар, не выше и не ниже. Еще два удара, но уже сильнее, крест накрест. С мелодичным звоном клинки сталкиваются, тут же разлетаясь в разные стороны. Противник резко придвигается, отводя плечо для удара. Но это ложный маневр. Слишком медленный шаг, чересчур далеко отведено плечо. Все верно. На половине пути меч вдруг проваливается, и с резким свистом описав круг, бьет в голову... Вернее, ударил бы, не знай она этого элемента, что они отработывали на одном из первых заданий. Ноги сгибаются в приседании, а руки вскидывают над головой меч, устанавливая под углом в сорок градусов, если противник атакует в полную силу, то уйдет в сторону, вслед за соскользнувшим с лезвия клинком, открывшись для удара, но инструктор лишь намечает удар, коротко звякнув, его меч уходит в исходную позицию.

Секунды передышки, во время которых лицо противника резко меняется, глаза прищуриваются, а на лбу залегает жесткая складка. Фигура инструктора обрастает руками, врывается вихрем движений. Удары сыпятся один за одним, с промежутком меньше чем в

четверть секунды. Вот оно! Настоящий бой, когда первая ошибка станет летальной. Воздух наполнен звоном. Клинки сталкиваются, высекая снопы искр в опасной близости от лица, но глаза нельзя закрыть, нельзя даже отвести на мгновение, иначе конец.

Удар, отмашка, шаг. Стиснув зубы, Ольга отбивается в полную силу. Атаки такой интенсивности не длятся долго: десять — пятнадцать секунд, главное выдержать, потом обязательно будет передышка. Дыхание сбивается, мышцы горят огнем, щедро растрачивая остатки сил. Секунды растягиваются в вечность, и вот уже последние ресурсы на исходе. Шаг назад, еще один. Противник продолжает наступать. Руки сотрясаются от ударов, словно перед ней не живой человек, а всепоглощающий робот.

В груди холодеет от осознания. Это уже не проба, а бой до конца. Похоже инструктор решил преподать урок остальным, забив для острастки одного человека из группы. Страх липкой паутиной расплзается по телу, парализует волю, высасывает силы как вампир. Этого не может быть, но ведь упорно ходят слухи, что время от времени отстающих показательно убивают на занятиях, чтобы остальные не расслаблялись.

Ольга напряженно вглядывается в лицо инструктора, пытаюсь увидеть хотя бы тень улыбки, но с ужасом убеждается, что эмоций нет, лишь трезвый расчет и холодное презрение. Сейчас ее забьют как животное, а останки выбросят за забор, откуда ночами доносится далекий волчий вой. Внутри что-то меняется. Из глубины поднимается темная всепоглощающая ненависть. Ненависть к жестокому миру, к снисходительным инструкторам, к безучастным соратницам, так и не ставшим подругами, что замерли в сторонке, ожидая, закономерного конца. Что ж, пускай, наверное, так будет даже лучше. Но перед смертью нужно выпустить скопившуюся горечь.

В груди зарождается рычание, а окружающее тонет в кровавом тумане. Мгновенно перегруппировавшись, тело делает шаг вперед, через страх, через боль, через силу.

Из темноты выплывают смутно знакомые лица, в ушах звучат невнятные отголоски слов. Из однотонного бормотания выделяется сильный голос:

— Развлечение закончилось. Все в зал и отрабатывать, пока баллы не занизил. Живо!

Зашуршало, хлопнула далекая дверь. Что-то скрипнуло, зазвенело, а через мгновение по ноздрям шибануло чем-то настолько едким, что Ольга дернулась, замотала головой, пытаясь избавиться от запаха, распахнув глаза, глянула дико. Небольшая комнатка, возле короткой стены шкаф, тут же журнальный столик с ноутбуком, стены увешаны графиками и таблицами, на полу множество коробок. В центре комнатки стоит инструктор, под мышкой белая коробка с красным крестом, в пальцах кусочек ваты и ампула с отломанной пипкой.

— Наконец-то в себя пришла. Нашатырь — вещь! — инструктор тряхнул головой, натужно улыбнулся. — Честно говоря, заставила ты меня поволноваться.

Обнаружив, что лежит на кушетке, Оля спустила ноги, осторожно села, едва не застонав — голова отозвалась тупой болью. Помолчав, сказала убито:

— Я не помню, что произошло.

Инструктор бросил ватку в мусорное ведро, убрал аптечку, присев за столик, сказал озабоченно:

— Похоже, демонстрация получилась чересчур впечатляющей, и ты решила, что тебя собираются убить.

Почувствовав, что краснеет, Ольга опустила голову, сказала чуть слышно:

— Так и было.

В голосе инструктора промелькнуло искреннее раскаяние, когда он произнес:

— Извини. Это действительно было неуместно. Просто... большинству девушек предмет безразличен, ты одна из многих, кто проявляет заинтересованность. Вот я и... перестарался.

Удивленная услышанным, Оля подняла глаза, сказала с чувством:

— Мне действительно интересно. Но, вы правы, это было... жестковато.

— Пустяки, — инструктор с улыбкой отмахнулся. — Будет мне наука. Кстати, должен отметить, в умопомрачении, или, что там было за состояние, дерешься ты как берсерк. Знаешь, были в давние времена такие воины...

Оля покивала, сказала с бледной улыбкой:

— Да-да, читала. Прыгали на противников голышом, грызли щиты, жрали мухоморы...

Инструктор смутился, сказал поспешно:

— Ну, я не то, чтобы именно это имел в виду. Но на будущее это свое свойство имей в виду. Может выручить. — Он еще немного помолчал, затем неторопливо поднялся, сказал просительно: — Ты, если еще не в себе, полежи, а я пойду, а то девчонки, слышу, совсем на ушах стоят.

Ольга замотала головой, поднялась, ощущая легкое головокружение, сказала упрямо:

— Нет, я в порядке. Действительно нужно идти, а то потом девки насмешками замучают. Фантазия ведь буйная...

Мельком взглянув на инструктора, она повернулась, чтобы выйти, но что-то привлекло внимание, засело не дающей покоя занозой. Дойдя до двери, Ольга не выдержала, обернулась. Инструктор стоял вполборота, сосредоточенно копаясь в аптечке. Отметив

заминку, он с улыбкой повернулся, и Ольга ахнула: оба плеча тренера пламенели глубокими порезами, откуда тоненькими струйками сочилась кровь. Перехватив взгляд девушки, инструктор подмигнул, сказал со смешком:

— Говорю же, натуральный берсерк. Куда до тебя остальным.

Потрясенная, Ольга тихо вышла из коморки, осторожно притворив за собой дверь.

* * *

— Газ, дави на газ и выворачивай!

Нога дергается, вдавливая педаль до упора. За стеклами, стремительно приближаясь, вырастает снежная стена. Руки выкручивают руль, но машина уже неуправляема. Удар. Железная махина, содрогнувшись, словно раненое животное, застывает. Чуть слышно гудят дворники, пробиваясь сквозь белесую толщу, но тщетно, стекла залеплены так, будто сверху обрушилась снежная лавина.

— Я что сказал делать? — раздается в темноте усталое.

— Газ давить, — слова с трудом проходят через сжатое стыдом горло.

— А ты что сделала?

Негромко щелкнул выключатель. Подсвеченный бледным, на Ольгу взглянул инструктор: широкое лицо, короткий ежик волос, нос «картошкой», в глазах прыгают веселые искры.

— Я перепутала педали, — ответила Ольга тихо.

Инструктор некоторое время пытливо вглядывался Оле в лицо, затем отмахнулся, сказал примирительно:

— Да и ладно. Сидеть уже сил нет, а тут такой повод подвигаться, — он хохотнул. — Выбирайся, будем выкапываться.

Щелкнула дверь, в салон, вместе с порцией холодного воздуха, ворвался рев двигателей. Спустя секунду, инструктор исчез. Ольга лихорадочно отщелкнула ремень безопасности и выскочила следом. Ноги тут же провалились в мягкое. Попытавшись шагнуть, она едва не упала, удерживая равновесие, вцепилась в дверь.

Оглядевшись, Ольга покачала головой. Внедорожник зарылся в сугроб едва не наполовину, так что колеса целиком погрузились в снег. Ушей коснулось негромкое позвякивание. Обернувшись, Оля поспешила к инструктору, что в этот момент доставал из багажника саперные лопатки, получив инструмент, активно приступила к работе.

Неподалеку, взрывая и взметая колесами облачка снега, носятся еще четыре внедорожника. То сбрасывая скорость, то вновь разгоняясь, машины, похожие на огромных жуков, деловито колесят по специальной площадке, для большей безопасности отгороженной от лагеря набросанным по периметру высоким сугробом.

Занятия по управлению автомобилем ввели уже давно, но более-менее комфортно Оля стала чувствовать себя за рулем лишь в последнее время. Одновременно на площадку выходило не более пяти машин, и пять человек, в порядке очереди, шли совершенствовать мастерство вождения, остальным же приходилось зубрить теорию и довольствоваться тренажерами.

Теория далась Оле легко. Начав пользоваться тренажером с первого же занятия, она отработывала правила до тех пор, пока понимание, что делать в той или иной ситуации, не превратилось в рефлекс. Но стоило из комфортного кресла учебного класса пересест на

жесткое сиденье внедорожника, как уверенность мгновенно испарялась, руки начинали дрожать, а тело наполнялось напряжением, превращавшим плавные движения в резкие рывки. Со временем страх прошел, а тело освоилось, начав в точности выполнять все движения, хотя, в иных ситуациях, происходили небольшие «сбои».

Методично отбрасывая снег лопаткой, Ольга в десятый раз прокручивала ситуацию, когда послышался довольный голос:

— Надо сказать, ты еще неплохо справляешься.

Повернувшись, Оля взглянула на инструктора: покрасневшие щеки, улыбка, оживившиеся глаза, похоже, желание подвигаться оказалось совсем не надуманным, спросила, стараясь, чтобы в голосе не слишком ощущалась радость:

— Разве?

— Точно. — Не переставая работать лопаткой, мужчина произнес: — Скажу по секрету, только ты девкам не говори, а то нарочно аварию устроят, — он хохотнул, — женщины водят отвратительно, а учатся еще хуже. А с тобой проблем почти нет.

Ольга широко улыбнулась, сказала, кивая на машину:

— Именно по этому мы сейчас исполняем роль дворников.

Инструктор ответил мирно:

— Ну, я же сказал — почти. Но это мелочь. Некоторые вещи действительно сложно усвоить. — На мгновение перестав копать, он поинтересовался: — Ты когда-нибудь весела над пропастью, точно зная, что нужно расцепить руки?

Удивленная вопросом, Оля ответила:

— Нет, не приходилось. А такое может быть?

Собеседник поморщился, объяснил терпеливо:

— Дело не в том, может или нет, а в том, что в определенных обстоятельствах срабатывает инстинкт самосохранения, который не дает сделать нужное. — Перехватив недоуменный взгляд девушки, он пояснил: — Вот мы сейчас здесь роемся почему?

— Почему? — эхом повторила Ольга.

Инструктор молча набрал горсть снега, некоторое время мял, пока не получился округлый плотный шар, а затем вдруг резко метнул Олю в лицо. Прежде чем Ольга успела сообразить в чем дело, рука уже дернулась вверх, легко отбив снежок. Инструктор кивнул, сказал с удовлетворением:

— Ну вот, видишь, — после чего принялся вновь отгрести снег.

Оля тоже принялась за работу, но через некоторое время не выдержала, сказала осторожно:

— Если честно, я не совсем поняла пример.

Оглядев результаты работы, инструктор выпрямился, обошел Ольгу, и принялся расчищать пространство возле переднего колеса. Несколько раз взмахнув лопатой, он произнес:

— Это была аналогия. Когда тебе в лицо неожиданно летит нечто, пусть даже это вкуснейшее пирожное, или комок денег, ты увернешься не думая, ну, или отобьешь... тоже, не думая. Это инстинкт. Тоже самое на дороге. Когда ты разгоняешься и неожиданно видишь препятствие, первое твоё побуждение...

— Затормозить, — догадалась Ольга.

Собеседник кивнул, сказал довольный пониманием:

— Верно. Инстинкт подсказывает самую простую реакцию, ту, что обычно работает.

Откуда ему знать, что торможение на скользкой дороге смерти подобно?

Подумав, Ольга произнесла:

— То есть, вы хотите сказать, что эта ситуация относится к числу сложнейших?

— Ну да, — собеседник со стоном разогнулся, держась за поясницу, несколько раз повернулся то в одну, то в другую сторону. — В такой ситуации и мужчины и женщины ведут себя одинаково.

Ольга спросила с улыбкой:

— Жмут на тормоз?

— Жмут на тормоз, — повторил инструктор. — Но мужчинам, в отличие от женщин, обычно хватает одного раза. Когда ситуация повторяется, они преодолевают страх, делая то, что нужно, вместо того, что хочется.

Оля выпрямилась, огляделась, работа не прошла даром, и колеса почти полностью освободились от снежного плена, сказала неуверенно:

— Мне кажется, можно попробовать выехать.

Инструктор мельком осмотрел машину, согласился:

— Пожалуй. Я бы даже сказал, что сделали лишнее. — Забрав у Оли лопатку, он двинулся к багажнику, бросив на ходу: — Что ж, прыгай в кабину, и мы посмотрим, заслужен ли был комплимент.

Улыбнувшись, Ольга стряхнула с ладоней капли воды от растаявшего снега, потянула за ручку дверцы на себя. В салоне тепло, и, разогретое работой, тело быстро покрывается испариной. Нога выжимает сцепление, пальцы поворачивают ключ. Заводясь, негромко рывкает мотор, разогреваясь, начинает довольно урчать. Хлопнув дверцей, на соседнее сиденье опустился инструктор, подмигнув, весело произнес:

— Ну что, покажем класс?

Оля кивнула. В душе возникает привычный задор, а руки уже выкручивают руль, выводя машину из снежного плена. Поворот, разгон, сцепление... Мимо пролетает один из внедорожников, за толстым стеклом переднего окошка застывшее лицо девушки, глаза в ужасе распахнуты, губы сжаты с такой силой, что превратились в тоненькую полоску.

Впереди возникает строй оранжевых колпачков. Расположенные один за другим, так близко, что машина с трудом втискивается в промежутки, колпаки вечное проклятие учащихся, редко кому удается проехать, не завалив один — два, а то и разбросав большую часть на пару метров вокруг. Короткий разгон. Торможение. Руки выкручивают руль, а нога уже давит на газ. Колеса с визгом прокручиваются, толкая тяжелую машину вперед. Короткий разгон, и вновь торможение, настолько резкое, что заднюю часть выносит вперед, но так и нужно, иначе «змейку» не преодолеть.

Точно, четко, идеально, но в самом конце до слуха доносится хлопок. Чертыхнувшись, Ольга вышла из машины, взглянув на лежащий колпак, вздохнула. Не настолько хорошо, как можно было бы, не настолько аккуратно. Вернулась в салон, она тронула машину, повела аккуратно, без излишней бравады и резкости.

Поворот, подъем, остановка. Необходимо тронуться, не сместившись в низ ни на сантиметр. Знакомо и легко. Мотор на секунду замолкает, затем вновь радостно взрывается, тяжелый внедорожник плавно преодолевает препятствие. И вновь, поворот, подъем, остановка.

Короткий прямой участок. Нога вдавливая педаль газа до упора. Мотор рычит громче, словно рассерженный зверь, колеса раскручиваются, разгоняя автомобиль все быстрее.

Впереди возникает знакомый сугроб, неотвратимо надвигается, маяча глубокой вмятиной. Сквозь шум прорезывается голос инструктора.

— Внимание. Готовься к повороту.

Скорость высока. Снежная стена несется навстречу, грозя ударом. В груди зарождается волнение, вызывая нестерпимое желание замедлить машину, избегая неотвратимого столкновения. Нога начинает едва заметно подрагивать. Инструктор молчит, выжидая нужного мгновения, но в тот момент, когда нервы почти не выдерживают, раздается его громкий голос:

— Газ, дави на газ и выворачивай!

Нога дергается, вдавливая педаль до упора, за стеклами, стремительно приближаясь, вырастает снежная стена. Руки выкручивают руль, машину заносит, и... впереди возникает чистое пространство. Освобождаясь от страха, с надрывом колотится сердце, глаза по-прежнему распахнуты, но губы уже расползаются в улыбку, а в ушах сладкой музыкой звучит одобрителный голос инструктора.

— Что ж, как я и говорил, ты совсем не плохо справляешься.

Под утро не спалось. Глядя в потолок, Ольга вспоминала. За прошедшие восемь месяцев произошло многое: обилие новых знаний, мелкие стычки с сорадницами, появление новых подруг. Жесткий распорядок жизни почти не оставлял свободного времени. Даже выделенные для отдыха часы в основном уходили на изучение дополнительного материала.

Зал с ноутбуками стал вторым домом, и если поначалу Ольга ходила туда исключительно в сопровождении лейтенанта, то в один прекрасный день Гюрзель вручила ей пластиковую карточку со словами:

— Я объяснила ситуацию начальству. Тебе оформили персональный пропуск. Работает на входную дверь и компьютерный зал. Не советую терять, второго не будет. И постарайся не засиживаться. Обучение — хорошо, но распорядок остается в силе.

Благодарно кивнув, Ольга в тот же вечер воспользовалась подарком. Пальцы немного дрожали, а сердце забилось сильнее, когда она сунула карточку в щель электронного замка. Секунду ничего не происходило, затем вспыхнула зеленая лампочка и дверь отворилась.

Десятки часов проведенных за компьютером не прошли даром. Знакомясь с таблицей результатов, еженедельно вывешиваемой в коридоре, Ольга с удовлетворением отмечала, что красные точки в строчке ее персональных достижений встречаются все реже. Наконец они исчезли совсем. А через некоторое время стали появляться зеленые отметки, служа пищей для сплетен отстающих, объясняющих такие изменения тем, что Ольга выбилась в любимчики. Иногда это становилось нестерпимым, и Оля с великим трудом сдерживалась, чтобы не пуститься в объяснения. Порой доходило до драки, но ничего не менялось. Так что со временем Ольга махнула рукой, перестав обращать внимание на недовольных.

За полгода состав отряда претерпел значительные изменения. Большая часть девушек закончили обучение, исчезнув также незаметно, как и другие до них. Просто во время очередного подъема обнаруживалось, что одна из кроватей пуста, а хозяйка пропала. После каждого такого исчезновения поднимался легкий переполох, а вечером, после отбоя, те кто поопытнее, рассказывали жуткие истории, пугая новичков подробностями предстоящего «экзамена».

Чуть слышно скрипнула дверь, послышались негромкие шаги. Задумавшись, Ольга еще некоторое время витала в воспоминаниях, а когда окончательно вернулась к реальности, вздрогнула. Напротив, возвышаясь неподвижной тенью, стояла Гюрзель. Лейтенант шагнула ближе, наклонившись, сказала чуть слышно:

— Собирайся.

Сердце забилось радостно, одновременно, внутри шевельнулся страх. Поднявшись, Ольга быстро оделась, заправила постель, после чего замерла, демонстрируя готовность к действию. Лейтенант, все это время молча ожидавшая у кровати, сделала приглашающий жест и зашагала к выходу. Ольга пошла следом, стараясь утихомирить бешено бьющееся сердце.

Выйдя из казармы, они проследовали к столовой. В окнах первого этажа уже горел свет, а едва они вошли, ноздрей коснулся вкусный запах пищи. Повара уже во всю готовились к наступающему дню. Гюрзель усадила Ольгу за стол, а сама отошла к стойке. Вернувшись, она поставила на стол разнос с двумя стаканами сока, сказала коротко:

— Пей.

Не выказывая удивления, Ольга опустошила оба стакана, после чего они вышли из столовой. Прислушиваясь к похрустыванию свежесвыпавшего снега под ногами, Оля поинтересовалась:

— Мне предстоит экзамен?

Похоже, лейтенант ожидала вопроса. Не поворачивая головы, она ответила:

— Не буду лукавить, да.

— Лукавить? — спросила Ольга непонимающе.

Та в свою очередь взглянула искоса, сказала ровно:

— На эту тему запрещено говорить, но, сама понимаешь, так или иначе запрет приходится обходить.

— Зачем вам это? — воспользовавшись бледным светом стоящего поодаль фонаря, Оля пытливо всмотрелась в лицо Гюрзель.

Губы лейтенанта разошлись в улыбке, когда она произнесла:

— Подумай сама, ну кого порадует провал воспитанника, даже если большую часть времени с ребенком занимались сторонние люди? — Она помолчала, добавила тише: — К тому же... так или иначе, но за полгода я успеваю привыкнуть к девочкам.

Ошарашенная услышанным, Ольга молчала. Начальница отряда, суровая и безэмоциональная женщина, слышавшая в отряде стальной, оказывается способна испытывать чувства, и даже, как бы это невероятно не звучало, по-своему любит воспитанниц. Оля пробормотала замедленно, разрываясь между неловкостью и любопытством:

— Тогда, быть может, лучше мне ничего не знать?

Гюрзель взглянула с таким видом, словно чувствовала, что происходит в душе воспитанницы, сказала насмешливо:

— Ну уж нет. Обойдемся без излишней куртуазности. Я прекрасно знаю, что ты сейчас испытываешь, сама проходила. — Перехватив изумленный взгляд спутницы, добавила с нажимом: — Да, да, не сомневайся. Но сейчас речь не обо мне. Итак, предупреждаю сразу, экзамен жесткий, и даже, я бы сказала, жестокий. Именно поэтому завтрак ограничен соком. Меньше крови желудок оттянет.

— На что стоит обратить внимание? — поинтересовалась Ольга. Собравшись с силами, она отбросила сторонние мысли и теперь выглядела предельно собранной.

Начальница отряда сказала подчеркнуто жестко:

— Повторюсь, деталей не будет. Но запомни одно — экзамен не игра. И на кону гораздо больше, чем будущая карьера.

Ольга промолчала. Сказанного с избытком хватило для понимания — провал равносителен смерти. Мысль вызвала панику, но Оля лишь крепче стиснула зубы, стараясь не позволить страху разрастись до той степени, когда мысли теряют ясность, а тело перестает слушаться разума.

Они свернули к стрельбищу. И без того невысокий купол входа почти исчез, погребенный снегом, и если бы не расчищенная, посыпанная песком дорожка, обнаружить ведущую под землю дверь не представлялось бы возможным. Под ногами захрустел ледок, а под сводом знакомо загудело эхо, когда Ольга ступила на ведущую вниз лестницу.

Ступеньки пролетели незаметно. Войдя в коридор, Ольга по привычке шагнула направо, направившись к залу стрельб, но лейтенант коротко скомандовала:

— Нам в обратную.

В этой части «лабиринта», как неофициально называли подземные переходы, Оля еще не

была. В стенах, по обеим сторонам, то и дело встречались тускло освещенные проходы, куда Ольга опасливо косилась, с замиранием представляя, что может крыться в глубинах подземной части лагеря.

Возле одной из металлических дверей, расположенных в стене через равные промежутки, Гюрзель остановилась. Ольга ожидала, что лейтенант, как обычно, воспользуется карточкой, и с удивлением смотрела на голую стену, без малейшего намека на электронный замок, но начальница отряда достала связку тяжелых ключей необычной формы, некоторое время перебирала, пока не нашла нужный, после чего вставила ключ в скважину.

За дверью обнаружилось небольшое помещение. Лейтенант сделала приглашающий жест, сказала сдержано:

— Заходи, располагайся. Минут через десять — пятнадцать откроется дверь, — она указала глазами на небольшую дверцу в противоположной стене. — Тебе туда. Обратного не ломись, не откроют. Ну, все.

Ольга шагнула в комнатку, за спиной хлопнуло, в замке повернулся ключ. Мельком оглянувшись, обстановка не поражает богатством: диванчик возле стены, низенький столик, вбитая в стену вешалка, Ольга сняла куртку, присела на краешек дивана. Но не смотря на все попытки расслабиться, возбуждение не уходило.

Медленно тянутся минуты, не принося успокоения. Сердце стучит так громко, что кажется, будто за стеной бьет молот. В голове царит хаос, перед глазами мелькают лица подруг, а в ушах звучат рассказы об ужасах заключительного испытания. От напряжения сводит челюсти, а ноги начинают дрожать самым жалким образом.

Когда ожидание начало превращаться в пытку, звонко щелкнуло. Подскочив, Оля несколько секунд смотрела на дверцу, ожидая, что сейчас оттуда выскочит что-то жуткое, но быстро взяла себя в руки, шагнув к двери, потянула за ручку.

За дверью открылся темный зев коридора. Не торопясь заходить, Ольга осмотрелась. Падающий из проема свет выхватывает кусочек пола и часть стены. Несмотря на идеально ровный пол и отштукатуренные стены идти во тьму не хотелось, тем более, что коридор закруглялся, скрывая за поворотом неизвестные опасности.

Ольга перенесла за порог ногу, и вновь изучила видимое пространство. Ничего не обнаружив, она почти смирилась с тем, что придется бродить в потемках, когда взгляд наткнулся на некую шероховатость. Вглядевшись пристальнее, она улыбнулась. Внизу, сразу под порогом, едва заметный в полутьме, из стены выступает выключатель. Наклонившись, Оля протянула руку, и едва палец коснулся кнопки, под потолком вспыхнули до того невидимые лампы, мгновенно превратив крошечную тьму в яркий полдень.

На душе стало легче. Уже без страха, Оля перенесла через порог вторую ногу. Словно ожидая этого момента, дверь сразу же вернулась на место, негромко лязгнув засов. Ольга осторожно двинулась по коридору, готовая к неожиданностям, но пройдя несколько шагов, в удивлении остановилась. Впереди, на уровне лица, из стены торчит гладко оструганная, напоминающая черенок от лопаты, палка, чуть дальше выступает еще одна, но уже на полметра ниже, а за ней все видимое пространство коридора заполнено торчащими под всевозможными углами «черенками».

Оля усмехнулась. Палки не представляли большой опасности, но лезть в темноте через подобное нагромождение деревянных «ежей» должно быть не самое приятное занятие, которое, тем не менее, пришлось бы пережить, не прояви она внимание на самых первых

шагах.

Пролезая между палками, Ольга двигалась неспеша, внимательно осматривая стены на предмет новых находок, но, судя по всему, первое испытание не содержало других сюрпризов. Закончив с «полосой препятствий», Ольга выпрямилась, оказавшись напротив очередной двери. За дверью обнаружился круглый зал с парой проходов в дальней части. Сделав несколько шагов, Оля обратила внимание, что под ногами мягко пружинит. Приглядевшись, она заметила, что поверхность пола покрыта плотно подогнанными плитами из материала отдаленно напоминающего резину.

Недоумевая, для чего могло понадобиться подобное покрытие, Ольга опустила на колено, поскребла ногтем податливый материал. Внимание привлек едва слышный шорох. Подняв голову, Оля вздрогнула. Мягко ступая, из прохода выдвинулись трое. С головы до ног закутанные в черные обтягивающие костюмы, так что свободными остались лишь кисти, да узкие полосы для глаз, стройные фигуры и выпуклости груди выдавали девушек. Пройдя вдоль стены, они остановились на равном расстоянии друг от друга, разом повернувшись, застыли в расслабленных позах.

Ольга неторопливо поднялась, стараясь двигаться как можно медленнее. Но едва она выпрямилась, одна из девушек с резким выкриком метнулась навстречу. Увернувшись от нацеленного в грудь удара ноги, Ольга провела короткую пробную атаку, понимая, что, возможно, делает непростительную ошибку, теряя драгоценное время, но заученное на тренировках правило — «прежде чем ударить в полную силу — узнай соперника», не позволило бить на поражение сразу же.

Вскоре стало ясно, что противница, хоть и не намного, но уступает в навыках рукопашного боя. Но едва Ольга осознала собственное преимущество, в тот же момент, словно ощутив ее мысли, в бой вступила вторая девушка. Получив ощутимый тычок в пах и пропустив скользкий в скулу, Ольга разозлилась. Судя по движениям, новая соперница оказалась даже слабее партнерши, но действуя синхронно, они начали теснить Ольгу.

Отбивая сыплющиеся градом удары, Оля старалась не упускать из виду третью девушку, что все это время стояла недвижимо, безучастно глядя на происходящее. Приноровившись к темпу и отследив особенности техники противниц, Ольга время от времени контратаковала. Улучшая момент, когда, то одна, то другая открывались для ударов, Оля в резком выпаде доставала противниц ногами и вновь отступала, не позволяя себе увлечься на добивание.

И все же, ударив в очередной раз, она пропустила момент, когда в бой вступила третья участница. Заметив краем глаза движение сбоку, Ольга рванулась в противоположную сторону, но не успела, тело потряс сильнейший удар, ее отбросило. Пол стремительно надвинулся, ударил, выбил дыхание. Локти занемели. Мелькнуло запоздалое понимание, для чего именно нужно мягкое покрытие: не будь на полу резины, она лежала бы со сломанными руками.

В голове еще гудит отдача падения, а тело уже катится в сторону, избегая ударов. Рывок, и мир обретает привычное положение. Противницы, больше похожие на известных японских ниндзя, двигаются слаженно, словно специально обучались драться в тройке. Удары сыплются один за другим, почти без перерывов, так что большая часть сил уходит лишь на то, чтобы блокировать мельтешащие руки и ноги, не помышляя о нападении.

Удары легки. Девушки, как одна, хрупкие, будь они хоть немного крупнее, бой бы давно закончился. Но это единственное преимущество, вернее даже не преимущество — облегчающий задачу фактор, слаженность соперниц такова, что создается впечатление,

будто это не три различных человека, а одно многорукое чудовище, преследующее единственную цель — уничтожить врага.

Ноги занемели от напряжения, а руки превратились в сплошную боль. Удары все чаще достигают тела, болезненно отдаваясь внутри, а силы стремительно тают. Еще немного и она упадет, не в силах защищаться, после чего все будет кончено. Лежащий противник забивается почти мгновенно, уже через несколько минут превращаясь в кровавый фарш, сочащийся кровью и ошестинившийся обломками костей.

Внутри поднимается уже знакомая темная волна. Нельзя позволять инстинктам брать верх, но, нет сил противиться. Последние искры разума гаснут, погружаясь в пучину, где сомнения чужды, а боль лишь подливает сил, возбуждая лютую жажду крови. Лицо искажается, глаза вылазят из орбит, а из горла рвется нечеловеческое рычание. Тело рвется вперед, и уже не имеет значения, чем закончится бой, лишь неугасимым огнем пылает бешеная жажда крови.

Но что это! В то мгновение, когда остатки разума уже готовы раствориться в всесокрушающей ярости, противницы, словно по команде, останавливаются, и медленно, стараясь не поворачиваться спиной, пятятся к выходу. Миг, и зал пустеет, лишь только боль и опустошенность, возникающие следом за откатом ярости, свидетельствуют, что бой не привиделся в страшном сне, навеянном тяжелыми тренировками прошедшего дня.

Ольга со вздохом оперлась на стену, скользнула вниз, позволяя телу расслабиться. Сознание поплыло, восстанавливаясь после опустошительных эмоций, глаза сами собой закрылись, отгородившись от мира непроницаемой ширмой. Глубоко и равномерно дыша, как учили на тренировках, Ольга постаралась максимально расслабиться. Кровь понеслась по телу, легко проникая в ранее труднодоступные места, мышцы приятно заныли, а по коже пробежали мурашки.

Чувствуя, как стремительно возвращается жизнь, Ольга открыла глаза, замедленно встала, и осторожно, стараясь не делать резких движений, пошла в сторону призывно распахнутой двери. Хотя еще недавно, она точно помнила, дверь была плотно притворена. Проход, куда скрылись девушки, Оля опасливо обошла по дуге. Понимание, что очередное испытание закончилось, успокаивало, но болезненные ощущения, оставшиеся после недавнего боя, были еще слишком свежи, и заставляли лишний раз соблюдать осторожность.

Сразу за залом вновь начался коридор, с небольшими пустыми комнатками по обе стороны. Вспомнив о замаскированном выключателе, Ольга не поленилась, и шаг за шагом тщательно осмотрела каждую. Усилия оказались вознаграждены. В последней комнатке, под толстым слоем пыли, нашелся нож. Несмотря на потрепанный вид, нож внушал доверие крепким клинком, а гладкая от частого употребления рукоять так и просилась в ладонь.

Оружие придало уверенности, но, одновременно, вызвало ряд неприятных мыслей. Такая находка не могла быть случайностью, а это говорило только об одном — предстоящее испытание грозило гораздо большим, чем просто синяки. Нахмурившись, Оля перехватила нож удобнее и крадучись вышла из комнатки.

Коридор расширился, превратившись в вытянутый зал. Через два десятка метров зал плавно закруглялся, заканчиваясь очередной дверью. Ольга остановилась, с подозрением всмотрелась в дальнюю стену. По обе стороны от двери, в стене чернели провалы. Невысокие, словно сделанные для малолетних детей, провалы как магниты притягивали взор. На мгновение Ольге почудилось, что из темной глубины за ней наблюдают чьи-то недобрые глаза. Ощущение оказалось таким сильным, что она невольно попятилась. В предчувствии опасности тело невольно напряглось, а пальцы крепче сжали рукоять ножа. Обратившись в слух, Оля замерла, но кроме гулкого стука в груди так ничего и не услышала. Собравшись с духом, она замедленно двинулась к двери.

Шаг, другой. Вокруг по-прежнему пусто, но ощущение опасности становится все сильнее, а сердце уже не просто бьется — бешено колотится, подготавливая тело к неведомому, но неотвратимому бою. Слуха касается едва уловимое царапанье, словно чьи-то когти скребут древний бетон стен. Глаза в ужасе распахиваются, а мелкие волоски на теле встают дыбом. В мозгу рождаются кошмары, один страшнее другого. Возможно, обсуждая особенности «экзамена» поздними вечерами, девушки были не так далеки от истины. Кто знает, что происходит на нижних ярусах лагеря. Какие чудовищные опыты проводят в

подземных лабораториях. И не является ли экзамен финальной стадией эксперимента, на которой воспитанниц превращают в ужасных монстров...

Заскреблось сильнее, раздался приглушенный рык, и из проемов одновременно вышли две собаки. Ольга на мгновение опешила, испуг мгновенно сменился радостью, что, в свою очередь, превратилась в опасение. В собаках Оля узнала доберманов. Поджарые, с длинными ногами и мощными челюстями, эти псы широко применялись в военных нуждах. Отличающиеся бешеным нравом и обладающие высокой скоростью, они представляли из себя опасных противников, и Ольга содрогнулась, на мгновение представив, что бы она делала, не обыщи вовремя комнаты.

Псы ненадолго замерли, словно оценивали противника, а секунду спустя одновременно рванулись с места. Ольга застыла. Инстинкт властно требовал убежать от надвигающейся опасности, но разум призывал стоять. Не смотря на возникшую панику, Оля отдавала себе отчет, что, повернись она спиной, схватка закончится не начавшись.

Собаки подлетели почти мгновенно, но тело среагировало вовремя. Ольга резко отпрыгнула в сторону, одновременно с силой ударив ближайшего пса в бок. Костяшки пальцев тут же занемели, а на запястье возникла кровавая борозда. Ольга чертыхнулась, коря себя за неосмотрительность: шеи собак щетинились стальными иглами ошейников. Перехватив нож острием вниз, убивать животных не хотелось, Ольга ударила пса, что уже успел развернуться, точно в нос. На теоретических занятиях, посвященных основам боя с собаками, показывали уязвимые точки животных, особо акцентируя, что нос являлся наиболее слабой из них, и Оля не поверила глазам, когда собака кинулась в атаку, никак не среагировав на удар.

Увернувшись от ощеренной пасти, Ольга с силой пнула пса, отскочив так, чтобы не попасть под зубы второго. В голове вертелись отрывки лекций, и раз за разом повторялись слова преподавателя — «при ударе в нос собака теряет ориентацию на время до пяти секунд». Сцепив зубы, Оля вновь и вновь прокручивала воспоминания, пытаясь вспомнить еще хоть что-то важное.

Под коленом шелкнуло, прикушенная кожа отозвалась болью. Рука рефлекторно дернулась вниз, кулак ткнулся в твердое, бессильно скользнул, не причинив псу повреждений. Резко развернувшись, Ольга с силой ударила животное коленом, по счастливой случайности вновь попав по носу. Но, как и в пошлый раз, собака не отреагировала, сразу же дернувшись следом. С шумом лязгнули челюсти, не прихватив ногу лишь чудом.

Не дожидаясь, когда очередной укус достигнет цели, Ольга перешла в нападение. Руки замелькали, как крылья, стремительно нанося удары один за одним. Непрерывно отмахиваясь руками, Оля одновременно сдвигалась по кругу, так, чтобы псы не расходились далеко в стороны. Морды собак покрылись многочисленными порезами, шерсть намочила от крови, но псы не издали ни звука, продолжая нападать с бешеным остервенением.

Мелькнула смутная догадка. Выбрав момент, Ольга извернулась, и резким движением ударила ножом по лапе, срезав несколько пальцев, но пес, как ни в чем не бывало, продолжил скакать, оставляя на бетоне кровавые отпечатки. Глядя, как обнажившаяся кость с глухим стуком ударяется в пол, Оля с обреченностью поняла, в чем именно заключается задание.

Собравшись с духом, она стиснула челюсти. Мышцы на руке напряглись, готовясь совершить неизбежное. Левая рука ложится на морду пса, мягко, словно лаская,

придерживает, в то время как правая резко выстреливает, целясь в глаз. Удар. Лезвие легко, словно играючи, входит через глазное отверстие в мозг. Руки не успевают вернуться в исходное положение, а пес, мгновенно обмякнув, замедленно падает на подломившихся ногах.

Сильный удар в бок. Левое плечо обжигает болью. Но это уже не имеет значения. Короткий, почти незаметный поворот. Пока левая рука бережно придерживает собаку, правая устремляется к ребрам, туда, где под тонкой кожей, прикрытое жестким каркасом ребер, истошно бьется перегруженное анальгетиками и адреналином сердце. Лезвие аккуратно входит между ребер на всю длину, заставляя собаку вздрогнуть всем телом. Глаза пса затуманиваются, и уже безжизненный, он падает на труп собрата.

Звонко щелкнуло. Преграждающая путь дверь приветливо отворилась. Ольга подняла руки к глазам, несколько мгновений рассматривала оставленные иглами ошейников многочисленные мелкие ссадины, с омерзением отбросив нож, зашагала к выходу. Борясь с поднявшейся в душе горечью, она прошла в следующее помещение и замерла, не в силах отвести взгляд. Мозг закипел, в тщетных попытках подобрать приемлемое объяснение, но глубоко внутри, холодное, словно лед, уже возникло понимание. Впереди, на большой картонной коробке лежал пистолет.

За спиной щелкнуло, но Ольга уже не слышала. С трудом передвигая враз ставшие непослушными ноги, она подошла к коробке, двумя пальцами, словно мерзкое насекомое, взяла пистолет. От ощущения знакомой тяжести стало немного легче, но холод в груди не исчез, лишь затаился до времени. В порыве смутной надежды, Оля выхватила обойму, несколько секунд смотрела на желтый цилиндрок патрона, после чего замедленно вставила обратно. Экзамен продолжался.

Ольга осмотрелась. По сравнению с простором предыдущего зала, помещение, куда она попала, оказалось гораздо скромнее, представляя собой комнату десятков шагов в длину, и столько же в поперечнике, с неизменной дверью в противоположной от входа стене. Едва она закончила осмотр, как дверь со скрипом отворилась, и в комнату, мило улыбаясь, вошел мужчина.

Незнакомец создавал двойственное впечатление: ясные глаза, кроткая улыбка и грустное выражение лица привлекали, но могучая фигура, мягкие движения и короткие, быстрые взгляды, бросаемые по сторонам, настораживали, возбуждая смутное опасение. Одетый в простую клетчатую рубашу с длинными рукавами и потертые джинсы, незнакомец напоминал случайного прохожего, неведомым образом попавшего с оживленных улиц какого-нибудь южного города в подземные казематы и теперь удивленно осматривающегося, в попытках осмыслить происходящее.

— Что ж, будем знакомы, — мужчина шагнул навстречу, с улыбкой протянул руку, — меня зовут Станислав, по-простому — Слава.

Ольга кивнула, пряча пистолет, медленно заложила руки за спину, с трудом выдавила:

— А меня Ольга.

Мужчина едва заметно закусил губу, но тут же улыбнулся, пошевелив пальцами, опустил руку, сказал бодро:

— Очень приятно. А то за последние дни, словом перекинуться не с кем.

Не спуская с собеседника глаз, Оля поинтересовалась:

— Что вы здесь делаете?

Вопрос вызывал необычную реакцию. Мужчина замер, его брови сошлись на

переносице, а лицо потемнело, но тут же вновь разгладилось. Махнув рукой, он сказал с досадой:

— Что уж теперь. Вы, я вижу, девушка не испорченная, в отличие от... — он сделал неопределенный жест, — осуждать не будете.

— Так вы расскажите, — Ольга улыбнулась, — а там посмотрим.

Широко размахивая руками, мужчина прошелся взад вперед, сказал задумчиво:

— Да было б что рассказывать. Обычный человек, такой же как все, хотел подзаработать... да не вышло. — Он всплеснул руками, воскликнул раздраженно: — И ведь дел на копейку. Но кто ж знал, что этот гад ворованную технику подсунет!

Ольга непонимающе взглянула на мужчину, спросила с затруднением:

— Хотите сказать, вас подставили?

— Именно! — воскликнул мужчина обрадовано. — Вы с полуслова поняли то, во что эти стражи порядка неделю въехать не могут, — он взволнованно заходил по комнате, то приближаясь, то отходя назад.

По-прежнему настороженно, но уже без страха, Ольга следила за его перемещениями, на всякий случай, стараясь не оказываться в непосредственной близости. Но мужчина настолько ушел в мысли, что, казалось, забыл о ее существовании. Чувствуя, что молчание затянулось, Оля поинтересовалась:

— Так как вы сюда попали?

Вздвогнув всем телом, собеседник возрился на нее так, словно только что пришел в себя, но тут же улыбнулся, сказал мягко:

— Ничего особенного. Попросили предоставить документы на технику. Я не смог. Ну а после, все как в жутком фильме: воронок, КПЗ, тюрьма. Требовали признания, грозились карами. А спустя неделю, без суда и следствия повезли неведомо куда. Довезли, привели, втолкнули, — он развел руками. — И вот я здесь.

Мужчина вел себя настолько естественно, что Ольга пропустила момент, когда он оказался совсем рядом. Пронзительно синие глаза несколько мгновений всматривались в ее лицо, затем исчезли, мужчина отошел, а Оля с облегчением выдохнула, имея незнакомец намерение напасть, лучшего момента нельзя было и пожелать. Вконец успокоившись, Ольга расслабилась, но на всякий случай оставила пистолет за спиной, заткнув за пояс.

— Так вы даже не знаете куда попали? — произнесла она недоверчиво.

Плечи Станислава опустились, подойдя ближе, он прислонился к стене, замелено скользнул вниз, сказал со вздохом:

— Я даже боюсь представить. Ведь вы же знаете нашу систему. Никто не будет разбираться: виноват человек, нет ли. Отправят куда подальше, и весь разговор.

В памяти всплыл милицейский участок, обрюзгшее лицо следователя. Взглянув на Станислава, что, скорчившись, замер у стены, Ольга ощутила укол совести. Шагнув ближе, она чуть наклонилась, и уже собиралась произнести что-то ободряющие, когда Станислав поднял голову, и Оля поразились произошедшей перемене: улыбка исчезла, сменившись оскалом, лицо исказилось презрением, а глаза застыли, словно покрывшись ледяной коркой.

Грудь взорвалась болью, комната на мгновение смазалась, а секунду спустя, спина с силой ударилась о жесткое. С трудом различая окружающее через вспыхнувшие в глазах черные круги, Оля следила, как мужчина неторопливо приближается. В мозгу раненной птицей билось осознание провала. Дура, как она могла поверить в эту чушь? И где, на экзамене, о котором ходили самые страшные слухи!

Ольга попыталась просунуть руку за спину, где, спрятанный за поясом, дожидался своей очереди пистолет, но, онемев от удара, тело не слушалось. Она зарычала, задергалась, пытаясь сделать хоть что-то, но в этот момент сверху обрушилось тяжелое, вдавило в пол. С трудом дыша, Ольга прохрипела чуть слышно:

— Скотина, слезь с груди, задушишь.

Прислушавшись, мужчина заломил бровь, сказал удивленно:

— Надо же, не думал, что останешься в сознании. У меня удар поставлен неплохо.

— Видать повезло, — просипела Оля, ощущая вкус крови на зубах.

Мужчина мягко прикоснулся пальцами ее щеке, затем провел ниже, с силой рванул.

Сухо треснув, ткань подалась. Шумно вдохнув воздух ноздрями, он сказал замедленно:

— По-хорошему, говорить не о чем. Сейчас я тебя трахну, а потом убью... Хотя, можно и наоборот. Но мне будет приятнее, если ты будешь стонать и извиваться.

— Буду ли? — с ненавистью глядя в глаза врагу, а то, что это враг, сомнений не осталось, прошипела Ольга.

Тот бросил снисходительно:

— Будешь, куда денешься. Я в этих делах мастер. А если не захочешь, не беда, пальцем-другим меньше, и тот же эффект.

Чувствуя, что в руки постепенно возвращается жизнь, Оля выдохнула с жаром:

— Но ведь тебя за это накажут, не боишься?

Станислав покачал головой, сказал отстраненно:

— У меня вышак. По заданию я должен тебя убить, тогда проживу еще немного.

Услышанное оглушило. Вот, значит, каков на самом деле экзамен, жизнь на жизнь. Нет никаких ужасных чудовищ, все до обыденного просто. Нужно всего лишь убить человека. Так легко, и, одновременно, так сложно. Убийство, как инициация, и, одновременно, кровавая роспись в договоре о неразглашении. Что ж, этого следовало ожидать. Никто не станет рисковать полугодовой тратой ресурсов на обучение без дальнейших гарантий сотрудничества.

Мужчина тем временем слез с груди, отчего сразу стало легче дышать, переместившись на бедра, и неторопливо раздевался. Стянув рубаху, он взялся за ремень, но передумал, ухватив Ольгу за руки, замедленно потянул на себя. Глухо звякнуло. Ольга прикусила язык, чтобы не зарычать от досады. Выскользнув из-под ремня, пистолет с предательским шумом грохнулся на бетон.

На лице Станислава отразилось удивление. Вытащив оружие, он уложил Ольгу обратно, глядя на пистолет, насмешливо произнес:

— Как удивительна жизнь. Ведь ты знала куда идешь, и могла меня пристрелить еще на входе, но пожалела, и теперь умрешь.

Ольга едва заметно повела плечами, ощущая, как к телу возвращается чувствительность, закрыв глаза, произнесла чуть слышно:

— Намного удивительнее, чем ты думаешь.

Не расслышав, мужчина подался вперед, оказавшись в нужном положении. Мышцы живота с силой сократились, метнув тело вверх, а руки оттолкнулись от пола, придав дополнительное ускорение. Перед глазами в очередной раз вспыхнуло, лоб загудел, а на лицо брызнуло горячим. Ольга дважды ударила костяшками пальцев, послышался отвратительный хруст. Открыв глаза, она несколько мгновений вглядывалась в залитое кровью лицо врага, затем сильным толчком сбросила с себя тело. Подхватив пистолет, Оля

поднялась, несколько мгновений смотрела на противника, что не подавал признаков жизни, после чего замедленно отвернулась.

Тихий скрип ботинок, едва слышное шуршание за спиной. Оборачиваясь, Ольга уже знала что увидит. Холодный взгляд пронзительно-голубых глаз, рослая фигура, и летящая к груди рука, с зажатым в кулаке коротким лезвием.

Тело заученно смещается в сторону, уходя с траектории удара, а мгновением позже палец давит на крючок, затем еще, и еще. Рука вздрагивает от отдачи, а в ушах раздается грохот выстрелов. Противник по инерции пролетает еще пару шагов, раскинув руки, падает на пол.

Дальнейшее проносится, словно в бреду: суровое лицо начальницы отряда, бледные пальцы доктора, незнакомые люди в мундирах и покрытые мелким шрифтом бумаги, где нужно поставить роспись. А под вечер, когда заканчивается действие вколотого доктором успокоительного, темное нутро грузовика и четыре пары глаз на потемневших лицах, покачивающиеся в такт движениям уносящейся в неизвестность машины.

Мягко качнувшись, машина остановилась. Прошедшие сутки прошли, словно в тумане. Непрерывная езда, когда за окнами одинаково безликие проплывают заснеженные поля с редкими пятнами деревень, равномерный гул мотора, и томящая неизвестность. За время поездки Ольга не перекинулась с попутчицами и парой слов. Порой возникало острое желание поговорить, обсудить прошедшее, но девушки отмалчивались. По свежим царапинам на лицах и вскользь брошенным фразам Ольга догадывалась, что спутницам пришлось еще хуже, и, не желая лишней раз бередить раны, сдерживала готовые вырваться слова.

Мягко хрустнул замок, дверь распахнулась, впустив вместе с порцией холодного воздуха забытое ощущение свободы. Не дожидаясь приглашения, девушки потянулись к выходу, по очереди соскакивая на заснеженную землю. Выбравшись последней, Ольга осмотрелась, с удивлением отметив припаркованную на противоположной стороне дороги черную иномарку.

— Не расходитесь, — сухой надтреснутый голос неприятно резанул по ушам.

Оля покосилась на стоящего тут же мужчину: высокий, худощавый, болезненно бледное лицо резко контрастирует с карими, почти черными глазами. Словно почувствовав внимание, мужчина повернул голову, и Ольга вздрогнула, от тяжелого, пристального взгляда. Палой листвой на ветру закружились воспоминания, но мужчина отвел глаза, и мысли улеглись, так и не оформившись в законченную картинку.

Хлопнули дверцы. Из темной иномарки выбрался мужичок: невысокий, полный, с одутловатым круглым лицом, он мельком осмотрелся и двинулся через дорогу, направляясь напрямик к грузовику. Подойдя ближе, незнакомец остановился, внимательно оглядел настороженно замерших девушек, сказал скептически:

— Это и есть ваши хваленые бойцы? Что-то не производят они впечатления крутых мачо, — он хохотнул, довольный сказанным.

— Вы мне не доверяете? — сопровождающий растянул губы в улыбке.

Глядя на его лицо, Ольга вдруг ощутила, что еще одно — два некорректных замечания со стороны приехавшего, и тому больше не понадобится ни девушки, ни что-либо еще. Судя по всему, мужичок это тоже понял, его лицо приобрело злобное выражение, отступив на полшага, он пробормотал:

— Я доверяю. Но, как говорится, — доверяй, да проверяй.

Сопровождающий пожал плечами, отчего плащ, болтающийся на его плечах, словно на вешалке, равномерно приподнялся и опустился, сказал отстраненно:

— Ваше право. Проверять будете сами, или в машине есть кто-нибудь, кем не жалею пожертвовать?

На лице мужичка несколько мгновений жадность боролась с благоразумием, но последнее все-таки победило. Ослабившись, он поднял руки, сказал примирительно:

— Ваша взяла. Сам я не рискну, а в машине только водитель. Не хотелось бы потом добираться на попутках.

Сопровождающий холодно произнес:

— На попутках не придется, девушки справятся не хуже водителя. Так что в будущем сможете сэкономить на шофере, — он вновь улыбнулся одними губами.

При этих словах, на лице незнакомца отразилась живейшая заинтересованность, потеряв руки, он нервно прошелся взад-вперед, спросил с маслянистой улыбкой:

— А что еще умеют ваши девушки? Ну, помимо бойцовских качеств?

Пропустив вопрос мимо ушей, сопровождающий холодно произнес:

— Девочки, встаньте в ряд, чтобы клиенту было удобнее присмотреться.

Стоя на промозглом ветру, среди таких же, как она, «сестер по несчастью», Ольга смотрела на «присматривающегося», а в памяти сама собой складывалась картина: кирпичная стена с облупившейся штукатуркой, насмешливые подруги, стоящие тут же, в ряд, закручивающиеся снежные вихри, пробирающие едва прикрытое одеждой тело до костей, и жадные глаза клиента, что переводит взгляд с одной девушки на другую, не в силах сделать выбор.

— Наверное, я возьму эту, — короткий пухлый палец уперся Ольге в грудь. — Да, точно! По крайней мере, жена не будет ревновать. А то у нее на почве размера груди бывают, ха-ха, заскоки! — одутловатое лицо расплылось в улыбке.

Сопровождающий кивнул, сказал без выражения:

— Ты остаешься, остальные в машину.

Оля вновь ощутила на себе тяжелый взгляд. И в тот момент, когда спутницы поспешно полезли обратно в кузов, перед глазами вспыхнула яркая картинка: недостроенный домик в лесу, зеленый грузовик и пристальный взгляд из кабины, а спустя мгновение, лес истаял, превратившись в уходящее к горизонту, покрытое пышной травой поле, по которому, стремительно удаляясь, бежит фигурка в цветастом платье. Словно наяву, раздался негромкий хлопок выстрела.

Ольга с ненавистью взглянула на сопровождающего, ощущая разрастающуюся с каждым мгновением ярость. Насколько все было бы проще, попадись ей на экзамене не приговоренный к смерти убийца, а... Словно почувствовав ее взгляд, сопровождающий замедленно повернул голову, и несколько мгновение всматривался в пылающее огнем глаза девушки, на его лице застыло непонятное выражение.

Ольга закрыла глаза, подавляя неуместное чувство, а когда открыла, сопровождающий вместе с незнакомцем уже следовали к черной иномарке. Не зная, что делать, она замерла, втянув голову в плечи и скрестив руки на груди, чтобы хоть как-то защититься от морозца, что все больше крепчал, словно вампир, стремительно выкачивая из тела тепло.

Хлопнула дверца. Послышались приближающиеся шаги. Ольга подняла глаза, встретившись взглядом с сопровождающим. Он остановился рядом, несколько мгновений молчал, пристально глядя ей в лицо, затем произнес:

— Надеюсь, ты понимаешь, что от перемены мест результат не меняется.

Оля выдержала взгляд, сухо ответила:

— Я запомню.

— Вот и хорошо. — Сопровождающий кивнул, добавил тоном ниже: — И не заставляй напоминать, что по контракту ты обязана проработать в соответствующем направлении минимум год, без смены места жительства.

Под тяжелыми шагами заскрипел снег, хлопнула дверца. Выбросив черное облачко дыма, грузовик сразу же тронулся, погнал по трассе, с каждой секундой набирая скорость. Ольга несколько мгновений стояла, задумчиво провожая грузовик взглядом, затем решительно перешла дорогу и села в машину.

Едва она захлопнула дверцу, как послышался раздраженный голос:

— Я не люблю ждать, поэтому давай договоримся сразу: я не жду, ты не опаздываешь! — в салонном зеркале заднего вида возникли глаза хозяина.

Глядя в глазки-щелочки, Ольга ровным тоном произнесла:

— Конечно. Но пришлось получить от сопровождающего кое-какие инструкции.

Глаза еще некоторое время буравили ее взглядом, затем исчезли. Раздалось ворчливое:

— Ладно, ладно, понимаю, у вас свои дела. Даже спрашивать не буду. Не хотел бы я встретить твоего начальника, в темном переулке. Кошелек, знаешь, не лишний.

Ольга подумала о том, что после такой встречи, кошелек бы волновал ее нынешнего хозяина в последнюю очередь, но вслух произнесла:

— У вас хорошая машина.

В зеркале вновь возникли глаза. Послышался отстраненный голос, в котором, тем не менее, мелькнули нотки тщеславия:

— Эта рухлядь для работы. Действительно хорошая машина стоит в гараже. — Он спохватился, произнес с достоинством: — Да, меня зовут Валериан Петрович. Некоторые зовут Валериан, некоторые Петрович, но, сама понимаешь, обойдемся без фамильярностей, особенно поначалу и уж тем более в общественных местах. Ну а лично, или, так сказать, тет-а-тет, по ситуации, — он хохотнул, довольный получившейся двусмысленностью.

Оля ответила ровно, стараясь придать голосу оттенок почтения:

— Очень приятно. Меня зовут семьс... — она осеклась, поправилась, — Ольга.

— Отлично, — собеседник хмыкнул. — Тем быстрее запомню. У меня так зовут одну хм-м... в общем, не важно. А теперь к делу. — Его голос вдруг приобрел жесткость, а тем речи замедлился. — Предыдущего телохранителя я выгнал в шею. Не спрашивай за что, не скажу. А спустя два дня мне предложили один интригующий вариант, настолько необычный, что, сперва, я просто рассмеялся, — девочки специального назначения... да меня партнеры по бизнесу засмеют, но потом поразмыслил и понял, что плюсов больше чем минусов. Во-первых, меньше гонору, мужики, они, знаешь, сперва на совесть работают, а потом зажираются, борзеть начинают. Во-вторых, незаметность. Конечно, идущий позади бычара отгоняет всякую шушеру еще на подходах, но серьезных людей это не остановит, да и попасть в него проще. Ну и в третьих, — он помолчал, добавил с чуть заметным смущением: — Ежели что, ты ведь и помочь сможешь. Там, гормональный фон уравновесить, утешить как-нибудь...

Не выдержав, Ольга хмыкнула, с трудом сдерживая смех, произнесла:

— С членом во рту мои профессиональные качества несомненно значительно возрастут.

Валериан Петрович недовольно запыхтел, сказал с раздражением:

— Ты мне посмейся, посмейся еще. Что скажу, то и будешь делать. Хоть горшки чистить.

Ощущая веселую злость, Ольга насмешливо произнесла:

— Конечно. А поломойка, надо полагать, в это время займется вашей охраной, и, несомненно, будет в этом деле намного более успешна.

Хозяин побарабанил пальцами по стеклу, спросил задумчиво:

— У вас этому специально обучают, или ты борзая по жизни?

Ольга смиренно ответила:

— Специфика работы. Психологическая подготовка для работы с контингентом повышенного риска.

Валериан Петрович замедленно повернулся, отчего кресло жалобно хрустнуло,

произнес с нажимом:

— Вот с контингентом и общайся подобным образом. Со мной так говорить не надо. Усекла?

Не желая вступать в конфликт, Ольга опустила глаза, всем своим видом выражая раскаяние, произнесла чуть слышно:

— Я поняла.

Не встретив ожидаемого сопротивления, хозяин некоторое время смотрел нахмурившись, затем отвернулся, с удовлетворением произнес:

— Вот и ладненько. Будем считать прецедент закрытым.

— Что мне надлежит знать? — осторожно поинтересовалась Ольга, сглаживая ситуацию.

Валериан Петрович хмыкнул, сказал с подъемом:

— А вот это уже вопрос профессионала. Начнем с семьи. Живу я, как ты понимаешь, не один: жена, дочь, все как у людей. Кстати, — он поднял указательный палец, — коль уж зашла речь. По необходимости будешь охранять домашних: там, с женой в магазин сходить, с дочкой на дискотеку съездить... А то мне уже плешь проели, одна боится, что ограбят, вторая, что изнасилуют. В общем, разберемся.

Стараясь, чтобы сказанное не прозвучало слишком резко, Ольга поинтересовалась:

— А если за время, что мы ходим по магазинам, вас избьют до полусмерти, или застрелят?

Собеседник уже набрал в грудь воздух, чтобы сказать что-то резкое, но лишь отмахнулся, произнес с досадой:

— Если уже спустя четверть часа я начинаю жалеть, что связался с бабой, что будет через неделю?

Рискуя навлечь на себя гнев хозяина, Ольга с нажимом произнесла:

— Так вам нужен хороший телохранитель или девочка на побегушках?

Валериан Петрович помолчал, затем произнес устало:

— Девочка, хотели бы меня завалить, убрали бы уже давно. А так — видать не сильно и мешаю.

— Ситуации свойственно меняться, — упрямо произнесла Оля.

Собеседник всплеснул руками, сказал зло:

— Так, еще слово, и я не пожалею времени, чтобы догнать чертов грузовик и обменять тебя на кого-нибудь другого. — Покосившись на водителя, он рявкнул: — А ты чего уши развесил? Плетемся едва под сто. Газуй, давай. А то до весны домой не вернемся.

Водитель не ответил, но машина пошла заметно быстрее. Глядя на проносящиеся за окнами деревья, Ольга с интересом размышляла: попадись навстречу гаишники, отберут ли у шофера права, или дело решится «миром». Вскоре к равномерному шуму мотора добавился посторонний звук — Валериан Петрович весело насвистывал какую-то известную мелодию, судя по всему, уже успев позабыть о недавнем споре. Ольга с удовлетворением отметила, что, несмотря на вспыльчивость, хозяин отходчив. Это позволяло надеяться на успешное урегулирование большей части вопросов. Оставалось надеяться, что остальные члены семьи не создадут сложностей больших, чем их глава.

За окнами замелькали редкие домики пригорода, а дорога заполнилась машинами. Шофер еще некоторое время гнал, то и дело обходя многочисленные попутки, но вскоре сбросил скорость, встроился в непрерывную цепь автомобилей. После стремительного

полета по межгороду, казалось, машина остановилась. Валериан Петрович раздраженно всхрипнул, что-то недовольно проворчал сквозь зубы, но быстро отвлекся, вновь засвистел, покачивая головой в такт мелодии и ужасно фальшивя.

Сдерживаемые автомобильной пробкой, двигались настолько медленно, что Ольга задремала, а когда открыла глаза, по обеим сторонам дороги уже высились постройки частного сектора. С интересом разглядывая аккуратные новенькие домики из красного кирпича, Оля то и дело вертела головой. Покосившись на нее в зеркало, Валериан Петрович произнес со сдержанной гордостью:

— Любуешься? Я тоже, нет — нет, да засмотрюсь.

— Это новый район? — поддерживая беседу, любопытствовала Ольга.

— Ну да, — хозяин пожал плечами. — Раньше были трущобы, но пару лет назад приняли решение облагородить. Посносили все к чертям, часть земли распределили между нуждающимися, а остальное продали...

— И вам выдали участок? — поинтересовалась Оля.

— Ну, зачем же так, выделили, — Валериан Петрович даже обиделся. — Сам купил. Я состоятельный человек, могу себе позволить. — Повернувшись влоборота, он с воодушевлением принялся рассказывать: — До того мы жили в центре — престижный район, пять комнат, третий этаж... но, знаешь, определенные неудобства все же есть. Вечно двор своими развалюхами заставят — машину к подъезду не подогнать, соседи опят же... Конечно, стены отделаны по лучшим стандартам, почти никакой слышимости. Но, тем не менее, то пьяные крики, то собачий лай. Мне-то не мешает: пришел, упал на диван, заснул. А вот семья... — он вздохнул, махнул рукой.

— Сейчас лучше? — Ольга улыбнулась.

Валериан Петрович расцвел улыбкой, довольно произнес:

— Еще бы! Конечно, есть и свои недостатки, но по сравнению с тем что было... — Он не глядя ткнул рукой в окно, сказал с подъемом: — Так уже почти приехали. Сейчас сама увидишь.

Взглянув в указанном направлении, Ольга не удержалась от удивленного восклицания. Неподалеку, возвышаясь над ближайшими домиками, словно замок, виднелся трехэтажный особняк.

Свернули на боковую дорогу и меньше чем через минуту уже стояли напротив дома. Тяжелые металлические ворота величаво распахнулись, впуская гостей, а затем также неторопливо захлопнулись. Не уследив, кто именно отворил ворота, Ольга поспешно обернулась. Заметив ее движение, Валериан Петрович хмыкнул, самодовольно произнес:

— Автоматика! И никаких тебе слуг.

Глядя на ворота, Ольга задумчиво произнесла:

— Я не заметила, открываются по сигналу или в машину встроены датчики?

— У Ивана пульт, — хозяин кивнул на шофера. Спohватившись, спросил с подозрением:

— А что за вопросы такие?

Ольга сказала кротко:

— Если Иван вдруг не сможет вести, мне нужно знать, как загнать машину.

Валериан Петрович сказал со смешком:

— Уже работаешь? Ты б не торопилась. Обвыкнись пока, а по делам вечером поедем.

Едва Ольга вышла из машины, из-за гаража с угрожающим рычанием выметнулось нечто лохматое.

— Крокодил, стоять! — рявкнул Валериан Петрович на весь двор. Глядя на застывшую в боевой стойке девушку, добавил снисходительно: — Ты не бойся, он только с виду грозный. Даже не кусается... почти, — хохотнув, он потрепал по голове пса.

Огромный лохматый пес, едва рука хозяина коснулась шкуры, радостно завилял хвостом, но на Ольгу по-прежнему косился с подозрением.

— И часто он не на привязи? — Оля замедленно двинулась к дому.

— Да постоянно! — собеседник отмахнулся. — Перед приходом гостей, конечно, садим, а потом опять отпускаем. — Понизив голос, он доверительно сообщил: — Будь моя воля, вообще с цепи бы не спускал, но жена жалеет, так что... — он развел руками.

Тренькнула веселая мелодия. Валериан Петрович вытащил из кармана пальто мобильник, приложил к уху, несколько мгновений прислушивался, его лицо скривилось, словно от зубной боли. Глубоко вздохнув, он поинтересовался:

— Дорогая, тебе действительно необходим Иван, чтобы доехать домой? Возьми такси... — Еще некоторое время он слушал молча, затем тяжело произнес: — Ладно, ладно, хорошо.

Ольга со смешанным чувством смотрела, как он отворил дверцу, что-то негромко сказал шоферу, после чего машина сдала назад, и мягко выкатилась через распахнувшиеся ворота. Похоже, семья играла в его жизни немного большую роль, чем Валериан Петрович пытался показать, и это следовало учесть.

Двинувшись к дому, хозяин махнул рукой, приглашая за собой. Ольга неспешно пошла следом, с интересом осматриваясь. Небольшой двор обнесен кирпичным, в рост человека, забором, по краям, примыкая к забору стенами, жмутся пара гаражей и пристройка. Мельком оглядев собачью будку и засыпанные снегом связки стройматериалов, Ольга перевела взгляд на здание. Трехэтажный, увенчанный шпилями, с многочисленными лепными узорами, дом больше походит на теремок из детской сказки. Даже массивные металлические прутья на окнах первого этажа не вносят диссонанса, гармонично вписываясь в общий стиль за счет изящной фактуры, больше напоминающей застывшие ветви, чем

защитную решетку.

Глядя на огромные окна и многочисленные выступы стен, Оля покачала головой: взобраться по подобным украшениям мог и ребенок, не говоря о подготовленном взрослом человеке. Нахмурившись, она поспешила за хозяином дома, что уже гремел ключом в замочной скважине.

За дверью обнаружился короткий коридор, заставленный обувью и завешенный одеждой. Сняв ботинки и повесив на крючок куртку, Ольга двинулась к следующей двери, возле которой возился Валериан Петрович. Мимоходом оглянувшись, он скривился, сказал с досадой:

— Тут-то зачем было раздеваться? Не видишь, сплошь рабочая одежда?

Ольга сказала просто:

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Поэтому стараюсь быть аккуратнее.

Хозяин покивал, сказал насмешливо:

— Ну-ну. За время поездки я уже успел оценить, насколько ты умеешь быть аккуратной.

Оля ответила с достоинством:

— Мы обсуждали рабочие моменты, а сейчас я в гостях.

Сразу за дверью открылась просторная прихожая. Восхитившись увиденным, Ольга замерла. Хозяин дома остановился напротив, внимательно глядя госте в лицо, спросил с деланным безразличием:

— Нравится?

Замедленно обводя взглядом помещение, Оля протянула:

— Да-а, впечатляет.

А посмотреть действительно было на что. С обеих сторон в прихожую спускаются ведущие на второй этаж, закругленные лестницы, чуть дальше, без всякого видимого перехода, начинается гостиная с видимой даже из коридора огромной «театральной» люстрой. Сразу за лестницами открываются проходы в боковые комнаты, одна из которых, судя по явственному запаху пищи, кухня.

— Проходи, осматривайся, — Валериан Петрович сделал широкий жест, — а я пока чайку поставлю, да и аппетит что-то разыгрался. Есть хочешь?

Ольга только сейчас ощутила, насколько голодна. Последний раз она ужинала прошлым вечером в грузовике, разделив со спутницами остатки сухого пайка. Стараясь не выказывать нетерпения, Оля отстраненно произнесла:

— Не откажусь.

Обрадованный, хозяин дома стремительно исчез в кухне, откуда вскоре раздался шум воды и дребезжание посуды. Прислушиваясь к долетающим обрывкам слов, Валериан Петрович ругался с непослушным краном, Ольга замедленно двинулась вглубь дома.

Массивная мебель из красного дерева, картины в тяжелых рамах, многочисленные светильники с тяжелыми нитками хрусталя, подобраны так, что создается впечатление достатка, а удачное расположение большей части элементов интерьера говорит о том, что здесь поработал специалист, сумевший гармонично сочетать груду бесполезных предметов роскоши. Ноги по щиколотку утопают в густом ворсе ковра, и Ольга едва не запнулась об огромного персидского кота, не обратив внимания на однотонное пятно, теряющееся на фоне прочей пестрой расцветки. Внезапно материализовавшись под ногами, кот выгнул спину, зашипел, и грозно посмотрел снизу вверх, демонстрируя серьезность намерений прижатыми ушами.

Глядя на воинственное животное, Ольга расхохоталась. Резко наклонившись, она молниеносным движением обхватила кота за голову и прижала к коврику. Шипение сменилось утробным рычанием, животное в панике задергалось, пытаясь вырваться из унижающего положения.

На шум из кухни выглянул хозяин, сказал деловито:

— Бросай кота и подходи, уже почти готово.

Повернувшись чтобы ответить, Ольга ослабила хватку, чем тут же воспользовался кот. Вырвавшись, он попытался цапнуть наглую гостью за пальцы, но получил болезненный щелчок в лоб, и с обиженным мявом ретировался под шкаф.

По квартире растекся дразнящий запах пищи, едва Ольга зашла на кухню, мощный аромат окутал с головой, вызвав спазмы в желудки и обильное слюноотделение. Сглотнув, Ольга застыла в дверном проеме, не в силах оторвать взгляд от столика, где, в огромном блюде, исходила паром горка сочных мясных кусков.

В мыслях она уж запихивала в рот огромные куски, и, не жуя, глотала, и пришлось изрядно напрячься, чтобы неторопливо подойти к столу, присесть, глядя, как хозяин одну за другой достает из холодильника все новые и новые блюда: тарелочка с красной икрой, янтарная головка сыра, банка с солеными огурчиками... Остановился он, лишь когда на столик оказался сплошь заставлен всевозможными лакомствами, с удовлетворением произнес:

— Вроде ничего не забыл. — Присев за стол, он откупорил бутылку водки, плеснув в стопочки, произнес: — За знакомство.

Ольга опрокинула стопку в рот. Глотку обожгло огнем, а спустя мгновение, жидкость достигла желудка, приятным теплом разлилась внутри. Исполнив, таким образом, ритуал, Оля наконец позволила себе утолить голод. Глядя, с какой скоростью девушка поглощает мясо, не забывая пробовать то одну, то другую закуску, хозяин довольно улыбался.

Заметив, с каким интересом Валериан Петрович следит за ее действиями, Ольга едва не поперхнулась, пробормотала скороговоркой:

— Немного тороплюсь, но вы не обращайтесь внимания. Последние дни выдались тяжелыми, было не до еды.

Хозяин отстраненно покивал, сказал невпопад:

— Вечером намечается встреча, так что поедешь со мной. Вещей, как я заметил, у тебя не много. В пристройке беспорядок, но, думаю, тебя не смутит.

Ольга непонимающе взглянула на собеседника, спросила осторожно:

— В пристройке?

— Ну да, ты ведь там будешь жить. Отопление есть, холодильник тоже, санузел, кровать... да ты не беспокойся, — он отмахнулся, — на зарплате не отразится. По крайней мере, опаздывать не будешь, а то от задержек я из себя выхожу.

Замедленно двигая челюстями, Оля напряженно размышляла. Предложение выглядело привлекательным: на освоение в чужом городе требовалось время и деньги, и если с первого хватало с избытком, начало работы вполне можно отодвинуть на день или два, то «выпускных» денег, выданных в лагере после окончания всех формальностей, хватило бы ненадолго, и бесплатный кров мог значительно продлить их существование. С другой стороны, жизнь под крылом хозяина наложит значительные ограничения на свободу, да и знакомство с прочими членами семьи еще не состоялось, и вполне может привести к ненужным осложнениям.

Подняв глаза на собеседника, Ольга произнесла с нажимом:

— Это не проблема. Но до вечера мне надо будет отлучиться в город, и... нужна хотя бы часть денег.

Валериан Петрович сказал поморщившись:

— На карманные, естественно, выдам. Но больше, уж извини, по результатам работы.

— Деньги нужны на оружие, — Оля нахмурилась, — без него результатов не будет.

— А-а, вон ты о чем, — лицо собеседника расплылось в улыбке. — Оружие будет. И, возможно, даже раньше, чем ты думаешь. Так будет лучше для нас обоих, а то достанешь непонятно что, неизвестно у кого. А мне потом проблемы улаживай...

— Свои проблемы я улажу сама, — негромко, но твердо произнесла Оля.

— Ой, ладно, ладно, — Валериан Петрович вскинул руки, защищаясь, отгородился ладонями. — Я уже понял. С тобой спорить — себе дороже. — Он налил еще водки, выпил залпом, спохватившись, сказал поспешно: — Пойдем, я тебе еще верхний этаж покажу. А то Ира приедет, будет не до того.

Встав из-за стола, Ольга двинулась за хозяином, ощущая в желудке приятную тяжесть съеденного. Мир стал заметно ярче, а интерьер заблистал новыми красками, лаская взор незамеченными ранее деталями.

Ведущие наверх лестницы сходились на втором этаже, переходя в проход разделяющий этаж на две равные части. Ольга огляделась, по обе стороны коридора располагаются ведущие в комнаты двери, в конце, уходящая под потолок, витая металлическая лестница.

— Что это? — Ольга кивнула в сторону лестницы.

Спутник мельком взглянул в указанном направлении, произнес скороговоркой:

— Ничего особенного — проход на третий. Планировал сделать себе отдельный кабинет, но все откладываю.

По-очереди отворив обе двери, Оля мельком осмотрела комнаты, но ничего особенного не заметила. Та же кичливая роскошь, что и внизу, только с большей долей уюта. Огромные трюмо, заставленные многочисленными баночками, мазями и притирками не оставили сомнений относительно половой принадлежности владельцев помещений. Насыщенный приторными запахами воздух щекотал в носу, вызывая непреодолимое желание чихнуть. Представив, что придется сопровождать столь мощно надушенных особ, Ольга поморщилась, указывая на огромные, во всю стену, окна, произнесла:

— На первом этаже решетки...

Валериан Петрович сказал с досадой:

— Да я и сам понимаю, но не хотят они жить в тюрьме.

— Но здесь нет даже штор! — Оля подняла глаза.

Хозяин дома лишь отмахнулся, пробормотал в нос:

— Ну, нравится им так. Что поделаешь. Я же не могу насильно им насильно окна завешать?

Ольга покачала головой, сказала замедленно:

— Я вижу неподалеку чердачные окна двух, нет, даже трех домов, а с противоположной стороны, как раз напротив окон, растет дерево...

Валериан Петрович непонимающе посмотрел на гостью, спросил тупенько:

— И что?

— Если у кого-то возникнут намерение покуситься на членов вашей семьи, это легко сделают через любое из окон, даже не подходя к дому.

Лицо хозяина дома расплылось в улыбке. Пройдя через комнату, он постучал костяшками пальцев по стеклу, сказал с чувством превосходства:

— Думаешь, самая умная? А ты на стеклышки эти посмотри. Ничего не замечаешь?

Ольга подошла ближе, взгляделась в едва заметные надписи по углам стекла, сказала с сомнением:

— Я не знаю эту марку. Вы уверены в их качестве?

— Да ты знаешь, во что мне эти окна стали! — Валериан Петрович едва не поперхнулся от возмущения.

Ольга отрезала:

— Нисколько не сомневаюсь, что вы можете себе это позволить. Но вы лично их проверяли?

— Как-то в голову не приходило, да и недосуг... — промямлил хозяин, растерявшись от такого оборота.

— С вашего позволения я загляну на третий.

Поднявшись по лестенке, Ольга отворила дверь, остановилась на пороге. Просторная комната, заставленная старой мебелью и картонными коробками, с потолка свешиваются обрывки проводов, сквозь наспех положенную штукатурку проступают деревянные ребра стен, окна забрызганы краской и покрыты толстым слоем пыли.

Оглядевшись, Ольга прошла к окну, поглядывая под ноги, чтобы невзначай не запнуться об разбросанный повсюду хлам, осмотрев стекла, с силой надавила на раму. В стене громко хрустнуло, а рама заметно подалась. Покачав головой, Оля еще раз окинула интерьер взглядом, и вышла из комнаты.

Спустившись на первый этаж, она вошла кухню, когда за спиной раздалось требовательное:

— Что здесь происходит?

Оля, не торопясь, повернулась. От входной двери на нее в упор смотрела женщина. Невысокая, в меру полная, с высокой грудью и длинными ногами, женщина держала в руках норковую шубу, тут же лежали два объемистых пакета.

На звук ее голоса в прихожую выскочил Валериан Петрович, расплывшись в улыбке, произнес:

— О, а вот и ты! Однако живо Иван управился.

Мягко улыбнувшись, женщина произнесла:

— Как обычно. Кстати, мне было бы очень интересно узнать, кто эта девушка? Ты не хочешь нас познакомить?

Подхватив пакеты, Валериан Петрович ушел в кухню, и уже оттуда крикнул:

— Это Ольга — мой новый телохранитель.

Женщина уже успела повесить пальто, и с сосредоточенным выражением лица возилась с застежками сапог. Избавившись от обуви, она распрямилась, протянула руку со словами:

— Как он сказал? Ольга? Ирина. Очень... приятно.

— Взаимно, — Оля пожала протянутую руку.

Услышав заминку, она улыбнулась. За приветливой улыбкой хозяйки дома крылась подозрительность и недоверие. Брезгливое отдергивание руки, сразу после рукопожатия, лишь укрепило догадку. Настороженное поведение хозяйки дома развеселило Ольгу. Сохраняя на лице приветливое выражение, она двинулась в кухню, но Валериан Петрович уже выходил навстречу со словами:

— Познакомились? Вот и отлично. А теперь пойдем, я покажу пристройку.

С удивлением глядя на супруга, женщина поинтересовалась:

— Возможно, это не мое дело, но зачем... — она запнулась, заменив вертевшееся на языке слово, — Оле это знать? Или ты пошутил, и она вовсе не телохранитель, а очередная уборщица?

На последних словах хозяин дома поморщился, сказал с досадой:

— Ир, ну не начинай, не начинай. Делать мне больше нечего, как на эти темы шутить.

Сказал же — телохранитель.

Накинув пальто, он поспешно выскользнул в коридор. Ольга прошла следом, ощущая затылком пронзительный взгляд женщины. Уже на улице, Валериан Петрович развел руками, сказал со смущением:

— Ты не обращай внимания. Обычно она очень добрая и отзывчивая, просто на новых людей так реагирует.

— Или на их профессию, — Ольга нейтрально улыбнулась.

Хозяин дернул щекой, сказал с раздражением:

— Вот еще твоего юмора мне не хватало. — Он подвигал бровями, отчего кожа на лбу сложилась в крупные складки, добавил задумчиво: — А вообще, это была ее идея, насчет уборщицы. Мне-то без разницы — были бы стены целые, да с крыши не текло, а им порядок подавай, какой-то мусор повсюду находят, пыль...

— А разве ваша жена не знает, что в уборщицы идут в основном женщины, и часто молодые? — скрывая улыбку, поинтересовалась Ольга.

Собеседник сказал с ухмылкой:

— Не знает. Вернее, не знала. Пока не пришла первая претендентка. — Он хохотнул, словно вспомнив что-то чрезвычайно смешное, добавил: — Видела бы ты ее глаза!

— Претендентки?

— Жены! У претендентки, там... до глаз в последнюю очередь добираешься.

— И что вы сделали? — Ольга улыбалась, уже не сдерживаясь.

— Что, что. Поменял... через пару недель, — угрюмо буркнул Валериан Петрович.

Оля сочувственно поинтересовалась:

— Плохо исполняла служебные обязанности?

— Наоборот! — с апломбом воскликнул хозяин. Но тут же спохватился, добавил тише:

— Но, сама понимаешь, на кого в итоге падает выбор между женой и уборщицей. Вот по этому я и говорил тебе, о... ну ты помнишь.

Ольга помолчала, глядя в глаза хозяина, ставшие вдруг искательными, сказала, осторожно подбирая слова:

— Валериан Петрович. Я вас прекрасно понимаю и искренне сочувствую, но ставить под удар вашу жизнь и рисковать своей репутацией хорошего специалиста не буду.

— Да какая к черту репутация! — взвился хозяин. — Ты же едва обучение закончила!

— Моей будущей репутацией, — мягко, но решительно произнесла Оля. — Провал в начале карьеры — это не признак мастерства.

Ольга исподволь наблюдала за собеседником, с непривычной бесшабашностью размышляя: выгонит ли наниматель ее сразу, или какое-то время еще потерпит, но хозяин молчал, лишь вздымались и опадали желваки, выступая белесыми пятнами на побагровевшем лице.

Подожли к пристройке. Хозяин с силой рванул дверь, боком вдвинулся внутрь. Ольга зашла следом. Короткий коридор привел к очередной двери, за которой открылась небольшая комнатка: промятый диван у стены, шкаф с отвисшими дверцами, посеревший от времени холодильник, на полу горка старой обуви, возле окна, на пузатой растрескавшейся тумбе, маленький телевизор, стены украшают выцветшие, покособившиеся обои.

Валериан Петрович придирчиво осмотрел интерьер, словно это не Ольга, а он сам собирался менять место жительства, бодро произнес:

— Вот так, как-то. Конечно, не хоромы, но для бесплатной квартиры просто отлично.

Выдохнув облачко пара, Оля с сомнением произнесла:

— Действительно неплохо, вот только как-то прохладно.

— Так не жил ни кто, вот батарею и перекрыли, — хозяин развел руками. — Сейчас вентиль поверну, через час будет как в бане. Кстати, коль уж к слову пришлось. Баня с противоположной стороны дома. Там же и санузел. Вообще я планировал провести сюда водопровод, но пока даже на дом рук не хватило, так что не обессудь.

Он уже повернулся, чтобы уйти, когда Ольга напомнила:

— Валериан Петрович, вы обещали на карманные расходы...

— Тебе прямо сейчас? — изумился хозяин. Запустив руку во внутренний карман пальто, он извлек пухлое портмоне, одним движением вытащил несколько купюр, протянул со словами: — Держи. Понимаю, не много, но больше пока не дам. Еще ни дня не работала, да и в деле я тебя не видал.

— Благодарю, — не отрывая взгляд от лица хозяина, Ольга взяла деньги.

Валериан Петрович кивнул, спрятал портмоне, и двинулся к выходу, бросив через

плечо:

— Если поедешь в город, не забудь — к шести у нас выезд. — Хлопнула дверь. И уже с улицы донеслось едва слышное: — Ключи в тумбе.

Присев на диван, Ольга перевела взгляд на смятые банкноты, что по-прежнему держала в руке. Пять новеньких купюр достоинством в тысячу рублей каждая. Не такая большая сумма, но для старта в самый раз. Особенно, учитывая, что на ближайшее время трат на съем квартиры не предвидится.

Слуха коснулся далекий скрип, а минутой позже зажурчала вода. Осмотревшись, Ольга заметила краешек выглядывающей из-за тумбочки батареи. Вскоре журчание прекратилось, а от батареи пошли согревающие волны тепла. Негромко заурчал холодильник. Оля нажала кнопку включения телевизора. Экран протаял мутными пятнами. Пришлось повертеть стоящую сверху антенну, прежде чем картинка прояснилась, обрела четкость и контраст.

Откинувшись на стену, все пространство которой занимал выцветший рыжий ковер, Ольга улыбнулась, чувствуя непривычное умиротворение. Уже давно она не сидела вот так, никуда не торопясь, прислушиваясь к умиротворяющему гулу холодильника и краем глаза следя за мелькающими картинками на экране. С тех самых пор, как, возвращаясь с базара, после рабочего дня, она готовила яичницу на ужин, шла к дивану, и, забравшись с ногами, ела прямо со сковородки. Но от того чудесного времени остались лишь воспоминания, да дамская сумочка. Поздним вечером, в лагере, когда она уже шла к грузовой машине, из темноты вынырнула Гюрзель. Вручив пакет с вещами, лейтенант похлопала ее по плечу и беззвучно растаяла в ночи. Уже потом, будучи в дороге, Ольга по очереди доставала из сумочки безделушки, осторожно перебирала, нежно касаясь пальцами каждой вещицы, а перед глазами вставали, просыпаясь ото сна, давно забытые образы.

Встряхнувшись, Ольга отбросила воспоминания, взглянув на мобильник, с удовлетворением отметила, что время позволяет не торопиться, но, тем не менее встала. Предстояло сделать кое-какие покупки, а в чужом городе рутинное посещение нужных магазинов могло растянуться надолго.

Убедившись, что холодильник пуст, Оля скидала обратно в сумочку рассыпанные по дивану вещи, не забыв взять из тумбочки ключи, и вышла на улицу. Едва она заперла дверь, послышался угрожающий рык, из-за гаража выскочил растрепанный «Крокодил», приподнял верхнюю губу, обнажая зубы. Одновременно с этим в окне дома раздвинулись занавески, выглянуло настороженное женское лицо. Не останавливаясь, но и не спеша, Ольга прошла к воротам, готовая в любое мгновение отразить нападение. Но пес не сдвинулся с места, лишь голова замедленно повернулась вслед за подозрительной гостьей. Едва за Олей захлопнулась дверь, пес развернулся и неторопливо затрусил обратно, а немного спустя, задернулись занавески.

Оказавшись за воротами, Ольга осмотрелась, запоминая местность: высокие плотные заборы, заснеженные крыши домов, ровная, как стрела, дорога уходит вглубь застройки, где, в сотне — другой метров темнеет хвойный массив нетронутого леса. Не забыв взглянуть на номер дома, и повторив про себя пару раз название улицы, Ольга двинулась в сторону трассы.

Сев в первый подошедший автобус, Ольга расчистила в заиндевевом стекле небольшой участок и с интересом наблюдала, как за окном разрастается город. Исчезли заборы, частные дома сменились четырех и пятиэтажными зданиями. Далекий лес отступил, вытесненный жилыми кварталами, а улицы стали заметно шире. Ближе к центру во множестве появились

магазины. Огромные, ярко подсвеченные витрины, завораживали взгляд, а сверкающая то здесь, то там реклама привлекала внимание разноцветными переливами.

Ольга вышла на одной из остановок, не спеша, двинулась в сторону замеченных ранее магазинов, наслаждаясь забытыми ощущениями обычной прогулки и впитывая дух незнакомого города.

Посетив несколько магазинов с одеждой, и потратив почти час, Ольга заметно приуныла. Даже при самых скромных подсчетах, имеющихся денег хватило бы лишь на четверть необходимого. Раздумывая, Ольга прошла пару кварталов, когда взгляд упал на небольшую вывеску «Second hend». Раньше, она, не глядя, проходила мимо подобных магазинов, считая покупку подержанного белья уделом алчных людей, но сейчас магазин оказался очень кстати.

Едва Ольга зашла внутрь, как откуда-то из недр вещевого лабиринта выскочила милостивая девушка, сходу прощепетав:

— Сами разберетесь, или вам помочь?

Прищурившись, Ольга поинтересовалась с долей сарказма:

— Как вы считаете, достойно ли одевать обноски, даже испытывая трудности с деньгами?

Девушка на мгновение застыла, а спустя секунду на Ольгу обрушился поток возмущения, основная идея которого свелась к тому, что вещи, все как одна, новые, а цены умеренны оттого, что большая часть ассортимента успела выйти из моды. К удивлению Оли, ожидавшей увидеть засаленные, сваленные кучами по углам вещи, почти вся одежда оказалась вполне приемлемого качества, а многие вещи так и вовсе создавали впечатление только что снятых с конвейера.

Из магазина она вышла в отличном настроении. Многочисленные пакеты приятно оттягивали руки, а денег ушло в два раза меньше, чем выходило даже по самым скромным подсчетам. Следующим по плану числился продуктовый. С трудом утрамбовав покупки по камерам хранения при входе в магазин, одной не хватило, пришлось занять две, Ольга прихватила одну из металлических корзин, аккуратной горкой составленных тут же, и во всеоружии двинулась на охоту.

Глаза сразу же разбежались, пытаясь охватить все и сразу, от бесконечных пластиковых бутылочек, пакетиков и коробок закружилась голова. За время пребывания в лагере Ольга успела отвыкнуть от подобного изобилия, и теперь в растерянности обходила многочисленные полки, пытаясь хоть как-то сориентироваться в невероятном ассортименте продуктов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Из магазина Оля вышла, сгибаясь под тяжестью покупок. Возвращаясь к остановке, она ощущала себя дедом Морозом, что вышел в новогоднюю ночь с мешком подарков. С трудом загрузившись в автобус, сидящие поблизости пассажиры с любопытством наблюдали за ее попытками протиснуться в салон, не потеряв в процессе часть пакетов, Ольга доехала обратно.

Пока она возилась с дверью, ключ заел и никак не желал поворачиваться в замочной скважине, неслышно подошел Крокодил, деловито обнюхал пакеты и также неслышно удалился. Наконец справившись с замком, Оля вошла в пристройку и резко остановилась. В лицо пахло жаром, словно из сибирской зимы она разом перенеслась в африканскую пустыню.

Раздевшись, Ольга прошла в комнату, распахала продукты по холодильнику, после чего занялась просмотром приобретенного. Едва она закончила примерять новинки, в окошко постучали. За стеклом, едва видимая в сгустившихся сумерках, маячила фигура хозяина. Ольга мельком взглянула на дисплей мобильного, ахнула. За приятным занятием время пролетело незаметно.

Выскочив в коридор, она отворила дверь. Валериан Петрович вошел, с подозрением оглядел Ольгу, сказал ворчливо:

— Надеюсь, ты не собираешься ехать в этом?

Оля опустила глаза, обнаружив, что стоит в аляпистом сарафане, одной из приобретенных сегодня новинок, сказала поспешно:

— Нет-нет, это для души. — Поинтересовалась деловито: — Мы уже едем?

— Еще не сейчас. Что-то Иван задерживается. Но ты готовься. — Он вновь окинул ее взглядом, на мгновение задержавшись в треугольном вырезе на груди, сказал примирительно: — Нет, выглядишь ты, конечно, неплохо, но постарайся все же одеться попримичнее. А то меня партнеры засмеют.

— Конечно, — Ольга кивнула, взглянула выжидательно.

Хозяин некоторое время смотрел на ее ноги, юбка сарафана скрывала лишь верхнюю часть бедер, с трудом оторвавшись, пробормотал:

— Да, пошарь под кроватью, там, вроде, плитка лежала. Не жрать же холодное.

За гостем захлопнулась дверь. Оля передернула плечами, несмотря на отопление, воздух в коридоре был ощутимо прохладен, и быстрым шагом вернулась в комнату. Под кроватью, помимо упакованной в целлофан небольшой электроплиты, обнаружилась сковорода, пару кастрюль, и целый посудный набор из тарелок разных размеров. Тут же находились и ложки с вилками.

Сложив найденное в тумбочку, Ольга разложила на диване вещи, раздумывая, что больше подойдет для предстоящего выезда, а через десять минут уже завязывала шнурки на ботинках, ожидая сигнала.

Массивные стальные двери легко распахнулись, открывая взгляду заполненный людьми просторный вестибюль театра. Ольга вошла первой, мельком осмотрелась: высокие потолки, огромные витражи окон, стилизованные под фрески обои. От шикарных нарядов и блеска украшений зарябило в глазах. Она порадовалась, что днем, находясь в магазине, поддалась душевному порыву и купила вечернее платье, а позже, перед отъездом, послушавшись внутреннего голоса, решила его надеть. Все прочее в этой обители лоска смотрелось бы жалко.

— Валериан! — От толпы отделился мужчина, двинулся навстречу распахнув руки.

Ольга отступила немного назад, и чуть в сторону, пристально глядя на незнакомца. Наткнувшись на ее взгляд, мужчина замедлил шаг, но хозяин, буркнув нечто неразборчивое, шагнул навстречу, со словами:

— Он самый.

Мужчины крепко пожали друг другу руки. Окинув Ольгу оценивающим взглядом, незнакомец подтолкнул плечом хозяина, сказал с усмешкой:

— Вижу, не теряешь хватки. Как всегда: отличный костюм, шикарная девушка. — Понизив голос, он со смешком поинтересовался: — А что жена? Или все, это уже не модно?

Покосившись на Ольгу, Валериан Петрович с легким раздражением ответил:

— Михаил, ты уже достал со своими шутками. А это мой новый телохранитель.

— Конечно-конечно, — собеседник растянул губы в улыбке, — телохранитель. Я так сразу и понял. Надеюсь, для жены ты заготовил менее идиотскую легенду?

Вполуха прислушиваясь к шутливой перепалке мужчин, Ольга пристально осматривала зал. Заметив ее настороженный взгляд, Валериан Петрович приблизился, придвинувшись вплотную, прошипел:

— Просил ведь надеть что-нибудь приличное. И перестань так смотреть на людей, от тебя же шарахаются!

Мило улыбнувшись хозяину, Ольга напустила на лицо беззаботность, спросила невинно:

— Так хорошо?

Валериан Петрович некоторое время недоверчиво всматривался ей в глаза, видимо ожидая увидеть издевку, но Оля смотрела кристально честным взглядом, и, удовлетворившись осмотром, он буркнул:

— Уже лучше.

Втроем, они двинулись по коридору. Время от времени к ним подходили люди, перебрасывались короткими приветствиями и вновь исчезали в толпе. Приглядевшись, Ольга заметила возле каждого такого «знакового» одного, а то и двух спортивного вида мужчин с суровыми лицами. Телохранители двигались раскованной походкой, широко развернув плечи, и одаривали толпу снисходительными взглядами. Лишь некоторые не выставляли себя на показ, пытаясь быть как можно менее незаметными, но это выглядело так, как, если бы, медведи попытались замаскироваться в стаде овец.

Отследив большую часть «медведей» Ольга почувствовала себя увереннее, и, одновременно, спокойнее. Исчезла нервная дрожь, предательски пробегающая по телу первые минуты, расслабились напряженные мышцы, а тело приобрело естественность и подвижность. Улыбаясь и восхищенно хлопая ресницами, Оля с интересом осматривалась,

войдя в роль настолько, что ее вообще перестали замечать, принимая за очередную декоративную пассию успешного бизнесмена.

Высшей оценкой стала фраза одного из знакомых хозяина, когда, взглянув на Ольгу, он произнес чуть слышно:

— Ты где ее взял? Симпатичная, но такая тупая...

Прозвенел третий звонок. Коридоры стремительно опустели, а минуту спустя из зала донеслись первые аккорды. Валериан Петрович огляделся, устало вздохнув, пробормотал:

— Наконец-то. Я уж не думал, что дождусь. И кому пришла идиотская идея обсуждать дела в театре?

— Разве мы не пойдем на спектакль? — удивленно поинтересовалась Ольга.

Хозяин покосился на спутницу, бросил коротко:

— Нет. У меня не так много времени, чтобы посещать увеселительные мероприятия. Да и театр, если честно, я не слишком люблю.

Двинулись вдоль коридора. Судя по витающим запахам пищи, коридор вел в буфет. Так и оказалось. Чем ближе к повороту, тем запахи становились сильнее и аппетитнее. В остром приступе аппетита Ольга даже сглотнула. На глаза попался телохранитель. Глядя прямо перед собой, он прошел мимо, и скрылся в ведущем в туалет ответвлении. Еще двое расположились на одном из диванчиков, возле стены.

Один из телохранителей вытянул ноги, и с глумливой улыбкой воззрился на приближающихся. Ольга на мгновение отстала, а когда догнала, пристроилась со стороны мужчин, мягко потеснив хозяина в сторону. Тот с недоумением покосился, но, занятый мыслями, промолчал. Улыбаясь, Ольга шла прямо на препятствие.

Телохранитель сперва смотрел насмешливо, но, по мере приближения девушки, начал хмуриться, и за мгновение до того, как платье коснулось ботинок, убрал ноги. Словно только что заметив произошедшее, Оля повернула голову, одарив мужчину ласковым взглядом, отчего тот нахмурился еще больше, и с недовольным видом отвернулся.

Сразу за углом коридор расширился, превратившись в буфет. Заставленная пирожными стойка, аккуратные деревянные столики, удобные невысокие стулья — продуманный интерьер навеивает ощущение уюта и побуждает расслабиться. Неподалеку, за одним из столиков, в расслабленных сидят несколько мужчин, доносятся обрывки негромкой беседы.

Валериан Петрович пошел к столу, бросив на ходу:

— Я к мужикам. А ты пока погуляй.

— Вы уверены, что я не понадоблюсь? — Ольга вопросительно вздернула бровь.

— Уверен, уверен, — с раздражением откликнулся хозяин. — На диванчике посиди, или спектакль глянь. Все равно раньше антракта не освобожусь.

Еще раз осмотрев буфет, и не заметив ничего подозрительного, Ольга неторопливо двинулась в обратном направлении. Многочисленные фотографии на стенах привлекли внимание. Ольга приблизилась, пошла медленнее, с интересом вглядываясь в застывшие мгновения. Большие и маленькие, цветные и черно-белые, они погружали зрителя в волшебный мир искусства, раскрывая наиболее яркие моменты спектаклей.

Продвигаясь вдоль стены, Ольга полностью ушла в созерцание, очнувшись лишь когда в бок ткнулось мягкое. Отступив от стены, она попыталась обойти диванчик, но один из мужчин стремительно поднялся навстречу, загородил проход: облаченная в дорогой костюм, развитая фигура, скрещенные на груди руки, уверенный взгляд. Оля остановилась, ожидая продолжения. Телохранитель несколько мгновений изучал ее лицо, после чего задумчиво

произнес:

— Мне кажется, или я вас где-то видел?

Ольга раздвинула губы в улыбке, сказала мирно:

— У вас отличная память. Минуту назад я проходила по этому коридору.

Собеседник кивнул, прищурился, произнес:

— Я ценю людей с чувством юмора, но речь о другом. Не встречались ли мы с вами раньше?

— Это вряд ли, — Ольга качнула головой, — я первый день в городе.

Второй мужчина, до того с отстраненным видом любовавшийся противоположной стеной, усмехнулся, сказал с наигранным удивлением:

— Первый день и сразу в театр, да еще с таким мужчиной... Не слишком быстро?

Поняв, что сболтнула лишнее, Ольга прикусила губу, но вида не подала, произнесла в тон:

— В среде телохранителей нынче любопытство в цене?

Настала очередь нахмуриться собеседнику. Окинув девушку внимательным взглядом, он пробормотал:

— Наблюдательность полезное свойство. Интересно, где этому нынче обучают...

Ольга улыбнулась шире, сказала с задором:

— Боюсь, я не смогу вам помочь. Подписка о неразглашении, вопросы безопасности и прочие юридические аспекты служат моему языку непреодолимым барьером.

Чувствуя, что разговор стремительно съезжает с первоначальной темы, первый телохранитель покосился на приятеля, произнес с нажимом:

— Дмитрий, не грузи. Видишь, девушка с чувством юмора...

Ольга покачала головой, сказала с сочувствием:

— Ладно, ребята. Все нормально. Я понимаю, тяжелая работа, нужно бдеть и бдеть. А до антракта целый час.

Она двинулась дальше, любясь фотографиями и время от времени искоса поглядывая на замерших мужчин. Телохранители некоторое время недоуменно смотрели ей в след, затем переглянулись. Сидящий на диванчике пожал плечами, его товарищ покрутил пальцем у виска, и они разом отвернулись.

Едва Ольга успела сделать шаг, как позади прозвучала негромкая трель. Оля мельком оглянулась. Один из мужчин вытащил из нагрудного кармана мобильник, несколько мгновений молчал, после чего он замедленно повернулся, взглянул ей вслед. По-прежнему удерживая взгляд на лице мужчины, Оля заметила, как его глаза полезли на лоб, а на лице проступило удивление. Она уже успела отойти достаточно далеко, чтобы можно было разобрать слова, и, потеряв к происходящему всякий интерес, вновь отвернулась. Засмотревшись на фотографии, Ольга уже успела забыть о разговоре, когда послышались приближающиеся шаги, а вслед за этим раздался голос:

— Девушка, вы уверены, что до антракта час?

Не поворачивая головы, Ольга сказала с сомнением:

— Точно не уверена, но спектакль только что начался, а меньше сорока минут акты не длятся.

— В таком случае, я просто обязан предложить вам экскурсию по театру.

В голосе собеседника проскользнула некая неестественность, но Ольга кивнула, сказала рассудительно:

— Что ж. Время позволяет. И если ваш босс не будет против...

— Не будет, не будет — поспешно произнес мужчина. Растянув губы в улыбке, добавил:

— У него важная встреча, и я пока свободен.

Ольга повернулась всем телом, несколько мгновений изучающее вглядывалась в лицо собеседника, произнесла с легкостью:

— Хорошо.

Уже вместе они неспешно двинулись вдоль коридора. Спутник время от времени задавал малозначимые вопросы, Ольга отстраненно отвечала. Возле ведущего к туалету коридора мужчина замедлил шаг. Заметив заминку, Ольга повернула голову и наткнулась на холодный взгляд, в то же мгновение руку с силой рвануло, заломило за спину. Охнув от боли, Оля приподнялась на цыпочки. Спутник сместился в сторону, оказавшись позади, толкнул в коридор, принуждая двигаться. Ноздрей коснулся едкий запах сигаретного дыма, а из распахнутых дверей туалета донесся шум воды. Им навстречу попался мужчина. Покосившись с понимающей усмешкой, он сполоснул руки и вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

— Ну, вот мы и наедине, — раздалось над ухом. — Сейчас еще в кабинку зайдем. Пойдем к дальней.

Они прошли к кабинке. За спиной захлопнулась дверь, щелкнула задвижка. Над ухом задышало жарче, а хватка ослабла. Ольга ощутила, как грубая ладонь зашарила по телу, лапнула за грудь, скользнула ниже. Она вздрогнула, невольно застонала. Почти годовое воздержание напомнило о себе: перед глазами поплыло, а сердце застучало чаще. С трудом, разжав зубы, она прошептала:

— Ты что, однорукий? Давай обеими.

Сзади раздалось удивленное восклицание. Похоже, спутник не ожидал подобной реакции, но послушался, и начал мять ее с удвоенным усилием. Не прекращая постанывать, Ольга пошевелила освобожденной рукой, оценивая степень повреждений. Плечо немного побаливало, но пальцы шевелились легко. Обернувшись, она прихватила ладонью штаны партнера, где, на уровне развилки, уже обозначилась выпуклость.

Несколько мгновений они глядели друг другу в глаза, после чего мужчина оскалился, прошептал со страстью:

— А ты ушлая штучка! Давай, возьми его в рот.

Ощувив давление на плечи, Ольга присела, одновременно расстегивая ширинку. Запустила руку внутрь. Пальцы наткнулись на затвердевший пенис. Мужчина зарычал, прихватил ее за голову обеими руками, повлек к себе. Ольга двинула руку вперед и ниже, туда, где спрятанные под нежной кожицей, замерли яички. Ладонь мягко обхватила мошонку, поерзала, устраиваясь удобнее. Негромко охнув, мужчина застыл. Его челюсть отвисла, а глаза выпучились.

Подняв голову, Ольга прошипела:

— Медленно, только медленно, убери руки. — Заметив промелькнувшее в лице телохранителя сомнение, сказала зло: — Не пытайся, не успеешь, а дернешься — яйца по ногам потекут.

Не отводя глаз от лица несостоявшегося партнера по прогулке, Она отодвинула голову, уходя от опасной близости с руками. Мужчина следил за ней, его щеки пошли пятнами. Он выдохнул свистящим шепотом:

— Сука, ты вообще понимаешь, с кем связалась? Да я тебя... — охнув, он замолчал, его

лицо стремительно побледнело.

Ольга протянула свободную руку, запустила под пиджак, извлекла обратно, сжимая в ладони пистолет. Глядя, как она, с нехорошей ухмылкой, отщелкивает предохранитель и взводит курок, мужчина побледнел еще больше, его глаза распахнулись, а нижняя челюсть задрожала.

Заметив реакцию, Ольга нехорошо усмехнулась, спросила низким от возбуждения голосом:

— Что-то пошло не так?

— Ты... Что ты собираешься делать? — он с трудом справился с голосом.

Стараясь сохранять внешнюю невозмутимость, Ольга произнесла:

— Вариантов несколько, но я склоняюсь к тому, чтобы тебя пристрелить.

— Сюда сбегутся люди! — в ужасе воскликнул мужчина. — Ты не уйдешь!

Ольга кивнула головой в сторону выхода, откуда доносилась громкая мелодия, ответила:

— За оркестром не услышат.

Чувствуя, что промедление может стоить жизни, телохранитель просипел:

— Но за что!

Оля пожала плечами, сказала отстраненно:

— Критическая степень риска для охраняемой особы. Устранение телохранителя с дальнейшим нападением, — она отпустила яички, выпрямилась во весь рост.

Ощувив, как в живот ткнулось твердое, мужчина сдался. Перекосив лицо, он выкрикнул перехваченным голосом:

— Но это была обычная проверка! Хозяин велел прощупать тебя на прочность... Твой хозяин!

Ольга несколько мгновений всматривалась в расширенные от ужаса зрачки телохранителя, затем тихо поинтересовалась:

— В твои обязанности, как телохранителя, входит прессовать народ по первому требованию хозяина?

Тот нехотя выдавил:

— Нет.

— При следующем разговоре с хозяином подними этот вопрос, — Ольга отщелкнула задвижку, пяясь, вышла из кабинки.

— А оружие? — мужчина глядел исподлобья.

— Оружие я оставлю на память. С твоего позволения, конечно.

Улыбнувшись, Ольга мягко спустила курок, вернула предохранитель в исходное состояние, и, провожаемая тяжелым взглядом телохранителя, быстро вышла из туалета.

Выйдя из туалета, Ольга мельком оглянулась. Не заметив никого вокруг, она подняла край платья, и, недолго думая, сунула пистолет в чулок, на внутреннюю сторону бедра, сделала несколько осторожных шагов, прислушиваясь к ощущениям, но, крепко удерживаемый резинкой, пистолет даже не шелохнулся. Металл сперва охлаждал кожу, но быстро нагрелся, и вскоре совсем перестал ощущаться.

Пройдясь по первому этажу, Ольга поднялась на второй. Побродила по коридорам, вглядываясь в портреты заслуженных театральных деятелей, посидела в кресле, прислушиваясь к доносящимся из зала взрывам хохота. Когда по ощущениям уже близился антракт, она покинула удобное кресло.

Телохранители все также сидели на диванчике. Проходя мимо, Ольга ощутила на себе полный ненависти взгляд, но лишь усмехнулась. Восьмимесячное пребывание в лагере приучило реально оценивать опасность, не реагируя на пустые вызовы и оставляя без внимания мнимые угрозы. Сидящий напротив человек был унижен и оттого зол, но безопасен. И Оля прошла дальше, выбросив из головы ненужные страхи.

Заглянув в буфет, она увидела, как мужчины по-очереди встают из-за стола, прощаясь, пожимают друг другу руки. Встал и хозяин. Пожелав собеседникам приятного вечера, он двинулся в сторону коридора, поравнявшись с Ольгой, бодро поинтересовался:

— Все в порядке, никаких происшествий?

Ольга уловила некую натянутость, но, не вдаваясь, ответила:

— Замечательно.

Настало время антракта. Коридоры начали стремительно заполняться людьми. На пару с хозяином, Ольга поспешила в гардероб. Когда они оказались на улице, Валериан Петрович с облегчением выдохнул:

— Ну, наконец-то. Ненавижу театр.

Не прошло и минуты, как на дороге показалась знакомая темная иномарка, словно Иван подкарауливал за углом. Валериан Петрович неспешно спустился с крыльца, и уже собирался занять место рядом с водителем, когда Ольга подхватила его под руку и мягко увлекла дальше. Распахнув заднюю дверцу, она произнесла:

— Присаживайтесь.

Хозяин немного помедлил, с удивлением глядя на спутницу, но без вопросов втиснулся на заднее место. Машина тронулась, понеслась, набирая скорость. Проявляя признаки нетерпения, Валериан Петрович то и дело косился на спутницу, но Ольга молчала. Не выдержав, он раздраженно выпалил:

— Ты меня сюда усадила с какой-то целью?

— Конечно, — Оля кивнула.

— Интересно, — в лице собеседника протаяла заинтересованность.

— Телохранитель должен быть впереди, или рядом с хозяином. Я не смогу должным образом защитить вас с заднего сиденья.

Валериан Петрович несколько мгновений смотрел непонимающе, затем с силой протер лицо, сказал устало:

— А в сортир ты со мной тоже будешь ходить?

— Если возникнет необходимость — буду, — произнесла Ольга твердо.

Хозяин неожиданно улыбнулся, спросил с ухмылкой:

— Это месь? — Заметив вопрос в глазах спутницы, уточнил: — Ну, за проверку в театре. Только не говори, что ничего особенного не произошло.

Не глядя на хозяина, Ольга поинтересовалась:

— Надеюсь, вы удовлетворены результатом, и в следующий раз мне не придется отбиваться от подразделения ОМОНа, чтобы продемонстрировать все свои навыки?

Защищаясь, Валериан Петрович сказал примирительно:

— Ладно, ладно. Согласен. Мысль была не лучшая. Но и ты меня пойми: женщина-телохранитель явление редкое, и мне не хотелось бы дожидаться реальной ситуации, чтобы проверить, как ты себя поведешь.

— Так вы удовлетворены результатом? — поинтересовалась Оля, взглянув хозяину в глаза.

Тот помялся, неуверенно произнес:

— В общих чертах. Может быть... ты сама расскажешь?

— Вы хотите сказать, что устроили мне проверку, не подумав, каким образом узнаете результат? — скрывая усмешку, спросила Ольга.

— Так ты расскажешь или нет? — Валериан Петрович вновь впал в раздражение.

— Конечно, нет.

Не ожидав подобного ответа, собеседник впал в задумчивость, и некоторое время ехал молча. Когда Ольга уже начала жалеть, что ответила столь резко, спутник шевельнулся, сказал со вздохом:

— Значит, не любишь хвалиться... Что ж, тем лучше. Возможно, ты действительно неплохой специалист, хоть и женщина. — Подмигнув, добавил со смешком: — А насчет дополнительной нагрузки ты подумай, подумай. В зарплате не обижу, да и в вопросах охраны буду сговорчивее.

Мило улыбнувшись, Ольга перевела взгляд на дорогу, посматривая на проплывающие за окном сияющие огнями витрины магазинов. В молчании доехали до дома. Отпустив водителя, Валериан Петрович двинулся в гараж, а Ольга направилась к подсобке, провожаемая внимательным взглядом возникшего тут как тут Крокодила. Показав псу язык, чем вызвала на мохнатой морде немалое недоумение, Ольга отперла дверь, и, подгоняемая голодом, поспешно зашла внутрь.

Когда на сковороде уже вовсю шкворчало нарезанное мелкими ломтиками мясо, в окошко постучали. Недоумевая, кому она могла потребоваться поздним вечером, Ольга вышла в коридор. Щелкнул замок, присыпанный снегом, в дверном проеме возник Валериан Петрович. Принюхавшись, он хмыкнул, сказал одобрительно:

— Вижу, уже освоилась. Запах на весь двор. Крокодил под дверью сидит, слюну роняет.

Скосив глаза, Ольга заметила невысокую серую тень, мелькающую за спиной гостя, и, почти одновременно донеслось жалобное поскуливание. Она ответила бодро:

— Есть захочешь — поневоле освоишься. А Крокодил... вы его разве не кормите?

Валериан Петрович всплеснул руками, сказал со смешком:

— Куда там! Его попробуй не покормить. Жрет, что твоя свинья. Я как-то пытался ограничить, чтобы злее был. Но жену разве удержишь...

Глядя на лохматую голову, что в этот момент высунулась из-за ноги хозяина, Ольга сказала с улыбкой:

— Как бы мне удержаться...

Валериан Петрович погрозил пальцем, сказал с напускной суровостью:

— Ты мне смотри, а то с женой хлопот не оберусь: мало того, что мужа возишь, так еще и собаку подкармливаешь. — Добавил уже серьезно: — Все это хорошо, но разговор не об этом. Держи, — он протянул небольшую картонную коробку, — что заказывала. Человек, что передал, в деле разбирается, так все должно быть на уровне, — кивнув на прощание, он зашагал к дому.

Захлопнув дверь, Ольга с озадаченным видом повертела коробку в руках, но голод напомнил о себе, и она поспешила в комнату. Когда ложка заскребла по дну тарелки, Оля с сожалением вздохнула. Огромная, как ей сперва показалась, куча мяса исчезла в считанные минуты, лишь слегка притушив чувство голода. Решив не переждать, она воткнула в розетку чайничек, обнаруженный вместе с прочей посудой. Покрытый царапинами, расплавленный в нескольких местах, чайник внушал смутные опасения, и Ольга, на всякий случай, отошла на пару шагов.

Взгляд упал на коробку. Сняв крышку, Оля обнаружила нечто замотанное в промасленную тряпку. Отметив проступающие через ткань знакомые формы, она развернула тряпку, извлекла пистолет. Примерилась. Человек, о котором упоминал Валериан Петрович, действительно знал дело и дал именно то, что нужно: славящийся компактностью и полностью автоматизированный швейцарский ЗИГ, удобный в использовании и практически незаметный при ношении.

Оружие удобно легло в руку. Не удержавшись, Ольга тут же разобрала пистолет, проверяя, соответствует ли внутреннее состояние внешнему виду. Но беспокойство оказалось напрасным. Если оружием и пользовались, то совсем недолго: густой слой смазки и отсутствие малейших повреждений свидетельствовали об идеальном состоянии, позволяя надеяться на долгую службу.

Помимо оружия в коробке оказалась кобура и десяток пачек патронов. Размышляя, где удобнее всего разместить кобуру на теле, Ольга покосилась на лежащий на тумбе полученный в театре «подарок». Носить пистолет на внешней стороне бедра не представлялось уместным из-за невозможности скрыть, а на внутренней из-за сложностей с извлечением. Представив, как в критической ситуации она задирает платье, и лезет себе между ног, Ольга прыснула, покачала головой. Оставалось одно — на боку, под мышкой. Но здесь возникала другая проблема: пиджак становился обязательным атрибутом одежды, и все разнообразие нарядов в итоге сводилось исключительно к костюмам делового характера. Ольга на всякий случай перерыла одежду, но чуда не произошло, и она легла спать с твердым намерением в самое ближайшее время купить один — два костюма.

Проснувшись на следующее утро, она первым делом сгребла грязные тарелки в таз, вооружилась полотенцем и двинулась к бане, где помыла посуду, а заодно вымылась сама. В помещении бани царил холод, и, растираясь полотенцем, Ольга сдвинулась так, чтобы оказаться на пути падающих из оконца солнечных лучей. Несмотря на первые дни весны, температура держалась на удивление низкая. Представив, что впереди еще месяц — полтора прогулок до бани с последующим омовением в ледяной воде, Ольга передернула плечами.

Вернувшись, она аккуратно составила посуду на холодильник и стала собираться в магазин. После недолгого размышления, кобуру и пистолет решено было взять с собой. Когда она оделась, и уже собиралась выйти, взгляд случайно наткнулся на трофейное оружие, по-прежнему лежащее на тумбочке. Нахмурившись, Оля взяла пистолет, несколько мгновений задумчиво осматривала комнату, затем опустилась на колени, заглянула под

диван. Деревянная обшивка образовала высокий козырек, спускающийся почти до пола, из которого с внутренней стороны торчали редкие гвозди.

Немного помучившись, Ольга повесила пистолет на один из гвоздей, и осталась довольна результатом. Обнаружить тайник можно было лишь перевернув диван, но судя по толщине деревянных частей и количеству скопившейся пыли, этого не делали с самого момента возведения пристройки.

Едва Ольга переступила порог магазина, как с приветливой улыбкой навстречу бросилась знакомая с прошлого раза продавщица.

— Здравствуйте! Мы рады вновь приветствовать вас. Все ли подошло, нет ли нареканий?

Ольга с улыбкой произнесла:

— Нет, нареканий никаких. Но кое-что выпало из памяти, пришлось вас вновь беспокоить.

— Как можно! — воскликнула девушка с негодованием. — Для нас покупатели — радость. Проходите, проходите, сейчас мы найдем все что нужно.

Оля огляделась, сказала с заминкой:

— Не знаю, бывает ли у вас одежда подобного вида... Мне нужен деловой костюм, лучше — два. Желательно, в отличном состоянии.

Продавщица несколько мгновений сосредоточенно размышляла, замедленно произнесла:

— Действительно, костюмы бывают редко, и быстро разбираются, но для вас... — Она сделала приглашающий жест, сказала, понизив голос: — Пойдемте.

Заинтригованная, Ольга двинулась следом. Они отошли в дальнюю часть магазина. Остановившись возле примерочной, продавщица сделала знак подождать, и удалилась в подсобку. Вскоре она вернулась, прижимая к груди пачку свертков. Ольга приняла одежду и скрылась за ширмой. Раздевшись, она неторопливо примерила все принесенное. Один костюм оказался чересчур велик, другой излишне ярк, а оставшиеся два пришлись впору.

Убрав ненужное, Оля по-очереди померила оба понравившихся костюма. Быстро выяснилось, что, несмотря на сходный размер, одежда все-таки немного велика. Но Ольга не расстроилась. Ушить юбки не представляло сложности, а пиджаки отлично скрывали пистолет, с чем наверняка возникли бы сложности, прйдись костюмы точно по фигуре.

Когда Ольга почти закончила, в примерочную осторожно заглянула продавщица. Ольга повернулась к девушке. Та собиралась что-то сказать, но вдруг побледнела, в глазах метнулся страх. Проследив за ее взглядом, Ольга поспешно накинула куртку, сказала ровно:

— Я беру эти два костюма. Вы что-то говорили о редкости товара. Как я понимаю, цена будет несколько выше?

Продавщица сглотнула, с усилием отвела взгляд от места, где только устрашающе блестело жуткое оружие, теперь скрытое под толстой тканью, сказала враз охрипшим голосом:

— Нет, нет, что вы. Для таких покупателей, как вы, у нас могут быть только скидки.

Ольга улыбнулась, сказала мягко:

— Тогда, пожалуйста, выпишите чек и заверните.

Девушка приняла одежду и деревянной походкой вышла из примерочной. Ольга попеняла себе за невнимательность, но не могла не порадоваться: переплачивать за товар, даже если его приглядели себе продавцы магазина, желания не возникало.

Оплатив товар, она вышла из магазина, провожаемая испуганным взглядом продавщицы, и лишь оказавшись за дверями, позволила себе рассмеяться. Этим же вечером девушка наверняка расскажет домашним, как к ней, в магазин подержанной одежды, ходит замаскированный тайный агент, а то и вовсе террорист, чтобы пополнить гардероб.

Бесцельно побродив по городу, последние деньги ушли на оплату костюмов, Ольга вернулась домой. Во дворе она столкнулась с молодой девушкой, лицом неуловимо напоминавшей Валериана Петровича. Заметив Ольгу, девушка всплеснула руками, воскликнула с восторгом:

— Ты, наверное, Ольга?

— Она самая, — Оля пожала протянутую руку.

— А я Лола. — Девушка несколько мгновений осматривала Ольгу, затем сказала с подкупающей непосредственностью: — А я представляла тебя совсем другой. Когда отец сказал, что теперь у него телохранитель женщина, то я... — смутившись, она запнулась.

— Разочарована? — насмешливо поинтересовалась Ольга.

Девушка затрясла головой, воскликнула, оправдываясь:

— Нет-нет, что ты! Наоборот. Я думала ты огромная, грубая, а оказалось — меньше меня.

Ольга смотрела на дочь хозяина, испытывая противоречивые чувства: невысокая, но пропорциональная фигура, длинные ноги, тяжелая грудь... На мгновение кольнуло острое чувство зависти, но быстро спряталось, выдвинутое мановением воли. Взгляд перешел на лицо: пухлые губы, небольшой, острый носик, высокий лоб... Фигура и лицо зрелой женщины в самом соку, но это детское выражение лица и наивный взгляд. Ольга бы посчитала, что ее разыгрывают, не будь стоящая рядом девушка столь естественна.

Поддавшись порыву, Оля поинтересовалась:

— Извини за вопрос, но... сколько тебе лет?

Девушка приосанилась, спросила с лукавой улыбкой:

— А сколько дашь?

— Да в том и дело. — Скрывая усмешку, Ольга прищурилась, сказала задумчиво: — никак не могу понять, то ли двадцать пять, то ли тридцать...

— Сколько!?! — глаза Лолы распахнулись, а челюсть отвисла.

Не выдержав, Ольга расхохоталась, сказала примирительно:

— Шучу, шучу, не пугайся. От шестнадцати до двадцати двух.

Собеседница несколько мгновений непонимающе смотрела на Ольгу, затем в ее лице протаяло понимание. Растянув губы в улыбке, она пробормотала:

— А я уж испугалась, подумала — морщины за ночь появились. — Уже спокойнее добавила: — Отец сказал, что... я могу воспользоваться твоими услугами. Это правда?

Ольга нахмурилась, сказала с нажимом:

— Правда. Только предупреждаю сразу. Мои услуги накладывают определенные ограничения на свободу, порой, весьма существенные.

Не дослушав, Лолита захлопала в ладоши, и едва не запрыгала, радостно воскликнув:

— Как здорово! У меня будет личный телохранитель. Сегодня же поедем в ночной клуб.

Глядя на девушку, Ольга ощутила смутный дискомфорт, натянуто улыбнувшись, произнесла:

— Что ж, тогда до вечера. Была рада знакомству.

— Я тоже. — Лолита помахала рукой, крикнула вслед: — А насчет возраста ты угадала,

мне двадцать два!

Весь вечер Ольга поглядывала на часы, ожидая вызова, но потом махнула рукой. Судя по всему, у дочери хозяина сменились планы, или она попросту забыла. Поужинав холодной курицей, оставшейся от обеда, Оля стала готовиться ко сну, когда в окошко осторожно постучали. Покосившись на дисплей мобильного, где, слабо мерцали отображающие время цифры, Ольга покачала головой, со вздохом поднялась с кровати и вышла в коридор.

Едва она отодвинула задвижку, дверь распахнулась, окутанная снежным вихрем в коридор влетела Лолита, воскликнула с укором:

— Как, ты еще не готова? Мы должны были быть в клубе еще час назад!

Оглядев припозднившуюся гостью, Ольга произнесла с деланным удивлением:

— Надо же, а меня и не предупредили.

С улицы волнами вливался холод. Поежившись, Ольга захлопнула дверь, и двинулась обратно в комнату. Лолита растерянно смотрела ей вслед, затем спохватилась, сказала обиженно:

— Но ведь я говорила...

— Заходи, — Ольга мотнула головой, приглашая гостью, — сейчас оденусь.

Лолита тут же расплылась в улыбке, шмыгнула мимо Оли в распахнутую дверь. В очередной раз поразившись, с какой скоростью хозяйская дочка переходит от настроения к настроению, Ольга зашла в комнату.

Пока она одевалась, гостья рассматривала комнату. С каждым мгновением лицо Лолы вытягивалось все больше, наконец, она не выдержала, сказала с ужасом:

— Такие страшные условия... как ты здесь живешь? Я бы не смогла.

Ольга отмахнулась, сказала бодро:

— С первой полочки сделаю евроремонт. Будет еще лучше, чем в доме.

— Правда? — от удивления глаза Лолиты распахнулись, а рот приоткрылся. — Вот будет здорово! Страшная подсобка, а внутри — евроремонт. — Закатив глаза, она добавила с придыханием: — Приеду на тусовку, скажу, так, между делом — ну наконец-то время появилось, сделали в пристройке евро. Девки будут в шоке!

Не слушая болтовню гостьи, Ольга оделась, накинув кобуру, повела плечами, прислушиваясь к ощущениям, не жмут ли лямки, достала пистолет, вставила обойму, и меньше чем через минуту уже застегивала пуговицы на куртке.

Когда они вышли со двора, Оля заозиралась, выискивая знакомые очертания машины, не обнаружив, поинтересовалась:

— Мы не с Иваном?

— Нет, — Лола затрясла головой. — Отец не любит, когда я использую его шофера в личных целях. За нами Димон заедет.

— Димон? — Ольга покосилась на спутницу.

Та махнула рукой, сказала отвлеченно:

— Один ухажер. Катает в любое время. Уже месяц меня трахнуть хочет... А я не даю. Не нравится он мне.

Оля спросила с недоверием:

— И тем не менее продолжает катать?

— Конечно, — Лола обиделась. — Я же не дура, ему об этом говорить. Пусть думает,

что дам. Хотя... — она на мгновение задумалась, отчего гладкий лобик пошел морщинами, — может и дам. Когда под кайфом, там без разницы кто, лишь бы член стоял.

Едва они подошли к трассе, на противоположной стороне дороги вспыхнул яркий свет фар, пару раз гуднуло, привлекая внимание.

— Это он? — прикрыв глаза ладонью, Ольга всмотрелась в сумерки.

— Наверное, — Лолита пожалала плечами. — Мне не видно.

Они перешли дорогу. Лола тут же нырнула в переднюю дверь. Ольга заколебалась, размышляя, не пересадить ли девушку назад, но в этот момент в салоне вспыхнул свет. Заметив сидящего позади парня, Оля нахмурилась, и решительно распахнула заднюю дверцу.

В салоне приятно пахло мятой и чем-то терпким. Принюхавшись, Ольга уловила знакомые нотки. На базаре она часто встречала шустрых юношей восточной внешности, что деловито курсировали вдоль рядов с товарами, что-то в полголоса предлагая то одному, то другому прохожему. Помимо внешности, от прочих обитателей базара они отличались специфическим запахом, очень похожим на тот, что сейчас витал в машине.

— Будешь? — сосед с ходу протянул сигарету. — Затянись, настроение сразу поднимется. А то шибко хмурая.

Свет потух. На переднем сиденье завозилось, донесся приглушенный звук поцелуя, затем раздался недовольный голосок Лолы:

— Ну, все, все, хватит. Поехали, а то опоздаем совсем.

В ответ хихикнуло, послышался подобострастный мужской голос:

— Ну что ты, лапочка, пати длится до утра. Успели бы, даже подойди вы на два часа позже.

Машина тронулась, по обледеневшему асфальту захрустели шипы. Ольга мягко, но решительно отвела руку с сигаретой, что по-прежнему маячила перед глазами, сказала коротко:

— Благодарю, не нужно.

Водитель мельком обернулся, сказал весело:

— Лол, ты хоть нас со своей подругой познакомь, а то сидит, как не родная.

Лолита всплеснула руками, воскликнула:

— Это не просто подруга, это...

— Ольга, — представилась Оля. Уводя тему в сторону, поспешно добавила: — Вижу, у вас неплохая машина.

— О, да! — Водитель причмокнул, сказал с гордостью: — Отец подарил на день рождения. Таких тачек в городе — раз, два и обчелся.

— Наверное, стоит огромных денег, — добавив в голос восхищения, произнесла Оля.

— Точно! — Водитель вновь обернулся. Весело блеснули глаза. Он подмигнул, сказал, не глядя на дорогу: — Сразу видно настоящую девушку, знает толк в машинах, ценит деньги. Кстати, меня Дмитрий зовут.

Рядом шевельнулся сосед, воскликнул с обидой:

— Димон, тебе что, Лолы мало? И вообще, смотри на дорогу, а то еще соберем кого, тогда точно до танцпола не доедем.

— А куда мы едем? И где этот... танцпол? — осторожно поинтересовалась Оля.

Сосед ахнул:

— Ты не была в «Забое»? Лол, твоя подруга с луны свалилась? — Добавил восторженно: — Да это самое гламурное заведение в городе!

Лола повернулась, несколько секунд сверлила парня суровым взглядом, затем снисходительно произнесла:

— Я бы тебе не советовала с ней фамиллярничать.

Тот произнес с обидой:

— А что такого? Если она даже в Забое не была...

— В Забое не была, — поддразнила Лола. — Ты лучше спроси, кем она работает, умник!

— И кем же таким она работает? — в беседу вклинился Димон, в очередной раз отвернувшись от дороги.

Оля в упор взглянула на водителя, сказала с нажимом:

— Дмитрий, или вы прекращаете вертеть головой, или мы с Лолитой сейчас выходим из машины и добираемся до Забоя на такси.

Натянуто улыбнувшись, водитель отвернулся, а сидящий по соседству парень сказал невпопад:

— Кстати, а меня Николай зовут...

До города домчались за четверть часа, и вскоре за окнами замерцала красным огромная витрина ночного клуба. Когда машина замерла, а Лолита стремительно выпорхнула в двери, Дмитрий осторожно напомнил:

— Ты так и не сказала, кем работаешь...

Ольга наигранно вздохнула, сказала томно:

— Ничего интересного, сплошная рутина. А Лола... Ты же знаешь, она вечно преувеличивает, — и, не дожидаясь дальнейших расспросов, выскользнула из машины.

Возле входа выстроилась очередь. Стоящие в дверях дюжие охранники внимательно всматривались в лица пришедших, прежде чем впустить. Некоторых, охлопывали, проверяя на оружие, кого-то просто не пускали. Когда подошла очередь, и здоровенный охранник всмотрелся в лицо, Оля напряглась. Здоровяк поморщился, сказал ворчливо:

— А ты-то, мелкота, куда? Ведь несовершеннолетняя.

Но Ольга придала лицу столь жалостное выражение, что тот лишь отмахнулся, указав на вход. Сдав одежду в гардероб, девушки двинулись к туалету, а парни исчезли за дверями зала, откуда доносилась музыка, и вспыхивали разноцветные огни. По дороге то и дело попадались группки нарядной молодежи: короткие юбки, прозрачные блузки, одежда самого смелого покроя.

Глядя на мельтешение лиц, Ольга ощутила щем в груди. Уже больше года она не была на дискотеках. Доносящийся приглушенный ритм заводил, вел за собой, вызывая в теле живейший отклик, противиться которому становилось все сложнее, так что Ольге пришлось постоянно напоминать себе, что она на работе, а вечеринка лишь приятное дополнение.

В туалете оказалось не менеелюдно. Обойдя несколько целующихся парочек, Оля подошла к умывальнику. Проследив в зеркале за Лолитой, что тут же юркнула в кабинку, она перевела взгляд, рассматривая собственное отражение. Из зеркальной поверхности на нее смотрела невысокая хрупкая девушка: строгий деловой костюм, лицо без намека на косметику, длинные русые волосы ниспадают на плечи. Не удивительно, что охранник на входе не выказал особого восторга. Без косметики ее лицо напоминало лицо девочки — подростка. Перипетии последних лет почти не оставили следа, лишь пара мелких шрамов на скуле и виске, да ушедшая на самое дно глаз затаенная боль.

Покачав головой, Ольга достала косметичку, и принялась осторожными движениями

накладывать тени. Затем пришла очередь помады. Минуту спустя, она сложила не нужные больше мелочи обратно в сумку, еще раз внимательно осмотрела себя в зеркале, и, удовлетворенная результатом, отошла к выходу.

Лолита вышла из кабинки, помыв руки, некоторое время озиралась, но, лишь пожала плечами и направилась к выходу. Когда Ольга шагнула навстречу, Лола вздрогнула, ее глаза расширились. Потрясенная, она произнесла:

— Вот это да! А я тебя не узнала.

Ольга передернула плечами, сказала с досадой:

— Давно не красилась. Сильно плохо вышло?

Лолита сказала с восторгом:

— Нет, что ты. Очень хорошо. Просто... лицо совсем другое.

Едва они вышли из туалета, спутники, успевшие вернуться, и уже поджидавшие подле двери, подхватили их под руки и потащили за собой. Ольга слегка оторопела, но не стала противиться, позволяя себя увлечь.

В заполненном шумом и разноцветными огнями зале их встретила толпа, охватила, властно повлекла, норовя разъединить, и, уже не торопясь, по-очереди, поглотить. Проталкиваясь сквозь хаос телосплетений, ослепленная яркими вспышками, Ольга вновь ощутила страстное желание присоединиться к этой ритмично движущейся массе молодежи, забыв о работе и отбросив условности. Зарывав, она рванулась вперед, туда, где, отгороженные от волнующейся толпы, виднелись расставленные полукругом спасительные столики.

Возбужденные, они вырвались из круга танцующих, прошли к сиротливо стоящему столику. Дмитрий указал на стулья, перекрывая грохот музыки, крикнул:

— Садитесь скорее! Еле достал. А то стояли б сейчас, как бомжи.

Вместе с приятелем они ускользнули к барной стойке, о чем-то зашущукались с барменом. Ольга обвела взглядом зал, сказала с тоской:

— Как давно я не танцевала.

Лолита услышала, повернулась, распахнув глаза, воскликнула с жаром:

— Так иди же! Иначе, зачем мы сюда пришли?

Ольга покосилась на соседку, сказала насмешливо:

— У нас разные цели: ты развлекаешься, я работаю.

— Да брось ты, — Лола отмахнулась. — Я тебя больше для компании взяла. Что со мной может случиться?

Оля обвела взглядом зал: беззаботные лица, радостные улыбки... В памяти всплыли фигуры охранников на входе. Несколько мгновений прошли в мучительных размышлениях. Решившись, Ольга повернулась, сказала вопросительно:

— Я немного потанцую, а ты пока, пожалуйста, посиди. А то развлечение — развлечением, а работа — работой. Идет?

— Конечно! — Лолита мелко закивала. — Иди, танцуй. Тем более... говоришь, давно не танцевала. Я бы умерла!

Ольга глубоко вздохнула, сказала с озорным блеском в глазах:

— Ох, узнает Валериан Петрович, из зарплаты вычтет. А то и уволит к чертям.

— Не узнает, — Лолита заговорщицки подмигнула. — Или мы не подружки?!

Повесив сумочку на спинку стула, Оля замедленным шагом направилась туда, где многорукой и многоголовой массой колыхалась стена танцующих. Мелодия закончилась,

началась следующая. Вновь вспыхнули фонари, а люди задвигались с новой силой. Глубоко внутри зародилась пульсация, стремительно разрослась, наполняя мышцы. Не в силах сдерживаться, Ольга закружилась в бешеном танце. Голова запрокинулась, а из груди, пробиваясь спазмы, рванулся крик освобождения.

Вспышки фонарей слились в огненную карусель, из которой то и дело выныривали лица, музыка заполнила мир, вошла в тело, заставляя двигаться в одном ритме с мелодией, мысли исчезли, сменившись бездумной радостью, настолько приятной и необременительной, что хотелось пребывать в этом состоянии бесконечно, отринув обязательства и забыв о тяготах жизни.

Когда от непрерывного движения перед глазами замелькали разноцветные пятна, а, натруженные, ноги приятно загудели, Ольга стала постепенно продвигаться обратно. Вернувшись, она неприятно удивилась, за столиком, потягивая пиво из огромного стакана, с унылым видом сидел Николай. Завидев Олю, он подскочил, придвинулся ближе, воскликнул с радостью:

— Ну наконец-то, а то ни в какие ворота: пришел в ночной клуб и сажу как дурак, сумки охраняю.

— Коля, ты не видел, куда Лола ушла? — осмотревшись, сдержанно поинтересовалась Ольга.

Тот отмахнулся, сказал беспечно:

— Да куда тут пойдешь... вон, танцпол рядом, ну, или на второй этаж, там темно, диванчики... — Он закатил глаза, причмокнул. Затем, словно опомнившись, хлопнул себя по лбу, сказал с досадой: — Да что я тебе рассказываю-то, пойдём, сама посмотришь!

Оля не успела возразить, как Николай забросил сумочки на плечо, взял ее под руку и потянул за собой к выходу из зала. В холле, то тут, то там попадались увлеченно обнимавшиеся парочки. Пока шли к лестнице, Оля поглядывала по сторонам, но фигурка дочери хозяина на глаза так и не попала.

Едва они поднялись на один на пролет, навстречу шагнул парень, сказал грубо:

— Проход закрыт.

— А в чем дело? — полюбопытствовала Николай.

— Я сказал, закрыт, — парень набычился. — Или тебе повторять надо?

Николай покосился на Ольгу, сказал нервно:

— Но как нам на второй этаж-то попасть? Сам видишь... — он чуть заметно кивнул в сторону спутницы.

Парень хмыкнул, сказал насмешливо:

— Ну да, ну да... но, я же не сказал, то этаж закрыт. Только этот проход, — он выделил интонации последние слова. — Шибко надо, обойдите с другой стороны. Небось, ноги не собьете.

Не принимая участия в разговоре, Ольга тщательно прислушивалась к доносящимся со второго этажа звукам. Немного мешала музыка, но даже сквозь далекий грохот ритма слуха дважды коснулся женский голос, звучащий на повышенных тонах. Вполне возможно, это лишь показалось, а быть может, какие-то рассорившиеся влюбленные выясняли отношения. В другое время Оля не придавала бы этому значения, и, воспользовавшись советом незнакомца, просто повернула назад, но это был не тот случай.

Не говоря ни слова, она двинулась вверх. Оба парня на мгновение оторопели, но незнакомец опомнился быстрее, отступив на шаг, растопырил руки, сказал с угрозой:

— Ты... стой, куда прешь! Я что, неясно выразился?

Ольга продолжала идти, остановившись лишь после того, как подошла почти в упор, взглянув парню в лицо, с улыбкой произнесла:

— Давай так. Он, — Оля кивнула на опешившего Николая, — остается здесь, а я поднимусь. Ну подумай сам, какие проблемы может создать одинокая хрупкая девушка?

Парень молчал. На его лице отразилось сомнение, но быстро исчезло, губы растянулись в насмешливой улыбке. Он процедил сквозь зубы:

— Что ж, коли так хочется приключений на жопу, давай. Боюсь только, твоему парню это не сильно понравится, но это уже ваши проблемы, — он посторонился, пропуская.

Ольга кивнула, обернувшись, произнесла, глядя в глаза спутнику:

— Подожди внизу, я скоро вернусь.

— Но Ольга!.. — он взволнованно всплеснул руками.

Оля с нажимом повторила:

— Подожди внизу. Со мной все будет в порядке.

Она двинулась вверх. Парень-охранник тут же встал на место, сказал вполголоса, обращаясь к Николаю:

— Девка у тебя, конечно, смелая, но дура...

Ольга усмехнулась про себя, но секунду спустя уже забыла о сказанном. Коридор поворачивал направо, шагнув за угол, Ольга остановилась, оценивая ситуацию. В

полутемном проходе, освещенном парой тусклых светильников, вдоль стены, полукругом расположились трое парней: спортивные фигуры, скрещенные на груди руки, скучающие лица, чуть дальше, на диванчике, вжавшись в спинку, застыла Лола, рот полуоткрыт, глаза в страхе распахнуты, взгляд прикипел к угрожающе нависшей фигуре.

Потрясая кулаками перед лицом девушки, парень что-то говорил вполголоса, до слуха долетали лишь отдельные слова. Ольга нахмурилась, спокойствие, с которым держались незнакомцы, настораживало, заставляя заподозрить в присутствующих либо обнаглевших от безнаказанности юнцов, либо уверенных в своих силах представителей теневых структур, причем второй вариант представлялся гораздо менее предпочтительным.

Решившись, Оля двинулась вперед, сказала мягко:

— Ребята, вы же не будете против, если я заберу подругу?..

Кричавший на Лолиту парень замедленно повернул голову, сказал брезгливо:

— Это еще что? Игорь, убери дуру.

Лола замотала головой, воскликнула протестующе:

— Не надо, это моя подруга!

— А ты молчи. Я еще не договорил, — зло рявкнул парень.

От стены отклеился ближайший парень, вразвалочку двинулся навстречу. Ощущая, как сильнее забилось сердце, Ольга прикрыла глаза, не позволяя противнику проследить за взглядом, дождавшись, когда дистанция сократилась до минимума, а к лицу потянулась растопыренная пятерня, она резко вскинула руку, рванула кисть на излом. Сухо хрустнуло, со сдавленным воплем противник опустился на колени, с ужасом глядя на неестественно вывернутые пальцы.

— Опаньки! — воскликнул один из парней, повернувшись на стон товарища.

Его глаза полезли на лоб, когда стоящая неподалеку хрупкая девушка рывком переместилась ближе, коротко взмахнула рукой. Низ живота пронзила острая боль, перед глазами вспыхнули оранжевые искры, а рвущийся наружу крик застрял в горле, что резко перехватило спазмом.

Не обманываясь легкостью, с которой удалось нейтрализовать двоих, Оля метнулась к следующему противнику, каждое мгновение ожидая контратаки. И опасения подтвердились. Третий парень ударил с места, целясь ногой в живот. Ольга уклонилась, ботинок чиркнул по боку, оставив пыльный след, обхватив ногу, с силой рванула на себя. Парня шатнуло, пытаясь удержать равновесие, он взмахнул руками, на мгновение открылся для удара, что не замедлил последовать, Ольга безжалостно ударила кулаком в кадык.

— Неплохо, неплохо. Ты, наверное, и пули ловить умеешь?

Стараясь не делать резких движений, Ольга замедленно повернула голову. Черная, чуть подрагивающая точка ствола, холодный взгляд, кривая усмешка. Единственный оставшийся противник стоит в нескольких метрах, фигура заметно напряжена, глаза пристыли к цели, отслеживая малейшее движение. На диванчике, прижав руки к груди, замерла Лолита, зубы выбивают крупную дробь, руки мелко дрожат, застывший взгляд прикипел к распростершимся на полу фигурам.

Оля присмотрелась к оружию: черненная сталь, короткий ствол, знакомые очертания револьвера. Выглядит устрашающе, но что-то внутри подсказывает: оружие не настоящее, имитация, максимум травмат, хотя... возможно это всего лишь самообман, что поможет шагнуть навстречу пуле, преодолевая липкий страх смерти. Она глубоко вздохнула, чувствуя, как в мышцах закипает кровь, следующие несколько секунд могут стать решающими, нужно

всего лишь преодолеть несколько метров, а там...

Растянув губы в улыбке, Оля замедленно произнесла:

— Меня учили многому. Но здесь я не для того, чтобы устраивать показательные выступления. Предлагаю следующее: я забираю подругу, ты парней, и мы расходимся.

Противник усмехнулся, сказал с сарказмом:

— Тебе не кажется, что это несколько... несправедливо? Не знаю, что ты сделала с парнями, но им явно нехорошо. Мне нужна компенсация. Да и к твоей... подружке, у меня кое-какие вопросы.

— Вопросы придется отложить, — жестко отрезала Ольга. — А что касается компенсации... Будем считать, что я ослышалась. Лола! — Она перевела взгляд на девушку, сказала вполголоса: — Попрощайся с мальчиками. Мы уходим.

Ольга пришлось повторить еще дважды, прежде чем Лолита опомнилась. Лицо парня пошло пятнами, раздувая ноздри, он смотрел, как девушка неуверенно встала, двинулась на негнущихся ногах, с трудом удерживая равновесие. Сделав над собой усилие, он опустил пистолет, с трудом сдерживая злость, процедил сквозь зубы:

— Не знаю, кто ты и откуда, но попала ты крупно.

Не спуская глаз с противника, Ольга медленно попятилась, готовая выхватить пистолет в то же мгновение, как он попытается вновь поднять оружие, сказала кротко:

— Не сомневаюсь.

Дойдя до лестницы, Оля развернулась, быстро зашагала вниз, увлекая за собой Лолиту, что еще не отошла от страха и едва плелась. По-прежнему дежуривший на лестнице лжеохранник, проводил девушек удивленным взглядом, а едва они спустились, навстречу бросился Николай. Бледный, с трясущейся челюстью, он воскликнул:

— Слава богу! Я уже не знал, что и делать. Что там произошло?..

Ольга вздернула руку, прерывая словесный поток, сказала жестко:

— Нужно забрать одежду, мы сейчас же уходим. Где Дима?

— Где-то на танцполе, — Николай сделал неопределенный жест.

— Мы уезжаем. Передай, чтобы не терял, — Ольга быстро зашагала в сторону гардероба, за ней следом, словно собачка за хозяином, потянулась Лолита.

Опешив, Николай несколько мгновений стоял столбом, затем бросился в распахнутые двери танцевального зала. Ольге пришлось несколько раз звать, прежде чем из глубины гардероба вынырнула девушка, покрасневшая, с замаслившимися глазами, она на ходу застегивала халатик, чему-то блаженно улыбаясь. Приняв номерки, девушка долго бродила меж вешалок, отыскивая одежду. Ольга с трудом удержалась, чтобы не заскочить внутрь, и не поторопить гардеробщицу хорошим тычком, но та словно почувствовала, поспешила принести ожидаемое.

Наградив девушку таким взглядом, что та испуганно отпрянула, Ольга подхватила одежду, и, одеваясь на ходу, поспешила к выходу, таща за собой Лолиту, что, впад в трансное состояние, едва двигалась, с трудом соображая, где находится, и замедленно реагируя на команды. На выходе их настиг Дмитрий, ухватил Ольгу за плечо, но та развернулась так резко, что он испуганно отпрянул.

Взглянув в растерянное лицо Лолы, Дмитрий с удивлением произнес:

— Что происходит, куда вы собрались?

— Мы уходим, и очень быстро, — ответила Ольга, мягко, но уверенно, сняв с плеча руку.

Дмитрий нахмурился, сказал с вызовом:

— А тебе не кажется, что многовато на себя берешь?

Ольга хотела ответить, но раздавшиеся позади крики отбили желание говорить. В холле появились уже знакомые парни, расталкивая народ, двинулись в сторону выхода, перебрасываясь короткими фразами. Схватив Лолиту за руку, Ольга рванулась на улицу, досадуя на себя за потерянное время.

Выскочив на крыльцо, она на мгновение остановилась, оценивая обстановку, вдоль дороги, занимая все свободное пространство, выстроились припаркованные машины, чуть дальше, сквозь заснеженные верхушки кустов, мерцают испятнанные черными шашечками огоньки такси. Позади затопало, из дверей выскочил Дмитрий, вскричал с обреченностью:

— Да подождите же! Хоть назад вас подбросим.

— Тогда сейчас же в машину! — скомандовала Ольга. — За одеждой вернетесь после.

Следом за Дмитрием показался Николай, мгновение стоял с растерянным видом, но, увидев, как товарищи припустили бегом, кинулся следом.

Рявкнул, заводясь, мотор. Сдавая назад, Дмитрий выкрутил голову, всматриваясь в окно, чтобы не ударить приткнувшуюся почти вплотную легковушку. Ольга приникла к стеклу, следя за выходящими из клуба людьми. Вот на крыльце появился главарь, за ним следом высыпали остальные. Не отрывая взгляд от преследователей, Оля прошипела:

— Ты долго выбираться будешь?

— Стараюсь, как могу, — раздраженно откликнулся Дмитрий. — А чем орать, ты бы лучше объяснила...

Парни некоторое время оживленно жестикулировали, после чего двое двинулись направо, двое налево, а старший вернулся назад. Идущая мимо двоица разделилась, один тут же устремился вперед, а второй замедлил шаг, завертел головой, оглядываясь. Когда глаза преследователя мазнули по машине, Оля отпрянула вглубь салона, но в это мгновение в кабине вспыхнул свет.

Оторопев, Ольга повернула голову, встретившись глазами с Николаем. Собрав кожу на лбу в складки, он с обидой произнес:

— Такая неудобная расческа, вечно из рук вываливается, ищи теперь. — Заметив, как расширились глаза, а лицо девушки стремительно побледнело, он вздрогнул, спросил шепотом: — Что-то случилось?

Ольга не успела ответить. Передняя дверца распахнулась, вместе с потоком холодного воздуха в салон ворвался разъяренный рев, схваченный могучими руками, Дмитрий пулей вылетел из-за руля. У Николая отвисла челюсть, а Лолита лишь тихо пискнула, закатив глаза, откинулась на спинку сиденья. Зло выматерившись, Ольга выскочила следом, туда, где огромный бугай топтал незадачливого водителя, подскочила ближе.

Здоровяк замедленно повернулся, его лицо исказилось злой радостью, но в следующее мгновение хрупкие ладошки с силой хлопнули его по ушам. Глаза парня наполнились болью, от щек разом отхлынула кровь, схватившись за голову, он жутко закричал, упал на колени.

Подхватив стонущего Дмитрия, Ольга с натугой подняла тяжелое тело, кое-как втиснула на заднее сиденье, после чего заскочила на место водителя, с силой хлопнула дверцей. Выкрутив руль, она до упора вдавила педаль газа. Сгорая, пронзительно завизжали покрышки, машина рванулась вперед, что-то заскрежетало, с жалобным звоном лопнуло. Схватившись за голову, Николай покачивался, словно в трансе, на заднем сиденье жалобно постанывал Дмитрий, Лолита сидела недвижимо, не подавая признаков жизни, похоже с дочерью хозяина случился кратковременный обморок.

Увернувшись от автобуса, и обогнув пару отчаянно сигнализирующих легковушек, машина понеслась по улице. Глядя на дорогу, Ольга не выпускала из поля зрения зеркало заднего вида, напряженно всматриваясь в царящий позади переполох. Пылающая красным вывеска клуба стремительно удалялась, еще несколько мгновений и она полностью скроется из глаз, оставив о случившемся лишь смутное воспоминание, но в то мгновение, когда Оля позволила себе с облегчением выдохнуть, из ряда припаркованных возле клуба машин выметнулась легковушка, мигнув фарами, рванулась следом.

Сжав зубы, Оля добавила газу, завертела рулем, то и дело перестраиваясь между машинами. Ей раздраженно гудели, вертели пальцами у висков, но Ольга продолжала наращивать скорость, достигнув предельной для реакции грани, когда любое неосторожное движение грозило закончиться чудовищным столкновением. Но, несмотря на все усилия преследователи не отставали. Некоторое время они держались на почтительном расстоянии, лишь в зеркале заднего вида изредка мелькали огни фар, но постепенно приблизились, пошли почти впритык.

Город закончился, пошли дома частного сектора. Дорога опустела, и преследователи попытались обойти, но Ольга вовремя заметила, резко сдала влево, отчего машину ощутимо повело. В свете фар на дороге местами мерцал ледок, и гнать становилось опасно. С трудом выровнявшись, Оля стала сбрасывать скорость, лихорадочно прикидывая варианты действий. Ехать оставалось не так уж и далеко, а привести на хвосте погоню к воротам дома было наименее разумным выходом из возможных.

На мгновение отвлекшись, Оля пропустила момент, когда преследователи резко надали, вырвавшись на встречу, пошли борт в борт. Николай на секунду взглянул в окно, с

жалобным всхлипом вжался в сидение. Ольга метнула быстрый взгляд в сторону. Из-за опущенного стекла дверцы идущей рядом машины замедленно вытягивалась рука с пистолетом.

Решение созрело мгновенно. Ольга плавно нажала на тормоз, преследователи тут же ушли вперед, перестроились, вернувшись на свою полосу, после чего, до упора выжала педаль газа, одновременно опустив стекло и вырулив на встречу. В кабину ворвался ледяной ветер, за считанные секунды выстудив салон. Поменявшись местами, машины вновь поравнялись. Вдалеке загорелись фары идущей навстречу фуры. Более не раздумывая, Ольга выхватила пистолет, сдвинув предохранитель, направила на машину, целясь в переднее колесо. Пистолет задергался, выплевывая один за одним злые кусочки свинца.

На пятом выстреле донесся хлопок, машину противников повело в сторону, и почти одновременно гулко загудела надвигающаяся фура. На дороге вновь засверкал лед, тормозить в подобных условиях не представлялось возможным. Ольга добавила газу. Они плавно обогнули виляющих преследователей, а мгновение спустя мимо, обдав мощным потоком воздуха, пронеслась тяжелая громада дальнобойщика.

Издав булькающий звук, Николай зажал рот рукой, а с заднего сидения донесся сдавленный не то стон, не то всхлип. В зеркало заднего вида Ольга напряженно наблюдала, как машина преследователей некоторое время виляла, но, похоже, водитель таки не справился с управлением, и автомобиль слетел с трассы, вздыбив облако снега, зарылся глубоко в сугроб. Сбросив скорость до приемлемой, Оля замедленно выдохнула, откинулась на спинку, ощущая, как колотится сердце, и мелко дрожат руки.

Из-за плеча высунулся Дмитрий, в тусклом отсвете фар он казался ожившим мертвецом, настолько побледнело лицо, сказал шепотом:

— Что это было?

Покосившись на спутника, Оля пожала плечами, сказала отстраненно:

— Какие-то знакомые Лолы. Когда я нашла их на втором этаже, они мило беседовали.

Дмитрий несколько мгновений молчал, затем заорал не своим голосом:

— Мне плевать, чьи они знакомые. Я спрашиваю, что вообще происходит? Гонки по городу, таран машин, стрельба...

— И эта фура, — слабо пробормотал Николай. — Мы едва не погибли.

— Я боюсь даже представить, что стало с машиной, — не унимался Дмитрий. — На ней места живого нет! Ты когда со стоянки вылетела... Там же пол бампера отвалилось!

Прислушиваясь к воплям спутников, Ольга поглядывала вокруг. Когда вдали загорелись огни жилого квартала, она улыбнулась, сбросив скорость, стала внимательнее вглядываться в очертания домов. Заметив очертания громады хозяйского дома, Оля с удовлетворением кивнула, припарковавшись возле нужного свертка, отворила дверь, неторопливо вышла, с удовольствием ощущая, как разбегаются по занемевшим мышцам ног мурашки, затем обошла машину, распахнув двери, потянула наружу Лолиту, что, по-прежнему сидела в ступоре. Когда они двинулись к дому, Оля на мгновение обернулась, бросила застывшим у машины спутникам:

— Ребята, не берите в голову, и на обратном пути постарайтесь не попасться тем парням, что сейчас сидят в сугробе. Должно быть они очень злы.

Затолкнув толком не пришедшую в себя Лолу в дом, Ольга зашла в подсобку, скинув верхнюю одежду, устало опустилась на диван. В то время как тело наслаждалось отдыхом, в мыслях одно за одним прокручивались события дня. Шаг за шагом, вспомнив все свои

действия, Оля нашла лишь одну ошибку — нужно было ехать на такси. Ожидания спутников едва не закончились печально. Ольга поморщилась, в лагере давали курс психологической подготовки, и, объясняя особенности человеческой психики, лектор делал особый акцент на том, что большая часть провалов в работе заключается в неумении вовремя отстраниться от личных отношений, все шло отлично до тех пор, пока она не поддавалась чувствам, решив не обижать парней внезапным уходом.

Отдыхать расхотелось. Вскочив с дивана, она в раздражении заходила по комнате, с блеском закончить обучение и едва не провалиться в рядовой ситуации в первый же день работы, допустив глупейшую ошибку. Мысль нестерпимо жгла самолюбие, и Ольга с рычанием заметалась, сбрасывая избыток энергии.

Набегавшись, она вновь присела, взгляд упал на кобуру. Потянувшись, Оля извлекла пистолет, руки сами собой начали разбирать оружие, раскладывая рядышком по частям. Процесс удивительным образом казался успокаивающе, напряжение ушло, а мысли потекли ровнее. Немного поразмыслив, Ольга пришла к выводу, что несмотря на прокол, ситуация сослужила неплохую службу, выступив в качестве экзамена в реальных условиях, позволив применить полученные навыки, а заодно проверить пистолет.

В дверь бабахнуло, дробно загрохотало. Вздрогнув, Ольга с недоумением воззрилась в окно, но в непроглядной темени ничего не было видно. Гадая, кому приспичило вламываться в подсобку на ночь глядя, она двинулась в коридор, отщелкнув задвижку, быстро отступила на два шага, держа оружие на виду.

В ту же секунду в коридор ворвался Валериан Петрович, его лицо перекосилось, волосы смерзлись сосульками, а наполовину застегнутая рубашка растрепалась, оголив живот, волосатый, словно у медведя. С грохотом захлопнув дверь, хозяин сделал шаг и замер, уставившись на пистолет. Улыбнувшись, Ольга спрятала оружие за спину, мягко поинтересовалась:

— Чем могу быть полезна в столь... поздний час?

Валериан Петрович несколько раз открыл и закрыл рот, его глаза выпучились, но горло перехватило спазмом, наконец, справившись с собой, он заорал, что есть сил:

— Что произошло?! Лолита пришла чуть живая от страха, понарасказывала черте что. Ирка в предобморочном состоянии, я только из бани, а тут такое, такое... — он затрясся всем телом, не в силах выразить переполняющие эмоции.

Ольга успокаивающе закивала, взяв гостя за плечо, провела в комнату, усадив на стул, сунула в руку стакан с водой. Клацая зубами, Валериан Петрович опустошил стакан, взглянул выжидательно. Ольга развела руками, поинтересовалась:

— Что бы вы хотели узнать?

— Все! — хозяин нахмурился, отчего брови сошлись в единую линию.

— Покатались на машине, съездили в танцклуб, вернулись... если вкратце.

Ноздри Валериана Петровича грозно зашевелились, он начал раздуваться, так что Ольга даже испугалась, как бы хозяин не лопнул, произнес свистящим шепотом:

— Ты хочешь сказать, что ничего не было!?

Тяжело вздохнув, Ольга устало произнесла:

— Валериан Петрович, единственное, что я могу сказать — свою работу я выполнила, хотя, надо признаться, это было не совсем... просто. Да, была перестрелка, вернее, стреляла я и только по колесам, да, пришлось немного превысить скорость, возвращаясь домой, да, была группа ребят спортивного вида общавшихся с вашей дочерью на серьезные темы.

Ничего более внятного я не скажу, просто потому, что была озадачена несколькими другими вещами, чтобы запоминать лица и выяснять подробности.

Хозяин некоторое время хмурился, грозно сверкая глазами, затем разом опал, поинтересовался невпопад:

— Как оружие-то, ничего?

Ольга перевела взгляд на пистолет, что по-прежнему сжимала в руке, сказала с признательностью:

— Оружие выше всяких похвал. Если бы не оно... скорее всего мы бы сейчас с вами не разговаривали.

Валериан Петрович бледно улыбнулся, сказал враз охрипшим голосом:

— Что ж, хоть одна хорошая новость. — Тяжело поднявшись, он потоптался, добавил сурово: — С дочерью я поговорю отдельно. Что же касается тебя... Похоже придется поднимать оклад, — развернувшись, он вышел в коридор.

Негромко хлопнула дверь, под удаляющимися шагами закрипел снег, и все стихло.

На деревьях во всю щебечут свиристели, крупные, чуть меньше голубя, с небольшим хохолком на голове и ярким желтым пятном на хвосте, они стайками слетаются на кусты рябины, деловито прыгая по веткам, бойко отрывают оставшиеся ягоды, спеша насытиться за время короткой передышки на долгом пути в родные северные леса. С каждым днем набирающее силу, солнце греет все сильнее, и на белых боках сугробов кое-где уже появились серые подпалины. Ледовая корка на тротуарах почернела, в извилистых, словно вены, промоинах зажурчали стремительные ручейки.

Наслаждаясь свежим весенним воздухом, Ольга прогуливалась по аллее, подставляя лицо солнечным лучам. Последние пару недель, с трудом удавалось урвать время даже на тренировки, ближайший спорткомплекс находился в получасе езды на автобусе, не говоря уже о том, чтобы просто пройтись, и, пользуясь возможностью, Оля второй час бродила по городу, с упоением рассматривая витрины и подолгу задерживая взглядом на заполонивших улицы огромных рекламных плакатах.

— Девушка, не желаете прокатиться?

Ольга с удивлением обернулась. Вдоль тротуара, не отставая, но и не уходя вперед, двигается машина, водитель, мужчина неопределенного возраста: невзрачные серые глаза, короткий ершик тронутых сединой волос, на переносице вертикальные морщины, какие обычно остаются от долгих тяжелых размышлений, чуть повернул голову, смотрит прямо в глаза, но взгляд не оценивающий, каким обычно награждают потенциальных подруг ищущие свежих эмоций мужчины, а расчетливо-холодный, таким уверенный хищник смотрит на жертву. Ощувив опасность, Оля внутренне напряглась, но не показав виду, сказала с улыбкой:

— Благодарю за предложение, но вынуждена отказаться: слишком мало свободного времени, чтобы променять прогулку на общение.

Мужчина не проявил эмоций, чему Ольга отчего-то не удивилась, улыбнувшись одними губами, он сухо произнес:

— Я вас прекрасно понимаю, но, к сожалению, вынужден настаивать.

По-прежнему ощущая смутный дискомфорт, Оля поинтересовалась:

— Любопытно, каким именно образом?

Мужчина молчал. Усмехнувшись, Ольга развернулась, рассчитывая свернуть в

ближайший проулок, когда за спиной раздалось негромкое:
— Семьсот тринадцатая, потрудитесь сесть в машину.

Ольга замедленно развернулась, вопросительно взглянула на мужчину, что с отстраненным видом рассматривал витрину магазина. Не отводя глаз от развешенных за стеклом костюмов, водитель произнес:

— Ты не ослышалась. И поторопись, у меня не слишком много времени.

Оля подошла ближе, взгляделась внутрь машины, тонированные стекла не позволяют разглядеть салон в деталях, но, судя по смутным силуэтам сидений, в кабине только водитель, потянув за ручку, решительно вошла. Дверца захлопнулась, набирая обороты, рывкнул мотор, за стеклом замелькали посеревшие туши сугробов. Ольга некоторое время смотрела в окно, не поворачиваясь, поинтересовалась:

— Кто вы, и что хотите?

— Хороший подход, сразу к делу, и без лишних вопросов — произнес мужчина. Покосившись на спутницу, спросил с иронией: — Неужели не интересно?

По-прежнему глядя в окно, Оля произнесла:

— Интересно, но меня учили не задавать лишних вопросов.

— Правильно учили, — мужчина усмехнулся. — Что ж, представлюсь. Меня зовут Геннадий Леонидович. Я осведомлен кто ты, где проходила обучение, и за какие... заслуги.

Услышав последние слова, Ольга нахмурилась, но сказала лишь короткое:

— Не сомневаюсь.

Мужчина кивнул, продолжил:

— В этом городе деятельность выпускников координирую я. Это означает, что время от времени я буду давать задания, и тебе придется их выполнять. Для начала запиши номер своего мобильного, — он протянул блокнот и ручку. Видя, что Ольга на мгновение задумалась, с усмешкой добавил: — Надеюсь, у тебя все в порядке с памятью, чтобы, совершенно случайно, в номер не затесались одна — две неверные цифры. Будет не очень удобно ехать за тобой на край города, да и наниматель начнет задавать вопросы. Ведь ты остановилась у Валериана Петровича?

Ольга остро взглянула на собеседника, сказала с вежливым удивлением:

— Вы и это знаете... Я не заметила слежки.

Геннадий Леонидович снисходительно произнес:

— Слежка... прошлый век. Вовремя поставленный чип дальней связи даст информацию намного быстрее и на порядок точнее. — Перехватив удивленный взгляд девушки, он кивнул на сумочку, сказал короткое: — Телефон.

Не теряя самообладания, Ольга достала мобильник, осторожно отщелкнула крышку, под панелью, тускло поблескивая полупрозрачным глазком, прилепился небольшой, размером с ноготь, пластиковый прямоугольник. Поддев ногтем, Ольга потянула на себя, чип с тихим хрустом отклеился, упал на ладонь невесомым кусочком.

— Зачем? — Оля перевела взгляд на спутника.

Тот пожал плечами, рассудительно произнес:

— Не смотря на контракт и прошлые... заслуги, некоторые выпускницы решают, что никому ничего не должны, не согласовывая с координатором, пытаются начать новую жизнь.

В отстраненном голосе спутника промелькнули такие нотки, что Ольга поежилась,

глядя на лежащий на ладони чип, поинтересовалась:

— Так мне его оставить?

— Выбрось, — мужчина отмахнулся, — он свою роль сыграл. Там зарядки — от силы на трое суток.

Секунду помедлив, Оля щелчком отправила чип в окошко, после чего записала в блокноте номер, спросила сухо:

— Мне требуется знать еще что-то?

Геннадий Леонидович резко переложил руль, так что автомобиль, обогнув грузовик, почти вплотную подошел к тротуару, ответил:

— Все что нужно, узнаешь в свое время. Пока все.

Дома за окошком перестали двигаться, машина замерла. Отложив блокнот, Ольга взялась за ручку дверцы, поинтересовалась:

— В таком случае, я могу идти?

Мужчина кивнул. Глядя, как Ольга выходит из машины, неожиданно спросил вслед:

— Оружие достала?

— ЗИГ, — бросила Оля через плечо.

Захлопнув дверцу, она отступила на шаг, замедленно повернула голову. Геннадий Леонидович несколько мгновений смотрел ей вслед, затем стекло поднялось, и машина мягко отошла от тротуара. Гулять как-то разом расхотелось, задумавшись, Ольга побрела к остановке. С прошлым порвать не удалось, хотя на некоторое время Оля в этом почти уверилась, неведомая организация, свозящая девушек со всей страны, и превращающая их в высокоэффективных бойцов, продолжала контролировать своих оперившихся птенцов и после обучения, и не оставалось ничего другого, как следовать указаниям... по крайней мере, пока.

Поймав идущее в нужном направлении маршрутное такси, Ольга расплатилась, присев на свободное место, замерла, глядя на проплывающие за окном деревья. Мысли вновь вернулись к произошедшему. Возникло сильное желание забыть, отбросить, словно дурной сон, продолжая жить как раньше, когда работа привычна, отношения легки, а будущее не несет угрозы.

Мерное покачивание автобуса умиротворяло, и вскоре удалось успокоиться, мысли перестали метаться, а мышцы расслабились, лишь глубоко внутри, там, где хранятся смутные воспоминания, тупой занозой засело понимание — о ней не забыли, рано или поздно, когда возникнет необходимость, раздастся звонок, или на улице ее вновь окликнут, обратившись по имени, о котором знают немногие.

Едва она зашла во двор, из дверей выскочила хозяйка, замахав руками, засеменила навстречу, на ходу крича:

— Ольга, ведь ты не занята? Погоди немного.

Оля поморщилась, подобное обращение говорило лишь об одном, жена Валериана Петровича наметила турне по магазинам, но компаньона не нашла, и теперь жаждала приобщить к прогулке первого попавшегося знакомого.

Натянуто улыбнувшись, Оля произнесла:

— Добрый день, Ирина Алексеевна.

— Добрый, добрый, — прощebetала хозяйка. — Насколько понимаю, ты не очень занята, ведь верно?

Глядя на приторную улыбку собеседницы, Ольге пришлось сделать усилие, чтобы не

скривиться, она ответила ровно:

— Сейчас нет, но Валериан Петрович наметил на вечер поездку. Я должна присутствовать.

Улыбка хозяйки несколько поблекла, нахмурившись, она произнесла:

— Конечно, конечно, работа прежде всего, но до вечера далеко, а муж, если мне не изменяет память, говорил, что, в случае нужды, я могу пользоваться твоими... услугами.

— Если только вас потребуется охранять... — Ольга развела руками.

— Конечно! — женщина всплеснула руками. — Ты представить себе не можешь, какие в городе встречаются нахалы. Шагу не сделать, чтобы тебя не охаяли или толкнули, а то, чего доброго, и ограбили.

— Хорошо, — Ольга согласилась с тяжелым сердцем. — Сейчас переоденусь и можно выходить.

Провожаемая победным взглядом хозяйки, она зашла в подсобку. Взгляд наткнулся на лежащие в сковороде остывшие котлеты. Чувство голода возникло скачком, желудок жалобно взвыл, а рот тут же наполнился слюной. Цапнув ближайшую котлету, Ольга откусила едва не половину, почти не жуя, проглотила. Пока зубы разминали податливый фарш, рука потянулась к следующей.

За окном возник расплывчатый силуэт, раздалось намекающее покашливание. Ольга подалась было к выходу, но, пересилив себя, остановилась, достала из холодильника початую бутылку молока, наполнила до краев стакан и, не торопясь, со вкусом, дожевала котлету, запивая мелкими глотками.

Закончив, она отряхнула руки, поставила бутылку назад, в раздумии остановилась напротив вешалки, где, укрытая под ворохом одежды, покоилась кобура с оружием. По здравому размышлению брать на прогулку по магазинам оружие было не с руки, но специфика работы диктовала обратное. Махнув рукой, Ольга вышла из комнаты, оставив оружие на прежнем месте.

Ирина Алексеевна уже ждала у ворот, и едва скрипнул замок, живо повернулась, с мученическим видом воскликнула:

— Ольга, ну нельзя же собираться столько времени!

Пропустив сказанное мимо ушей, Оля заперла дверь, подошла к воротам и, как ни в чем не бывало, отрапортовала:

— Я готова. Даже ждать не потребовалось.

Хозяйка улыбнулась, на мгновение, став очень похожей на змею, произнесла сквозь зубы:

— Рада, что ты ценишь время работодателя, — грохнув калиткой, она вышла со двора.

Посмеиваясь про себя, Ольга двинулась следом. Желтое, как весеннее солнышко такси уже ждало у ворот и, едва они загрузились, рвануло с места, взметнув тучу грязного снега. Похоже, водитель доставлял Ирину Алексеевну уже не в первый раз, так как уверенно вел машину, не задавая уточняющих вопросов.

Спутница всю дорогу молчала, с надменным видом глядя в окно, но едва впереди замаячила громада торгового комплекса, заметно оживилась. Дождавшись, когда такси припаркуется, она сунула водителю деньги и с явным нетерпением выскочила из машины. Несмотря на быстроту хозяйки, Ольга вышла на мгновение раньше, оценивая обстановку, осмотрелась, но тут же досадливо одернулась, лишней раз напомнив себе, что в подобном случае работа отличается от обычной, почти полностью утрачивая элемент стратегического

планирования, приобретая взамен сильную тактическую составляющую.

Они двинулись ко входу в здание. Дверные створки, сделанные из толстого прозрачного стекла, раздвинулись, пропуская. Оказавшись внутри, Ольга остановилась в нерешительности. Отделанный стеклом и металлом огромный коридор уходит вдаль, в стенах-витринах через равные промежутки виднеются уводящие вглубь здания, подобно гротам, извилистые проемы-ходы, по обе стороны от прохода — лестницы-эскалаторы, зубчатые ступеньки плавно движутся, подхватывая и доставляя на следующий этаж всех желающих.

Оля вопросительно покосилась на спутницу, та перехватила взгляд, сказала с удовлетворением:

— Наконец-то. Столько вещей нужно приобрести... уже который день собираюсь, не могу вырваться.

— Тогда ведите, — Оля вновь завертела головой, — боюсь, как бы мне не потеряться.

Хозяйка вздернула брови, с удивлением спросила:

— Ты не разу не была в магазине?!

— Была, — Ольга усмехнулась, — и не раз, но не в таком огромном. Там, откуда я родом, магазины несколько, — она помялась, подбирая слово, — скромнее.

Ирина Алексеевна гордо вскинула голову, сказала с великим пренебрежением:

— Это что же за глухомань такая, если обычный торговый центр кажется чудом? — Заметив, как Оля нахмурилась, добавила примирительно: — Ну да ладно. Все когда-то происходит впервые. В таком случае, помимо отделов, что я наметила, мы зайдем еще в пару-тройку, ведь не может же молодая, симпатичная девушка не быть в курсе последних достижений моды! А начнем мы, пожалуй, отсюда, — она уверенно зашагала к эскалатору.

Самодвижущаяся лестница вынесла на второй этаж, в глазах зарыбило от десятков рекламных вывесок, сверкающих одна ярче другой. Двигаясь за хозяйкой, Ольга непрерывно вертела головой, стремясь если не рассмотреть в деталях, то хотя бы ухватить взглядом суть представленных товаров: дорогие шубы, невесомые платья, изящные туфельки. Глаза разбегались, а в голове царил хаос, раз за разом возникало сильнейшее искушение остановиться, рассмотреть, примерить все эти достижения последней моды и чудеса стилистики, но день зарплаты еще не настал, и Ольга закрывала глаза, едва не насильно заставляла себя идти вперед, дальше от соблазнов.

Ирина Алексеевна остановилась возле одного из бутиков, где, установленные на бархатные подставки, на полках витрин блистали драгоценными камнями многочисленные золотые и серебряные украшения. Придирчиво осмотрев вывеску, она кивнула, сказала с удовлетворением:

— Пожалуй, начнем отсюда.

Сглотнув вставший в горле ком, возникший едва взгляд коснулся чудесных поделок ювелира, Оля прошептала:

— Почему именно отсюда?

Хозяйка усмехнулась, произнесла назидательно:

— Потому, что драгоценности имеют самую высокую цену и... самый низкий вес. Представь, если мы сперва наберем пакет — другой с продуктами, а потом будем носиться с ними по всем этажам. Да мы без рук останемся, и без ног, — кивком головы предложив следовать за собой, она вошла в бутик.

Когда, определившись с покупками, Ирина Алексеевна двинулась к кассе, Оля оценила

дальновидность хозяйки, прошло не менее получаса, и они только закончили с драгоценностями, а ведь предстояло обойти еще несколько этажей. У Ольги закружилась голова, когда она представила себе, сколько жутких мгновений придется пережить, глядя на все эти прекрасные вещи, что она пока не может себе позволить.

Когда через два часа, нагруженные покупками, они подошли к выходу, Ольга ощущала себя полностью разбитой. Несмотря на то, что она всеми силами пыталась настроиться на работу, полностью отстраниться не получилось, перед глазами, заслоня реальность, по-прежнему стояли образы дорогих украшений, а в мыслях прокручивался список товаров необходимых к приобретению с первой же зарплаты, увеличившийся за время пребывания в торговом центре минимум в три раза.

Хозяйка поглядывала на впавшую в задумчивость спутницу с выражением материнского участия, не выдержав молчания, поинтересовалась:

— Мне кажется, или ты не очень любишь ходить по магазинам?

С трудом вынырнув из сладких грез, где она примеряла чудесное платье, Ольга сказала с заминкой:

— Люблю, но...

Ирина Алексеевна перебила, сказала понимающе:

— Понимаю, понимаю. Но лишь в том случае, если есть деньги, иначе — что там делать? Знаю, сама такая. — Она усмехнулась, добавила вкрадчиво: — Деньги будут, нужно лишь качественно выполнять свою работу. Можно сказать, что сегодня ты свою работу выполнила... качественно.

Ольга покосилась на спутницу, но лицо хозяйки выражало лишь умиротворение и тактичность, хотя в глубине глаз, наряду с тлеющей ревностью, таилось тщательно скрытое презрение к женщине, что, не в силах получить деньги от оценивших ее по достоинству мужчин, вынуждена зарабатывать своими руками.

Сжав зубы, Ольга отвернувшись, прошла первой в проход, на автомате отметив краем глаза неброско одетого мужчину, застывшего у дверей с противоположной стороны. В душе шевельнулись подозрения, но мужчина стоял с отсутствующим взглядом, Оля прошла мимо. Очутившись на крыльце, она завертела головой, высматривая на расположенной тут же парковке такси, когда позади раздался испуганный вопль.

Оля мгновенно развернулась, уже догадываясь, что именно увидит. Ирина Алексеевна застыла с перекошенным от испуга лицом, а мужчина, что за мгновение до этого не подавал признаков заинтересованности, улепетывал во все лопатки, придерживая что-то смутно знакомое под мышкой. Оглядев фигуру хозяйки, Оля поняла, что именно унес воришка, дамская сумочка, откуда спутница, расплачиваясь за покупки, раз за разом доставала деньги, исчезла.

Все это пронеслось в голове за доли секунды. Мягко присев, Ольга осторожно поставила пакеты с продуктами на земли и сразу, без промедления, рванулась следом, удерживая беглеца в поле зрения. Она успела пробежать с десятков метров, когда ушей коснулся отчаянный крик:

— Сумка! Он украл у меня сумку!

Хозяйка еще что-то отчаянно верещала вслед, но Ольга уже не слушала, полностью переключившись на мелькающую впереди фигуру. Мужчина позаботился о безопасности, и в сгущающихся сумерках серое пятно куртки таяло и пропадало, расплываясь в надвигающихся тенях. Рискаю поскользнуться на вытоптанном до состояния льда снегу тротуара, Ольга ускорила бег, но особой пользы это не принесло, судя по всему воришка занимался «работой» постоянно, и поддерживал неплохую физическую форму.

Тем не менее, расстояние постепенно сокращалось. Беглец раз за разом оборачивался, оценивая расстояние до преследовательницы, снисходительность на его лице уступило место озабоченности. Обернувшись в очередной раз, он зловеще усмехнулся, а спустя мгновение исчез из виду. Опешив, Ольга добежала до места и обнаружила между домами узкий проход. Не останавливаясь, она свернула, забежала во двор.

Впереди мелькнула тень, скрылась за массивом гаражей. Ольга бросилась следом, в несколько секунд преодолела дворик и резко остановилась. Неподалеку, прижимая сумку к груди, стоял беглец, рядом с ним, возвышаясь на голову, замерли трое парней. Беглец шагнул навстречу, его дыхание вырывалось со свистом, но глаза светились насмешкой, тряхнув сумкой, произнес:

— Молодец, бегаешь быстро. Но что дальше?

Один из парней произнес простуженным басом:

— Вован, не шурши. — Взглянув на Ольгу, поинтересовался: — Ты одна, или еще кто будет?

Его приятели осклабились, предвкушая потеху. Один всхрюкнул, сказал со смешком:

— Надо б еще, а то троим одной маловато. Хотя, можно и групповушку. — Ухмыльнувшись, он спросил, обращаясь к Ольге: — Ты любишь групповушки?

Масляно улыбаясь, третий произнес:

— Любит, любит, только об этом еще не знает.

Парни в голос заржали.

Улыбнувшись как можно шире, Ольга мягко произнесла:

— Ребята, мысль отличная, но и секс, и доставка, и деньги... По-моему, как-то несправедливо.

— А мир вообще несправедлив, — философски произнес первый парень.

Остальные угодливо захихикали, поддерживая.

Перестав улыбаться, Ольга сказала рассудительно:

— Но таким быть не должен, верно? Давайте так, вы мне возвращаете сумочку, а я делаю вам всем приятно. Идет?

Не дожидаясь решения, Ольга напористо двинулась вперед. Удивленные странным поведением, парни подались в стороны, пропуская, лишь беглец что-то заподозрил, глядя на приближающуюся девушку, он хмурился все сильнее, а когда Оля подошла достаточно близко, попятился.

За спиной загоготали, послышался сиплый голос:

— Глянь, Вован девку испугался, задний ход врубил!

— Сам ты задний ход, — огрызнулся беглец, но пятиться перестал, взглянул дерзко.

Стараясь не спугнуть парня, Ольга сделала вид, что смотрит в другую сторону, но придвинулась еще на полшага. Тяжелая рука легла на плечо, несильно сдавила, над ухом раздался голос:

— Ладно, поболтали, и хватит. Пошли в гаражи, отсосешь всем по очереди, а там и пойдешь.

— А как же сумочка? — поинтересовалась Ольга, просчитывая расстояние до цели.

— Сумочку сможешь забрать, только содержимое, ха-ха, нам оставишь.

Почувствовав поддержку, беглец приободрился, поддразнивая, подчеркнуто медленно потянул за замочек, расстегивая сумочку. Собираясь с силами, Ольга прикрыла глаза, прислушиваясь к жаркому дыханию над ухом, сказала тягуче:

— Мне очень грустно это слышать, но раз вы так хотите, что ж... — с расстроенным видом, она опустила голову, глубоко вздохнула, нагнетая воздух в легкие.

Резкий рывок головой, в затылок врезается твердое, над ухом раздается жалобный стон, а на шею брызгает теплым. Прыжок вперед, где замер шустрый парнишка, абсолютно уверенный в собственной безопасности. Ударом плечом в грудь. Глаза вора раскрываются, а челюсть замедленно отвисает, сбитый с ног, он отлетает в сторону, забыв про сумочку, что, словно по мановению волшебной палочки, исчезает из рук. Оттолкнувшись плечом от вора, Ольга бросается обратно, оббегая парней по широкой дуге.

На краю зрения мелькают ошарашенные лица, слышится невнятная возня, и почти сразу же раздается вопль ярости, исторгнутый одновременно из нескольких глоток. Сумочка крепко зажата в руке, под ногами стелется припорошенная свежим снежком дорожка, в проеме между домами уже виднеется дорога с проносящимися машинами, еще немного и о погоне можно забыть, никто не рискнет преследовать девушку на заполненной народом улице.

Вопли начинают стихать, слышны лишь отдельные выкрики, и в этот момент позади раздается грохот выстрела, затем еще и еще. Тело реагирует мгновенно, вот только что она бежала по прямой, а через секунду кубарем летит в сторону, глубокий снег мягко принимает в свои объятия, ушибов нет, но скорость катастрофически падает. Мышцы ног стонут от напряжения, пытаюсь вырваться из мягкого плена.

Позади продолжают палить. Выстрел, другой, плечо взрывается болью, от удара тело бросает на землю. Выстрелы прекращаются, но нужно бежать, догнать и добить лежащую не составит труда, и ноги продолжают шевелиться, буравя снег, а руки тянутся вперед, пытаюсь найти точку опоры.

В наступившей тьме глаза с трудом различили тропинку, сделав усилие, Ольга выбралась на дорожку, пригибаясь, бросилась в сторону улицы. Несколько мгновений

гнетущей тишины, когда слышен лишь хруст снега под ногами, да собственное надсадное дыхание, и вот она на улице, в уши врывается привычный городской шум, а пространство вокруг заполняется народом.

Быстрым шагом она пошла назад, стараясь как можно скорее покинуть опасное место. На очередном шаге Ольга завела руку за спину, мазнула рукой по куртке, страхась ощутить мокрое, но пальцы наткнулись лишь на аккуратную дырочку. Пошевелив плечом, Ольга скривилась, рука слушалась плохо, а в спине, в месте попадания, стрельнуло болью так, что она с трудом удержалась от вскрика.

На крыльце торгового комплекса Ольга заметила небольшую толпу, не обратив особого внимания, замедленно пошла вдоль здания, отыскивая взглядом хозяйку, когда ушей коснулся знакомый, заходящийся возмущением возглас.

— И такое безобразие постоянно. Каждый раз, как я сюда приезжаю, кто-то да нападет! Один раз пакет порвали, другой нахамили, а теперь вот сумочку вырвали. А ведь там деньги, карточки, телефон...

Протолкавшись через толпу, Ольга коснулась руки хозяйки, сказала сдержанно:

— Ирина Алексеевна, нам нужно идти. Вот ваша сумка.

Хозяйка поперхнулась словом, а окружающие с интересом воззрились на нового участника драмы. Тут же раздались реплики:

— А вот и сумка!

— Надо же, девушка, а не побоялась...

— Там, поди, пьяница, какой сумку схватил, не то что девушка — ребенок бы отобрал...

Кивая и улыбаясь, Ольга двинулась к дороге, увлекая за собой хозяйку, что не переставала ахать, успевая перебрасываться короткими фразами с окружающими. Когда они сели в такси, Ирина Алексеевна тяжело вздохнула, сказала с болью:

— Видишь, я же говорила, шагу нельзя ступить без охраны, а ты упиралась, ехать не хотела.

Ольга покивала, сказала, сдерживая раздражение:

— Да, да, конечно. Но, на будущее, держите сумочку крепче.

Поперхнувшись, хозяйка оскорблено замолчала, и всю дорогу с подчеркнуто отстраненным видом смотрела в окошко. После того, как такси отпустили, а покупки доставили в дом, Ольга вернулась в подсобку, осторожно, стараясь не потревожить больное место, разделась. Повернувшись спиной к здоровенному зеркалу, что с недавних пор красовалось на стене, в приступе отличного настроения принесенное хозяином с третьего этажа, где оно пылилось, неостребованное, последние полгода, Оля взглянула на свое отражение, потрясенно присвистнула. Под правой лопаткой, окруженный нездоровой желтизной, багровел здоровенный кровоподтек.

Намочив полотенце в ведерке с водой, Ольга прилегла на диван, пристроив свернутое квадратиком полотенце на больное место. От холодного спину приятно заломило, а в голове чередой развернулись события дня. Проанализировав ситуацию, Ольга сделала вывод, что поворачиваться к противнику спиной можно лишь точно зная — человек безоружен, хотя, по зрелому размышлению, оружием может послужить даже камень, пущенный с приличного расстояния меткой рукой в голову, или другое уязвимое место.

Следовало потратить чуть больше времени и обезвредить парней на пару минут, что позволило бы спокойно уйти, не опасаясь преследования или удара в спину. Хорошо еще, что у ребят оказался травмат, будь в обойме настоящий патрон, не лежать ей сейчас на

мягком диване в уютной комнатухе. Даже отработанные до автоматизма действия и отточенные рефлексy не спасут от пули. Прикинув возможные варианты развития событий, Ольга с неудовольствием отметила, что воспользовавшись оружием, даже в качестве простого устрашения, можно было добиться гораздо большего, обойдясь без прыжков по сугробам с риском нарваться на пулю.

Оставалось лишь радоваться, что драгоценный опыт, всегда брать оружие на работу, достался сравнительно небольшой ценой, хотя, по здравому размышлению, единственную, по настоящему серьезную ошибку она допустила в момент, когда решила преследовать вора. Ольга похолодела, представив, что могло произойти в ситуации реального покушения, когда один из подельников отвлекает телохранителя, а другой, пользуясь моментом, спокойно убивает беспомощную жертву.

Решив в самое ближайшее время расставить приоритеты, Ольга отбросила лишние мысли, и незаметно провалилась в сон, придя в себя лишь от дребезжания оконных стекол. Открыв глаза, она подняла голову, непонимающе огляделась. Кто-то настойчиво колотил в окна, перемежая стук забористой руганью. Мельком глянув на дисплей мобильного, Ольга схватилась за голову, она должна была собраться уже четверть часа назад, завернувшись в первую попавшуюся рубашку, выскочила в коридор, отщелкнув задвижку, рванула дверь.

В проеме возник раздраженный Валериан Петрович, поджав губы, поинтересовался:

— Ольга, в чем дело?! Мы уже четверть часа назад должны были...

— Да, да, я знаю, — заторопилась Оля, — извините, задремала, сама не заметила. Через две минуты буду готова.

Оглядев полураздетую девушку, гость хмыкнул, сказал примирительно:

— Ладно, ладно, можешь шибко не гнать, Ира уже посвятила. Расскажешь потом в подробностях. Иван за воротами, выходи сразу туда.

Захлопнув дверь, Ольга метнулась в комнату, за считанные мгновения собралась, тщательнейшим образом проверила оружие, и, не забыв мимоходом подвести глаза и накрасить губы, вышла из дома.

Телефонная трель прозвучала неожиданно резко, вырвав из объятий сна. Вставать не хотелось, и Ольга некоторое время лежала с закрытыми глазами, но мобильник не унимался, возвещая о наступившем дне бодрой мелодией. Вздохнув, Оля отбросила одеяло, спустила ноги, покачиваясь, двинулась к тумбочке, где от усердия разрывался телефон. Цапнув трубку, она с удивлением покосилась на высветившиеся на дисплее цифры незнакомого номера, произнесла недовольно:

— Слушаю.

На том конце кашлянули, незнакомый мужской голос поинтересовался:

— Семьсот тринадцатая... надеюсь, не разбудил?

Остатки сна, словно рукой сняло. В памяти разом всплыли острые черты лица и холодный взгляд. Ольга мгновенно пришла в себя, спросила хрипло:

— Геннадий Леонидович?

— Он самый. Как у тебя со временем?

Перебрав в голове дни недели, Ольга вспомнила, что сегодня воскресенье и работы не намечается, поколебавшись, честно ответила:

— Пока свободна.

— Хорошо. Как понимаешь, звоню не просто так. — Собеседник помолчал, словно раздумывая, произнес вопросительно: — Через час... нет, через полтора часа на Театральной площади. Успеешь?

Лихорадочно прикинув время, необходимое чтобы добраться до назначенного места, Ольга произнесла:

— Да, я подойду.

— Вот и отлично, буду ждать. Да, пока не забыл, оружие не бери, — связь оборвалась.

Осторожно положив телефон на место, словно опасаясь с его стороны очередной неожиданности, Ольга в задумчивости прошлась по комнате. С момента знакомства с шефом прошло больше месяца, первые дни прошли в ожидании вызова, она постоянно ощущала смутный дискомфорт, невольно вздрагивая от каждого звонка, неизвестность настораживала, но время шло, уйдя с головой в работу, Ольга вспоминала о координаторе все реже, пока, озабоченная более насущными делами, совсем не выбросила из памяти неожиданную встречу, и в тот момент, когда жизнь пошла по накатанной колее, он напомнил о себе вновь.

Чувствуя, что начинает волноваться, Ольга тряхнула головой, накинув куртку на голое тело, решительно вышла на улицу. Яркий свет солнца ударил по глазам, заставив зажмуриться, но, несмотря на разлитую в воздухе весну, зима окончательно не отступила и морозный воздух проник под одежду, вцепился холодными коготками в распаренное со сна тела, заставив встрепенуться. Передернув плечами, Ольга быстро зашагала в сторону бани, и вскоре уже ежилась в ледяных брызгах.

Утреннее омовение в бане стало традицией, и если поначалу Оля сжимала челюсти, сдерживая рвущийся наружу крик, то теперь лишь вздрагивала, когда очередная порция холодной воды выливалась на плечи, к тому же стало ощутимо теплее, исчез слой ледка, за ночь успевающий покрыть воду в бочке толстой коркой, а проникающие через оконце солнечные лучи приятно согревали тело.

Вернувшись в подсобку, Ольга извлекла из холодильника кастрюлю с остатками борща, поставила на плиту, после чего принялась перебирать одежду, раздумывая, что больше подойдет для предстоящего задания. За последнее время гардероб значительно расширился, многочисленные плечики с платьями и костюмами с трудом умещались в шкафчике.

Шкаф появился в пристройке неделю назад, принесенный из недостроенной комнаты на третьем этаже дома. Как-то раз, в беседе с хозяином, Ольга поинтересовалась, можно ли вбить в стены несколько крючков для одежды, тогда Валериан Петрович лишь поморщился, но через пару дней в окошко постучали, отворив, Ольга с удивлением обнаружила громоздящиеся у двери доски и довольного хозяина. Валериан Петрович несколько мгновений рассматривал изумленное лицо Ольги, затем хохотнул, подражая грузчикам, сказал басом:

— Мебель заказывали?.. Оплачено!

Они вместе занесли доски в пристройку, и меньше чем через час Оля уже с упоением размещала вещи в шкафу.

Даже не взглянув на рядок деловых костюмов, практически каждый, сопровождающийся ношением оружия, выезд приходилось совершать именно в этом типе одежды, Ольга остановила взгляд на платьях, долго перебирала, сделав окончательный выбор лишь когда послышалось грозное бульканье закипевшего супа.

Сняв кастрюльку с плиты, Ольга перелила суп в тарелочку и со вкусом позавтракала, наслаждаясь разливающимся по телу теплом и нарастающим ощущением сытости. Покусившись на дисплей мобильного, Ольга нахмурилась, затолкала в рот остатки бутерброда, подхватившись, засобиралась в ускоренном темпе. Уже одетая, осмотрев себя на прощание в зеркале, она взялась за ручку двери, когда взгляд упал на висящую на крючке кобуру, Ольга помедлила, но, вспомнив рекомендацию шефа, решительно вышла.

Геннадий Леонидович ждал на площади, как и обещал. Издали заметив обособленно стоящую машину, Ольга поспешила перейти дорогу, приблизившись, искоса взглянула в салон. Водитель повернул голову, взглянул мельком, приглашающе махнул рукой. Едва Оля захлопнула за собой дверцу, машина тронулась.

Окинув водителя взглядом, Оля с интересом отметила, что, не смотря на отличную память на лица, она толком не могла вспомнить шефа уже на следующий день, образ сливался в некое серое пятно, и лишь теперь восстановился заново. Прервав молчание, она осторожно произнесла:

— Добрый день. Я уже решила, что вы обо мне забыли. Или... выпускники не настолько востребованы?

Не отрывая взгляда от дороги, спутник ответил:

— Как видишь, не забыл. Что касается выпускников, то каждый занимается своим делом, не думай, что ты одна.

Ольга прикусила язык, понимая, что задала неуместный вопрос, с отстраненным видом сказала:

— Что ж, тем лучше. Единственно, мне не очень понятно, почему вы сказали оставить оружие...

— Оно не понадобится, — последовал короткий ответ.

Помолчав, Оля замедленно произнесла:

— Один раз я уже оставила пистолет. Выезд не предвещал опасностей, обычный поход по магазинам с женой хозяина, но в итоге о решении пришлось пожалеть.

Геннадий Леонидович повернул голову, некоторое время с интересом рассматривал попутчицу, затем насмешливо произнес:

— И какие ты сделала выводы?

Нахмурившись, Ольга ответила:

— При выходе на работу необходимо брать оружие в любом случае.

Не переставая улыбаться, собеседник поинтересовался:

— А что ты считаешь своей работой?

Сбитая с толку, Оля помолчала, собравшись с мыслями, осторожно ответила:

— Я полагаю... до этого момента полагала, что моя работа заключается в охране хозяина. Это не так?

Шеф кивнул, сдержано ответил:

— Молодец что поправились, быстро соображаешь, правда, не очень глубоко, а то бы поняла раньше.

— К чему строить пустые догадки, если можно получить информацию напрямую? — холодно поинтересовалась Ольга.

Собеседник кивнул, сказал примирительно:

— Конечно. Вопрос лишь в том, как вычленишь истину. Но, хватит лирики. Объясню вкратце, чтобы в дальнейшем не возникало недопонимания. То чем ты занимаешься последний месяц — ширма, настоящая работа — здесь.

Опешив, Ольга несколько мгновений молчала, затем ошарашено произнесла:

— Я думала... но постойте, ведь там я работаю ежедневно, порой, с утра до вечера, а вы вызываете впервые, и оказывается...

Геннадий Леонидович кивнул, сказал кротко:

— Так и должно быть. Такая ситуация — вынужденная необходимость, ты ведь должна на что-то жить, да и поддерживать форму лучше всего работая по профилю. — Он помолчал, добавил с прохладцей: — К тому же, не думаешь же ты, что более чем полугодичная возня в специально оборудованном лагере сводится лишь к обучению телохранителей, пусть даже женщин, когда почти любой гражданский, пройдя двухмесячные курсы, может обзавестись корочкой дающей равные права?

Ольга с сокрушенным видом покачала головой, прошептала чуть слышно:

— Дура, как я раньше не догадалась.

Собеседник отмахнулся, сказал жестко:

— Забудь. Всему свое время. И, я надеюсь, тебе не нужно напоминать, что полученным знанием не стоит ни с кем делиться? — Заметив, что Ольга кивнула, добавил: — Вот и хорошо. А теперь о деле...

В кафе Ольга зашла с отстраненным видом, не глядя по сторонам, направилась в дальний угол. Едва она успела раздеться, как возле столика материализовался официант, с угодливым видом поинтересовался:

— Чего изволите?

Пробежав глазами меню, Ольга произнесла с ленивым небрежением:

— Даже не знаю. Что-нибудь в качестве легкого завтрака... на ваше усмотрение.

Расплывшись в улыбке, официант исчез. Отложив меню, Ольга пересела так, чтобы проникающий из окна свет падал на спину, и принялась рассматривать висящие на стенах изображения известных людей, время от времени искоса поглядывая на вход. Вскоре подошел официант, придерживая разнос, осторожно сгрузил на стол тарелки, за одно

перечисляя названия блюд, после чего с неизменной любезной улыбкой удалился.

Ольга приступила к завтраку. Фруктовый салат нектаром растекся по языку, заставив замычать от наслаждения, лопаюсь на зубах, ягоды выстреливали фонтанчиками кислинки, а кусочки ананаса добавляли в образовавшийся сладкий коктейль терпкие нотки. За салатом последовали хрустящие хлебцы с каким-то кисло-сладким соусом, оставляющим приятное послевкусие, но вызывающим непреодолимую жажду. Закончив с хлебцами, Оля разохотилась, и, не останавливаясь, съела клубничное желе, нарезанное небольшими кубиками, смешно покачивающимися при малейшем сотрясении тарелки.

Увлечшись завтраком, Ольга ненадолго отвлеклась, выпустив из виду входные двери, а когда опомнилась, через столик уже сидели двое мужчин, что-то негромко обсуждая. Представив, что бы сказал шеф, провали она задание подобным образом, Оля поперхнулась соком, закашлялась, прикрывая рот рукой. Мужчины на мгновение прервали беседу, мельком покосились в ее сторону, но быстро отвернулись, вновь приступив к разговору.

Делая вид, что рассматривает меню, Ольга искоса наблюдала. Первый мужчина ее не заинтересовал: непослушный ершик волос, пухлые детские губы, высокий голос, но вот второй... Данное шефом описание полностью совпадало: округлые очертания фигуры, дряблые щеки, глубокая залысина, стыдливо прикрытая зачесанными с боков волосами. Типичный бухгалтер. Ольга знала такой тип мужчин, стареющие, засидевшиеся на маленьких должностях, мягкие и покладистые в кругу семьи, они становились властными и безжалостными, едва доводилась возможность остаться наедине с какой-нибудь юной девушкой. В прошлом ей не раз доводилось слышать подобные рассказы, да и самой сталкиваться.

Передернувшись от воспоминаний, Ольга усилием воли подавила неприятное чувство и вновь взглянула на мужчин. Удостоверившись, что не обозналась, она сместила взгляд в сторону. На одном из стульев, прикрытый курткой, виднеется краешек портфеля: черный кожаный бок, потертые металлические бляхи, средство для хранения документов, что давно вышло из моды, главная цель всего предприятия.

Выбрав момент, Ольга подхватила сумочку, встала, не торопясь, двинулась к барной стойке, проходя мимо мужчин, она загляделась на картину, и как бы случайно наткнулась на столик. Звякнули тарелки, с грохотом покотился стакан, охнув, Ольга выпустила сумочку, прикрыв рот ладонями, замерла. Пожилой мужчина вскинул глаза, на несколько мгновений их взгляды пересеклись, после чего Ольга встрепенулась, прижав руки к груди, заговорила торопливо:

— Простите, пожалуйста! Я такая неловкая, задумалась, под ноги не гляжу. Вы не испачкались? — испуганно хлопая ресницами, Ольга по очереди взглянула на мужчин.

Те переглянулись, одновременно замотали головами. Молодой воскликнул с жаром:

— Нет, нет, все в порядке.

Тот, что постарше, покосился вниз, сказал скрипуче:

— Сумочку не забудьте.

Ольга в очередной раз ахнула, повернувшись к мужчине спиной, замедленно нагнулась, не сгибая ног, и попыталась поднять потерю, но сумочка, словно живая, раз за разом выскользывала из рук. Справившись лишь с четвертой попытки, Ольга неторопливо развернулась, сказала с любезной улыбкой:

— Огромное спасибо. Если бы не вы, я бы даже не заметила.

С трудом подняв глаза от места, куда неотрывно смотрел последние несколько секунд,

мужчина прошептал враз охрипшим голосом:

— Н-не за что. Всегда рад...

Улыбнувшись на прощание, Оля неторопливо удалилась к стойке, спиной ощущая заинтересованные взгляды мужчин. Идея надеть платье с очень короткой юбкой, поначалу казавшаяся сомнительной, сыграла на пользу, Ольга ни сколько не сомневалась, куда именно был направлен взгляд мужчин, в то время пока она нагибалась. Купив какую-то мелочь, она прошла назад, кивнув мужчинам, словно старым знакомым, на этот раз в ответ улыбнулись оба. Вернувшись за столик, Ольга пересела так, что объект внимания оказался напротив. Прикрыв глаза, она придала лицу мечтательное выражение, и томно улыбнулась, ощущая на себе алчущий взор.

Сперва ничего не изменилось, мужчины сидели в прежних позах, все также негромко беседуя, лишь пожилой время от времени окидывал Ольгу оценивающим взглядом. Постепенно интонации стали громче, послышались гневные нотки, наконец тот, что помоложе, встал, воскликнул зло:

— Счет!

Из-за стойки к нему тут же метнулся один из официантов, с интересом прислушивающихся к разгорающемуся скандалу, вручил бумажную ленту. Тот мельком пробежал глазами по чеку, бросил на стол несколько мятых купюр, резким движением подхватил со спинки стула куртку, и удалился, не оглядываясь на спутника.

Ольга с замиранием сердца перевела взгляд на стул, потертый, выцветший портфель лежал на прежнем месте, с облегчением выдохнула, все шло по плану, оставалось лишь проявить немного терпения. Долго ждать не пришлось, за соседним столиком послышалась возня, донесся скрип отодвигаемого стула, а через несколько мгновений раздалось негромкое покашливание.

Словно вынырнув из глубоких размышлений, Ольга замедленно подняла голову, улыбнулась. Возле столика, нервно теребя в пальцах пластиковую ложку, замер «бухгалтер», волосы вздыбились, лицо недовольно кривится, но глаза смотрят с голодной жадностью. Увидев, что его заметили, мужчина произнес:

— Не считайте за бестактность, но... Ничего, если я составлю вам компанию?

Выдержав небольшую паузу, Ольга с радостью произнесла:

— Конечно. Я отлично помню, кому обязана находкой сумочки. — Она замолчала, словно что-то припоминая, спросила удивленно: — Но, постойте, а как же ваш друг, тот, второй мужчина? Ведь вы были вдвоем...

«Бухгалтер» отмахнулся, сказал с досадой:

— Мы немного повздорили, и он ушел. Так я присяду? — он взглянул вопросительно.

— Да, да, — Ольга завозилась, освобождая стоящий рядом стул от одежды, — я ведь уже сказала.

Лицо незнакомца озарилось улыбкой, с удивительной для своих лет резвостью, он в считанные секунды перенес от своего столика пальто, портфель, тарелочку с нетронутым салатом, и вскоре уже сидел рядом, поглядывая Ольге в декольте и масляно улыбаясь.

— Меня зовут Александр Иванович, а вас? — «бухгалтер» с ходу начал знакомство.

— Наталья, — Ольга улыбнулась.

— Очаровательное имя, — мужчина расплылся в улыбке, но, оглядев стол, нахмурился, пробормотал негромко: — Как я мог упустить из виду... — Он завертел головой, обнаружив неподалеку официанта, махнул рукой, подзывая, а когда тот подошел, открыл меню, ткнул пальцем в одно из наименований, сказал с улыбкой: — Пожалуйста, бутылочку вина.

Официант понимающе кивнул, после чего мгновенно испарился, но вскоре вернулся, держа на разносе бутылку красного вина и пару изящных бокалов на тонких ножках. Сгрузив принесенное на стол, Александр Иванович отослал официанта, после чего откупорил бутылку. Со звучным чпоком пробка подалась, над столом разом распространился терпкий аромат. Принюхиваясь, Ольга повела носом. Глядя на ее сосредоточенное лицо, мужчина улыбнулся, сказал с превосходством:

— Удивительно, что в этой забегаловке есть хоть что-то сносное. Правда, приятный запах? А уж какой вкус...

Забулькало, аромат стал ощутимо сильнее. Ольга несколько мгновений рассматривала вино на свет, покачивая бокал в пальцах, кирпично-красная прозрачная жидкость вяло колыхалась, оставляя на стекле дрожащие дорожки, сказала коротко:

— За встречу.

Они подняли бокалы, звонко чокнулись. Пригубив, Ольга отставила бокал, но перехватив удивленный взглядом компаньона, вновь взяла, не торопясь выпила, тот кивнул, тут же наполнил бокал вновь, поинтересовался:

— Нравится?

— Очень, — честно ответила Ольга. Подумав, сказала с сомнением: — Только, я не знаю, можно ли употреблять спиртное перед сауной.

Александр Иванович тут же поскущел, спросил с натянутой улыбкой:

— Сауной? Вы собираетесь в сауну? И с кем же, если не секрет?

Ольга кивнула, сказала уныло:

— Собиралась. Мы договаривались с подругами, но их нет уже полчаса, боюсь, ничего не получится.

Александр Иванович пододвинул бокал, произнес успокаивающе:

— Подождем, ведь мы никуда не торопимся, почему бы ни посидеть в приятной компании?

Когда вина осталось совсем на доньшке, Ольга ощутила, как по телу разливается приятное тепло. Мельком взглянув в зеркальце, она отметила, как заблестели глаза и покраснели щеки, пора было переходить к решительным действиям. Взмахнув рукой, и едва не опрокинув тарелку, Ольга воскликнула:

— Совсем забыла, ведь мне нужно бежать в сауну!

Опешив от такого заявления, Александр Иванович ненадолго растерялся, но тут же нашелся, спросил участливо:

— А как же подруги?

— Ну их к черту, — Ольга отмахнулась, грохнув по тарелке, и с интересом проследив за разлетевшимися остатками салата, — пойду одна.

Под ошарашенным взглядом компаньона, она начала собираться, застегивая пуговицы непослушными пальцами. В какой-то момент возле столика материализовался официант, осторожно поинтересовался:

— Уже уходите? Как желаете оплатить?

Уставившись на парня мутным взглядом, Ольга некоторое время размышляла, не устроить ли скандал, но, решив, что это будет чересчур, полезла в сумочку за деньгами.

Александр Иванович, до того сидевший в ступоре, едва не подпрыгнул, воскликнул в гневе:

— Что значит оплатить? Оплачиваю я, и тогда когда посчитаю нужным!

Официант испарился, а Ольга хихикнула, сказала с уважением:

— Здорово вы его! Я так разговаривать не умею.

Компаньон польщено кивнул, но тут же отмахнулся, сказал с небрежением:

— Шестерки. Не понимают, с кого можно требовать, а с кого... Кстати, коль уж зашла речь, я могу тебе составить компанию в сауну.

Ольга несколько секунд хлопала глазами, словно удивляясь, как такая простая мысль не пришла ей в голову, воскликнула с подъемом:

— А ведь верно! К черту подруг, если не могут прийти вовремя. — Но тут же запнулась, сказала, потупив глаза: — Только, я надеюсь, все будет в рамках приличий?

Александр Иванович аж подскочил, вскричал с величайшей обидой:

— Какие могут быть разговоры!

Он проделал это настолько естественно, что Ольга едва не поверила, но, заметив мелькнувшую в глазах страсть, и участившееся дыхание компаньона, поспешно отвернулась, скрывая улыбку.

Пока спутник расплачивался, Ольга вышла на улицу, предупредив, что ей нужно подышать, и чтобы он не торопился. Свежий воздух приятно освежил, ослабив сковавшие разум алкогольные путы. Обратив внимание, как замедлились реакции, Ольга раздраженно потрянула головой. Отвыкший за год от спиртного организм стал чересчур восприимчив, это могло негативно сказаться на результатах работы.

Мысли плавно перешли к предстоящей части задания. Оля вдруг с ужасом поняла, что не знает города настолько хорошо, чтобы не то что найти ближайшую сауну, но и вспомнить хоть одно заведение, оказывающее подобные услуги. Она завертела головой, выискивая прохожих, чтобы получить хотя бы приблизительные сведения, но, как назло, ближайшая часть улицы оказалась пустынна, лишь на противоположной стороне дороги неторопливо ковыляла старушка.

С трудом сдержав проклятие, Ольга стиснула зубы. Оставался еще небольшой шанс, пока «бухгалтер» не расплатился, уточнить информацию у официантов. Рывком развернувшись, она сделала шаг к дверям и едва успела остановиться, чтобы не столкнуться со спутником, в это момент выходящим из кафе.

— А вот и я! — он обнял девушку свободной рукой, в то время как вторая крепко прижимала портфель.

Захочет, Ольга мягко отстранилась, сказала лукаво:

— Все в рамках приличий! Мы же договорились.

— Конечно, конечно, — Александр Иванович на секунду нахмурился, но тут же улыбнулся, выставил локоть.

Взявшись за предложенную руку, Ольга патетически произнесла:

— А теперь, ведите!

Компаньон ошарашено захлопал глазами, сказал с запинкой:

— Я думал, поведешь ты. Ведь вы с подругами куда-то собирались...

Состроив недовольную гримаску, Ольга отмахнулась:

— Я не знаю. Обещали рассказать, как придут, но, сам видишь, как получилось.

На лице спутника отразилось раздумье, он несколько мгновений сосредоточенно молчал, затем, просияв, воскликнул:

— Я знаю. Пойдем.

Он устремился к дороге, замахал, одно из проезжающих мимо такси свернуло к обочине, притормозило. Ольга сбежала со ступенек, размахивая руками, чтобы не упасть, с хохотом ввалилась в салон, следом вдвинулся Александр Иванович, хлопнув дверцу, скомандовал:

— Трогай!

Ольга насилу дождалась, пока машина припаркуется возле здания сауны, ошарашенный от уединения и близости женского тела, спутник расхрабрился настолько, что облапил все, до чего смог дотянуться, от немедленного изнасилования Ольгу спас водитель, заметив, что пассажиры не спешат выходить, гаркнувший басом:

— Конечная, или еще куда поедем?

Пока пришедший в себя компаньон, путаясь в складках пальто, искал портмоне, Ольга выскользнула наружу, осмотревшись, деловито направилась в сауну. Прямо с порога Ольга двинулась к стойке. При ее приближении, парень, что до того сидел с унылым видом, вскочил, расплывшись в улыбке, поинтересовался:

— Желаете попариться? У нас великолепные сауны и прекрасное обслуживание.

Поморщившись, Ольга жестом прервала поток красноречия, сказала строго:

— Номер на минимальное количество человек. Какие у вас есть?

— У нас номера от трех человек, — с готовностью откликнулся парень. — Но если вы стеснены в средствах, можно помыться в общей, там сейчас как раз никого нет.

— Нет, это исключено. На час..., нет, на два. Номер на два часа. Надеюсь, обслуживание в норме: спиртное, закуски?.. — она взглянула требовательно.

Парень едва не поперхнулся от возмущения, сказал с гордостью:

— Конечно! У нас одна из лучших частных саун в городе.

Не слушая, Ольга покивала, сказала с нажимом:

— Сейчас сюда зайдет мой спутник. Нужно мягко подвести к тому, что бы он взял все вышеперечисленно. — Понизив голос, доверительно произнесла: — Мне бы не хотелось демонстрировать, что я в этом ориентируюсь. Вы же понимаете... о некоторых вещах лучше не распространяться.

Заслышав скрип двери, Ольга стремительно отскочила в сторону, притворившись, что рассматривает позолоченный гобелен, подмигнула парню, что с понимающей ухмылкой смотрел ей вслед. В помещении возник Александр Иванович, осмотревшись, направился к стойке.

Ольга в ожидании бродила по залу, осматривая висящие под потолком сувенирные веники и кадушки, краем уха прислушивалась к происходящей беседе. Ее спутник был явно недоволен, он хмурился, сердито сопел, и даже повышал голос, но, подбадриваемый многозначительными взглядами девушки, банщик неуклонно стоял на своем.

Закончив разговор, Александр Иванович отошел от стойки, утирая пот со лба,

пробормотал чуть слышно:

— Это разорение какое-то. Можно было и общей обойтись, уж нашли бы укромное местечко... — Заметив Ольгу, он прервался, воскликнул с подъемом: — Все в порядке! Я взял номер, и теперь никто не помешает нам насладиться купанием.

Ольга покосилась на банщика, что отвернулся, скрывая улыбку, сказала с радостью:

— Вот и хорошо. Я бы ни за что не разобралась. — Добавила тоном ниже: — Да и не пошла бы никогда. Говорят, в банях бывают зверские изнасилования.

Услышав последние слова, Александр Иванович всхрапнул, его ноздри зашевелились, сделав титаническое усилие, он растянул губы в улыбке, произнес хрипло:

— Пойдем быстрее, я уже изнемогаю, так хочу искупаться.

Подхватив Ольгу под руку, он устремился по коридору. С трудом успевая за спутником, Оля дивилась, откуда в столь дряблом теле подобная мощь, компаньон тащил ее с такой силой, что, создавалось впечатление, запнись она ненароком — не заметит, поволочет дальше, как куль с картошкой.

По лестнице поднялись на второй этаж, прошли по коридору, взглядываясь в таблички на дверях. Остановившись возле четвертого номера, Александр Иванович с силой потянул за ручку, дверь легко распахнулась, изнутри повеяло свежей древесиной и еще чем-то душистым. Ольга ощутила сильнейший прилив ностальгии, перед взором вспыхнули лица подруг, тех, с кем довелось провести в саунах, работая бок о бок не один десяток часов: Сова, Рыжая, Фиалка, челюсти сжались сами собой, а в висках заломило с такой силой, что компаньон с тревогой заглянул ей в глаза, спросил участливо:

— Тебе плохо? Что-то шибко бледная.

Натянуто улыбнувшись, Ольга прошептала:

— Сейчас пройдет. Душновато здесь.

Александр Иванович отстраненно покивал, сказал со смешком:

— Ничего, сейчас в сауну запрыгнешь, все как рукой снимет.

Отбросив некстати нахлынувшие воспоминания, Ольга сбросила сапоги, сняла куртку и прошла в короткий коридор, откуда расходились сразу три двери. По-очереди заглянув за каждую, и обнаружив уютную спальню, она решительно вошла, с ходу разделась, и в одних лишь трусиках двинулась к бассейну. Александр Иванович, что к этому времени только-только вошел в коридор, наткнувшись взглядом на девушку, вздрогнул всем телом, в его груди что-то заклокотало, а руки заметно задрожали, издав сдавленный не то стон, не то всхлип, он метнулся в спальню, на ходу расстегивая пиджак.

От входной двери донесся приглушенный стук. Помедлив, сауна манила бассейном с кристально чистой водой, Ольга вышла в прихожую, отщелкнула замок. За отворившейся дверью возник улыбчивый банщик с разносом в руках, никак не отреагировав на обнаженное тело, судя по всему, подобное ему приходилось видеть довольно часто, парень подмигнул Ольге, протянув разнос, сказал негромко:

— Сделал все, как и было уговорено, за одним исключением.

Забрав разнос, Ольга нахмурилась, спросила чуть слышно:

— Что именно?

— Час, — банщик беспомощно развел руками, словно оправдываясь, — ваш спутник согласился оплатить трехместный номер, но только на час.

— Хорошо.

Защелкнув дверь на замок, Ольга вернулась в спальню, неся разнос на вытянутых руках.

Из комнаты с бассейном уже доносился плеск и довольное фырканье. Покосившись на разлетающиеся во все стороны брызги, Ольга скользнула в спальню, притворив за собой дверь, переложив принесенные закуски, вино и фужеры на стол. Прислушавшись, из бассейна по-прежнему доносился плеск воды, она извлекла из сумочки небольшой, наполненный прозрачной жидкостью пузырек, с величайшей осторожностью отвинтила крышечку и выплеснула половину содержимого в один из бокалов, после чего с прежней осторожностью спрятала пузырек обратно, а бокал наполнила вином.

Взяв чистый бокал, Ольга плеснула вина и неторопливо вышла из комнаты. Бассейн манил прозрачной толщей, и даже плещущийся, словно пес, «бухгалтер», не сильно портил впечатление, соскучившееся по полноценному купанию, тело непреодолимо влекло к водной глади. Поставив бокал на краешек бортика, Ольга скользнула в воду, легла на спину, проникаясь блаженным ощущением.

Рядом взбулькнуло, царапнуло щетиной, над ухом раздалось жаркое:

— На этом предлагаю считать водные процедуры законченными, и перейти к следующей стадии...

Выходить не хотелось, но времени оставалось не много. В несколько гребков Ольга достигла края, оперевшись руками в бортик, одним движением вытолкнула тело из воды, подхватив бокал, неторопливо двинулась к выходу. Позади громко зашлепало, словно по пятам неся мокрый медведь, ее подхватило, поволокло.

Они ворвались в спальню, на пару устремились к кровати, но, не доходя шага, Ольга резко остановилась, сказала капризно:

— Подожди. Я хочу вина.

Вместо ответа компаньон зарычал, подхватив девушку за талию, потащил в кровать. Загремел сбитый столик, жалобно звякнули тарелочки, с тихим звоном опрокинулся бокал. Застывшим взглядом Ольга смотрела на растекающуюся красную лужицу.

Сверху навалилось тяжелое, взревело утробно. Ольга ощутила, как низ живота наливается жаром. Разум призывал сосредоточиться, раз за разом пускался на поиски вариантов решения, но тело властно требовало удовлетворения, и мысли отступили, рассеялись во все сметающем натиске животной страсти. Закрыв глаза, чтобы не видеть заполнившее собой все видимое пространство пыхтящее существо с бледной кожей и дряблым телом, Ольга зарычала, рванулась навстречу, отдавшись захлестнувшему потоку безумных чувств.

Истосковавшееся по ласке тело откликнулось мгновенно, отозвалось сладкой истомой, что, усиливаясь с каждым мгновением, закручивалась тугими вихрями, вытесняя все прочие ощущения, казалось. Перед глазами закружились цветные пятна, в ушах с каждым мгновением нарастал гул, когда, наконец, настал желанный миг, на мгновение ослепнув и оглохнув, Ольга изогнулась всем телом, закричала, выплескивая скопившееся за последние месяцы напряжение.

Гул в ушах стих, к глазам вернулось зрение, в сером мареве протаяло испуганное лицо партнера, вздыбленные волосы, отвисшая челюсть, распахнутые в испуге глаза, несколько мгновений он сдавленно хрипел, затем, собравшись с силами, потрясенно прошептал:

— Никогда не думал, что женщины умеют так...

— Бурно? — Ольга бледно улыбнулась, из тела словно ушли все силы. — Если тебе понравилось, мы можем продолжить. Ведь это было лишь начало.

— Начало!?!.. — Александр Иванович открыл и закрыл рот, не в силах продолжить.

— Конечно, — Ольга нежно коснулась щеки, провела пальцами, чувствуя острые пеньки щетинок, освобожденный от гормональной перегрузки мозг заработал четко, мгновенно составив и утвердив план действий. Лукаво улыбнувшись, она произнесла: — Только мне нужно ненадолго встать. Ведь ты позволишь, мой господин?

Давящая тяжесть исчезла, Оля легко поднялась, мягко, но настойчиво пресекла попытку партнера встать следом, прошла по комнате, ощущая, как в тело возвращаются силы. Сглатывая, Александр Иванович жадно следил за ее движениями, не выдержав, прошептал со страстью:

— Когда же мы продолжим?

Ольга подошла ближе, сказала с нежностью:

— Очень, очень скоро. Но я немного стесняюсь, не мог бы ты не подглядывать?

— Конечно! — мужчина с готовностью зажмурился и закрыл лицо руками.

Ольга расхохоталась, произнесла насмешливо:

— Ну уж нет, так дело не пойдет, ты наверняка будешь подглядывать. Перевернись на живот.

Под ворочающимся телом заскрипела кровать. Уткнувшись в подушку лицом, Александр Иванович задушено поинтересовался:

— Так хорошо?

— Отлично!

Не спуская взгляда с мужчины, Ольга выхватила из сумочки пузырек, крадучись приблизилась к столику, и вылила остатки жидкости в бутылку с вином. Поболтав вино, она подошла к кровати. Ощувив терпкий запах, ноздри партнера затрепетали, он громко

сглотнул. Холодно улыбнувшись, Ольга поднесла бутылку к лицу мужчины, провела по щеке, его губы тут же вытянулись, обхватили горлышко, глотка заходила ходуном, послышалось приглушенное бульканье.

Утолив жажду, он страстно прошептал:

— Ты скоро?

— Сейчас, — Ольга отложила пустую бутылку, вышла из комнаты.

Вдоволь накупавшись в бассейне, она вернулась, уже из коридора заслышав могучий храп. Проверяя, она несколько раз легонько ткнула мужчину, но тот лишь пробурчал нечто невнятное, захрапел еще громче.

Ольга метнулась к портфелю, раскрыв, перевернула, на пол звучно шлепнулись несколько папок с бумагами: толстый картон, золоченое тиснение, стягивающие края листов шелковые ленты. Ольга распустила ленточки, мельком просмотрела первые листы — не то, открыла вторую папку, несколько мгновений сосредоточенно вглядывалась, после чего отложила, третья папка последовала за предыдущими, зато четвертая оказалась именно тем, что нужно. Открыв сумочку, Оля извлекла плоскую коробочку фотоаппарата, вспомнив, как учил Геннадий Леонидович, настроила и принялась фотографировать бумаги.

Спина занемела, а палец устал нажимать кнопку, когда странички, наконец, закончились. Держась за поясницу, Ольга со стоном разогнулась, прошлась по комнате, разминая ноги. Взгляд упал на настенные часы. Чертыхнувшись, Ольга бросилась собирать бумаги, если часы не вращались, то оплаченное время закончилось десять минут назад.

Донесся негромкий стук в дверь. Досадуя на себя за медлительность, Ольга метнулась в прихожую, отперев, распахнула дверь. На пороге, вежливо улыбаясь, возник банщик. Не дав ему раскрыть рот, Ольга торопливо произнесла:

— Знаю, знаю, время закончилось, мы уже собираемся, и вот — вот освободим номер.

Захлопнув дверь перед носом обалдевшего парня, она бросилась обратно. Папки заняли прежнее место в портфеле, остатки вина Ольга вылила в бассейн, а бутылку и бокалы тщательно протерла платочком, после чего, быстрым шагом покинула комнатку. Она уже взялась за ручку двери, когда взгляд наткнулся на висящее, на крючке, возле входа, пальто. Мгновение поразмыслив, Ольга протянула руку к пальто, где, во внутреннем кармане, оттопыривая ткань, покоилось пухлое портмоне, не глядя вытащила несколько купюр.

Спустившись по лестнице, Ольга подошла к банщику, что, при виде ее, поднялся навстречу, сказала извиняющимся тоном:

— Порой, общение настолько затягивает, что перестаешь замечать время.

Парень развел руками, сказал с понимающей улыбкой:

— Конечно, конечно. Я все понимаю, ничего страшного.

Ольга покачала головой, произнесла с улыбкой:

— Нет, нет. Вы неправильно поняли. Мы с моим другом посоветовались, и решили немного продлить время. Сколько будет стоять еще час?

— Только сегодня, и специально для вас, мы сделаем скидку, — улыбнувшись, банщик назвал сумму.

Расплатившись, взятой из портмоне суммы как раз хватило, Ольга произнесла доверительным тоном:

— Мне нужно ненадолго отойти. Если мой приятель вдруг соскучится, пожалуйста, займите его чем-нибудь, — провожаемая задумчивым взглядом банщика, она пересекла комнату и покинула сауну.

Побродив по городу, Ольга вышла к условленному месту. Не прошло и пары минут, как к тротуару мягко подкатила уже знакомая машина, и, как обычно, сразу же отъехала, едва за девушкой захлопнулась дверца. Откинувшись на спинку кресла, Ольга расстегнула сумочку, порывшись, достала фотоаппарат и пузырек, протянула водителю.

Геннадий Леонидович сложил вещи в бардачок, сказал с усмешкой:

— Ну, отчитывайся.

Шеф внимал сказанному молча, лишь пару раз скупо улыбнулся. Дослушав, он сказал ободряюще:

— Что ж, поздравляю с боевым крещением. Задание ты выполнила блестяще, теперь можешь отдыхать... некоторое время. Как понадобится, позвоню.

Заметив автобусную остановку, шеф сдал направо, не доезжая десятков метров, остановился. Ольга отстегнула ремень безопасности и уже взялась за ручку, но порывисто обернулась. Спутник повернул голову, взглянул вопросительно. Помявшись, Оля произнесла:

— Геннадий Леонидович, возможно, вопрос немного несвоевременный, но, хотелось бы знать, какого рода задания мне предстоят. — Видя, что шеф нахмурился, она торопливо добавила: — Не зря же говорят, — «кто предупрежден — тот вооружен», зная больше о предстоящем деле, я смогу лучше подготовиться.

Шеф пожевал губами, сказал задумчиво:

— Я не могу тебе ничего сказать уже по той простой причине, что это секретная информация, но даже будь у тебя высокий уровень допуска, ситуация бы не намного прояснилась. — Видя, как вытянулось лицо собеседницы, он усмехнулся, добавил поддразнивая: — Не зря же говорят, — «знал бы, где упаду — соломки бы постелил».

Скрывая разочарование, Ольга отстраненно произнесла:

— Исключительно для пользы дела.

— Более не задерживаю, — шеф вновь стал серьезен. — Из дельных советов могу дать лишь один — поддерживай форму на должном уровне и не забывай стрелять. Может пригодиться.

Машина унеслась, выбросив из-под колес веер мокрой грязи, а Ольга неспешно пошла вдоль дороги, задумчиво глядя в пасмурное весеннее небо.

* * *

Дернувшись в последний раз, пистолет замер. Отложив оружие на стоящий тут же столик, Ольга помассировала запястья, осматриваясь, замедленно повела головой. По обе стороны, застыли в напряженных позах мужчины: сосредоточенные лица, взгляды прищуренных глаз прикипели к дальней стене, где, намеченные бледными силуэтами, виднеются далекие мишени, то там, то здесь ярко вспыхивает, до слуха доносятся приглушенные наушниками хлопки выстрелов.

Плеча мягко коснулись, обернувшись, Ольга обнаружила стоящего за спиной невысокого мужчину, посмотрела вопросительно, тот улыбнулся, спрашивая взглядом разрешения, указал на столик. Спohватившись, Оля поспешно отошла в сторону. Поблагодарив кивком, мужчина занял место, резко вскинул руку с оружием, засверкало, послышались частые хлопки.

Ольга вышла из помещения для стрельбы, захлопнула за собой тяжелую металлическую

дверь, и лишь после этого сняла наушники, освобожденный, слух тут же наполнился множеством звуков: тихие хлопки выстрелов, далекий шум машин, доносящиеся из буфета приглушенные голоса.

Тряхнув головой, так что волосы потоком рассыпались по плечам, Ольга двинулась в сторону буфета, с удовольствием вслушиваясь в многочисленные шумы, она терпеть не могла наушники, когда, казалось, мир стремительно суживался, исчезая за толстыми звуконепроницаемыми стенами, в этот момент ей становилось некомфортно, хотелось обернуться, проверяя, не притаилась ли позади опасность. В эти моменты особенно ярко вспоминалась фраза инструктора по скрытному передвижению, что частенько говаривал: — «Если вам кажется, что что-то не так, остановитесь, прислушайтесь, глаза могут обмануть — уши нет».

Остановившись на пороге, Ольга обвела взглядом помещение. В буфете скопилось как никогда много народу, по всей видимости, сказались майские праздники, когда люди, дурея от свалившегося на голову трехдневного безделья, вспоминали о забытых увлечениях, шли в спортзалы, и, конечно, единственный в городе огнестрельный полигон под крышей не остался без внимания. Заметив у окошка свободный столик, она быстро прошла через зал, повесила на спинку стула сумочку, тем самым застолбив место, и уже спокойно, не торопясь, двинулась к стойке, где, блестя разносами и негромко позвякивая тарелками, неторопливо змеилась живая очередь.

Вернувшись, Ольга сгрузила тарелки на стол, приняхиваясь к ароматам пищи, потянула носом. Желудок предвкушающе заурчал, а челюсти свело голодной судорогой, последний раз довелось нормально поесть почти сутки назад, вернувшись поздно вечером с затяжного заседания, где Валериан Петрович зачитывал доклад, она, едва раздевшись, упала спать, а пара бутербродов, перехваченных с утра, перед походом на тренировку, были не в счет.

— Девушка, ничего, если я присяду?

Ольга повернула голову, возле стола, вожденно присматриваясь к свободному месту, замер парень. Она улыбнулась, сказала с подъемом:

— Конечно.

Парень благодарно кивнул, принялся сгружать тарелки. Не обращая более на присоседившегося внимания, Ольга приступила к трапезе. Тарелка супа первая привлекла взгляд, вооружившись ложкой, Ольга зачерпнула горячей жидкости, дунув, опрокинула в рот, замычав от удовольствия, тут же замахнула следующую, затем еще и еще.

Когда первое чувство голода улеглось, и вернулась способность рассуждать трезво, Ольга с удивлением отметила отличное качество местной кухни, учитывая сравнительно невысокую цену блюд и умеренную дальность расположения, «тир», как окрестила Ольга про себя полигон, засверкал новыми красками, возможность неплохо подкрепиться в довесок к качественной тренировке представлялась отличным времяпрепровождением.

Похоже, пища пришлась по душе не ей одной, сосед, что все это время молча поглощал блюда, оторвался от тарелки, сказал с набитым ртом:

— Удивительно вкусно. С тех пор, как развелся, редко удается так хорошо пообедать.

Ольга повернула голову, насмешливо поинтересовалась:

— А самому готовить принципы не позволяют?

Довольный, что беседу поддержали, парень отодвинул тарелку, с улыбкой объяснил:

— Принципы позволяют, не позволяет время. У меня свой небольшой бизнес, и, как генеральному директору, бухгалтеру и сметчику в одном лице приходится много работать.

Порой, приходится ночевать на работе, а едва захожу домой — валюсь с ног.

Ольга кивнула, сказала в тон:

— Похожая ситуация.

Не желая прерывать разговор, парень живо поинтересовался:

— Простите за любопытство, не могу удержаться от вопроса, каким ветром сюда занесло столь симпатичную девушку?

Улыбнувшись краешками губ, Ольга произнесла:

— Полагаю, тем же, что и вас.

— Вы стреляете? — на лице собеседника отразилось немалое удивление.

— Приходится, — Ольга кивнула.

В глазах парня промелькнуло любопытство, когда он осторожно поинтересовался:

— Боюсь нарваться на грубость, но неужели не нашлось более... — он помялся, подыскивая уместное слово, — более женственного развлечения?

Ольга пожала плечами, сказала отстраненно:

— Специфика работы. Совмещаю приятное с полезным.

— Невероятно, — собеседник отложил вилку, взглянул с восторгом, — одна новость интереснее другой. Не удивлюсь, если окажется, что вы работаете тайным агентом, а в свободное время, в качестве хобби, спасаете мир.

За соседним столиком раздался взрыв хохота, послышался хриплый голос:

— Вот и я говорю: баба с пистолетом страшнее, чем обезьяна с гранатой.

Ольга чуть повернула голову, прислушавшись к беседе, сказала с улыбкой:

— Вот видите, даже если допустить, что меня с грехом пополам взяли тайным агентом, то для спасения мира моих способностей явно недостаточно.

Парень всплеснул руками, сказал с возмущением:

— Полная ерунда. Им просто не встречались женщины умеющие обращаться с оружием.

— Это кому не встречались? — донеслось презрительное.

— Вам, — парень прямо взглянул в глаза вопрошающему.

— Небось, тебе встречались, раз такой решительный? — мужчина хохотнул, обвел взглядом приятелей, те обидно засмеялись.

Люди за соседними столиками начали оборачиваться, с интересом прислушиваться к беседе. Ольга заметила, как сосед нахмурился, его брови сошлись в единую линию, а желваки вздулись. Предваряя готовую вспыхнуть ссору, Ольга произнесла в полголоса:

— Оставьте. Зачем вам это?

С трудом сдерживая гнев, парень сдавленно произнес:

— Они оскорбляют женщин, я не потерплю, чтобы в моем присутствии...

Нахмурившись, Ольга быстро произнесла:

— Надеюсь, вы подсели ко мне не для того, чтобы спровоцировать драку?

Поперхнувшись, парень несколько мгновений молчал, затем как-то сразу сник, сказал еле слышно:

— Простите. Я не подумал... — он уронил взгляд в тарелку.

Ольга смотрела, как он стискивает кулаки, и одновременно прислушивалась к доносящимся от соседнего стола насмешливым фразам, а в мыслях между тем зрела сумасбродная идея. Оля сперва отмахивалась, но глядя на лицо спутника, что пошло пятнами, и слыша раздающиеся позади все более едкие издевки, разом решилась. Повернувшись к веселой компании, Ольга с улыбкой произнесла:

— Если меня не обманывает слух, за этим столиком собрались ценители огнестрельного оружия и мастера точной стрельбы.

Разговоры враз прекратились, мужчины воззрились на нее с недоумением, затем один из них растянул губы в улыбке, спросил саркастически:

— А тебе какое дело, красotka?

Одарив его презрительным взглядом, Ольга ответила в тон:

— Давно хочу проверить теорию, да все руки не доходят.

Мужик развел руками, сказал, обращаясь к своим:

— Чувствую, нам предстоит развлечение. — Подняв глаза на Ольгу, добавил: — Я весь во внимании.

Ощущая легкий трепет, Ольга произнесла с еще большим холодом:

— Говорят, мужчины отвратительно стреляют, а все их достижения лишь разговоры за чашкой пива.

В столовой настала мертвая тишина, все головы разом повернулись в ее сторону: черноволосые, блондины и шатены — множество мужчин и ни одной женщины. Собеседник

несколько мгновений тараторил на Ольгу, глупо улыбаясь, наконец, слотнул, спросил негромко:

— Прости, тут слишком шумно, мне послышалось, или?..

Что-то произошло, страх исчез, уступив место холодной злости. Обведя взглядом компанию, Ольга отстраненно произнесла:

— На протяжении десяти минут я слышала с вашей стороны неоднократные оскорбления в адрес женщин. Готов кто-то подтвердить слова делом, или кроме как чесать языком яйца вы ни на что не способны?

Сидящие за соседними столиками заулыбались, подхваченная, шутка унеслась в дальний конец столовой, вернулась с волной смешков. Краем зрения Ольга перехватила взгляд, сосед, что до этого молча сжимал челюсти, теперь оторопело уставился на нее, в его глазах Ольга прочла восхищение.

С грохотом отодвинулся стул, один из мужчин, здоровенный бугай, вскочил, вскричал в гневе:

— Ты че, курва, за языком следишь вообще?

Ольга перевела взгляд на мужика, сказала с отвращением:

— Как я и предполагала, дальше разговоров дело не двинется.

— Стоп, стоп, стоп! — мужчина, что первым начал разговор, схватил приятеля за руку, потянул, усаживая. — Я так понимаю, девушка хочет предложить соревнования?

— Удивительная проницательность, — Ольга смерила собеседника снисходительным взглядом. — Хотя, конечно, если вы вдруг передумали, или немного приукрасили, бахвалясь друг перед другом, можете просто извиниться, этого будет достаточно.

— Да она охренела! — бугай дернулся, попытавшись вырваться из рук приятеля, но тот держал крепко.

Один из компании, молчавший до того, сказал сурово:

— Девушка, по-моему, вы перегибаете.

— Не многим больше, чем вы ранее, — отрезала Ольга. Она нетерпеливо передернула плечами, сказала недовольно: — У меня мало времени, чтобы вести бессмысленные беседы. Как я понимаю, можно уходить, поскольку слух, о котором я говорила выше, полностью подтвердился?

— Да чего ей надо, я не понял?! — не унимался здоровяк.

— Саня, погоди, — сдержанный мужчина положил руку на плечо бугаю. — Нам предлагают ответить за базар. В общем, все правильно, только интонации мне не нравятся.

Поморщившись, Ольга произнесла:

— Вас никто не тянул за язык. Впрочем, вижу, никто не торопится отвечать за слова. В таком случае...

Тот, что завел беседу первым, вскинул руку, сказал примирительно:

— Подожди. Нам не сложно показать класс, но что это даст? Ведь нужно сравнение, а женщин, — он обвел зал взглядом, — здесь практически нет. Или?.. — он не договорил, взглянул вопросительно.

Ольга вздернула голову, и хотя вовсе не испытывала уверенности, сказала гордо:

— Насколько я помню, речь шла о «всех» женщинах, так что хватит и меня одной.

— Да че за гнилой базар, объясните? — вновь возник здоровяк, поглядывая то на товарищей, то на Ольгу.

Ольга обвела взглядом притихшую компанию, добавила жестко:

— И еще, время — деньги, поэтому проигравший выплачивает... — она на мгновение задумалась, вспоминая оставшуюся в сумочке сумму — двести... нет, пятьсот долларов!

По столовой вновь пронеслась волна шепотков, но уже с уважительными интонациями. Сидящие за столиком мужчины оторопело переглянулись, один из них взглянул на Ольгу, сказал извиняющимся тоном:

— Нам нужно это обсудить, вы не против?

— Конечно, — Ольга кивнула, — жду вашего решения возле полигона. Постарайтесь не затягивать, — отвернувшись, она с независимым видом собрала грязные тарелки на разнос, и, с гордо выпрямленной спиной, двинулась к окошечку забора посуды, провожаемая заинтересованными взорами случайных свидетелей беседы.

Едва за спиной захлопнулась дверь буфета, Ольга выдохнула, только сейчас ощутив, как от сдерживаемого напряжения свело плечи, а живот словно превратился в камень, пытаясь расслабиться, она неторопливо зашагала в сторону полигона. Бравата куда-то разом испарилась, и ранее видевшаяся неплохой идея, теперь казалась верхом безрассудства.

Конечно, постоянные тренировки в лагере оставили след, сделав руку тверже, а глаз точнее, но к концу обучения многие стреляли хорошо, и Ольга выходила в отрыв с совсем небольшим преимуществом. Скорее всего, это обычные ребята, что, ради развлечения, пришли потренироваться на огнестреле, но вполне могло оказаться, что среди прочих любителей попадет какой-нибудь бывший спортсмен-перворазрядник или просто увлеченный стрельбой, что в привычных условиях тира составит серьезную конкуренцию, а то и вовсе даст фору.

Представив, что большую часть выданной на прошлой неделе зарплаты придется отдать неизвестно кому, Ольга нахмурилась, мысли заметались в отчаянных попытках придумать выход. Она целиком погрузилась в размышления, когда послышались шаги, и почти сразу раздался возбужденный голос:

— Потрясающе! Впервые встречаю настолько смелую девушку.

Ольга повернулась на звук, со стороны буфета, быстро приближаясь, шел парень, с которого все началось. Она покачала головой, сказала с досадой:

— Ничего смелого. Сплошная глупость.

Парень расплылся в улыбке, сказал с подъемом:

— Смелость. Точно смелость. Как их перекосило, когда ты сказала, что за базар надо отвечать — любо дорого.

Ольга усмехнулась, сказала невесело:

— Тебе развлечение, а мне, если что, месяц без денег сидеть.

Тот покачал головой, произнес с уверенностью:

— Не сомневаюсь, что ты их сделаешь. Ведь не может же быть такая... такая — он замялся, подыскивая слово.

— Борзость? — Ольга улыбнулась кончиками губ.

— Уверенность, — нашелся собеседник. — Не может же быть такая уверенность беспочвенной.

Ольга закусила губу, произнесла недовольно:

— Не беспочвенна, но и противника недооценивать нельзя. А их уровень я даже близко не представляю.

Парень пожал плечами, сказал бодро:

— Как говорить, не уверен в собственных силах — заставь играть противника по

своим правилам.

Ольга задумалась. Одна за другой в памяти всплыли тренировки, где приходилось стрелять в разных условиях, из самых разнообразных положений. Тяжелее всего приходилось, когда требовалось попасть в условного противника в ситуации имитирующей обстрел: небольшое укрепление в качестве защиты, необходимо выглянуть, увидеть цель, и успеть выстрелить, на все про все одна — две секунды. Многие так и не достигли больших успехов, не успевая полноценно использовать отведенные мгновения.

Воспоминание исчезло, а мысль, получив толчок, пошла в новом направлении. Застыв в почтительном молчании, собеседник увидел, как Ольга тряхнула головой, затем ее губы растянулись в улыбке, она с подъемом произнесла:

— Отлично. Ты мне очень помог, — после чего быстро чмокнула его в щеку, прищурилась, всматриваясь куда-то за спину.

Он развернулся. От буфета к ним неторопливо приближается уже знакомая группа мужчин, челюсти выдвинуты вперед, в глазах насмешка, выступают уверенно, взгляды пронзают коридор, словно не замечая стоящую на пути парочку. Следом, один за другим, выходят прочие посетители, словно бы невзначай двигаются следом, но на лицах предвкушение, с заинтересованностью осматривают участников предстоящей дуэли.

Компания остановилась в паре шагов, шедший первым, невысокий мужчина с усталым лицом, кисло улыбнулся, сказал осторожно:

— Мы принимаем твои условия, но, перед началом соревнований, неплохо бы убедиться, что у каждого из участников есть деньги...

Не дослушав, Ольга одним движением вытащила из сумочки кошелек, расстегнув, вытащила пачку купюр, демонстративно помахала, поинтересовалась коротко:

— Что у вас?

Мужчина кивнул, достал из кармана пачку мятых банкнот, показал мельком. Ольга развернулась, двинулась к полигону. Ее обогнали, по-очереди втиснулись в проем. Когда Ольга отворила тяжелую дверь зала стрельб, внутри было тихо, мужчины расположились рядом с инструктором, что-то горячо обсуждая, тот слушал сперва хмуро, затем на его лице промелькнула заинтересованность, он покосился на Ольгу, что-то коротко ответил.

Остановившись возле стены, Оля наблюдала, как инструктор подходил к каждому из стрелков, что готовились у столиков, что-то негромко говорил, после чего те начинали с интересом вертеть головами, откладывали оружие и отходили с огневого рубежа. Когда все стрелки отошли, инструктор сделал привлекающий внимание жест, сказал громко:

— Участники состязания, будьте добры, подойдите.

Возле стены столпилось множество людей, большую часть которых она уже видела в буфете, мужчины улыбались, подмигивали, некоторые презрительно морщились, но симпатии большинства были явно на ее стороне, на группу скандалистов косились неодобрительно, и, ощутив поддержку, Оля двинулась к огороженной толстыми стеклянными пластинами будочке инструктора.

Дождавшись Ольгу, инструктор произнес будничным тоном:

— Итак, мы устраиваем небольшое состязание. Первый участник, эта милая девушка, а второй... — он посмотрел в сторону, где, на стульчике, развалился статный парень, лениво поигрывающий пистолетом, — очень хорошо. По условиям оба участника ставят некоторую сумму, победивший получает все, за исключением небольшого процента, что я удерживаю за услуги. Все верно?

Окружающие закивали. Кто-то воскликнул:

— А кто будет держать деньги?

— Деньги будут у меня, — инструктор кивнул на столик, — кладите взнос, я пересчитаю.

Пока пересчитывали деньги, Оля оглянулась, компаньон по столовой, а теперь яркий болельщик, радостно помахал ей рукой. Улыбнувшись, Ольга повернулась вполборота, искоса взглянула в сторону предстоящего соперника, тот как раз снисходительно объяснял приятелю с напряженным лицом.

— Не бойся, я брал второе место на чемпионате области...

Отвлекшись, Ольга не расслышала дальнейших слов, а спустя мгновение, вновь раздался голос инструктора.

— Все в порядке, суммы внесены. Теперь осталось обговорить условия.

— Что обговаривать? — соперник оторвался от стула, подошел к столику. — Все как обычно, стандартная дистанция, полная обойма: стреляем — сравниваем. Чего мудрить?

Глубоко вздохнув, Ольга произнесла, стараясь, чтобы прозвучало как можно язвительнее:

— Из неподвижного положения, по неподвижным мишеням? И это нынче называют стрельбой?

На лице соперника отразилось недоумение, на мгновение растеряв высокомерный вид, он сказал удивленно:

— Тебя что не устраивает?

Ощувив вдохновение, Ольга рассмеялась, сказала сухо:

— Ты бы еще предложил куличики вылепить, а потом в них камушком покидать. — Со стороны болельщиков послышался одобрительный смех, кто-то зааплодировал. Ободренная, Ольга продолжила с нажимом: — Нет, конечно, если что-то другое для тебя чересчур сложно, то я не буду настаивать...

Она выжидательно взглянула на противника, и тот не выдержал, взорвался:

— Сложно для меня? Да что угодно! Предлагай, твой выбор.

На него зашикали, предостерегая, но момент был упущен, и Ольга быстро произнесла:

— Пять мишеней с двадцати метров, на каждую по патрону. Ограничение времени — пять секунд.

Инструктор несколько мгновений смотрел на Ольгу, затем перевел взгляд на второго участника, тот кивнул, после чего инструктор протянул руку в кабинку, чем-то щелкнул, взял несколько чистых листочков и пошел к огневому рубежу. С противоположной стороны, по стальным направляющим, ему навстречу двигались держатели. Заменяв испорченные мишени на новые, инструктор вернулся, вновь щелкнул, подождав, когда мишени отодвинулись на нужное расстояние, выключил, сказал, обращаясь к соревнующимся:

— Что ж, выбирайте кто первый.

Помявшись, парень произнес, глядя на Ольгу:

— Я немного не понял, пять секунд на что?

Ольга насмешливо приподняла верхнюю губу, сказала вкрадчиво:

— Не понял? Это же так просто: поднять пистолет, пять раз выстрелить, опустить.

Вновь послышались смешки. Взбешенный, соперник схватил пистолет и устремился к рубежу. Ольга с удовлетворением наблюдала за противником, что, несмотря на раздражение, сразу встал в стойку: спина прямая, голова слегка опущена, глаза прикипели к мишеням, но

пистолет в руке чуть подрагивает, выдавая сдерживаемую ярость. Соперника удалось вывести из равновесия, а это половина победы, осталось лишь не осрамиться самой.

— Готовность десять секунд. Девять, восемь, сем...

На слове «старт», парень вскинул пистолет, раздались один за другим пять выстрелов. Отложив оружие, он тряхнул головой, и гордо вернулся обратно, не удостоив взглядом Ольгу. Пока меняли мишени, а в толпе болельщиков шло активное обсуждение результата, Оля потратила драгоценные мгновения, чтобы успокоиться и подготовить тело к мгновенному напряжению, и когда настало время стрелять, она взяла пистолет, приблизилась к рубежу, и при слове «старт» хладнокровно всадила пули, одну за другой, в далекие квадратики мишеней.

Она еще не успела выйти из состояния отрешенности, по этому прозвучавшие слова — «со счетом тридцать один — двадцать восемь победила девушка», не вызвали эмоций, и лишь минутой спустя, когда тело вернулось к обычному состоянию, нахлынула радость.

Принимая поздравления и получая призовые деньги, она искоса поглядывала на группку мужчин, чьи озлобленные лица не вписывались во всеобщую атмосферу радостного подъема, один за другим они молча выходили из зала, бросая на Ольгу полные злобы взгляды. Чуть позже, когда толпа зрителей разошлась, Оля неспешно вышла в коридор, остановилась в раздумии. Взгляд выхватил какое-то движение, резко повернувшись, Ольга успела увидеть мелькнувшую у поворота фигуру. Человек исчез быстро, но лицо показалось знакомым.

Ольга неспешно прошла вдоль коридора, но вместо того, чтобы свернуть к выходу, пошла дальше, к двери с блестящей табличкой «Ж». Зайдя в туалет, она мельком огляделась, убедившись, что никого нет, подошла к дальней стене, где, под потолком, проникая через узкие окна, виднелись кусочки неба, подпрыгнув, зацепилась за подоконник, подтянулась. Заклеенные на зиму окна подались с трудом, едва не обломав ногти, Ольга отворила жалобно скрипнувшие рамы, ужом протиснулась в щель, и, повиснув на руках, мягко спрыгнула наружу.

Она обошла здание полигона по широкой дуге, когда за деревьями показалось крыльцо, бросила заинтересованный взгляд, и губы сами собой растянулись в улыбке. Возле входа поджидала уже знакомая компания, двое караулили дверь, а трое стояли в сторонке, скрывшись за колоннами крыльца. Ольга свернула на прилегающую улочку, мыслями уже пребывая в ближайшем супермаркете. В сумочке, поднимая настроение, и заставляя сильнее прижимать драгоценную ношу, лежала круглая сумма.

Старенький шкафчик, служивший удобным хранилищем для одежды, перестал вмещать расширившийся за последние месяцы ассортимент, и был задвинут в дальний угол, сменившись роскошным, под потолок, гардеробным шкафом. Замучившись перекладывать лежащие повсюду кофточки, чулочки и платья, Ольга, наконец, не выдержала, и, выбрав свободное время, полдня потратила на обход мебельных магазинов. Выбор осложнялся особенностью архитектуры пристройки, низкий потолок, лишь немногим возвышающийся над головой, не позволял вместить подавляющую часть мебели, а спиливать часть шкафа, в угоду сугубо утилитарным целям, Ольге не позволяло чувство эстетики.

Промучившись почти весь день, Оля остановилась на одном из вариантов. Оформив заказ, она еще некоторое время гуляла по улице, отдыхая от утомительной гонки по магазинам, а едва вернувшись домой, застала подъезжающую к воротам фуру. Под бдительным оком Ирины Алексеевны, вышедшей на шум из дома, рабочие быстро занесли мебель, сунули расписаться накладную, после чего исчезли.

Остаток вечера и часть ночи Ольга провела, собирая шкаф. Ближе к ночи, заглянул Валериан Петрович, осмотрев лежащие посреди комнаты доски, он покачал головой, и, не говоря ни слова, вышел, а спустя четверть часа вернулся, удерживая в руках блестящий металлический ящик. Опустив ящик у стены, он произнес:

— Это тебе инструменты, иначе не соберешь. Сам бы с удовольствием повозился, да Иринка уборку затеяла, помощи требует.

Поначалу, Ольга не придавала особого значения словам хозяина, но едва приступила к сборке, помянула его добрым словом. Уже для сборки основного каркаса потребовалось четыре отвертки, а когда пришла пора вставлять распорки, в поисках подходящего инструмента пришлось перетряхнуть весь ящик. Когда конструкция была почти готова, Оля с ужасом убедилась, что шкаф невозможно поднять, не проломив потолок, либо не сломав одну из граней. Пришлось вновь разбирать, и собирать уже в вертикальном положении.

Ольга улыбнулась воспоминаниям, в ту ночь она прокляла изготовителей мебели, умудрившихся напичкать всевозможными ухищрениями изначально простую конструкцию настолько, что приходилось по несколько минут вертеть детали в руках, чтобы только догадаться, для чего они предназначены, а прикрутив, обнаруживать, что какой-то элемент упущен, или поставлен не так, но теперь, глядя на изящные элементы отделки, она находила обновку весьма и весьма привлекательной, приобретение настолько радовало глаз, что, казалось, преобразилась вся комната, разом став намного уютнее.

Раздавшаяся трель звонка отвлекла внимание. Оторвавшись от созерцания, Ольга взяла мобильник, мельком глянув на дисплей, где высветилось имя хозяина, произнесла приветливо:

— Доброе утро, Валериан Петрович.

Из динамика донесся треск, затем гневный вопль, после чего раздалось недовольное:

— Чертов кот!.. Да, да, доброе. Через полчаса поездка, но можем выехать и раньше, так что собирайся. Иван за воротами.

Улыбнувшись, Ольга отложила мобильник, хозяин почему-то невзлюбил кота, а тот не упустил случая ответить взаимностью, и она частенько становилась свидетелем забавных стычек, когда Валериан Петрович, вооружившись тапком, с проклятиями носился по всему

дому, угрожая «убить паршивое животное», а кот, вздыбив шерсть и злобно урча, улепетывал гигантскими прыжками, держась подальше от углов и иных мест, не имеющих иного выхода, кроме обратного.

Несмотря на то, что весна давно вступила в силу, последние дни было пасмурно, температура упала до нуля, а из низких тяжелых туч то и дело моросил мелкий неприятный дождик, порой сменяясь на снег. Распахнув дверцы шкафа, Ольга некоторое время задумчиво перебирала одежду, пока взгляд не остановился на новеньком костюме, изящный, сшитый из плотной темно-синей с полосками ткани, костюм, купленный пару недель назад на распродаже, все это время неостребованно провисел в шкафу, протянув руку, Ольга решительно извлекла обновку из шкафа.

Облачившись, она некоторое время критически рассматривала себя в зеркале, с удовлетворением отмечая, что не находит к чему придраться, несмотря на низкую, по сравнению с тренировочным лагерем нагрузку, фигура оставалась в отличном состоянии, после чего наложила макияж и подвела губы.

Закончив с утренним туалетом, Оля накинула кобуру, уже ставшую неотъемлемой частью одежды и подошла к сейфу. Оружие полагалось хранить в защищенном месте, и, хотя, вряд ли бы кому-то пришла идея проверять, как именно у нее храниться пистолет, Ольга решила перестраховаться, заказав небольшой, стилизованный под старину сейф, и каждый вечер запирала в него оружие. Обычно пистолет извлекался с утра, незадолго перед рабочей поездкой, но в свободные дни оставался нетронутым, и вновь появлялся на свет лишь сутки спустя.

Достав из щели над притолокой ключик, Ольга отперла сейф, вытащила пистолет, проверяя, легко ли ходит, щелкнула затвором, осмотрела обойму, все ли патроны на месте, после чего захлопнула крышку и, вернув ключ на место, вышла из комнаты.

Едва она шагнула на улицу, ветер забросил в лицо горсть мокрого снега, за шиворот потекли холодные ручейки воды, потоком хлеставшей с крыши. Втянув голову в плечи, Ольга пересекла двор и вышла на улицу, мельком осмотревшись, быстрым шагом направилась к стоящей неподалеку машине, отворив дверцу, стремительно юркнула внутрь.

В салоне оказалось гораздо уютнее, чем на улице, от работающего кондиционера распространялись волны тепла, а освежитель воздуха создавал удивительно гармоничный букет запахов, навеявая мысли о благоухающих ароматах альпийских лугов. Развалившись, Иван сидел за рулем, меланхолично глядя на растекающиеся по стеклу капли и негромко отстукивал костяшками пальцев известную мелодию, повернувшись вполборота, он кивком поприветствовал Ольгу, после чего вновь вперился в окошко.

Устроившись на соседнем сиденье, Оля принялась стряхивать с волос капли, искоса поглядывая на водителя, наконец, не выдержала, произнесла сокрушенно:

— Сколько вижу водителей важных персон, тебя вот, в частности, каждый раз задаюсь вопросом — смогла бы я так работать: часами ждать, выезжать по вызову в любое время дня и ночи, потакать малейшей прихоти хозяина, на ходу меняя маршрут? И понимаю, что нет, сорвалась бы через несколько дней.

Не переставая отстукивать, Иван растянул губы в вялой улыбке, сказал с ленцой:

— Каждому свое. Да и не так все страшно, как представляется, ночами почти не выезжаю, маршруты отработаны, если и случится съездить лишнего, — он много значительно приподнял бровь, — там, жене хозяина чего приспичит, или дочери, тоже не беда. Зато всегда в тепле, всегда с удобствами, если надо куда, могу съездить, бензин

оплачен. Спокойно, размерено, не то, что у некоторых. — Он покосился на собеседницу, сказал со смешком: — Помню, как ты того мужика завалила, что к хозяину чересчур резко шагнул, это ж какие надо нервы, чтобы ни за что ни про что человека лицом в грязь уронить.

Оля улыбнулась, сказала с подъемом:

— Да ты не прибедняйся, наверняка проходил курсы вождения в критических ситуациях, да и от пуль не застрахован, если у хозяина возникнут проблемы.

Иван покивал, сказал задумчиво:

— Проходил, было дело, по ту пору понравилось, но в реальных условиях повторять бы не хотелось. А что до пуль, да, есть небольшой шанс, но Валериан Петрович не настолько большая шишка, хотя пару раз недоброжелатели машину царапали, как-то даже стекло разбили, но и только.

Ольга нахмурилась, произнесла в раздумье:

— Говоришь, стекла били?.. Надо будет поговорить с хозяином насчет усиления машины.

Иван пожал плечами:

— Поговори, все развлечений больше, будет о чем с мужиками потрещать — похвалиться. Хотя, — он поморщился, — ерунда это все. У одного из наших, не скажу кого, не важно, хозяин тоже шибко озабоченный безопасностью был, машину бронированную заказал за бешеные деньги, еще всем показывал, пугал ценой, да только не спасло его, зажали как-то братки в углу и расстреляли с калашей. Кто видал, после рассказывали, не машина — решето.

Ольга невесело усмехнулась, ответила:

— Машина — инструмент, но чтобы использовать с толком, прежде всего нужна голова.

Иван повернул голову, взглянул, прищурившись, поинтересовался:

— Что имеешь в виду?

— Да то, что если головой не думать — и танк не спасет.

Водитель вновь возрился на капли воды за стеклом, сказал обреченно:

— А что голова? Захотят убить — убьют. Всего не просчитаешь. К тому же все мы люди, а хозяева — особенно. Думаешь, он о своей безопасности печется? — Иван хмыкнул. — Об удобствах. Сама же сколько раз с ним ругалась. Я вообще удивляюсь, как он тебя терпит, думал, выгонит в первую неделю, заставляешь делать как надо, а не как привык.

— Это плохо? — Ольга оцетинилась, взглянула остро.

— Хорошо! Но это тебе понятно, ну, может мне, хотя уже и не так, а для него мы все прислуга, что должна функционировать с максимальным эффектом, и, желательно, не нарушая жизненного пространства. Ты же его отчитываешь, как ребенка. Хотя... — Иван оценивающе взглянул на Ольгу, добавил с усмешкой: — Я бы, наверное, тоже терпел. От тебя можно. А от мужика бы ни в жизнь, да и он, думаю, тоже.

Ольга почувствовала, что краснее, сказала поспешно:

— Благодарю за комплимент, но, не хотелось бы думать, что моим советам следуют исключительно из-за смазливой мордашки.

Водитель улыбнулся шире, сказал намекаяюще:

— Ну, у тебя не только мордашка, совсем не она одна. — Заметив, что Ольга нахмурилась, добавил примирительно: — Но это жизнь. Конечно, хотелось бы, чтобы люди думали головой, а не членом, или задницей, но люди на то и люди. К тому же, сама посуди, ну какая тебе разница, почему хозяин тебя слушает? Делает как надо, и ладно, а уж почему,

зачем — не важно.

Ольга помолчала, сказала с запинкой:

— Ты прав. Мне действительно важен результат, но не меньше важна уверенность в себе. Когда что-то происходит потому, что я сумела убедить, переломив сомнения заказчика, за счет своих знаний, это совсем не то же самое, что произвести впечатление при помощи упругой попки: с кем-то прокатит, а с кем-то нет.

— Со всеми прокатит, — Иван убежденно рубанул рукой воздух, — конечно, если мужик не полный импотент, или голубой.

— А если баба? — Ольга улыбнулась, взглянула испытывающе.

— Если баба... — Иван несколько мгновений напряженно размышлял, отчего на лбу собрались морщины, но лишь отмахнулся, сказал обреченно: — Если баба, то ничего не поможет.

Ольга расхохоталась, сказала с подъемом:

— Вот и договорились!

Потянуло влагой, в салон бочком вдвинулся Валериан Петрович. Захлопнув дверцу, он несколько мгновений с подозрением всматривался в спутников, пытаясь определить причину веселья, но лишь махнул рукой, выдохнул устало:

— Трогай.

Машина плавно сдвинулась, покатила, разбрызгивая колесами кашицу из мокрого снега, воды и грязи. Ольга повернула голову, воодушевленно произнесла:

— Доброе утро, Валериан Петрович.

Тот поморщился, сказал недовольно:

— Кому доброе, а кому и не очень. — Некоторое время он ерзал сидалищем, затем буркнул раздраженно: — Ума не приложу, и как я поддался на твои уговоры пересесть на заднее сиденье, тут же неудобно?

— Зато безопасно! — отрезала Ольга.

— На кой мне такая безопасность, если я на переговоры без задницы приезжаю? — вспылил хозяин. — Так и до геморроя недалеко.

— Лучше геморрой в... к-хм, чем пуля в голове, — чуть слышно пробормотал Иван.

Валериан Петрович набычился, сказал зло:

— Поговорите еще, совсем распоясались. Вот поувольняю к чертям, узнаете у меня, наберу новых — лояльных да вежливых.

Ольга всплеснула руками, ахнула:

— Так мы же исключительно для вашего блага, рискуя впасть в немилость, работаем из последних сил!

— Все, заткнулись, у меня звонки важные, — отмахнувшись, Валериан Петрович достал мобильник, ткнул кнопочку, — Алло, Сергей Николаевич? Что у нас на сегодня?

Иван с Ольгой переглянулись, заговорщицки ухмыльнулись друг другу. Легкие перепалки стали уже традицией, позволяя сбрасывать излишнее психологическое напряжение, а заодно узнавать некоторые важные для работы моменты, касаемые деловых планов хозяина.

Здание библиотеки появилось неожиданно, вот только впереди шумели едва проклюнувшейся листвой высокие тополя, а через мгновение возникла стилизованная под старинный замок серая громада: вдоль крыши острые зубцы, в стенах стрельчатые арки и проемы, имитирующие гнезда для арбалетчиков, тонкие шпили башенок украшены прапорцами, тяжелые массивные двери, обитые медными листами, больше напоминают ворота, что способны часами выдерживать удары таранного бревна.

Ольга залюбовалась, не в силах отвести взгляд. Как-то, пару раз, она проходила мимо, но сильный буран не позволил рассмотреть произведение архитектуры во всех деталях, и теперь навестывала упущенное, стараясь охватить взглядом самые мелкие детали.

Выбрав свободное от припаркованных машин место, Иван подкатил к обочине, заглушил мотор. Ольга вышла первой, осмотревшись, отворила заднюю дверцу. Валериан Петрович с кряхтеньем выбрался из салона, передернув плечами, сказал с досадой:

— Что за привычка, устраивать встречи в столь необычных местах: то театр, то художественная выставка, теперь вот библиотека... — он покосился на Ольгу, но та благоразумно воздержалась от комментариев, вздохнув, двинулся ко входу в здание.

Оля пристроилась рядом, затем обогнала, остановилась, придерживая двери, пока хозяин не прошел мимо, двинулась следом, внимательно поглядывая по сторонам. Внутри библиотека напоминает замок еще больше: расписанные средневековыми темами стены, стилизованные под фрески, тяжелые гирлянды люстр с лампами-свечами, глыбящиеся гипсокартонными булыжниками колонны, настолько похожие на настоящие, что, касаясь, невольно осторожничаешь, ожидая ощутить под пальцами каменный холод шершавых граней.

Ольга засмотрелась на потолок, угрожающе багровеющий картинами страшного суда, а когда опомнилась, Валериан Петрович уже успел раздеться и стоял возле гардеробной стойки. Пожилая женщина в синем халате забрала одежду, выдав каждому по круглому жестяному номерку с цифрами, пряча номерок в карман, Ольга с улыбкой вспомнила, как в юности, во время походов в театры, играла с подругами на щелбаны, сравнивая цифры с номерков — у кого больше.

Ненадолго задержались на пропускном, ожидая, пока сидящая за компьютером строгая женщина выписывала абонемент, после чего двинулись к лестнице, неторопливо поднялись на второй этаж. Частью сознания привычно отслеживая обстановку, Ольга наслаждалась забытым ощущением. В библиотеке всегда царил своя, особенная атмосфера: пропитанный запахами книг воздух, еле слышный шелест переворачиваемых страниц, неяркий блеск потускневшей позолота тяжелых портьер.

В стенах библиотеки родного города часто проходили художественные выставки, и Оля всегда с удовольствием рассматривала вывешиваемые картины, подолгу задерживаясь возле каждой, здесь, судя по всему, придерживались тех же правил, и на стенах, расположенные через равные промежутки, висели полотна, с начерченными мелким шрифтом инициалами художников на прилепленных поверх рам бумажных прямоугольничках.

По правую руку через равные промежутки попадались ведущие в читальные залы двери, возле одной Валериан Петрович остановился, сверившись с номером, отворил дверь. Заглянув через его плечо, Ольга заметила, что в глубине зала, за одним из столиков, сидят

несколько мужчин, они обернулись на скрип двери, кто-то приветливо помахал рукой. Хозяин повернулся, сказал коротко:

— Ну вот и прибыли. Я здесь часа на полтора минимум, так что поболтайся пока по зданию, или почитай что-нибудь. Закончу раньше — отзвонюсь, — он шагнул внутрь, притворив за собой дверь, в замке повернулся ключ.

Ольга постояла у дверей, прислушиваясь, но изнутри доносилось лишь неразборчивое бормотание и она отошла, неспешно двинулась вдоль коридора, с интересом разглядывая картины, вот на картине изображен город поздней осенью, над домами нависли тяжелые тучи, ветер гонит по улице пожелтевшие листья, редкие прохожие спешат найти укрытие от непогоды, а вот другая, рыжая пустыня раскинулась до самого горизонта, расходясь одинаковыми, как волны, барханами, только высушенные кости верблюда нарушают унылое единообразие, пронзительно синее небо девственно чисто, ни единого облачка, лишь раскаленное око солнца обрушивает на землю безжалостные лучи.

Ольга настолько погрузилась в процесс созерцания, что не расслышала негромких шагов, а когда за плечом раздался голос, вздрогнула от неожиданности.

— Какая замечательная выставка.

Ольга обернулась, взглянула вопросительно. За спиной стоял парень, глядя на картину, он широко улыбался. Лицо показалось смутно знакомым. Ольга напряглась, вспоминая, перед глазами возникло помещение столовой, агрессивная компания по соседству и восторженный сосед по столику. В прошлый раз она его толком не рассмотрела, в памяти остался лишь смутный образ. Оля замерла, рассматривая: невысокий, плотно сложенный, на ногах потертые джинсы, плечи обтягивает вязаный свитер, волосы растрепаны, отдельные волосинки слабо колышутся в потоке воздуха, подбородок небрит, падающие из окна напротив солнечные лучи поджигают кровавым редкие рыжие пенки, затесавшиеся в густом пролеске черной щетины, лицо сосредоточено, глаза прикипели к картине, чуть заметно подрагивая, переходят с одного участка изображения на другой. Губы против воли начали складываться в улыбку, а слова вырвались сами собой:

— Какое удивительное совпадение!

Парень оторвался от созерцания, перевел взгляд на Ольгу, сказал в тон:

— Просто невероятное. Я в библиотеку хожу редко, а тут понадобилась кое-какая документация, в ожидании заказа решил пройтись по этажу, и надо же, — он развел руками.

Ольга покивала, сказала с грустью:

— Я последнее время тоже не хожу, можно сказать, случайно попала.

Собеседник покачал головой, произнес задумчиво:

— Одно совпадение — случайность, два — закономерность, три... судьба.

Ольга попыталась мягко перевести тему, сказала, указав на картины:

— Правда, здорово! Не удивительно, что людей сюда тянет. Я даже не слышала, как ты подошел, настолько увлеклась.

— Знаешь, я в этом ничего не понимаю. — Он поморщился, сказал с запинкой: — В тот раз... я ждал внизу, но ты так и не появилась. Даже имени твоего не узнал.

Ольга невольно улыбнулась воспоминаниям, с трудом сдерживая смех, произнесла:

— Я хотела, но у входа толпилось столько поклонников, что пришлось уходить через окно. — Заметив, что собеседник понурился, добавила со смешком: — Да ты их, наверное, видел — группа поддержки неудавшегося чемпиона, вы еще в столовой чуть не сцепились.

— Так они хотели... — глаза собеседника полезли на лоб. — Но... как ты догадалась? И

почему не позвала на помощь, там ведь было столько людей?

Ольга поморщилась, сказала негромко:

— Догадаться было не сложно, стоило лишь взглянуть на их лица, а насчет помощи...

Меня приучили рассчитывать лишь на себя. Да, тяжело, зато обхожусь без неприятных сюрпризов.

Парень несколько мгновений смотрел ошарашено, затем хлопнул себя по лбу, сказал с досадой:

— Вот балбес, так обрадовался, что представиться забыл, меня Михаил зовут.

— Ольга.

Они двинулись вдоль коридора. Оживленно жестикулируя, Михаил говорил, а Ольга слушала, время от времени вставляя короткие замечания.

— В тот раз ты меня шокировала своим предложением, да и не меня одного. Вот так, запросто, предложить ставку в пятьсот долларов, даже толком не зная, с кем имеешь дело...

— Возможно, если бы я была мужчиной, предложила бы подраться, — Ольга улыбнулась.

— Но ведь ты могла проиграть, а это немалые деньги, или... — он запнулся, — для тебя это не деньги?

— Деньги, деньги, еще какие, — поспешила заверить Оля. — Сама не знаю, чего дернулась, корила себя потом. Но все закончилось успешно, и повторять опыт я не намерена.

Все это время Михаил порывался что-то спросить, но постоянно себя одергивал, его лицо то и дело менялось, а кулаки сжимались с такой силой, что белели костяшки, наконец, он собрался с силами, выдохнул скороговоркой.

— Прости за наглость, но... у тебя есть парень?

Не выдержав, Ольга расхохоталась, заглаживая неловкость, поспешила произнести:

— Извини, просто, ты так долго собирался с духом, чтобы задать этот вопрос...

Михаил бледно улыбнулся, сказал, натянуто бодро:

— Правда? Ты заметила? Если честно, я просто боюсь, что ты опять куда-нибудь неожиданно исчезнешь.

— Исчезну, — Оля кивнула, — но на этот раз обязательно предупрежу.

— Так насчет... — он замялся, взглянул выжидательно.

— Нет, — Оля покачала головой, — парня нет.

Михаил с облегчением выдохнул, его щеки порозовели, а в глазах сверкнула радость. С трудом сдерживая восторг, он произнес, стараясь, чтобы голос звучал отстраненно:

— А почему, если не секрет?

Ольга пожала плечами, задумчиво произнесла:

— Не сложилось. Да и времени, если честно, почти нет.

— Много работаешь? — в глоссе Михаила проскользнули нотки заботливости.

Ольга взглянула на собеседника с интересом, ответила:

— Да. К тому же достаточно времени съедают тренировки, в результате остается совсем немного.

Михаил шутливо поинтересовался:

— Стреляешь?

— И это тоже.

— Так кем же ты все-таки работаешь? Я уж не знаю, что и думать. Если исключить мои прошлые версии о тайной организации и спасении мира, остается...

Оля с интересом наблюдала, как спутник хмурит брови, в поисках ответа. Спустя почти минуту молчания, со смешком уточнила:

— Надумал?

Она остановилась, расстегнула верхнюю пуговицу пиджака и приоткрыла лацкан так, что внутри обозначилась кобура. Глаза Михаила распахнулись, а челюсть отвисла, после секундной паузы он потрясенно произнес:

— Телохранитель!

Застегивая пуговицу, Ольга заговорщицки прошептала:

— Точно! Но об этом — тсс! — она приложила палец к губам.

— Что, правда!? Но... почему так? — проникшись значением момента, Михаил тоже перешел на шепот. — Ты же такая...

— Жирная? — Ольга делано нахмурилась.

Михаил замотал головой, вскричал:

— Нет, нет, что ты, наоборот! Стройная, хрупкая, женственная...

— Таких не берут в космонавты? — Оля улыбнулась.

— Типа того, — Михаил улыбнулся следом. — Обычно телохранители это такие здоровые мужики, с каменными рожами, обвешанные оружием с ног до головы.

Ольга сказала насмешливо:

— Ну, извини, не удалась по габаритам, да и челюсть далеко не каменная. А насчет оружия... мало ли, что у меня есть еще.

— Нет, правда. Почему такой выбор?

Ольга ощутила раздражение, хотела ответить зло, но собеседник смотрел с таким детским любопытством, что она лишь вздохнула, сказала коротко:

— Так получилось.

Ощувив, что перегнул, Михаил ненадолго стушевался, но быстро опомнился, сказал просительно:

— Не хочу показаться навязчивым, но, пока ты снова не упорхнула... может обменяемся телефонами?

Ольга неторопливо извлекла из кармана мобильник, пощелкав кнопками, произнесла:

— Записываю.

Михаил достал телефон, продиктовал номер. Оля набрала цифры, дождавшись ответной трели, сохранила номер в памяти.

Пряча мобильник, Михаил произнес с надеждой:

— Постараюсь звонками не надоедать, чтобы не отвлекать от работы, но если выдастся свободная минутка — позвони, будь добра, погуляем, или сходим в кафе.

Прогуливаясь по коридору, они осмотрели выставку, поднялись этажом выше, где, на стенах, прикрепленные кусочками скотча, застыли многочисленные детские рисунки. Выполненные на альбомных листах разноцветными карандашами, картинки вызвали умиление и оживляли в памяти время, когда деревья были выше, а мир казался необъятен и манил неизведанными тайнами.

За разговорами время пролетело незаметно. Когда заиграл телефон, Ольга от неожиданности вздрогнула, мимолетом успев удивиться, кто бы мог звонить, подставив мобильник к уху, выслушала короткое сообщение, после чего повернулась к Михаилу, что тактично отошел на пару шагов и с подчеркнутым интересом изучал какой-то особенно замысловатый рисунок, мягко произнесла:

— Ну, вот и все, мне пора.

Спутник вернулся, скрывая разочарование, сказал:

— Что ж, успехов. Приятно было познакомиться.

— Взаимно, — Ольга помахала рукой. — Думаю, еще увидимся.

— Очень на это надеюсь.

Она развернулась, торопливо двинулась к лестнице. Улыбаясь, Михаил провожал Ольгу задумчивым взглядом, в его душе теснились смешанные чувства, и едва фигура девушки скрылась из виду, улыбка разом потускнела, он тяжело вздохнул, понурившись, побрел в обратную сторону.

Ольга спустилась по лестнице. Двери в читальном зале оказались распахнуты, а Валериан Петрович прогуливался по коридору, беседуя с одним из участников «собраний», заметив девушку, он сделал отстраняющий жест, и Ольга остановилась поодаль, ожидая пока хозяин закончит переговоры. Коридор отлично передавал малейшие звуки, и, рассматривая из окошка внутренний двор библиотеки, Ольга краем уха ловила обрывки беседы, но ничего интересного не услышала, судя по всему, серьезные вещи обсуждались за закрытыми дверями, а сейчас велся расслабленный разговор ни о чем.

Беседа прекратилась, громко топая, мимо прошагал кто-то грузный, но звук отличался от привычного подшаркивания хозяина, и Ольга не повернула головы, оторвавшись от созерцания ровно в тот момент, когда Валериан Петрович остановился рядом.

— Наконец-то, закончили.

Хозяин выглядел раздраженным, и Оля осторожно поинтересовалась:

— Какие-то сложности?

Валериан Петрович дернул щекой, сказал с досадой:

— С этими обормотами вечные сложности: сперва собираются черте где, а потом обсуждают невесть что. За каким бесом собирались — не понятно.

Качая головой и недовольно бормоча, он двинулся к выходу, Ольга пристроилась рядом и немного впереди. Они отдали пропуска строгой женщине, и вышли в вестибюль. Уже одеваясь, Ольга ощутила поток внимания, прикрыв глаза, медленно обвела взглядом зал, пока не наткнулась на знакомое лицо, Михаил смотрел на нее из дальнего конца вестибюля. С облегчением выдохнув, Ольга улыбнулась, помахала на прощание рукой и вышла, стараясь держаться на пару шагов впереди хозяина.

Еще издали, едва машина показалась из-за деревьев, Ольга заметила, что Иван оживленно жестикулируя, общается с каким-то мужчиной. Когда подошли ближе, хозяин раздраженно всхрюкнул, а Ольга улыбнулась, потрясая правами, шофер выяснял отношения с инспектором ГАИ. Разговор закончился раньше, чем они приблизились, инспектор взял под козырек, и неторопливо двинулся через дорогу, а взбешенный Иван буквально влетел в машину, с грохотом захлопнув дверцу.

Когда они сели в машину, Иван что-то раздраженно насвистывал, отстукивая мелодию пальцами по панели приборов. Обрадовавшись возможности высказаться, шофер уже набрал в грудь воздух, но Валериан Петрович утомленно произнес:

— Вань, потом поделишься, не до того.

подавившись словом, Иван дернул ключ зажигания, резко вдавил педаль газа, так что машина ощутимо дернулась, понеслась, стремительно набирая скорость. Ольга с интересом покосилась на шофера, Иван отличался на удивление непробиваемым характером и таких вещей себе, как правило, не позволял, что такого сказал инспектор, что привел обычно спокойного водителя в ярость, оставалось только гадать.

Впереди показался перекресток, стремительно приблизился, зеленый глаз светофора предупреждающе мигнул, сменился желтым, видя, что не успевает, Иван буркнул нечто неразборчивое, начал притормаживать. Позади пронзительно взвизгнули тормоза, машину тряхнуло, разворачивая, протащило вперед.

— Какого хрена?! — вопли хозяина и шофера прозвучали одновременно.

Ольга обернулась, позади, влипнув мотором в багажник, замер огромный внедорожник, от удара передняя часть задралась, угрожающе нависнув над кабиной, словно это вовсе не легковушка, а небольшой танк, за тонированными стеклами не видно пассажиров. Несколько мгновений ничего не происходило, затем дверца отворилась, из кабины выпрыгнул здоровенный верзила. Спустя мгновение дверца со стороны Ивана с треском распахнулась, раздался полный бешенства рев:

— А ну иди сюда!

Схваченный могучими лапищами, шофер пулей вылетел из салона. Ольга мельком обернулась, собирая разрозненные части картинки в единое целое: на улице, в шаге от машины, короткими точными ударами громила избивает Ивана, огромные кулаки, словно молоты, по-очереди врезаются в живот, каждым ударом водителя подбрасывает, его лицо страдальчески кривится, на заднем застыл Валериан Петрович, глаза распахнуты, на лице застыло удивленное выражение, а позади темной громадой нависает внедорожник, из которого, один за другим, выпрыгивают парни спортивного вида.

Вспыхнув молнией, жуткая мысль перешла в импульс, Ольга рванулась из кабины, переходя на рефлекс. Дверь с натугой распахивается, пропуская ускорившееся в разы тело, толчок, нога проскальзывает по скользкой дороге, но упора хватает, и мгновение спустя, Ольга несется вокруг машины, наращивая скорость. Иван уже лежит, бугай с хаканьем пинает скрюченное тело, восклицая что-то нечленораздельное. Короткий разбег, прыжок, оттолкнувшись обеими ногами, тело взлетает, преодолевая оставшееся до цели пространство по воздуху, за мгновение до столкновения, правое плечо с силой раскручивается, чтобы нанести удар в уязвимую точку, так как необходимо, так как учили, так, чтобы противник уже не поднялся.

Расстояние сокращается до минимума, и ровно тогда, когда нужно, не раньше и не позже, локоть с силой врезается в загривок здоровяка, чуть ниже основания черепа, туда, где позвоночник наиболее хрупок. Руку простреливает болью, а огромный, кажущийся несокрушим мужчина, мгновенно обмякает, кулем обваливается на землю. Иван лежит на снегу, хватая ртом воздух, лицо окровавлено, нос разбит, вряд ли он что-то соображает, но нет времени, внедорожник никуда не исчез, а парни, что на мгновение растерялись, уже деловито надвигаются, руки тянутся ко внутренним карманам пиджаков, а удивление на лицах быстро сменяется яростью...

Ольга содрогнулась от мысли, что, спустя секунду, по машине хлестнет свинцовый ливень, кроша металл и превращая все живое в кровавый фарш. Она схватила шофера, почти не ощутив веса, рывком затолкала в машину, прыгнула следом. И вновь визг покрышек, на этот раз своих. С душераздирающим скрипом, прочертив на капоте глубокие борозды, внедорожник нехотя съехал с багажника, отпуская жертву, взвизгнув, как раненое животное, машина дернулась, рванула на красный. Вокруг загудели, послышался грохот, звон разбитого стекла, кто-то отчаянно матерился, грозя милицией и чем-то еще, но Ольга не слышала, внимание сосредоточенно на дороге, густой поток машин преграждает дорогу, малейшее неверное движение и они застрянут, став легкой мишенью.

Руки выворачивают руль, нога ежесекундно дергается, в странном танце перепрыгивая с газа на тормоз, за стеклом мелькают машины, что проносятся совсем рядом, блестящие бока, изящные обводы и перекошенные ужасом лица водителей, шарахающихся от безумной девушки, что со сверкающими глазами и застывшим лицом, ведет машину так, словно, решив расстаться с жизнью, старается забрать с собой как можно больше народу.

Зацепив пару-тройку легковушек и едва не протаранив автобус, Ольга свернула в проулок, помчалась на предельной скорости, рискуя на каждом повороте вылететь на встречную полосу. Когда отъехали достаточно далеко, Ольга свернула в один из глухих двориков, заглушив мотор, выскочила из машины, заходила кругами, сбрасывая разрывающее тело напряжение.

Распахнулась задняя дверца, из салона высунулся Валериан Петрович, его лицо позеленело, а руки мелко тряслись, невидяще посмотрев по сторонам, он попытался выйти, но лишь выпал на землю, его тело спазматически задергалось, послышались хрюкающие звуки. Неподалеку начали собираться любопытные, кто-то достал телефон, глядя с подозрением, начал набирать цифры, и Ольга почла за лучшее уехать. Мягко, но решительно поместив хозяина обратно в салон, она захлопнула дверцу, села за руль и тронула машину.

Слабо зашевелился Иван, до того сидящий недвижимо, распластавшись по приборной доске, он поднял голову, сказал, заметно шепелявя:

— Что это было?

— На нас наехали, — ответила Ольга отстраненно.

Притронувшись к челюсти, Иван охнул, достал из ящичка зеркальце, застыл, задумчиво разглядывая свое отражение. Зашевелился Валериан Петрович, сперва слышалось лишь недовольное пыхтение, затем раздался полный мучений голос:

— Ольга, это действительно было нужно?

— Что именно? — Оля на мгновение отвела глаза от дороги, мельком обернулась.

— Ну весь этот ужас, — хозяин пошевелил пальцами, — прыжки, гонки.

— Честно? — Ольга покосилась на хозяина. — Не знаю.

— Не знаешь? — Валериан Петрович схватился за голову. — Не знаешь?! Да тут только ремонта на три твои зарплаты!

Не отрываясь от созерцания собственного лица, претерпевшего за последние десять минут значительные изменения, Иван отозвался:

— Я знаю мастера, сделает дешевле.

Чувствуя, как по телу, что еще не успело успокоиться, то и дело пробегает дрожь, Ольга ответила, стараясь, чтобы голос не звучал чересчур вызывающе:

— Вы этих ребят видели? Пятеро здоровенных громил! Ивана выбили за секунду, а он не маленький. Останься мы там — костей бы не собрали. — Видя, что хозяин пытается возразить, Оля добавила с нажимом: — К тому же, нельзя исключить возможность покушения.

Валериан Петрович поперхнулся, помолчав, спросил с осторожностью:

— Покушения? Ты считаешь, это не было простой аварией?

Чувствуя, что хозяин колеблется, Ольга произнесла, придав голосу максимально возможную убедительность:

— Не скажу наверняка, но они шли за нами последние несколько кварталов, а отстав, резко надбавили. Не исключено, что на перекрестке нас бы расстреляли, или подрезали, загоняя под автобус. Просто чудо, что Иван заметил и среагировал вовремя, не позволив ситуации завершиться.

— Что? — шофер оторвался от зеркальца, взглянул с удивлением. — Я не позволил?

— Ну да. — Ольга взглянула на Ивана, сделав незаметный жест. — Ты ведь несколько раз пристально посмотрел в зеркало, почему я и напряглась.

Глядя на подаваемые украдкой знаки, Иван кивнул, сказал замедленно:

— Да, да, припоминаю, они действительно вели себя очень подозрительно. Можно сказать, пасли нас.

— Черт знает что! — взорвался Валериан Петрович. — Что вы мне мозг пудрите? Какие покушения, когда... — он замолчал. Ольга заметила, как брови хозяина сошлись в ровную линию, а лицо потемнело, он забормотал чуть слышно. — Хотя, если расценить это как угрозу... Но ведь он не мог... Да и так быстро... Ведь мы только закончили... Или они это готовили давно?...

Прислушиваясь к бормотанию, Иван сокрушенно добавил:

— Даже если это не покушение, ребята явно не простые. Меня вырубили, я даже сообразить не успел. Вот только я в кабине, и — бац, уже на снегу.

Валериан Петрович отозвался ворчливо:

— То-то этот непростой от одного Ольгиного удара завалился.

Иван попытался улыбнуться, но от боли перекосялся, сказал с вымученной улыбкой:

— Так и Ольга у нас не совсем простая, а если точнее — совсем не простая.

— А ты-то что радуешься? — Валериан Петрович вновь стал злым. — Машину раздолбал и доволен. Высчитаю за ремонт, будешь полгода бесплатно работать... Будете.

Сделав вид, что не услышала, Ольга произнесла рассудительно:

— Меня больше напугали даже не сами парни, а то, что они делали, двигаясь к нам.

Она замолчала. Не дождавшись продолжения, Валериан Петрович спросил саркастически:

— И что же такого они делали?

Ольга ответила просто:

— Они засунули руки за отвороты одежды. Такое движение характерно в случае, когда собираются достать оружие.

От этих слов по салону словно потянуло холодом, хозяин передернул плечами, и даже Иван, что, судя по всему, принимал разговор за шутку, поежился, спросил, натянуто весело:

— Ты уверена? Может, они просто собирались показать документы?

Ольга повернула голову, взглянула в упор, произнесла с ледяными нотками:

— Хочешь проверить? Еще не поздно вернуться.

Ивана передернуло, отгородившись ладонями, он испуганно воскликнул:

— Ну, уж нет, мне и так буквально за пару секунд морду в жопу превратили, чтобы еще с пульей в башке разгуливать...

Валериан Петрович тем временем успел сделать несколько звонков, закончив разговор, сказал:

— Мне нужно еще в пару мест, но на этом, — он обвел рукой салон, — не покажешься, придется на такси. Оль, останови возле остановки, там как раз что-то стоит.

— Мне с вами? — Ольга повернула голову, взглянула вопросительно.

Вместе с ней повернул голову Иван, его лицо распухло, кожа под глазами стремительно наливалась синевой. Валериан Петрович поморщился, сказал с отвращением:

— Ладно, обойдусь. Ты машину в ремонт отгони, а то, боюсь, Иван, с такой рожей, дальше первого гаишника не уедет.

— Я себя отлично чувствую! — Иван воскликнул обиженно.

— Я вижу, — Валериан Петрович скептически усмехнулся. — Еще не известно, насколько тебе голову стрясли, соберешь все столбы, убьешь машину окончательно. Все, высаживай, потом поговорим.

Хлопнула дверца, хозяин вышел из машины. Ольга проследила взглядом, как он заскочил в ближайшее такси, что сразу отъехало. Едва они остались одни, как Иван сказал своим обычным голосом:

— Ладно, хозяин свалил, притворяться не за чем. Что там произошло на самом деле?

Ольга некоторое время молчала, затем тихо произнесла:

— Похоже, я перестраховалась.

Иван хохотнул, отчего его лицо болезненно дернулось, сказал примирительно:

— Я так и думал. Ну, ничего, со всеми бывает. Будем поддерживать легенду до конца. — Он встрепенулся, сказал с подъемом: — Кстати, тебе отдельное спасибо. Этот гад мне все пузо отбил, еще и по роже успел. Если бы не ты... Я вообще удивляюсь, как ты его свалила, там же кабан за центнер весом!

Перебрасываясь фразами, они подъехали к автомастерской, расположенной в такой глуши, что, если бы не указания Ивана, Ольга никогда бы не нашла искомое место. Огороженный со всех сторон небольшой дворик оказался плотно заставлен машинами, лишь сбоку оставался небольшой проход, куда, рискуя каждое мгновение оцарапать машину, они и въехали, направляясь к невысокому кирпичному зданию, что в бытность свою представляло собой заводской цех, а сейчас, переделанное и залатанное со всех сторон, превратилось в ремонтную мастерскую.

Из распахнутых ворот им навстречу выдвинулся щуплый парнишка в промасленной робе, заметив Ивана, улыбнулся, приветливо помахал рукой, и, кивнув на ворота, зашел обратно.

— Заезжай, — Иван указал рукой. — Прямо там и оставим.

Следуя инструкциям Ивана, Ольга осторожно заехала внутрь, остановила машину точно над прямоугольной ремонтной ямой. Когда они вышли, механик уже стоял рядом, с интересом оглядывая машину. С любопытством взглянув на Ольгу, механик произнес со смешком:

— Вы чем с подругой занимались, что машина, как после военных действий? Да и лицо у тебя... — он покачал головой. Сказал, обращаясь к Ольге: — Если будет скучно, можете здесь все смотреть и даже трогать.

— А если сломаю? — Оля улыбнулась.

— Тут уже ничего не сломаешь, — механик отмахнулся. — На худой конец, вон, с него стрясу, с синемордого.

Пока механик с Иваном общались в сторонке, Оля с интересом рассматривала многочисленные металлические куски, часть из которых напоминала детали от машин, другая же не походила вообще ни на что, и Ольга сломала голову, пытаясь представить, для чего это все могло предназначаться.

Вернувшись, Иван сказал с удовлетворением:

— Отлично. Сергей никогда не был жадным, починит в кратчайшие сроки и за умеренную цену, хотя, — он покосился на машину, — ремонта тут предостаточно.

Проследив за взглядом шофера, Ольга содрогнулась: багажник измят, словно его жевали чудовищные челюсти, стекло потрескалось, на крыльях, разбросанные в хаотичном беспорядке, виднеются многочисленные вмятины и царапины.

Ольга покачала головой, сказала виновато:

— Возможно, действительно стоило остаться.

— Ну, уж нет! — Иван усмехнулся, — Экономия — экономией, но уж пусть лучше

машину чинят, чем меня.

С шипением струя воды ударила в асфальт, взбивая фонтанчики пыли. Задумавшись, Ольга не обратила внимания на негромкий гул, подпустив поливальную машину слишком близко, лишь, когда по ногам хлестнули прохладные капли, она с воплем отскочила, погрозила кулаком водителю, что скалил зубы из кабины, довольный произведенным эффектом, тот помахал в ответ, весело подмигнул. Улыбаясь, Ольга проводила взглядом поливальную машину, что, урча, как сытый кот, проехала дальше, оставляя за собой полосу мокрого асфальта и приятную свежесть в воздухе, двинулась следом, с удовольствием ощущая на коже мелкую водную взвесь.

Последние недели стояла на удивление жаркая погода, и, хотя, лето едва началось, создавалась полная иллюзия пребывания в одном из южных городков-курортов, не хватало лишь пальм, да расстилающегося до горизонта моря. От раскаленного асфальта и прогретого бетона многоэтажек шел такой жар, что оставалось лишь радоваться отдыху. Представив, что бы она сейчас ощущала, будучи одетой в деловой костюм, Ольга с отвращением передернулась, легкое платье из полупрозрачной ткани, надетое с утра, несмотря на предупреждения Гидрометцентра о надвигающейся грозе, позволяло чувствовать себя относительно комфортно и свысока поглядывать на несчастных, что силой обстоятельств оказались заключены в деловую одежду, и, закатывая глаза в предобморочном состоянии, непрерывно обмахивались платочками.

Завидев ларек с мороженым, Ольга, было, ускорила шаг, но, взглянув на изгибающуюся, подобно хвосту змеи, длиннущую очередь таких же страждущих, потеряла интерес, отвернулась. Мимо, целуясь в засос, прошла парочка, проводив счастливых взглядом, Ольга ощутила укол зависти, побродив некоторое время, она присела на скамейку, где, замерев в счастливом блаженстве, пристроилась очередная парочка. Стараясь не вслушиваться в бессмысленный шепот влюбленных, Оля повертела головой, но повсюду взгляд наткнулся на такие же пары, сидящие на газонах, стоящие под деревьями, неторопливо, словно поддразнивая, прогуливающиеся мимо.

Мысли унеслись далеко, а пальцы теребили сумочку, открывая и закрывая замочек. Незаметно для себя, Ольга начала перебирать содержимое, пока рука не наткнулась на коробочку мобильного, пальцы привычно забегали по клавишам, нажимая кнопки. Сфокусировав взгляд, Оля с удивлением обнаружила, что невольно вывела на дисплей список контактов. Пробежавшись по именам, глаза остановились на пометке «Михаил», а через мгновение в памяти возникло улыбочное лицо. Ольга досадливо поморщилась, в череде рабочих будней новый знакомый совсем вылетел из головы, как и обещание позвонить. Несколько мгновений она размышляла, уместно ли будет звонить после столь долгого промежутка, но, справедливо рассудив, что случайностей не бывает, и если номер попался на глаза, то явно не спроста, нажала кнопку вызова.

Телефон исправно выдавал гудки, но ничего не происходило, палец уже потянулся к кнопке сброса, когда в динамике раздался голос:

— Слушаю вас.

В голосе скользнули знакомые нотки, но, не желая ошибиться, Ольга уточнила:

— Михаил?

— Да, да, он самый, а вы...

— А мы с вами картинами любовались... — Оля улыбнулась, ожидая реакции.

Возникла небольшая пауза, собеседник неуверенно протянул:

— Э-э, картинами какого рода?

Добавив в голос торжественности, Ольга произнесла:

— Художественными. Такие большие картины в тяжелых деревянных рамах.

— Что-то не припомню, — вновь повисла пауза. — А, простите, где именно?

— Как где? — Ольга даже обиделась. — Там, где все нормальные люди любят картины, в библиотеке конечно.

— А...

— А еще, — Оля прервала на полуслове, — мы встречались в одном довольно шумном месте, где подают отменный суп и заключают пари на большие суммы...

— Ольга!? — собеседник захлебнулся восторгом. Прервавшись, добавил, с ноткой неуверенности: — Ольга, это... ты?

Оля расхохоталась, сказала дружелюбно:

— Конечно я. Кто еще, не думая, поставит пятьсот долларов на спор?! Да и по библиотекам расхаживать в рабочее время...

Михаил счастливо засмеялся, сказал с жаром:

— Я уже решил, ты не позвонишь, даже номер стер, чтобы не было соблазна. Ты просто так, или...

— Или, — уверенно подтвердила Ольга. — У меня свободный день, и, если, ты не очень... нет, если ты просто не занят, буду рада компании.

Мобильник на мгновение замолчал, создалось ощущение, что собеседник напряженно размышляет.

— Так, сейчас у меня кое-какие дела, примерно на час, но затем я совершенно свободен, и если тебя не затруднит подождать... — в голосе Михаила послышалось напряжение.

— Не затруднит, — Оля улыбнулась. — Я планировала дойти до центрального парка, можем встретиться там.

— Отлично! — казалось, телефон просиял вместе с собеседником, — На том и порешим. Как подойду — позвоню.

Ольга спрятала мобильник в сумочку, не торопясь встала, парочки больше не вызывали зависти, и, чувствуя приятное возбуждение от предвкушения встречи, двинулась вдоль улицы, провожая взглядом гуляющих то тут, то там влюбленных.

По дороге к парку попало несколько магазинов с одеждой и ювелирная лавка, куда Ольга просто не смогла не зайти. Сперва примеряя вещи, а затем, рассматривая украшения, она настолько увлеклась процессом, что, когда спохватилась, до назначенного времени осталось меньше четверти часа. С сожалением покинув лавку, изящные сережки с небольшими кровавыми камушками приковали внимание настолько, что пришлось закусить губу до боли, чтобы только выйти из магазина, Ольга поспешила к месту назначения кратчайшим путем.

Чтобы попасть в парк, требовалось перейти дорогу, Ольга остановилась, пережидая движение, рассеянно оглянулась. Взгляд мазнул по стоящей неподалеку иномарке, не задерживаясь, скользнул дальше, но спустя мгновение внутри зародилось смутное чувство тревоги. Не осознав причины, Оля вновь осмотрелась, но ничего особенного не происходило, случайные прохожие спешили по делам, машины торопливо проезжали мимо... Машины! Голова сама собой повернулась в сторону иномарки. Сидящий за рулем

мужчина в солнцезащитных очках не двигался, но, хотя, его глаза прятались за темными стеклами, ощущение взгляда не проходило.

Солнце светило в глаза и Ольга прищурилась, пытаясь рассмотреть лицо наблюдателя, но тот, похоже, понял, что замечен, фыркнул мотор, тихо шелестя покрывками, иномарка сдвинулась с места и вскоре скрылась из виду. Ольга некоторое время размышляла над странным эпизодом, но в этот момент дорога опустела, и она выбросила произошедшее из головы.

Засаженный деревьями, парк больше напоминал лес, разлапистые ели устремились в небо острыми вершинами, огромные тополя широко раскинули ветви, накрывая дорожки живым пологом, а мощный кустарник окружил аллеи плотной зеленой стеной, отгораживая от нескромных взоров многочисленные беседки. Если по краям парка еще слышался шум дороги, то ближе к центральной части звуки города уже не проникали, среди шумного пения птиц и душистых запахов листвы казалось, что это не укромный уголок природы, чудом сохранившийся посреди могучего города, а самый настоящий лес.

Спугнув со скамейки стайку шустрых воробьев, Ольга присела, закрыв глаза, задышала глубоко и ровно, наслаждаясь прохладой и насыщенным свежестью воздухом. Слуха коснулись негромкие шаги. Не открывая глаз, Оля вслушалась, пытаясь по звуку воссоздать образ человека, затем открыла глаза, улыбнулась, возникшая в воображении картинка совершенно не соответствовала действительности. Когда вновь послышались шаги, Ольга улыбнулась и вновь закрыла глаза. Игра показалась интересной, она настолько увлеклась, что, когда очередной невидимка вдруг остановился напротив, некоторое время ждала, и лишь после открыла глаза, недоумевая, почему человек замер.

— Не разбудил? — возле скамейки, широко улыбаясь, замер Михаил.

Ольга всплеснула руками, расхохоталась. Перехватив недоуменный взгляд, произнесла:

— Конечно, нет. Я занималась увлекательнейшим делом, пыталась по шагам угадать человека.

— И как успехи? — Михаил вновь улыбнулся.

— Когда как, — Ольга развела руками. — Порой удается угадать точно, даже выражение лица совпадает, но иногда ошибаюсь.

— Попробуем вместе? — Михаил присел рядом.

Ольга отмахнулась, сказала весело:

— Ну что ты, это я от радости ребячусь: выходной день, прекрасная погода, чудесный парк... Лучше пойдем, прогуляемся.

Взявшись под руки, они неторопливо двинулись по аллее. Михаил сказал со смешком:

— Я тебя еще на входе в парк заметил, но пока добежал, потерял из виду.

— А чего не позвонил? — Ольга лукаво улыбнулась.

Михаил пожал плечами, сказал с сомнением:

— Не подумал. Ведь только что видел, решил, сразу найду, а тут такой лабиринт — с собаками искать надо, — он улыбнулся.

— Действительно, красивый парк, — Ольга кивнула, — в моем родном городе почти такой же, разве что беседок нет, да деревьев поменьше.

— А откуда ты родом, и почему уехала? — Михаил взглянул вопросительно.

Стараясь, чтобы слова не прозвучали резко, Ольга ответила:

— Это не важно. Просто к слову пришлось.

Заметив, что спутница нахмурилась, Михаил придал лицу беззаботное выражение, легко

согласился:

— Ну и ладно. Как здорово, пойдём, посмотрим? — он указал на разрыв в непрерывной стене кустарника, где, в глубине густых зарослей, проглядывались смутные очертания беседки.

Свернув с аллеи, они по-очереди вдвинулись в проход. Живые зелёные стены и сгустившийся сумрак создавали удивительную атмосферу сказки, и Ольга вновь ощутила романтическое настроение, что на мгновение пошатнулось от неуместных воспоминаний. Короткая дорожка, уложенная потрескавшимся от времени асфальтом привела к беседке. Глядя на ажурную конструкцию, густо покрытую стеблями вьюна, Ольга с восхищением произнесла:

— Потрясающе, даже не верится, что эта красота располагается не в далекой Европе, а буквально под боком.

Глядя, как Оля осторожно водит ладонями по листьям, Михаил с улыбкой произнес:

— Этот парк восстановили всего пару лет назад.

— А раньше? — Ольга взглянула на спутника с удивлением.

— А раньше здесь был заброшенный участок, к тому же огороженный забором: бурьян, мусор, грязь... неприглядное пятно на лице города.

— Странно, — Ольга всмотрелась в почерневшие балки беседки, перевела взгляд на дорожку, где, через трещины в асфальте, пробивались зелёные иголки травы, — а такое впечатление, будто здесь все древнее-древнее.

— Так и задумано, — Михаил кивнул, — если приглядишься к стыкам досок, увидишь, что древесина отличается по цвету.

Последовав совету, Ольга тщательно осмотрела беседку, затем взглянула под ноги, лукаво поинтересовалась:

— А трещины тоже задумывались?

Михаил сказал поражённо:

— Ты и на это внимание обратила! Удивительная наблюдательность для девушки. Нет, асфальт клали обычно, я заходил сюда сразу после открытия, дорожки были идеальные, а то, что травка пробилась, так это само собой, силы природы безграничны, удивительно, как ещё корни наружу не повылазили — вон какие деревья!

Задрав голову, он залюбовался зелёными великанами, а Ольга взглянула на спутника с новым интересом. Озабоченные будничными делами, люди вокруг редко обращали внимание на вещи, что напрямую не касались привычных забот, и уж тем более не замечали красот природы, скромно представленных в городе редкими деревьями и чахлым кустарником, и в этом плане Михаил выгодно отличался от остальных.

Улыбнувшись краешками губ, Ольга отстраненно произнесла:

— Наблюдательность напрямую зависит от типа обуви. — Перехватив непонимающий взгляд компаньона, пояснила: — Щели — первый враг каблуков. Откройся парк раньше, ты бы уже не удивлялся.

Михаил несколько мгновений сосредоточенно размышлял, затем осторожно произнес:

— Но ведь не все носят каблуки?

— Но и не всех водят по беседкам, — отпарировала Оля.

Михаил поперхнулся, натянуто поинтересовался:

— Мне кажется, или я сболтнул что-то лишнее?

Ольга мягко произнесла:

— Миша, все нормально. Я не из тех девушек, что ревнуют к прошлым партнерам. Тяжело вздохнув, добавила чуть слышно: — Да и к настоящим тоже...

Михаил не расслышал слов, но, заметив перемену в лице девушке, поспешно подошел, взяв за руку, горячо воскликнул:

— Прости. Возможно, я сказал что-то не то, но у меня и в мыслях не было тебя обидеть.

— Все нормально, — Ольга накрыла его ладонь своей, — пойдём, присядем.

Они зашли в беседку, устроились на скамеечке. Осторожно приобняв девушку, Михаил застыл, боясь спугнуть установившееся понимание. Откинувшись на спинку, Ольга прикрыла глаза. Сидящий рядом мужчина, с осторожностью касающийся плеча, создавал чувство защищенности. Расслабившись, Оля положила голову Михаилу на плечо, от чего он замер, и почти перестал дышать, а спустя несколько минут, очень медленно и нежно наклонил голову, зарылся носом в волосы, с трепетом вдыхая будоражащий запах женского тела.

Телефонная трель прозвучала неуместно резко. Дернувшись от неожиданности, Ольга отстранилась, извлекла из сумочки мобильник, мельком глянув на дисплей, нажала кнопку связи, произнесла ровно:

— Слушаю.

В динамике раздался надтреснутый голос шефа:

— Здравствуй. Через полтора часа встречаемся на «Комсомольской».

Ольга нахмурилась:

— Вы даже не интересуетесь, занята ли я?

Голос шефа не изменился, но от телефона ощутимо повеяло угрозой:

— Мои задания имеют приоритет над любыми, — он выделил слово, — прочими.

Дернув желваками, Ольга произнесла сквозь зубы:

— Хорошо.

— Захвати оружие, может пригодиться, — связь оборвалась.

Спрятав телефон, Оля некоторое время молчала, собираясь с мыслями. Уходить из такого замечательного места не хотелось, но шеф упомянул оружие, и манкировать столь однозначными указаниями было, по меньшей мере, глупо. Ольга попеняла себе, что не взяла пистолет, не пришлось бы тащиться на противоположный конец города, теряя время, которое можно было посвятить дальнейшей прогулке. Повернувшись к Михаилу, что во время разговора тактично отвернулся, и с преувеличенным вниманием рассматривал космы паутины под крышей, Ольга произнесла:

— Мне очень жаль, но возникли непредвиденные обстоятельства, и... я должна уйти.

На лице Михаила промелькнуло разочарование, но он ответил бодро:

— Конечно, конечно. Какие могут быть разговоры.

Ольга виновато развела руками:

— Неудобно получилось, я тебя выдернула, и сама же убегаю.

Михаил мягко положил ей руки на плечи, сказал с нежностью:

— Это не имеет значение. Главное — мы снова встретились. Ты не представляешь, как я ждал твоего звонка. — Помолчав, он добавил с мольбой: — Надеюсь, это был не последний раз?..

Ольга пристально взглянула ему в глаза, где светилась страстная надежда, чуть слышно произнесла:

— Я позвоню.

Их губы слились в страстном поцелуе, а через минуту Ольга уже покидала парк,

деловитой походкой направляясь к ближайшей остановке.

Шеф, как обычно, подъехал, минута в минуту, еще несколько секунд назад дорога была пустынна, а мгновение спустя к тротуару подлетела иномарка с затонированными стеклами, привлекая внимание, нетерпеливо моргнули фары. Ольга скорым шагом направилась к машине, не останавливаясь, с ходу нырнула в салон. За окном замелькали дома, сливаясь в непрерывную череду. Провожая взглядом смазанные силуэты прохожих, Ольга задала давно мучающий вопрос:

— Геннадий Леонидович, это особенность вашего стиля езды, или существует реальная необходимость?

Против ожидания, шеф не проявил недовольства, его лицо осталось неизменным, когда он поинтересовался:

— Ты всерьез допускаешь мысль, что человек моей сферы деятельности может позволить себе подобные дешевые понты?

Ольга закусил губу, сказала нехотя:

— Люди бывают разные.

Геннадий Леонидович легко согласился:

— Бывают. Но не на такой работе.

— Значит необходимость... — Ольга взглянула вопросительно.

Покосившись на спутницу, Шеф усмехнулся, спросил с ухмылкой:

— Так понимаю, на этом месте с моей стороны должен последовать монолог-объяснение?

Состроив умильную мордашку, Ольга лилейно произнесла:

— И в мыслях не было, просто стало любопытно, вы прибываете точно к условленному времени и отъезжаете так быстро, что я едва не вываливаюсь из машины.

В последних словах мелькнуло плохо скрытое раздражение. Геннадий Леонидович оторвал взгляд от дороги, с любопытством и удивлением, словно с ним неожиданно заговорило кресло, посмотрел на спутницу. Ольга ответила колючим взглядом, отвернулась.

— Как думаешь, сколько времени требуется снайперу, чтобы нажать на крючок?

Вопрос застал врасплох. Ольга повернула голову, на ее лице отразилось такое незамутненное изумление, что губы спутника поползли в сторону. Справившись с удивлением, она скептически произнесла:

— Примерно представляю. Знать бы только, откуда ему взяться.

— Хороший вопрос, — Геннадий Леонидович одобрительно кивнул, — вот и я не знаю, потому приходится торопиться.

Ольга на несколько мгновений погрузилась в размышления. Создавалось впечатление, что шеф издевается, но это было не в его характере, и она тупенько спросила:

— А в чем соль?

Она не особенно надеялась на ответ, но шеф замедленно произнес:

— Ты удивишься, скольких людей порадует моя смерть, и они не поленятся перехватить мой телефонный разговор, что, надо сказать, сделать не так просто, или поставят на прослушивание... твой мобильник.

Ольга дернулась, как от удара, спросила с подозрением:

— Каким образом? — но, вспомнив, как ее выследил шеф, осеклась.

Заметив, как спутница потупилась, шеф оскалился, сказал с непривычным весельем:

— Даже разговаривая сейчас, я рискую, ведь вполне могло случиться, что, за время прошедшее с последней, или даже предпоследней встречи, тебя успели завербовать.

Услышав конец фразы, Ольга лишь открыла и закрыла рот, а заготовленные колкие слова мгновенно развеялись от жуткого понимания — сидящий рядом мужчина не лгал. В то время как его губы улыбались, в глазах застыл лед, и Оля с холодком поняла — шеф действительно допускал подобную возможность, возникни у него хоть тень сомнений, что едущая с ним девушка работает на два фронта, он бы пристрелил спутницу не задумываясь.

Передернув плечами, Ольга примирительно произнесла:

— Думаю, стоит обсудить детали предстоящей работы.

Геннадий Леонидович кивнул, сказал в тон:

— Хорошая мысль. А насчет прочего... не торопись, меньше знаешь — крепче спишь. В свое время посвятят, если доживешь, конечно, — он хмыкнул.

Ольга поежилась, уж больно жуткий вышел смешок, стараясь уйти от неприятной темы, поинтересовалась:

— Так что с деталями?

— Насчет деталей... — Шеф помолчал, собираясь с мыслями, произнес, скупо роняя слова: — Кое-что нужно забрать у одного человека и передать другому.

— Подробности?.. — лицо Ольги приобрело деловитое выражение.

* * *

Шеф остановился, как обычно, не доезжая до места пару кварталов. Проводив машину взглядом, Ольга неспешно двинулась в нужном направлении, прокручивая в мыслях полученную информацию. На первый взгляд ничего сложного: пройти по означенному адресу, назвать пароль, забрать вещь, после чего доставить в один из дальних районов города, где, в заранее оговоренном месте, отдать соответствующему человеку. Настораживало одно — шеф упомянул оружие, хотя и не факт, что пистолет пригодится, вполне возможно это обычная подстраховка.

Ольга попыталась расслабиться, но ноющее чувство опасности, возникшее, едва она вышла из машины, вновь и вновь возвращало к неприятным размышлениям, пробуждая смутные страхи. Ощувив, что опасения начинают мешать делу, стали едва заметно подрагивать руки, Ольга разозлилась, встряхнувшись, выбросила из головы ненужные мысли и, задавив червячок сомнений, заспешила вперед.

Миновав квартал, Оля свернула во двор, пройдя под аркой, облупленной штукатуркой стен больше напоминающей разлом в скале, чем архитектурный элемент здания, замедлила шаг. Засаженный обшарпанными кустиками, с проржавевшими скелетами детских качелей и дурнопахнущими контейнерами для мусора, двор оказался ни чем не примечателен. Сверившись с адресом, вбитая в стену поблекшая табличка с номером висела почти над самой головой, Ольга двинулась вдоль дома.

Нужный подъезд оказался последним, на лавочке, пригревшись в лучах солнца, дремлют старушки, а на дороге, отсвечивая черными бортами, возвышается внедорожник, затонированные стекла скрывают салон, но окошечко со стороны водителя опущено, из отверстия курится дымок, похоже, измученный жарой шофер, в ожидании хозяина, позволил

себе расслабиться, пропустив сигаретку-другую.

Не выказывая заинтересованности, Ольга замедленно прошла мимо, глядя из-под опущенных ресниц, лицо водителя скрыто газетой, все, как и полагается, скупающий водила разгадывает кроссворд, но в тот момент, когда она поравнялась с оконцем, газета на мгновение отодвинулась, мелькнул ленивый взгляд, водитель перевернул страницу и вновь вместо лица лишь исчерченная ровными дорожками строк бумага. Как ни быстро было движение, Ольга успела увидеть нужное: гладко выбритый подбородок, широкая челюсть, мощные мышцы шеи и внимательный, несмотря на показную небрежность, взгляд, чересчур внимательный для обычного, пусть даже возящего высокостатусную персону водилы.

Двигаясь в прежнем темпе и сохраняя на лице отвлеченное выражение, Ольга подошла к подъезду, с силой потянула за ручку. Жалобно скрипнув, дверь подалась, открывая проход к прохладному зеву здания, Ольга шагнула внутрь, за спиной вновь скрипнуло, звякнул металл, отражаясь от стен, гулкое эхо унеслось вверх, затерявшись в хитросплетении лестницы.

Пока она поднималась, замедленно ставя ноги на ступеньки, в груди зародился холодный комок, внимательный водитель и тонированный внедорожник не шли из головы. Вполне могло оказаться, что это простая случайность, мужчина оценил проходящую мимо женщину, остальное дорисовало воображение, это было очень похоже на правду, настолько сильно, что Ольга даже улыбнулась, но полностью успокоиться мешало предупреждение, сказанное шефом прежде, чем она покинула машину — «будь внимательна».

Улыбка растаяла, а брови сошлись на переносице, когда Ольга подошла к нужной квартире. Постояв минуту в нерешительности, она на всякий случай приложила ухо к двери, ни звука, лишь в соседней квартире бубнит телевизор, да со двора доносятся вопли расшалившихся детей. Рука поползла вверх, коснувшись кнопки звонка, застыла. Нажимать не хотелось. Разозлившись на себя, Ольга с силой вдавила кнопочку. Послышался мягкий звон.

Некоторое время ничего не происходило, затем слуха коснулось шарканье, словно кто-то немощный с трудом передвигал ноги, на мгновение светлое пятнышко глазка потускнело, хозяин пристально вглядывался в гостью. Ольга терпеливо ждала. Наконец хрустнул замок, дверь приотворилась, из-за образовавшейся щели выглянул внимательный глаз, раздалось дребезжащее:

— Что надо?

— Павел Петрович передает привет, — выдала Ольга заученное.

— Павлу Петровичу пора на покой, — последовал ответ.

Дверь затворилась, послышался звон отмыкаемой цепочки. Все происходило в точности, как сказал шеф, но почему так забилося сердце? Ольга вошла внутрь, за спиной хлопнула дверь. Пока глаза привыкали к полутьме коридора, хозяин тщательно запер дверь, двинулся вглубь квартиры, бурча что-то невнятное под нос. Внимательно глядя по сторонам, Ольга последовала за ним. Ничего необычного, квартира, каких тысячи: выцветшие обои, потрескавшийся линолеум, то тут, то там древние, как сам хозяин, шкафы, тяжелые дверцы, витые ручки, посеревшая полировка, создавалось впечатление, что мебель перекочевала сюда прямо из усадьбы какого-нибудь старого помещика.

Прошли мимо запертой комнаты, Ольга на всякий случай незаметно толкнула дверь, тщетно, та даже не подалась, немного успокоившись, двинулась дальше. Впереди замерцал прямоугольник зала, послышалось недовольное:

— На столе возьми, а я пока отойду, капли закапаю.

Сгорбленная фигура хозяина исчезла в примыкающем проходе, а впереди, на столике, обозначился черный портфель. Недоумеваемая, почему хозяин сам не вынес саквояж, не такая уж тяжелая ноша, Ольга зашла в комнату, в два шага достигла столика, подхватила оказавшийся на удивление увесистым портфель, и уже собиралась вернуться, когда за спиной раздался вкрадчивый голос.

— Так, так, так. Кто тут у нас? Невинная девушка?

Замедленно повернув голову, Ольга обвела комнату взглядом. На стоящем у стены диванчике в вальяжной позе сидит мужчина, не поторопись она, заметила бы раньше, руки расслабленно раскинуты, ноги закинута одна на другую, на губах улыбка, но глаза смотрят холодно. Мужчина одет неброско: потертые джинсы, мятая куртка-джинсовка, пуговицы расстегнуты, левая сторона, чуть пониже груди, многозначительно топорщится.

Неотрывно глядя на незнакомца, Ольга замедленно повернулась, переложила портфель в левую руку. Не переставая улыбаться, мужчина смотрел на девушку, если он и заметил движение, то не придал значения. Ольга осторожно улыбнулась, и хотя внутри все тряслось, мягко, но настойчиво произнесла:

— Я зашла на минутку и сейчас уйду.

Собеседник помотал головой, сказал в тон:

— Как мне не прискорбно, но это вряд ли получится.

Несколько мгновений они сверлили друг друга взглядом, Ольга заметила, как незнакомец напрягся, его правая рука чуть шевельнулась, готовая нырнуть за пазуху. Из коридора донесся скрип, в запертой комнате, мимо которой она только что проходила, что-то зашевелилось. Ольга стиснула зубы, кто бы ни был сидящий на диване незнакомец, наверняка он здесь не один, и договориться вряд ли удастся, слишком хищное выражение на лице, слишком напряженная поза, в таком состоянии люди не расположены к беседам.

В голове вертелась одна мысль — пора уходить, и как можно быстрее. Ольга едва заметно сместилась ко входу, но парень похоже этого ждал, он не изменил позы, но напряжения в фигуре ощутимо добавилось, одно неловкое движение, и напружиненное тело взметнется навстречу, или, того хуже, последует выстрел, и вряд ли он будет предупредительным.

Решение пришло неожиданно, показавшееся таким простым, что Ольга невольно улыбнулась, расслабилась, удивленной реакцией, противник нахмурился, но в этот мигновение, Ольга, что есть силы, метнула портфель в лицо незнакомцу. Тот среагировал мгновенно, лишней раз подтвердив высокую подготовку, распластавшись на диване, защитил руками голову, но сконцентрировав все внимание на летящем в голову предмете, на мгновение выпустил из внимания остальное.

Ольга взметнулась, словно кошка, мгновенно преодолев разделяющее с противником пространство, правая рука дернулась под мышку, где, ставший уже привычным, словно нижнее белье, дожидался очереди пистолет, выхватив оружие, нанесла короткий точный удар. Удар был быстр, но противник успел дернуть головой, пряча уязвимую височную кость, и пистолет с силой врезался в лоб, рассек кожу, оставив глубокую вмятину в кости.

Плеснуло кровью, мужчина вскрикнул от боли. Подхватив портфель свободной рукой, Ольга метнулась в коридор, на периферии зрения мелькнуло перекошенное ужасом лицо хозяина квартиры, а спустя мгновение из комнаты раздался надсадный вопль:

— Петров, на перехват!

Запертая до того дверь с легкостью распахнулась, навстречу выметнулся здоровенный мужик, массивное тело заполонило собой коридор, но за мгновение до того, как могучие руки сомкнулись на ее талии, Ольга бросилась на пол, пролетев оставшееся расстояние ногами вперед, рыбкой скользнула между ног противника, не забыв, как учили на тренировках, выбросить вверх правую руку. Кулак тряхнуло, а спустя доли секунды ноги с силой ударили в косяк. Подскочив, Ольга рванула дверь на себя, прыгнула на лестницу, позади, держась за промежность, медленно оседал здоровяк.

С трудом удерживая равновесие, Ольга гигантскими скачками неслась по лестнице вниз, но когда до выхода осталось два пролета, с грохотом распахнулась дверь подъезда, послышались быстрые слова команды, навстречу, быстро поднимаясь, затопали тяжелые ботинки.

Вцепившись в перила так, что заломило пальцы, Ольга развернулась, кинулась назад. Мимо промелькнула распахнутая дверь квартиры, что едва не стала ловушкой, из глубины доносилась вопли, а в полутемном коридоре, плохо видимое, что-то невнятное шевелилось на полу. Не обращая внимания, Оля неслась выше, словно загоняемый охотниками зверь, с ужасом понимая, что несколько мгновений спустя упрется в тупик.

Третий этаж, четвертый, сердце бешено колотится, ноги то и дело срываются, подошва с противным скрипом соскальзывает со ступенек, не в силах зацепиться за стертый бетон, пятый, в груди разрастается холодный ком, глаза лихорадочно мечутся, в тщетной надежде отыскивая проход, что позволит выскользнуть, уйти, оторваться от безжалостных преследователей, чей топот становится все громче.

Короткая, ведущая на чердак, лесенка упирается в квадратный люк. Ольга взлетела наверх, едва не переломав ноги. Рука уперлась в люк, рванула, что есть сил, ударила, затем еще, и еще. Тщетно, повешенный заботливой рукой, замок держит крепко. Шаги все ближе, уже слышится надсадное дыхание, а обоняния касается острый запах терпкого мужского пота.

Пистолет оказался в руке быстрее, чем на тренировках, грохот ударил по ушам, на мгновение оглушив, с жалобным звяканьем замочек отлетел в сторону, загремев, покатился по ступенькам, внизу шарахнулись, послышались испуганные крики. Полуглохшая, Ольга заскочила на чердак, захлопнув за собой люк, ринулась вперед. Перепрыгивая кучи голубиного помета и пригибаясь, чтобы не врезаться в пыльные балки, во множестве пересекающие пространство чердака, пробежала до ближайшего оконца, рванула раму, в лицо ударили солнечные лучи, заставив зажмуриться, щурясь от ослепляющего света, осторожно выбралась на крышу.

Снизу доносятся вопли и короткие команды. Ольга мельком глянула вниз, за доли секунды успев охватить взглядом двор, у подъезда двое мужчин в милицейской форме, еще несколько возле стоящего поодаль неприметного жигуленка. Уже уносясь по крыше, Ольга досадливо чертыхнулась, сказала нехватка опыта, вместо того, чтобы присмотреться к незначительным деталям, сконцентрировалась на самой яркой, удели она десятую часть внимания, посвященного черному внедорожнику, прочим стоящим во дворе машинам, не пришлось бы скакать по крыше, с риском от любого неверного шага сверзиться с пятого этажа на асфальтовую дорожку.

Крыша кончилась внезапно, Оля едва успела погасить скорость, чтобы не скатиться по пологому скату, подкравшись к краю, заглянула за козырек. Во дворе за это время появились пару милицейских машин, откуда выскакивали люди в форме. Стиснув зубы, Ольга осмотрелась, в расположенный внизу подъезд забегают вооруженные мужчины, спуститься этим путем нечего и думать, растущие по соседству деревья, как и дом напротив, слишком далеко, допрыгнуть сможет разве какой-нибудь бэтмен или невесомая белка летяга, но никак не отягощенная саквояжем и гравитацией девушка.

Кусая губы, Оля поползла вдоль козырька, перевалилась на соседний скат. Глаза остановились на торчащих из-за карниза изгибающихся железках. Не веря в удачу, Ольга метнулась вперед, высунув голову, взглянула вниз. Так и есть, притороченная к торцу здания пожарная лестница, со спиленными нижними ступеньками, чтобы не могли забраться вездесущие дети, прочная и удобная.

Чтобы освободить руки, Ольга сжала ручку портфеля зубами, побежала вниз, словно паук, стараясь отключить мозг от процесса движения: малейшая мысль собьет, словно сунутая в спицы палка, а руки вцепятся в ступеньки, гася скорость под беспрекословным повелением страха. В ноги ударило с такой силой, что лязгнули зубы, не успев сориентироваться, Оля сорвалась, преодолев оставшиеся три метра в свободном падении и только чудом ничего не сломав, подхватившись, метнулась в сторону, уходя за соседний дом, а через мгновение, на это место выскочил милиционер, задрал голову, замер в ожидании.

Вдоль тротуара череда припаркованных легковушек, не желая рисковать, Ольга сошла на дорогу, используя машины в качестве ширм, быстро перешла на другую сторону и нырнула в первый попавшийся двор, стараясь как можно быстрее покинуть опасное место, перестраховываясь, двинулась в самую глушь, сплошь заросшую репьем и кустарником. Продвигаясь по извилистому проходу, проложенному не то местными детьми, не то алкашами, протоптавшими в поисках укромных уголков настоящую тропу, она неловко повернулась, зацепившись портфелем за сучок, в раздражении дернулась, но кустарник держал крепко. Разозлившись, Ольга рванула что есть сил, не удержавшись, упала.

Чтобы не грохнуться плашмя, пришлось выпустить портфель. Мягко приземлившись на руки, Оля гибко поднялась и застыла, от рывка портфель распахнулся, на траву, поблескивая прозрачной упаковкой, высыпались небольшие, плотно обтянутые резиночками пакеты. Один из пакетов треснул, из прорехи тонкой струйкой посыпалась белесая пыль.

Ольга нахмурилась, подобные пакеты она уже видела, и догадка о том, что именно она сейчас несла, не вызвала радости. Послюнив мизинец, Оля коснулась кончиком просыпавшейся пыли, принялась, затем поднесла к языку, осторожно попробовала. В носу засвербело от неприятного запаха, а по языку распространилась горечь. В кустах неподалеку зашуршало. Ольга быстро собрала в портфель вывалившиеся пакеты, не оглядываясь, заспешила прочь.

Не решившись ехать на общественном транспорте, Оля взяла такси, и доехала до места, предварительно указав несколько промежуточных точек. Водитель время от времени косился на странную пассажирку, но вопросов не задавал, а получив деньги, уехал все также молча.

Ольга подошла к скамье, где была назначена встреча, присела. Не успела она осмотреться, как из стоящей неподалеку машины вышел мужчина, быстрой походкой пересек разделяющее расстояние, присел рядом, несколько мгновений всматривался в саквояж, после чего поинтересовался:

— Павел Петровичу пора на покой?

— Павел Петрович передает привет.

Ольга с облегчением протянула саквояж, радуясь, что избавилась от опасного груза. Мужчина несколько мгновений вертел портфель в руках, пристально всматриваясь в царапины, затем заглянул внутрь. Ольга терпеливо жала. Не отрывая взгляда от содержимого, незнакомец прошипел со сдерживаемым бешенством:

— Мало того, что я прождал лишний час, так портфель еще и открывали!

— Так получилось, — Оля постаралась сохранить голос ровным.

— Мне придется об этом сообщить, — ледяным тоном произнес мужчина.

Перед глазами вновь встала минувшее происшествие. Ольга ощутила, как в груди зарождается буря. Звенящим от сдерживаемой ярости голосом, она прошипела:

— Сообщайте куда, и о чем посчитаете нужным, только не испытывайте мое терпение, оно не безгранично.

Мужчина оторвался от созерцания содержимого портфеля, с удивлением покосился на собеседницу. Судя по всему, ярость все-таки прорвалась, исказив лицо, поскольку в глазах незнакомца метнулся страх. Застегнув портфель, он поднялся, молча удалился.

Звякнул мобильник. Ольга выхватила из сумочки телефон, бросила нервно:

— Да!

Послышался отстраненный голос шефа:

— Как закончилось?

— Ужасно.

Ольга начала сбивчиво излагать произошедшее, но Геннадий Леонидович прервал, холодно произнес:

— Через четверть часа у «Октябрьского». Успеешь?

Поперхнувшись словами, Ольга несколько секунд соображала, бросила короткое:

— Да.

— Сразу за остановкой. Не опаздывай, — связь прервалась.

Взглянув на время, Ольга спрятала мобильник, двинулась к ближайшей остановке, внимательно поглядывая по сторонам. Автобус подошел почти сразу, и в нужном месте она оказалась на пять минут раньше срока. Наблюдая за дорогой, Оля заметила знакомую машину еще на подходе, памятуя утренний разговор, заскочила в салон раньше, чем автомобиль успел остановиться. Геннадий Леонидович покосился на пассажирку, одобрительно кивнул, отъехав от тротуара, произнес:

— Рассказывай.

К этому моменту нервный озноб прошел, пальцы перестали дрожать, а мысли улеглись, выстроившись в нужной последовательности, Ольга не торопясь рассказала о происшедшем, опустив только эпизод с излишним акцентом на «подозрительном» внедорожнике. Шеф слушал, не перебивая, лишь пару раз чуть заметно дернулась щека, но это можно было списать на неровную дорогу, машина то и дело подсакивала на ухабах, вызывая у пассажиров произвольные движения, и Ольга не обратила на невольную мимику особого внимания.

Геннадий Леонидович задумчиво произнес:

— Значит, хозяин тебя не предупредил... — в его голосе послышались отдаленные раскаты грома.

— Нет, — Ольга покачала головой, — не предупредил.

Не смотря на удачное завершение миссии, Оля чувствовала смутное недовольство, словно это по ее вине задание едва не закончилось провалом. Шеф как будто прочел ее мысли, сказал ободряюще:

— Не переживай. Ты нормально справилась. Признаться, я ожидал, что не все пройдет гладко, потому и вызывал тебя. Да, да, не удивляйся, — перехватив удивленный взгляд спутницы, кивнул. — Если бы потребовалось просто перенести сумку из одного дома в другой, уж нашел бы кому поручить.

— Так вы все знали... — пораженно прошептала Ольга.

— Не все, и не знал! — в голосе спутника мелькнуло раздражение. — Я что, похож на идиота, бросать на засаду из десятка мужиков одну девчонку, пусть даже неплохо подготовленную?

— Неплохо?.. — Ольга почувствовала себя задетой.

— Это был комплимент, — шеф усмехнулся. — Но не задирай нос, бывает и лучше.

— Интересно, что в такой ситуации можно было сделать лучше? — поинтересовалась Ольга уязвлено.

— Например, не соваться туда вообще, — отрезал шеф.

Подумав, что ослышалась, Ольга повторила:

— Не соваться вообще? А что бы сказали вы?

— Я бы похвалил за внимательность. — Заметив непонимание в лице спутницы, Геннадий Леонидович снизошел до объяснения: — Пойми простую вещь, ты не расходный материал. Тебя тренировали почти год вовсе не для того, чтобы потерять на первом же задании. И чем дольше будешь работать, тем твоя цена, уж прости за столь грубое сравнение, будет выше.

Ольга сказала с заминкой:

— Это понятно, но как... Неужели я могу просто взять и отказаться от задания, просто потому, что мне что-то там показалось? Ведь вы же сами говорили.

— Говорил, — жестко отрезал шеф, — и вновь повторю — задание обязательно к исполнению.

— Но, как это возможно!?! — окончательно запутавшись, воскликнула Ольга.

Геннадий Леонидович вздохнул, произнес медленно, словно разговаривая с маленьким ребенком:

— Приказ отдают исходя расчетов, выполняют — по ситуации. Если ты оценила, что опасность превышает твой уровень подготовки, не нужно переть на рожон. Выжди, попроси помощи, отступи, наконец. Я все пойму и одобрю, но! — он поднял указательный палец, — только в том случае, если объяснения меня устроят.

— А что для этого нужно? — ошарашенная услышанным шепотом поинтересовалась Ольга.

— А это как раз из области «лучшего», о чем я и говорил. Будь у тебя больше опыта, ты бы проверила пути к отступлению, чтобы после не метаться в поисках пожарной лестницы, или отсутствующего люка на чердак, устроила бы провокацию сидящим в машине людям, наконец, просто не вошла бы в квартиру, подождав, пока хозяин сам вынесет саквояж. Просто, не так ли? Но в голову не пришло. Потому я повторяю, сделано неплохо, но далеко не отлично.

Ольга сидела неподвижно, чувствуя, как каждое слово шефа, словно молот, вбивает ее в сидение. Она-то мыслила себя героем, девушкой-суперменом, что обвела вокруг пальца десяток мужчин, пронеслась по крышам, и, словно тень, исчезла из-под самого носа преследователей, а оказалось — все эти подвиги на самом деле не больше, чем детская игра в войнушку: красивое и утомительное, но совершенно ненужное геройство, что разнится с настоящей работой, как небо и земля.

Оля ощутила, как щеки заливают краска. С трудом сдерживая жгучие слезы обиды, она пробормотала чуть слышно:

— Я все поняла. Только... как быть с содержимым?

Спутник живо глянул в ее сторону, спросил с подозрением:

— С каким содержимым?

— С содержимым портфеля. Когда я бежала через пустырь, он зацепился за куст и раскрылся.

— И что же там было? — с непонятым выражением поинтересовался шеф.

— Судя по вкусу и запаху... героин.

Геннадий Леонидович вывернул руль так, что машину занесло, под дикий визг шин, он отчеканил зло:

— Будем считать, что я этого не слышал. Забудь, и больше никому этого не говори.

— Но ведь это жуткий наркотик, — в страхе прошептала Ольга, неужели мы способствуем...

Ее прервал бешеный рык шефа.

— Не суй нос, куда не следует, если не хочешь его потерять! Последнее время ты задаешь слишком много вопросов, что наводит на размышления.

Слова собеседника возымели обратный эффект, Ольга разозлилась. Сверкнув глазами, она прошипела:

— Вне зависимости оттого, что мне полагается, и что грозит, я не хочу участвовать в распространении этой гадости!

Лицо собеседника перекопилось от ярости, и Ольга невольно закрыла глаза, ожидая вспышки, но шли секунды, ничего не происходило. Приоткрыв один глаз, Оля покосилась на спутника: на лице ни следа гнева, дыхание ровное, губы сложены в некое подобие улыбки, от удивления Ольга открыла второй глаз, взглянула вопросительно.

Геннадий Леонидович неожиданно мягко произнес:

— Я тебя сейчас высажу, когда понадобится, позвоню.

Машина притормозила возле тротуара. Поняв, что разговор окончен, Ольга взялась за ручку двери, произнесла сухо:

— До свидания.

— Счастливо. И на будущее...

Пальцы застыли на ручке. Ольга повернулась вполоборота, сказала с опаской:

— Я слушаю.

— Не пытайся по разрозненным фрагментам понять картину в целом, истины не найдешь, а вот головной боли не оберешься.

За спиной захлопнулась дверца, фыркнув мотором, машина унеслась вдаль. Уронив взор под ноги, Ольга медленно брела по тротуару. Услышанное предстояло осмыслить и сделать выводы, а для этого нужна была свежая голова и чистые мысли. Что-то сверкнуло, привлекая взгляд. Подняв глаза, Ольга заметила шикарную витрину приближающейся ювелирной лавки. Лучше нельзя было и представить, чтобы отвлечься от происшествий дня. Улыбнувшись, Оля устремилась в гостеприимно распахнутые двери.

Телефон завибрировал в момент, когда Ольга стояла возле машины, ожидая появления хозяина. Два дня назад Иван сильно заболел, и к обычным обязанностям добавилось ежедневное вождение. Ольга сперва наотрез отказалась выполнять функции водителя, но к слезным просьбам Валериан Петрович добавил солидное вознаграждение и она, скрепя сердце, согласилась, тем не менее, в ультимативной форме предъявив условие — хозяин выходит из салона не раньше, чем машина встает на парковку. Валериан Петрович дал согласие, но всякий раз, ожидая, пока Ольга найдет свободное место, недовольно ворчал, раздраженный вынужденной задержкой.

Облокотившись на машину, Ольга время от времени посматривала сквозь стеклянные двери банкомата, где, скрючившись над автоматом выдачи денег, Валериан Петрович набирал номер карточки. Судя по всему, хозяин торопился и путал цифры, а упрямый автомат прерывал операцию, заставляя повторять манипуляцию вновь и вновь, отчего Валериан Петрович ярился, безмолвно матерясь в пространство.

Оторвавшись от занимательного зрелища, размахивающий руками хозяин выглядел довольно комично, Ольга вытащила мобильник, взглянув на номер, с улыбкой произнесла:

— Слушаю.

Динамик отозвался знакомым голосом:

— Ольга? Прости, что звоню в такое время... Я подумал...

— И что же ты подумал? — в голосе Ольги проскользнули насмешливые нотки.

Спохватившись, собеседник охнул, воскликнул виновато:

— Прости, пожалуйста. Ты не занята?

Ольга покосилась на помещение банкомата, где продолжалась затяжная война между человеком и машиной, сказала с сомнением:

— Пока не особо, но через минуту могу оказаться вне доступа.

Услышав ответ, собеседник торопливо произнес:

— Отлично. Мне больше и не нужно. Что ты скажешь, если ближе к вечеру я приглашу тебя в кафе?

С трудом удерживаясь от смеха, Ольга ответила:

— Исходя из вопроса, прежде чем ответить, мне нужно дождаться приглашения, и не факт что оно будет.

Собеседник на мгновение замолчал, осмысливая, затем произнес с обидой:

— Ольга, ну что ты вечно придираешься к словам! Ты же прекрасно меня поняла.

Не выдержав, Оля расхохоталась, примирительно произнесла:

— Конечно, поняла. Просто, ты так интересно сформулировал... Не смогла отказать себе в удовольствии. — И уже серьезно добавила: — Миш, я сегодня буду занята часов до шести... нет, даже до семи, нужно еще машину отогнать, хотя... — она запнулась, вспомнив, что с утра вновь потребуется вести хозяина, а автомобиль вполне может постоять под окнами, благо для него нет никакой разницы — окна ли это хозяйского дома, или приятеля девушки временно исполняющей должность шофера. — В общем, я позвоню ближе к вечеру, и если у тебя не изменятся планы...

— Не изменятся, — горячо заверил собеседник. — Не настолько часто видимся, чтобы... В общем, звони, постараюсь к означенному времени сделать все дела и в ожидании

сидеть на телефоне.

— Хорошо, — Ольга улыбнулась, — если не смогу дозвониться, буду знать, что телефон не выдержал.

Секунду телефон озадаченно молчал, затем на той стороне хохотнуло, голос воскликнул ликующе:

— Буду ждать!

Едва Оля убрала мобильник, как с грохотом распахнулась дверь, из комнатки банкомата, отчаянно матерясь, выдвинулся Валериан Петрович. Оказавшиеся поблизости люди смотрели с удивлением, но хозяин, не обращая ни на кого внимания, продолжал изливать душу, пока не кончился запас воздуха в легких. Дождавшись естественной паузы, Ольга поинтересовалась:

— Куда сейчас?

Вращая глазами и надув побагровевшие щеки, Валериан Петрович рявкнул:

— В гостиницу. Чтобы не схватить инфаркт, мне срочно необходимо восстановить гормональный баланс, а поскольку тебя просить бесполезно, то... — он махнул рукой, с силой рванул на себя дверцу, так что в машине что-то жалобно хрястнуло, с размаху плюхнулся на сиденье.

Понимающе хмыкнув, Ольга обошла машину. Валериан Петрович массе известных методов борьбы со стрессом предпочитал простой и древний как мир, поругавшись с домашними, или будучи выведен из себя неудачным течением дел, он ехал в одну из множества городских гостиниц, одновременно заказывая в номер жрицу любви. Не изменил он этому правилу и на этот раз. Ведя машину в сторону ближайшей гостиницы, Ольга слышала, как хозяин обзванивает «фирмы» уточняя цену «работы» и мастерство «работников», в промежутках между разговорами вполголоса ругая операторов за недостаточную вежливость и возмущаясь «диким ценам» на услуги.

Обгоняя вяло плетущийся автобус, Ольга едва не проехала мимо гостиницы, серое типовое здание отличалось от прочих лишь массивным крыльцом да позолоченными барельефами поддерживающих козырек входа колонн, свернув в последний момент, лихо заехала на парковку, остановившись вплотную к тяжелой, служащей ограждением цепи.

Валериан Петрович недовольно всхрюкнул, сказал с раздражением:

— Мало того, что день не заладился, так еще и ты гарцуешь. Нельзя мягче?

Ольга развела руками, ответила вкрадчиво:

— Мягче помешал автобус. Если бы не свернула сейчас, пришлось бы переть до разворота, а это почти два километра в обе стороны и десяток светофоров. Конечно, если бы вы сказали, что не торопитесь...

Ответом послужил резкий хлопок дверью. Улыбнувшись, Ольга выскочила из машины, на ходу нажав кнопку сигналки, коротко пискнуло, на приборной панели замерцал синий глазок, догнав хозяина, Ольга пристроилась рядом, пошла в ногу, на полшага впереди.

В холле гостиницы пустынно, лишь прикорнувший пожилой охранник на кресле неподалеку, да склонившийся над газетой администратор, отделенный от остального помещения невысокой стойкой. Заслышав звук шагов, администратор встрепенулся, поднял голову, в глазах еще не протаяло понимание, но губы уже растянулись в угодливой улыбке:

— Чего изволите?

Валериан Петрович авторитетно кашлянул, понизив голос, сказал:

— Мне б номер на... часок.

Администратор понимающе кивнул, спросил в тон:

— Вам обычный, улучшенной планировки, люкс?

Помявшись, Валериан Петрович пробормотал:

— Обычный.

Сделав вид, что заинтересовалась отделкой стен, Ольга тактично отошла в сторону, оставив хозяина наедине с администратором. Мягким крылом коснулась ностальгия. Сколько раз, сорвавшись на вызов, приходилось работать в таких гостиницах, по одиночке, парами, и даже всей командой, смотря, как желал заказчик. Перед глазами промелькнули лица подруг. Где они теперь, и что с ними? Живы ли? Ольга тяжело вздохнула, понимая, что этого не узнает уже никогда, встряхнулась, отгоняя грусть. Вспорхнув невесомым туманом, воспоминания рассеялись, оставив на прощание соленую дорожку на щеке.

Послышались приближающиеся шаги. Сморгнув, Ольга повернулась, шагнула навстречу. Взглянув ей в глаза, Валериан Петрович на мгновение нахмурился, но прошел дальше, не задавая вопросов. Порадовавшись, несмотря на буйный нрав, хозяин порой проявлял завидную тактичность, Ольга скользнула следом, оказавшись первой у лифта, нажала кнопку вызова.

Как и ожидалось, номер не отличался размерами и имел весьма скромную обстановку. Осмотрев в ванную, Ольга прошла по помещению, выглянула в окошко, проверила пространство под диваном и вышла в коридор, притворив за собой дверь. В замке повернулся ключ, а спустя минуту послышался плеск воды, сопровождаемый довольным пением. Прислушиваясь к доносящейся мелодии, что время от времени теряла всякое подобие с оригиналом, Валериан Петрович не отличался музыкальным слухом и ужасно фальшивил, Ольга вновь погрузилась в воспоминания.

Послышалось цоканье каблучков, одновременно раздался взрыв хохота. Ольга повернула голову. В коридор, вывернув с лестничного пролета, вдвинулись четверо девушек: короткие юбки, оголенные плечи, ярко накрашенные лица. Первой, уткнувшись взглядом в пол, двигается невысокая девушка, в отличие от троих спутниц, блистающих, как новогодние елки, серая, словно мышь. Девушки подошли ближе. Первая подняла голову, взглянула пристально. Перехватив внимательный взгляд, Ольга улыбнулась, безошибочно опознав в «вожатой» разводящую, приветливо произнесла:

— Богатых клиентов, девчонки. Вы в триста четырнадцатый?

Девушки с удивлением зашептались, а разводящая замедленно произнесла:

— Спасибо за пожелание. Мы... опоздали?

Ольга улыбнулась шире, скала мягко:

— Я не конкурент, хоть и в теме. Так вы по вызову?

Разводящая кивнула, сказала с заметным облегчением:

— Я как тебя увидела, решила — не успели, параллельная контора обошла. Да, по вызову. Мне нужно проверить номер.

Ольга кивнула, сказала серьезно:

— Конечно. Безопасность в первую очередь. Мало ли в жизни уродов...

Девушка с удивлением взглянула Ольге в лицо, где промелькнула тень воспоминаний, поинтересовалась с усмешкой:

— Кто в армии служил — тот в цирке не смеется? Вижу, ты действительно в теме. Тогда, позволь, я пройду.

— Разумеется, — Ольга вновь кивнула, — только сперва небольшая формальность. Мне

нужно проверить вас на наличие оружия. Немного разойдитесь, и, пожалуйста, покажите содержимое сумочек.

— Ты типа охрана! — басом ахнула одна из девиц.

— Да что у нас может быть, пулемет в сумочке? — раздраженно воскликнула вторая.

— Сейчас, сумочку тебе покажи. А сопрешь что? — гневно ответила третья.

Ловко охлопывая малейшие складки одежды девушек, Ольга деловито произнесла:

— Чтобы убить человека достаточно заточенной шпильки, не говоря о большем. Мне бы не хотелось после вашего ухода застать клиента в луже крови.

Властным жестом заставив девушек замолчать, разводящая примирительно произнесла:

— Не обращай внимания. Девчонки устали со смены, почти сутки на ногах.

Закончив с осмотром, Ольга кивнула на дверь, сказала понимающе:

— Все нормально. Заходи, твоя очередь.

Разводящая постучала. Послышался бодрый топот, дверь стремительно распахнулась, на пороге возник растрепанный Валериан Петрович, густая шерсть на груди блестит каплями влаги, на чреслах болтается полотенце, жадно оглядев гостей, он раздраженно бросил:

— Наконец-то! Вечно телитесь, как не знаю что. Яйца треснут, пока дождешься.

Разводящая мило улыбнулась, произнесла с подъемом:

— Спешили, чуть колеса не сожгли, с противоположного конца города. Осталась небольшая формальность, — отодвинув хозяина, она боком протиснулась в номер.

Глядя на недовольное лицо хозяина, Ольга отвернулась, не в силах сдержать улыбку. Разводящая возникла в коридоре. Покосившись в ее сторону, Валериан Петрович проворчал:

— Все в порядке? Маньяков, извращенцев, убийц не нашла?

— Все отлично, — разводящая кивнула. — Девочки, заходите.

Ощупав проходящих мимо девушек жадным взглядом, Валериан Петрович покосился на Ольгу, но та с отстраненным выражением смотрела в потолок, и хозяин захлопнул дверь. Несколько минут ничего не происходило, затем дверь распахнулась вновь, девушки, уже в количестве трех человек, вывалились в коридор. Размалеванные девицы с ходу направились к лестнице, а невзрачная девушка задержалась, не глядя на Ольгу, спросила:

— У кого работала?

Ольга задумчиво ответила:

— Ты вряд ли их знаешь.

Разводящая нахмурилась, сказала с обидой:

— Я в нашем городе все конторы знаю.

— Я не местная — слабо улыбнулась Ольга.

Разводящая протянула понимающе:

— Тогда ясно. Расскажи хоть, как с этим у вас обстоит: лучше, хуже?

Ольга пожала плечами, замедленно произнесла:

— Не думаю, что есть отличия. Бессонные ночи, суровый хозяин, клиенты уроды, веселые попойки до утра, и остекленевшие глаза подруги, что только вчера шутила и смеялась вместе со всеми...

Девушка кивала в такт словам, когда Ольга замолчала, со вздохом произнесла:

— Действительно, то же самое. Я вот тоже сперва с клиентами работала, потом стала разводящей. Последнее время все хочу уйти, да никак не могу решиться. — Она махнула рукой, добавила устало: — Ладно, пойду, еще три заказа, а времени почти нет. Приятно было поболтать.

Ольга смотрела ей вслед, пока хрупкая фигура не исчезла за поворотом лестницы. В душе смешались противоречивые чувства: боль былых утрат сливалась с радостью теплых воспоминаний, перед глазами вставали лица подруг, а в ушах звучали давно забытые голоса. Чувствуя, как раскаляется голова, Ольга повернулась к стене, застыла, приложив пылающий лоб к прохладной поверхности.

Доставив хозяина домой, после «гормональной терапии» Валериан Петрович пришел в отличное расположение духа, и всю дорогу травил байки из деловой жизни, Ольга повела машину назад. Близился час пик, и на дорогах образовались пробки. То и дело поглядывая на часы, Ольга хмурилась, времени до назначенной с Михаилом встречи почти не осталось, а ехать предстояло еще далеко, учитывая же повсеместные заторы, рассчитывать на более-менее сносное опоздание не приходилось.

Поглядывая на скопившиеся вокруг машины, Ольга недоумевала, откуда взялись все эти автомобили. Она прекрасно помнила, что еще несколько лет назад, улицы города были пусты, а редкие автомобили важно дефилировали по центру дорог, и даже в самое напряженное время, сразу по окончании рабочего дня, не наблюдалось такого ужаса. Теперь же, даже в обычное время приходится следить за дорогой, чтобы не столкнуться с одним из многочисленных автолюбителей, не говоря уже о часах пик, когда автомагистрали превращаются в подобие рек в половодье, где растрескавшиеся льдины несутся в тесном пространстве, тараня друг друга и с хрустом царапаясь острыми краями, а узкие улочки и переулки забиваются машинами настолько, что движение останавливается намертво.

Обогнав столкнувшиеся легковушки, и едва не угодив под рванувшийся в освободившееся пространство грузовик, Ольга выжала газ, нырнув в открывшийся справа проулок, выбралась из пробки. Удивление от зрелища свободной дороги сменилось пониманием, а затем ужасом, когда Оля увидела огромные дыры в асфальте, словно недавно здесь шли боевые действия. Как ни кстати зазвонил мобильник. Выворачивая руль то вправо, то влево, так что машину бросало из стороны в сторону, Ольга на ощупь отыскивала телефон в сумочке, раздраженно бросила:

— Слушаю.

Послышался далекий голос Михаила, плохо слышимый за грохотом колес по выбоинам.

— Я не вовремя?

Вывернув руль на полную, и с трудом избежав падения в небольшую, но, судя по заполнившей внутреннее пространство черноте, бездонную яму, Ольга пробормотала:

— Не так чтобы быстро...

Михаил произнес извиняющимся тоном:

— Просто, я подумал, что, быть может, ты забыла, уже столько времени прошло...

Оля мельком покосилась на часы, отрывать взгляд от дороги хотя бы на секунду грозило скорой остановкой, с последующим вызовом эвакуатора, виновато произнесла:

— Миш, ты извини, я уже битых полчаса пытаюсь пробиться в город, но тут такие пробки. Сдуру свернула на боковую, а здесь ямы, как после атомной войны.

Телефон хмыкнул, сказал потеплевшим голосом:

— Понятно. А я уж подумал, не случилось ли чего. Значит договор в силе?

— Конечно, ай!.. — телефон выпал из ладони, Ольга вцепилась обеими руками в руль, объезжая выскочившую прямо под колеса собаку, выдохнув, пошарила под ногами, зацепив коробочку мобильного, вновь поднесла к уху.

— Да что у тебя твориться? — послышался взволнованный голос.

Ольга с нервным смешком произнесла:

— Я недооценила дорогу. Помимо ям под колеса кидаются домашние животные, думаю,

вскоре дойдет и до людей. — Не дожидаясь дальнейших вопросов, прервала сама себя, спросила: — Где встречаемся?

Сбитый с толку, Михаил некоторое время молчал, затем замедленно произнес:

— Я как раз хотел поинтересоваться, с какой стороны ты въезжаешь в город? Может зацепишь, а то я как раз...

— Диктуй адрес, — Ольга прервала поток речи.

Не успел Михаил закончить, как Оля вновь отбросила телефон, схватилась за руль, и больше не отпускала, название улицы и номер дома уже прозвучали, а рисковать машиной ради формального прощания она не посчитала нужным. Промучившись еще несколько минут, Ольга выбралась на нормальную дорогу, навсегда зарекавшись сворачивать в неизвестные проулки, надав газу, устремилась к цели, мысленно выстраивая наиболее короткий маршрут, и, не медля, претворяя его в жизнь.

Когда Ольга нашла нужный дом, Михаил уже стоял на обочине дороги, выделяясь на фоне посеревшей от пыли зелени ярко красной майкой, серые брюки сливались с листвой, и издали казалось, что над газоном парит пышущий жаром джин. Михаил сперва не обратил внимания на остановившуюся машину, но когда, повернув голову на призывное гудение, обнаружил за рулем Ольгу, в удивлении распахнул глаза.

Оля мотнула головой, указав на дверь. Михаил понимающе закивал, а спустя мгновение возник на соседнем сиденье, мельком осмотрев салон, сказал с восторгом:

— Вот это да! Не знал, что у тебя такая машина.

— Я тоже, — улыбнувшись, Ольга тронула руль. — Куда поедем?

Михаил ответил в затруднении:

— Я даже не знаю, стоит ли ехать. Тут недалеко.

Ольга обрадовано произнесла:

— Вот и хорошо, а то мне вождение поперек горла, мало того, что уже три дня за рулем безвылазно, так еще жарко, как в печке.

— А кондишн? — Михаил кивнул на панель приборов, где, среди множества кнопочек, выделялась одна с изображением пропеллера.

Ольга брезгливо поморщилась, произнесла:

— Кондиционер свежести не прибавляет, а засасывать воздух с проезжей части — себе дороже, задохнусь от выхлопов. Указывай куда.

Она вырулила на вторую полосу, прибавила газу, стремясь поскорее добраться до места и покинуть осточертевшее авто. Пока Оля выкручивала руль, ловко лавируя в потоке, Михаил, стараясь делать это незаметно, искоса поглядывал в ее сторону, не забывая время от времени указывать повороты. Притормозив возле указанного спутником места, Ольга воспользовалась моментом, когда одна из запрудивших парковку машин отошла, чтобы юркнуть на освободившееся место под самым носом спортивной иномарки.

Не обращая внимания на разъяренного водителя, в приступе гнева раз за разом жмущего на клаксон, Ольга хрустнула ручником, как ни в чем не бывало вышла на улицу. Опасливо косясь на продолжающего сигналить конкурента, Михаил выбрался следом, негромко поинтересовался:

— А если он выйдет?

— Как выйдет, так и зайдет, — насмешливо бросила Ольга. — Кто раньше встал — того и тапки. Пошли, нечего на урода внимания обращать.

Взяв спутницу под руку, Михаил двинулся к кафе, с интересом размышляя, что бы он

чувствовал на месте водителя. Спустя несколько мгновений, позади взревел мотор, взвизгнув покрывками, авто сорвалось с места, унося с собой недовольного хозяина. Проследив взглядом за умчавшейся легковушкой, Михаил покачал головой, сказал с уважением:

— Смелая ты. Я бы на такое не сподвигся.

— Забудь, — Ольга легкомысленно отмахнулась. — Просто настроение хорошее. Да и не всегда я такая, скорее наоборот.

— А, так это ты впечатление производишь! — Михаил понимающе улыбнулся.

— Точно! — Ольга расхохоталась. — Ты меня расколол. Только пошли быстрее, а то мне так есть хочется, аж переночевать негде.

Михаил спохватился, виновато воскликнул:

— Что же ты раньше не сказала! И я, балбес, не догадался, — он устремился в сторону кафе, увлекая за собой спутницу.

Раздираемая чувством голода, Ольга с трудом дождалась ужина. Все время, пока Михаил составлял заказ, выбирая блюда из длиннейшего списка, и в последующем ожидании, Оля чувствовала, что еще немного, и, отбросив приличия, она набросится на непечатые тарелки, словно в насмешку скопившиеся возле мужчины за соседним столиком, что не торопясь, размеренно, поглощал одно блюдо за другим, всецело погрузившись в процесс и не обращая внимания на происходящее вокруг.

Ольга уже нацелилась на ближайшее блюдо с горкой квадратных мясных кусочков выложенных ровной плиткой на полупрозрачной кляксе холодца, когда принесли заказ. С силой сжав губы, чтобы наполнившая рот слюна не хлынула на стол, Ольга придвинула к себе тарелку с супом, и мгновенно, хотя ей показалось, что рука двигается словно застывшее в смоле насекомое, опрокинула в рот первую ложку.

Горячая жидкость растеклась по языку, обожгла небо, проникнула глубже, туда, где подпрыгивая от нетерпения, бесновался желудок. С трудом сдерживаясь, чтобы не отбросить ложку, и не начать пить прямо через край тарелки, Ольга быстро уничтожила суп, сразу же перешла ко второму. Желудок еще не успел наполниться, и властно требовал добавки, но, заметив округлившиеся глаза спутника, Ольга заставила себя есть медленнее.

Вяло ковыряясь в салате, больше для порядка, чем из желания поесть, Михаил с удовольствием смотрел, как спутница насыщается. В один из моментов, когда Ольга подняла на него глаза, осторожно поинтересовался:

— Тебе... нравится?

— Смеешься? — Ольга зачерпнула ложечкой корку розового салата, забросила в рот. — Пальчики оближешь!

— Специально подбирал, под твой вкус, — скромно признался Михаил.

Ольга на мгновение опешила, спросила с непониманием:

— Откуда ты знаешь про мой вкус?

Спутник помялся, сказал неохотно:

— В нашу первую встречу, когда ты вышла из буфета, я не поленился, уточнил у повара названия блюд.

— А как ты догадался? Или я брала при тебе?

— По остаткам, — Михаил смущенно опустил глаза.

Ольга несколько мгновений неверяще смотрела на компаньона, затем расхохоталась, отчего тот смутился еще больше. Отсмеявшись, Оля спросила с ноткой удивления:

— Но... зачем?

Михаил поднял голову, сказал так открыто, что у Ольги защемило в груди:

— На будущее. Я знал, что мы встретимся.

— И решил пойти к моему сердцу через желудок, — подытожила разговор Оля.

— Ну да, — он хитро улыбнулся. — Видела бы ты себя со стороны, когда сильно голодная, вот как сейчас, даже сомнений бы не возникло!

Ольга покачала головой, сокрушенно произнесла:

— Вот бы никогда не подумала. А я-то всегда считала, что ем редко и мало, а оказалось...

Переглянувшись, они одновременно рассмеялись. Сдвинув к Ольге, не смотря на ее протесты, все тарелки, Михаил поинтересовался:

— Помню, ты обмолвилась, что живешь в подсобке рядом с коттеджем хозяина. Ты... там живешь по-прежнему, или с тех пор что-то изменилось?

— Ничего, — Ольга помотала головой, старательно выскребая из вазочки остатки салата. — Да и зачем? Работа рядом, считай, по месту жительства, транспорт есть, разве туалет на улице, и до душа идти два десятка метров, но я привыкла. А почему ты спрашиваешь? — она пытливо взглянула на компаньона.

От неожиданности Михаил смешался, промямлил:

— Даже не знаю, стало вдруг интересно. Не бери в голову.

С интересом всматриваясь в лицо спутника, что под ее пристальным взглядом пошло пятнами, словно тому вдруг стало невыносимо стыдно, Ольга покивала, насмешливо блеснув глазами, произнесла:

— Что-то мы чересчур увлеклись моей особой. Расскажи лучше о себе. Что у тебя произошло за последнее время?

Михаил пожал плечами, сказал задумчиво:

— Ничего особенного. Даже не знаю, что сказать. Вот, разве ремонт сделал.

Ольга всплеснула руками, произнесла с восторгом:

— Вот прямо так и сделал, сам!?

— Да, — Михаил развел руками, — а что такого?

В сомнении глядя на оставшиеся блюда, не зная, какое выбрать, Ольга пробормотала:

— Я всегда считала, что ремонт ужасно скучная, сложная работа, что под силу только бригаде специалистов-дизайнеров, — так и не решившись с выбором, она подвинула к себе сразу две тарелочки с десертом. — А оказывается, это может сделать и один человек.

— Ты правда так считала? — глаза Михаила загорелись интересом. — Но это совершенно не так. Если тебе интересно, я с удовольствием об этом расскажу.

— Конечно, — Ольга кивнула, примериваясь к украшающей горку мороженого вишенке. — Но, думаю, намного лучше будет взглянуть на результат. Конечно, если ты не против, — она взглянула на спутника.

В ее глазах мерцали загадочные огни, и Михаил замер от восторга, чувствуя, как от предвкушения вечера, по телу разливается сладкая истома. Собрав волю в кулак, чтобы не завизжать, как щенок, ошарашенный вниманием хозяина, Михаил величаво кивнул, сказал с достоинством:

— Что ж, если тебя не смутит бардак, и некоторое количество разбросанной по дому грязной одежды... Могу предоставить такую возможность.

Прикрыв глаза так, что окружающий мир рассыпался на части, разделенный гребнем ресниц, Ольга чувственно выдохнула:

— Возможно, кого-то и смутит, но только не меня.

Пока задохнувшийся от прилива эмоций компаньон приходил в себя, Ольга разделалась с остатками ужина, прищелкнула пальцами, подзывая официанта. Денег хватало с избытком, но она отбросила намерение расплатиться, не желая оскорблять спутника, возможно кто другой был бы не против, предложи девушка заплатить за ужин сама, но Михаил явно не входил в их число.

Ознакомившись с чеком, Михаил отсчитал деньги, и они вышли из кафе. Жара спала, и Ольга с удовольствием подставила ветру разгоряченные после плотного ужина щеки.

— Прогуляемся? — Михаил протянул руку в приглашающем жесте.

Ольга помялась, указав на машину, с сожалением произнесла:

— Знаешь, мне бы не хотелось оставлять автомобиль здесь. Если с ним что-то случится, Иван с меня голову снимет.

— А Иван это... — Михаил вопросительно приподнял бровь.

Услышав в голосе спутника едва заметные нотки ревности, Ольга улыбнулась, сказала мягко:

— Это шофер хозяина. Для него машина — вторая жена, а может и первая.

Михаил с облегчением выдохнул, сказал с подъемом:

— Что ж, если так, тогда конечно. Поедем. У моего дома парковка, там и оставишь, а за одно прогуляемся, неподалеку есть отличный парк.

— А ты специалист по паркам, — Ольга тонко улыбнулась, — не иначе, часто возникает потребность.

Не отреагировав на подначку, Михаил скромно возразил:

— Просто, я природу люблю.

Когда они подошли к подъезду стемнело, на небе протаяли бледные точки звезд, и лишь на западе алела тонкая полоска облаков, подсвеченная последними лучами заходящего солнца. Передернув плечами, к вечеру стало заметно холоднее, Ольга с благодарностью произнесла:

— Хорошо, что ты вытащил меня на прогулку. За ежедневной работой забываешь, как хороша природа, и когда удастся вот так, бездумно, побродить по зеленым уголкам города, отличное настроение на ближайшие неделю — две обеспечено.

Михаил развел руками, сказал смущенно:

— Это тебя надо благодарить. Один бы я когда еще сподвигся, то одно нужно сделать, то другое. — Он спохватился, спросил с испугом: — Мне показалось, или ты уже собралась уходить?

Ольга удивленно распахнула глаза, воскликнула в притворном ужасе:

— Уходить, не взглянув на ремонт?! К тому же, — она понизила голос, — я успела проголодаться, и лелею надежду отыскать в твоём холодильнике что-нибудь вкусненькое. У тебя есть холодильник?

Михаил моргнул, не понимая, шутит спутница, или всерьез решила, что он живет не ведая благ цивилизации, ответил с жаром:

— Конечно, у меня есть холодильник!

— Вот и отлично, — Ольга враз стала деловитой. Потянув компаньона за руку, произнесла: — Тогда пошли быстрее, а то у меня желудок рычит, словно раненый тигр.

Не зная, удивляться или радоваться столь необычному поведению, Михаил поспешно полез в карман, позвонив ключами, извлек нужный, ткнул в торчащую из двери коробочку кодового замка. Хрустнуло, дверь мягко отворилась, пропуская припозднившихся гостей.

Пока поднимались по лестнице, Ольга искоса посматривала на спутника, гадая, какую реакцию произвела. Последнее время она стала замечать, что ведет себя все более свободно, делая и говоря такое, на что раньше не хватило бы духу. Самое странное, что окружающие терпели ее выходки, и даже, как порой казалось, воспринимали их как само собой разумеющееся, чем вызывали у Ольги полнейший ступор, оставалось лишь тихо удивляться, да вспоминать пословицу: наглость — второе счастье.

За входной дверью открылась погруженная во тьму прихожая. Опасаясь запнуться, или наскочить на какое-нибудь препятствие, Ольга пропустила хозяина вперед, а когда щелкнул выключатель, и под потолком вспыхнула лампа, залив пространство комнаты мягким желтоватым светом, на мгновение застыла, с восторгом всматриваясь в интерьер.

Стены представляли собой сплошной барельеф, словно из типовой квартиры обычной пятиэтажки Ольга разом перенеслась в древние Афины, оказавшись внутри какого-нибудь известного храма, или другого произведения зодчества. Если бы не недоделанный кусок в углу, где, под свежим срезом гипсокартона, обнаружилась серая штукатурка стены, можно было принять увиденное за настоящий камень, настолько натуральным казался цвет и естественной структура «камня».

— Нравится? — Михаил с трудом скрывал радость, глядя с каким восхищением гостья осматривает стены.

— Потрясающе, — Ольга восторженно тряхнула головой. — Это ты сам?

— Ну да, — Михаил скромно потупился. — В свое время ходил в студию художественно скульптуры и пластики, и вот... решил применить знания на практике.

Вглядываясь в развернувшуюся на стене батальную сцену, Ольга покачала головой, сказала с восхищением:

— Всегда завидовала людям умеющим рисовать, или, тем более, ваять в камне.

Снимая обувь, Михаил с улыбкой произнес:

— Было бы чему завидовать. Да и не камень это, гипс. Конечно, я его кое-чем пропитал, чтобы больше напоминал породу, но все же это совсем не то.

Пройдясь вдоль стены, Ольга взглянула на хозяина дома, спросила с интересом:

— И так у тебя везде?

— А ты проверь, — поддразнил Михаил, — всего дел-то — по комнатам пройтись.

— И пройду, — хмыкнула Ольга, — думаешь, испугаюсь?

С улыбкой проследив, как гостя исчезает в ближайшей комнате, Михаил направился в ванную, ополоснуть руки, а затем переместился в кухню. Желание гостя — закон, а уж если гость — симпатичная девушка, нужно разбиться в лепешку, но исполнить желаемое, тем более, если заявленная потребность столь проста и естественна — хорошо и вкусно покушать.

Мягко прикрыв дверь, чтобы не отвлекать гостью, за чьей напористостью, казалось, крылась робость и опасения, Михаил устроил краткую инвентаризацию запасов. В морозильнике обнаружился пакет с остатками фарша, а в нижем отделении пакет с плодами сладкого перца. Порадовавшись, что не извел продукты в предыдущие дни, ограничив рацион пивом и чипсами, Михаил взялся за дело. Пока фарш размораживался, выложенный на тарелочке в микроволновку, в дело пошли перцы. Срезав верхушки, Михаил осторожно, чтобы не повредить хрупкие стенки, вытащил содержимое, а оставшиеся полыми плоды промыл ледяной водой, выложив рядом на стол.

Когда, осмотрев квартиру, Ольга вышла в прихожую, желая поделиться с хозяином впечатлениями, ноздрей коснулся тонкий аромат тушеного мяса, следуя за захватившим внимание запахом, она миновала коридор и вышла к кухне. Аромат стал заметно сильнее, в него вплелись новые пряные нотки, а до слуха донеслось негромкое шкворчание.

Отворив дверь, Оля осторожно заглянула внутрь: на плите, недовольно шипя и выстреливая каплями масла, жарится, уменьшаясь на глазах, оранжевая горка мелко натертой моркови, по соседству исходит паром кастрюлька, угрожающим бульканьем напоминая геотермальный источник, в прозрачном жерле духовки, отгороженные толстым стеклом, проглядывают выложенные тесными рядами пунцовые сферы, увенчанные бугрящейся желтой корочкой, что, как живая, вибрирует, вздуваясь тугими пузырьками. По соседству склонился над раковиной хозяин дома, руки то и дело взлетают, вытаскивая тарелки одну за другой, складывают в висящую тут же сушилку, из раковины, при каждом неловком движении, взлетает фонтан веселых брызг, окатывая все вокруг мелким теплым дождиком.

Ольга неслышно прошлась по кухне, тихонько присела за стол, так что, случайно обернувшись, Михаил от неожиданности вздрогнул всем телом, сбавив воду, чтобы шум не заглушал слова, весело произнес:

— Я не заметил, как ты вошла, на секунду даже испугался.

Ольга отмахнулась, ответила в тон:

— У тебя здесь такой шум, войди я с барабаном — не услышал бы.

Михаил покивал, вернулся к прерванному занятию, а Ольга залюбовалась его движениями. По какой-то неведомой причине зрелище моющего посуду мужчины успокаивало и навевало умиротворения, не желая упускать удачную возможность, Оля устроилась удобнее, погрузившись в созерцание. Закончив, Михаил обернулся, застав гостью в той же позе, хлопнул себя по лбу, сказал с досадой:

— Ты же есть хочешь! А я тебе даже перекусить не предложил.

Ольга покачала головой, сказала со смешком:

— Ты так говоришь, словно я какое чудовище, что непрестанно жрет. Потерплю немного, ничего не случится.

Михаил произнес с досадой:

— Я понимаю, но все равно неудобно получается: гости ждут, а я с готовкой ковыряюсь.

Он шагнул к плите, распахнул дверцу духовки. Потянуло жаром, словно за тоненькой дверцей из металла и огнеупорного стекла открылся проход в пышущую огнем пустыню, одновременно по кухне распространился одуряющий запах, возбуждая обильное слюноотделение, и вызывая в воображении фантастические картины громоздящихся друг на друга невиданных блюд.

Загородив печку спиной, Михаил некоторое время совершал некие манипуляции, доносилось лишь мелодичное позвякивание, что-то булькало, хрустело, шлепалось с чмокающим звуком, а когда он повернулся, вновь, как и незадолго до того в кафе, Ольга ощутила сильнейший желудочный спазм.

Перед ней на стол опустилась широкая тарелка, где, среди горок тушеной моркови с луком, посыпанные зелеными перышками укропа, истекали жиром четыре пузатых перца, кое-где, не выдержав давления, тонкие стенки лопнули и содержимое, сочная мясная мякоть с белеющими прожилками риса, выдавилось наружу, распространяя вокруг пьянящий аромат.

Собираясь выразить восхищение, Ольга подняла глаза, но Михаил указал взглядом на тарелку, положил тут же вилку и нож, а сам вернулся к плите. Не в силах далее противиться соблазну, Оля приступила к еде, а спустя минуту, к ней присоединился и хозяин квартиры, усевшись напротив, он водрузил перед собой тарелку, вооружился ножом, и вскоре перед ним красовалась горка из равномерно нарезанных кусочков. Зачерпывая полную ложку, Михаил отправлял порцию в рот, почти не жуя, глотал, и тут же зачерпывал вновь.

Некоторое время слышалось лишь чмоканье, да стук ложек. Когда вилка заскребла по дну тарелки, Ольга откинулась на спинку стула, ощущая в желудке приятную тяжесть. Михаил уже закончил и задумчиво смотрел в окно, где, на фоне черного неба, проступили очертания домов, подсвеченных взошедшим серпиком луны. Всмотревшись в его отрешенное лицо, Ольга осторожно поинтересовалась:

— Что-то не так?

Михаил отвлекся от мыслей, сказал с ноткой грусти:

— Нет, все в порядке. Просто, думаю, что уже поздно, и, наверное, ты скоро засобираешься домой...

Ольга несколько мгновений непонимающе смотрела на хозяина дома, затем расхохоталась, ойкнув, схватилась за живот, сказала жалобно:

— Михаил, это не честно с твоей стороны, сперва кормишь до отвала а потом... — Перехватив непонимающий взгляд, добавила насмешливо: — Ну, куда я сейчас попрусь, на ночь глядя? Приятная компания, обильный ужин... Теперь тебе ничего не остается, как

приготовить удобную постель и рассказать мне на ночь сказку.

В глазах Михаила вспыхнула страстная надежда, глядя на Ольгу распахнутыми глазами, он прошептал неверяще:

— Так ты... останешься?

Ольга лукаво улыбнулась, сказала в раздумии:

— Вообще-то я собиралась. Но, конечно, если ты против, придется собираться с силами, и...

— Нет, нет, что ты! — Михаил вскочил, едва не опрокинув тарелку, воскликнул с жаром: — Конечно, оставайся. Я тебе постелю отдельно, а лучше — уступлю свое место, у меня отличный диван...

— Такие жертвы не обязательны, я не займу много места. — Следя за реакцией собеседника, чьи глаза после этих слов расширились еще больше, Ольга понизила голос, добавила со смущением: — Если честно, меня жутко пугает темнота, по этому я была бы не против, чтобы ты лег рядышком.

Боясь поверить в свое счастье, Михаил лихорадочно закивал, начал суетливо собирать со стола грязную посуду, за поспешными движениями скрывая сильнейшее возбуждение. Сделав вид, что поправляет прическу, Ольга незаметно вышла из кухни, прикрывая ладонью губы, что сами собой расплзались в широкую улыбку, Михаил составил о себе самое приятное впечатление, и ей не хотелось неуместными насмешками давать парню повод для самоедства.

Прислушиваясь к доносящемуся из кухни позвякиванию посуды, Ольга остановилась возле ванной, мгновение поразмыслив, решительно потянула дверцу на себя. После жаркого дня безумно хотелось ополоснуться. Руки сами собой потянулись к пуговицам, пальцы пробежались сверху вниз, расстегивая и сбрасывая с тела неприятно липнущую одежду. Отбросив робкую мысль, что неплохо бы сперва поинтересоваться мнением хозяина, Ольга смело ступила в ванную, переключив кран в режим душа, крутанула ручку с синей кнопкой. Ледяные струи с силой ударили по плечам, заструились по телу, смывая грязь и вселяя приятную свежесть.

Отключив воду, Ольга с удовольствием встряхнулась, в голове прояснилось, а тело наполнилось энергией, будто и не было утомительного дня. От одной мысли, что придется опять влезть в одежду, Ольгу передернуло, безумно хотелось выйти прямо так, не обтираясь. Решив не злоупотреблять гостеприимством, Оля тем не менее так и не смогла заставить себя одеться, пойдя на компромисс, выбрала наиболее понравившееся из полотенец, и, старательно закутавшись, вышла из ванной.

Прокравшись по коридору, Ольга заглянула в комнату. Михаил заправлял постель, стоя к двери спиной, услышав шорох, обернулся, облизнул враз пересохшие губы. Ольга замедленно подошла, остановившись, лишь, когда между ними осталось не больше полушага. Глядя, как вздымается и опадает его грудь, разбуженная водопадом эмоций, она подняла голову, несколько мгновений всматривалась в расширившиеся зрачки, после чего повела плечами.

Отпущенное на свободу, полотенце скользнуло на пол, а Михаил издал глухой звук, подался навстречу. Его руки на мгновение зависли, всеми силами желая, и, одновременно, опасаясь коснуться обнаженного тела, чтобы грубым движением не спугнуть ослепляющую красоту, и тогда Ольга шагнула навстречу, обхватывая его руками за шею, жадно впивалась губами в губы. Внизу живота сладко задрожало, в глазах полыхнуло ярким, и, сплетясь в

Обьятъях, они рухнули на диван.

Проснувшись, Ольга открыла глаза, в недоумении уставилась на зеленые бусины люстры, тускло мерцающие в лучах утреннего солнца, память скачком вернулась назад: поездка с хозяином, поход в кафе, вечерняя прогулка... Рядом тихонько засопело. Ольга повернула голову, невольно улыbnулась. Михаил спал тут же, разметавшись во сне, он разбросал руки, заняв большую часть дивана, грудь мерно поднимается в такт дыханию, губы полуоткрыты, на лице застыло детское выражение безмятежного счастья.

Ольга ощутила, как от умиления защемило сердце. Не желая разрушать идиллию, она осторожно, боясь потревожить неловким движением, выбралась из-под одеяла, сладко потянулась всем телом, так что хрустнули суставы. Она уже собралась пройти в ванную, когда взгляд упал на стоящие поодаль часики. Глаза поползли на лоб, а руки зажали рот, перекрывая возглас ужаса, до начала работы оставалось двадцать минут, а предстояло преодолеть большую часть города, сдавленно охнув, Ольга метнулась в ванную, в считанные секунды оделась, и, более не медля, выскочила в коридор.

Дверь отворилась без скрипа, порадовавшись, что не придется будить хозяина, замок запирался от нажатия, Ольга мягко захлопнула дверь, с грохотом скатилась по лестнице, дважды едва не запнувшись, а под конец, с трудом обогнув шедшую навстречу женщину. Мельком оглядев машину, Ольга с облегчением выдохнула, не смотря на заверения Михаила, что район тих и безопасен, смутные опасения полностью так и не развеялись, с удовлетворением отметив, что автомобиль на месте, а на блестящей поверхности не появилось сколов и царапин, она распахнула дверцу, и меньше чем через минуту уже выезжала со двора.

Когда, вихрем пролетев через город, Ольга подъехала к особняку, Валериан Петрович уже стоял у ворот, нетерпеливо поглядывая на часы. Едва машина остановилась, он возник в салоне, с неудовольствием произнес:

— Я уж думал, случилось что: на работу опаздываешь, дома не ночевала...

Сдержав улыбку при последних словах, Валериан Петрович приобщи́л ее к членам семьи, и, хотя, вряд ли он вкладывал в это большее, чем отношение к коту, также живущему под одной с ним крышей, слышать это было приятно, Ольга ответила, добавив в голос нотку вины:

— Хотела еще вчера вернуться, но так замоталась, что... — она развела руками.

Хозяин поиграл бровями, сказал недовольно:

— Ладно, можешь не оправдываться, в конце концов, я ж тебе не отец. Но на будущее... — он взглянул хмуро, — постарайся предупреждать. Мало ли, неотложная работа, или еще что.

С трудом сохраняя серьезное выражение лица, Ольга кивнула, меняя тему, поинтересовалась:

— Уезжаем?

— Погоди. Иринка расхворалась, надо в больницу подбросить. — Валериан Петрович то и дело с озабоченным видом косился на дом, затем переводил взгляд на часы, наконец воскликнул с досадой: — Да что она там копается, черт возьми, я уже на четверть часа опаздываю!

Словно услышав его слова, калитка отворилась, и на улицу величаво, подобно особе

королевских кровей, выплыла жена хозяина. Ольга с интересом всматривалась в приближающуюся фигуру, но ни в походке, ни в лице женщины так и не смогла разглядеть признаков недомогания, не исключено, что Ирина Алексеевна в очередной раз решила, что достаточно утомилась от забот, чтобы позволить себе небольшой «официальный» больничный.

Дождавшись, когда хозяйка загрузится в салон, Ольга мягко тронула машину, стараясь избежать малейших рывков, Ирина Алексеевна и в хорошем настроении не отличалась доброжелательностью, а уж в плохом, даже за незначительный толчок автомобиля, могла закатить выговор с перечислением всех «недостатков» водителя, его инструкторов и «тех, кто, не взирая на все вышперечисленное, умудрился принять его на работу». Через четверть часа подобного монолога у всех присутствующих начиналась стойкая головная боль, и, не желая начинать день с испорченного настроения, Ольга вела автомобиль настолько мягко, насколько это вообще было возможно, учитывая частые выбоины и обилие спешащих на работу автолюбителей, что при первой возможности подрезали, вклинивались в мельчайшие щели и сладострастно гудели.

Припарковавшись возле здания городской больницы, Ольга вопросительно взглянула на хозяина. Тот мельком отмахнулся, бросив короткое — «жди», вышел из машины, вслед за ним из салона исчезла жена. Вскоре дверца хлопнула вновь, утерев платочком пот со лба, Валериан Петрович с облегчением сказал:

— Наконец-то. Думал, не вытерплю, с самого утра пилит. Трогай.

Неделя промелькнула как один день. У Валериана Петровича начались какие-то сложности на работе, и он непрерывно ездил по всему городу, присутствовал на важных встречах и о чем-то договаривался. Вставая с утра, Ольга до поздней ночи сопровождала хозяина, порой не удавалось толком пообедать, приходилось довольствоваться сухими бутербродами взятыми в пунктах быстрого питания, бутерброды плохо жевались, комом собирались в желудке и пробуждали приступы тошноты, так что к концу недели не вызывали ничего, кроме жгучей ненависти.

Иван вышел из больницы, и Ольга вздохнула с облегчением, совмещать работу телохранителя и шофера при столь интенсивном графике становилось просто невыносимо. Как-то, поздно вечером, позвонил Михаил, но уже лежа в кровати, в полусне, Ольга отделалась обещанием перезвонить, раздраженно буркнув на прощание нечто невразумительное, а на следующее утро, терзаясь совестью за грубый ответ, послала пространное сообщение с извинением.

Наконец, в субботу вечером, возвращаясь домой, Валериан Петрович со вздохом произнес:

— Все, можно сказать, с делами закончил.

Иван, занятый дорогой, по своему обыкновению не отреагировал, зато Ольга живо повернула голову, спросила с надеждой:

— То есть на завтра можно планировать личные дела?

Словно не слыша, Валериан Петрович тяжело обронил:

— Устал, как собака. Вроде всего неделя прошла, а вымотался, словно месяц пахал. — Заметив выжидательный взгляд Ольги, добавил: — Да, да, конечно. Можете завтра отдыхать. Надеюсь, до понедельника ничего экстренного не случится.

Автомобиль остановился, Ольга и Валериан Петрович по-очереди покинули салон. Захрустел песок под шинами, проводив взглядом удалившуюся машину, Оля зашла во двор,

из темноты, радостно виляя хвостом, выскочил Крокодил, завозился, тычась лобастой мордой в ноги. Ольга улыбнулась, присела, трепля пса за загривок. Тот мгновенно упал, перевернулся на спину, взбрыкивая от удовольствия всеми лапами, словно щенок, блаженно закатил глаза.

Поиграв с псом, Оля прошла в баню, быстро разделась, и долго с удовольствием поливала себя из ковшика, раз за разом зачерпывая остатки воды из здоровенной бочки, пока ковшик не заскреб по дну. Подхватив кобуру, она собрала в охапку лежащий на лавочке ворох одежды, и, не желая вновь одеваться, прошмыгнула в подсобку, надеясь, что хозяйке не приспичит выйти во двор именно сейчас.

Прежде чем лечь, Оля взяла мобильник, немного подумав, набрала телефон. Номер долго не отвечал, и она уже потянулась к кнопке выключения, когда в динамике послышалось сонное:

— Привет, Оль.

Помедлив, Ольга виновато произнесла:

— Михаил, наверное, я не очень вовремя, но... завтра у меня выходной и...

— Еще как вовремя, — из голоса исчезли сонные нотки. — Молодец, что позвонила, а то я кое-что планировал. Немного позже уже было бы сложнее перенести, а так — в самый раз.

Ольга запротестовала:

— Нет, нет. Если у тебя дела — отложим, это не последний выходной...

Не дав ей договорить, Михаил произнес с нажимом:

— Все нормально, ты меня ни от чего не отвлекаешь. Во сколько встречаемся? Часиков в одиннадцать пойдет? Как раз успеешь выспаться, да и я с делами разберусь...

Задумавшись, Ольга сделала неловкое движение, отчего мобильник, как живой, вырвался из руки и отлетел в дальний угол комнаты, досадливо чертыхнувшись, шагнула следом, подняла телефон, что при падении отключился, нажав кнопку, нетерпеливо заходила по комнате. Экран замерцал, высветились слова приветствия, а через мгновение раздался звонок. Ольга поднесла мобильник к уху, сказала со смешком:

— Дура, замечталась, телефон выронила. Так на чем мы остановились?

В динамике прозвучал незнакомый мужской голос:

— Сперва здравствуй.

Ойкнув, Ольга зажала рот ладошкой, но, узнав в собеседнике шефа, сказала извиняющимся тоном:

— Здравствуйте, Геннадий Леонидович.

— А остановились мы на том, — как ни в чем не бывало, продолжил шеф, — что ты мне завтра нужна.

— Во сколько? — Ольга с досадой ощутила, как планы на воскресную прогулку с Михаилом начинают трещать по швам.

— В одиннадцать часов — последовал короткий ответ.

План рухнул, похоронив под развалинами долгожданный выходной. Тяжело вздохнув, Ольга ответила:

— Конечно. Что-то еще?

— Встречаемся на Мытищинской, у рекламы. И возьми пистолет, пригодится.

Собеседник отключился, а секундой позже телефон зазвенел вновь, не отнимая мобильник от уха, Оля нажала кнопку, в динамике раздалось взволнованное:

— Ольга, у тебя все в порядке? Ты так внезапно отключилась.

— Все хорошо, — Ольга ответила, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало огорчение, — только... возникли непредвиденные обстоятельства, похоже, выходной отменяется.

Михаил кашлянул, сказал с прежним весельем, хотя было слышно, что это дается ему с трудом:

— Ничего страшного, все же не последний в жизни выходной. К тому же, вдруг раньше освободишься — сразу звони.

Ольга отложила телефон, с тяжелым сердцем легла в постель. Рано или поздно работа должна была сказаться на личной жизни и, хотя, до серьезных отношений было еще далеко, невозможность хоть что-то изменить вызывала неприятный осадок, подобно зудящей заносе отравляла жизнь. Чувствуя, как внутри зарождается протест, Ольга поспешно натянула одеяло на голову, постаралась заснуть как можно быстрее.

Ночью снились кошмары, сперва Валериан Петрович, с почерневшим от злости лицом, бранился, грозясь выгнать за служебное несоответствие, затем она пыталась дозвониться Михаилу, но телефон молчал, и, с безумным упорством, Ольга раз за разом продолжала набирать один и тот же номер, а под утро привиделся шеф, беззвучно открывая рот, он говорил что-то неслышимое, и направлял на нее пистолет.

Ольга проснулась в холодном поту, вспомнив жуткое ощущение от черного провала ствола направленного в лицо пистолета, передернула плечами. Прислушиваясь к гулу в голове, сказывалась неделя напряженной работы, и короткий сон не успел восстановить силы, Ольга покосилась в окно, на голубеющий квадрат неба, нашарив мобильник, взглянула на дисплей. Стилизованный под старинные часы, электронный циферблат показывал половину седьмого. Ольга со стоном откинулась на подушку, с головой зарылась в одеяло, но сон не шел, провалявшись с четверть часа, она выбралась из постели.

Ежась от утренней прохлады, Ольга вышла на улицу. В доме еще спали, лишь прикорнувший возле гаража Крокодил, заслышав скрип двери, поднял голову, пару раз приветливо махнул хвостом, после чего отвернулся, потеряв всякий интерес к происходящему.

Утренняя свежесть не вызывала желания мыться, но, собравшись с силами, Ольга вылила на себя несколько ковшей воды, с трудом удерживаясь от вопля, холодная вода обжигала, заставляя тело вздыбливать даже самые мелкие волоски, в попытках удержать ускользящее тепло, отбросив ковшик, дрожащей рукой схватила полотенце и долго с удовольствием растиралась, ощущая, как кожа начинает гореть, а по телу волнами распространяется согревающее тепло.

Закончив с водными процедурами, она вышла во двор, но тело требовало продолжения, и, воровато оглянувшись, Ольга сделала серию быстрых ударов, вызывая в памяти движения, что преподавал инструктор по рукопашному бою. Она остановилась, но мышцы требовали еще, отбросив опасения, что кто-то в это раннее утро может подсмотреть, Ольга продолжила занятия. За одной серией ударов следовала другая, выпады сменялись подсечками, а на смену одиночным ударам пришли сложные комбинации, для которых требовалось высочайшее сосредоточение и скрупулезное соответствие технике.

Ольга с удивлением отметила, какое блаженство приносит нагрузка. Врезавшиеся в память каленым железом лагерные тренировки не оставили подобных впечатлений, и теперь, повторяя те же движения, она упивалась непривычным ощущением силы. Не смотря на то, что за последние несколько месяцев она лишь пару раз делала получасовые

тренировки, тело легко повторило все те головоломные трюки, на отработку которых ушло больше полугода.

Позади раздался изумленный вздох. Развернувшись, Ольга встала в боевую стойку, но тут же расслабилась, приветливо произнесла:

— Доброе утро, Лола. Не спится?

В нескольких шагах, укутавшись в теплый платок, замерла дочь хозяина, на помятом лице еще читаются остатки сна, округлившись, словно у совы, глаза смотрят с удивлением. Собравшись с мыслями, Лолита произнесла:

— Я в туалет пошла, в доме на днях сломался, до сих пор не починили, вот и ходим на улицу, а тут ты скачешь...

Ольга кивнула, сказала, тяжело дыша:

— А мне, как видишь, не спится, вот, разминаюсь потихоньку.

— Ни чего себе, потихоньку, — Лолита прыснула в кулачок. — Я думала, какой каратист забрался, или еще чего похуже. Не боишься, что соседи увидят? — она кивнула на соседний дом, красной громадой возвышающийся за забором.

— Пусть видят, — Ольга усмехнулась, — может это их на здоровый образ жизни сподвигнет.

— На онанизм это их сподвигнет, — Лола хмыкнула, — там какие-то мужики живут, частенько в мою комнату через бинокль пялятся.

Она повернулась, засемила в сторону туалета. Проводив девушку глазами, Ольга покосилась на указанный дом, некоторое время пристально всматривалась в окна, но, не заметив движения, вернулась к разминке. Позанимавшись еще с четверть часа, она вновь зашла в баню, чтобы напоследок окатиться водой.

Вернувшись в пристройку, Ольга поставила чайничек кипятиться, а сама тем временем занялась уборкой, заправила кровать, помыла посуду, скопившуюся в тазике изрядной горкой, и приступила к глажке. Когда из углов исчезли завалы белья и пустых коробок, а комната обрела жилой вид, Ольга присела позавтракать. Запивая успевшим остыть чаем холодные сырники, оставшиеся с позавчерашнего ужина, она критически осмотрела комнату, отметив кое-какие недочеты, но времени на исправление не оставалось, быстро управившись с завтраком, Ольга приступила к сборам.

Взяв наобум один из костюмов, изменение планов напрочь отшибло всякое желание наряжаться, Ольга извлекла из сейфа пистолет, привычно проверила обойму, но не удержалась, пальцы так и замелькали, пока вместо привычного оружия на столе не образовалась горка металлических деталей. Заметив время, Ольга несколько раз глубоко вдохнула, пальцы замелькали вновь. Закусив от удовольствия губу, скупыми, ни одного лишнего, движениями она вновь воссоздала оружие, бросив быстрый взгляд на часы, победно выдохнула, — секунда в секунду, личный рекорд, поставленный еще в лагере, после чего вытерла чистой тряпицей руки, забросила пистолет в кобуру и, более не медля, покинула дом.

Двигаясь вдоль Мытищинской улицы, Ольга рассеяно поглядывала по сторонам, она не рассчитала время, и, несмотря на длительную прогулку, до встречи оставалось чуть меньше получаса. Впереди возвышался огромный металлический столб, опутанный многочисленными растяжками, удерживающими развернутые над улицей рекламные плакаты и густо облепленный на высоту роста бумажными объявлениями, столб служил отличным ориентиром, а, учитывая удачное расположение: неподалеку находилось здание кинотеатра, пивная точка и несколько уютных кафе, довольно часто встречи назначались именно здесь, опуская пространные объяснения, люди договаривались просто — «у рекламы».

Заметив свободную скамеечку, Ольга неторопливо приблизилась, мазнула рукой по поверхности, взглянув на пальцы, недовольно поморщилась, на подушечках остались серые пыльные отпечатки, тщательно стряхнув пыль с краешка скамьи, присела. Меньше чем через минуту напротив остановился парень, взглянул заинтересованно, но Ольга покачала головой, и незнакомец исчез, грустно улыбнувшись напоследок.

Погрузившись в размышления, Ольга некоторое время сидела, не замечая ничего вокруг, пока от раздумий не отвлекло веселое чириканье. Отметив сбоку некое движение, Ольга замедленно повернула голову, с удивлением обнаружив, что по соседству расположилась стайка воробьев. Пернатые шустро прыгали по скамье, громко верещали на своем птичьем языке и совершенно не обращали внимания на прохожих, за свою короткую жизнь в городе успев привыкнуть к обилию людей.

Оля некоторое время наблюдала за воробьями, пока не ощутила смутное беспокойство. Прикрыв глаза, чтобы не выдавать себя прямым взглядом, она принялась изучать обстановку: компания парней сидящая у окна за столиком в кафе по соседству, стоящие поодаль девушки, что-то оживленно обсуждающие, подметающий окурки дворник... Привычные картины городских будней.

Ольга уже решила, что ошиблась, когда, мельком просматривая череду припаркованных возле тротуара машин, взгляд задержался на одной из легковушек. Беспокойство всколыхнулось с новой силой. Повернув голову в противоположную сторону, Ольга принялась искоса наблюдать за машиной. Ничем не примечательная иномарка, недорогая модель, на обращенном к тротуару переднем крыле грубая заплатка, в салоне двое мужчин, один просматривает красочный эротический журнал, даже с такого расстояния видны сочные фотографии обнаженных женщин, второй дремлет, склонившись на руль, время от времени, встрепенувшись, вскидывает голову, непонимающе осматривается, но сон неумолимой силой вновь сковывает глаза, и мужчина опять мягко утыкается в баранку.

Ничем не примечательная машина, обычные люди, Ольга уже собралась перевести взгляд, когда дремлющий мужчина в очередной раз вскинулся, очумело тряс головой, обвел пространство мутными со сна глазами. Их взгляды на мгновение пересеклись, и Ольга вздрогнула, настолько не вязалось сонное, с покрасневшими отпечатками руля лицо и холодные оценивающие глаза. Ольга сморгнула, но мужчина уже не смотрел в ее сторону, положив голову на руль, он вновь погрузился в дремотное оцепенение.

Ольга несколько мгновений сидела, не зная, что предпринять. Встать и уйти, но встреча уже назначена, позвонить, предупредить шефа, но Геннадий Леонидович скорее всего не

ответит, тем более, он просил звонить только в крайнем случае, а происходящее больше смахивает на проявление застарелой паранойи. Мучаясь сомнениями, она сидела еще некоторое время, когда, привлекая внимание, раздался короткий гудок, а спустя секунду, в свободном пространстве парковки возникли знакомы обводы машины шефа.

Поднявшись со скамьи, Ольга неторопливо подошла к машине, чувствуя, как испуганно колотится сердце, потянула дверцу на себя. Оказавшись в салоне, она приникла к стеклу, а едва шеф вырулил на свободную полосу, вывернула голову, пристально вглядываясь в стоящие на парковке машины. Некоторое время ничего не происходило, Ольга уже хотела отвернуться, посчитав случившееся игрой расшалившегося воображения, когда с парковки вырулила одна из машин, понеслась следом, стремительно набирая скорость.

Ольга узнала тот самый автомобиль, только водитель уже не спал, а из рук его спутника исчез журнал, сменившись телефоном, куда он что-то быстро говорил, неотрывно глядя на преследуемую, теперь это уже не вызывало сомнений, машину.

Ольга повернула голову, сказала нервно:

— Сзади!

Геннадий Леонидович, уже некоторое время наблюдавший странное поведение спутницы, мельком взглянул в зеркало, произнес вопросительно:

— Белое БМВ с двумя пассажирами?

В его голосе послышалось скорее утверждение, чем вопрос, но Ольга ответила:

— Да.

Шеф кивнул, плавно увеличил скорость. Его лицо не изменилось, словно не происходило ничего необычного, лишь запульсировала голубая жилка на виске. Совершив несколько опасных маневров, и проскочив на красный свет, Геннадий Леонидович вновь глянул в зеркало, задумчиво произнес:

— Действительно, не отстают. — Не глядя на спутницу, поинтересовался: — Как вычислила?

Непробиваемая уверенность шефа вселяла уверенность, но, вспомнив холодный взгляд водителя, Ольга поежилась, сказала поспешно:

— Ощущение. Я пришла за полчаса, но они уже стояли. Точно убедилась лишь за пару минут до вашего приезда, когда встретилась с водителем взглядом.

Геннадий Леонидович покивал, сказал со знакомой интонацией:

— Что ж, неплохо. — Поинтересовался насмешливо: — Объяснить почему, или на этот раз сама поймешь?

Пока Ольга раздумывала над вопросом, они свернули на боковую улицу, пространство дороги резко сузилось, а поток машин стал плотнее. Несмотря на все ухищрения шефа, преследователи по-прежнему держались неподалеку, легко обгоняя попутки, быстро наверстывали упущенное. Впереди замаячил красный глазок светофора. Ольга заметила, как напряглось лицо шефа, на шее вздулись бугры мышц, а взгляд прикипел к застывшим на противоположной стороне перекрестка машинам.

Красный глазок мигнул, сменился зеленым. Скопившаяся на той стороне стена машин дрогнула, поползла вперед, стремительно надвигаясь. Геннадий Леонидович наклонил голову, глаза не мигая уставились на приближающуюся грохочущую массу, он резко рванул руль налево, одновременно вдавливая педаль тормоза.

Мир пошатнулся, за окном веселой каруселью завертелись дома, по ушам ударил пронзительный гудок, перекрываемый визгом тормозов. С трудом соображая что

происходит, Ольга мертвой хваткой вцепилась в кресло. Завизжали покрышки, потянуло острым запахом паленой резины, тело вдавило в кресло, а протаявшее в зеркале заднего вида побелевшее лицо водителя, начало стремительно уменьшаться. Преодолевая тошноту, Ольга вывернула голову, ища машину преследователей. Позади, отставая с каждым мгновением, неслась масса машин, но знакомой белой БМВ не было видно.

Приняв нормальное положение, Ольга с облегчением выдохнула, взглянув на спутника, с удивлением заметила скатившуюся по виску каплю, похоже, даже обычно бесстрастный шеф, испытал несколько волнительных моментов. Геннадий Леонидович повел машину ровнее, сбросив скорость, свернул в один из переулков. В памяти всплыл прозвучавший не задолго вопрос. Ольга недовольно произнесла:

— По-вашему, я должна была уйти с места встречи лишь потому, что что-то там заподозрила?

— Конечно, нет, — не смотря на произошедшее, голос шефа оставался бесстрастным.

— Так что же?! — воскликнула Ольга непонимающе.

Спутник достал из бардачка сигару, со вкусом затянулся. Салон наполнился терпким, но приятным дымом, Ольга с удивлением ощутила, что успокаивается. Зажав сигару зубами, шеф положил обе руки на руль, проникновенно произнес:

— Я тебе уже говорил, но повторяюсь вновь. До тех пор, пока ты не станешь настоящим профи, все что ты делаешь будет «неплохо», и лишь по прошествии времени перейдет в «отлично».

— Да, да, я уже слышала, — Оля недовольно дернула щекой, — но мне по-прежнему не понятно, как надо было поступить в этом случае.

— Видишь ли, — собеседник по-прежнему не повышал тона, хотя Ольга, в запальчивости явно нарушила субординацию, — пока ты будешь сомневаться, никакой действие не будет верным.

— Я не могу понять, при чем тут сомнения? Разве не результат мерило всего?

— Мерило, но лишь отчасти. — Аккуратно стряхнув выросший столбик пепла за окошко, шеф продолжил: — Когда возникает критическая ситуация, решает не оружие, не диспозиция и даже не навыки, решает — опыт.

Вслушиваясь в речь спутника, Ольга силилась понять, но чувствовала лишь растущее раздражение. Не найдя достойного вопроса, спросила зло:

— Это значит, кто старше, тот и победил?

Геннадий Леонидович с безразличностью покосился на девушку, буркнул недовольно:

— Похоже, я лишь теряю время, но, раз уж начал, завершу мысль. Опыт заключается не в количестве пройденных сражений и прочитанных книг. Прежде всего, он выражается в умении себе доверять. — Заметив, что Оля пытается что-то сказать, он продолжил, не позволяя себя перебить: — В схватках профессионалов решает время и способность принять верное решение. Неопытный человек медлит, перебирая варианты, а если и находит верный, мучается сомнениями — правильно ли он поступил, не пропустил ли чего важного, вместе с утекающими секундами теряя возможности одну за другой.

Слова собеседника потонули в жгучей обиде, выплескивая недовольство, Ольга воскликнула:

— Возможно, другой на моем месте среагировал бы быстрее, но, скорее всего, даже не понял, что за ним ведется слежка!

Геннадий сказал со странной интонацией:

— Что ж, может и так. А теперь к делу, — его голос вновь стал сух и деловит. — Валентинов Рудольф Игнатьевич, основатель и финансовый директор адвокатской конторы «Величие», вот его лицо.

Ольга осторожно взяла из рук шефа фотографию, с глянцевой поверхности на нее глянул улыбчивый мужчина, некоторое время изучала, затем, вернув, поинтересовалась:

— Что я должна сделать?

— На этот раз инструкции будут коротки, — Геннадий Леонидович спрятал фотографию. — Семигородская шестнадцать, это деловой центр, офис четыреста двадцать восемь. Сегодня выходной, но контора работает. Тебе нужно попасть в офис и найти Валентинова, по возможности не привлекая внимания.

— И что потом?

— Потом, если он окажется на месте, ты распечатаешь это, — шеф протянул продолговатый конверт из плотной бумаги, — дальнейшие инструкции здесь.

Ольга осторожно взяла конверт, с удивлением взглянула на шефа, до сих пор все указания давались в устной форме и четко очерчивали задание, но Геннадий Леонидович смотрел прямо перед собой, и она решилась только уточнить:

— Что мне делать после?

— Задание не займет много времени. Как закончишь, найдешь меня на той же стороне, кварталом выше, там платная парковка, не ошибешься. И помни, — шеф окинул Ольгу суровым взглядом, — не привлекай внимания. Желательно, чтобы тебя вообще не видели.

Машина остановилась. Ольга неторопливо вышла, не оборачиваясь, двинулась вдоль улицы, смешавшись с толпой. Взгляд выхватывал висящие на стенах домов таблички: десятый дом, двенадцатый, четырнадцатый. Путь преградил проспект, Оля смотрела на проносящиеся мимо машины, а в голове раз за разом вспыхивали прощальные слова шефа. Опустив голову, она взглянула на боковой кармашек, где, надежно скрытый дорогой тканью, дожидался своей очереди таинственный конверт.

Повинуясь непреодолимому любопытству, рука дрогнула, потянулась к кармашку, но в тот момент, когда кончики пальцев коснулись бумаги, на противоположной стороне вспыхнул зеленый глаз светофора, и скопившаяся людская масса бодро двинулась вперед, увлекая замешкавшихся. Встряхнувшись, Ольга устремилась через дорогу, теряясь в догадках, но, едва вновь ступила на тротуар, в глаза бросилась табличка с номером «шестнадцать» и лишние мысли разом вылетели из головы.

Неподалеку сверкали массивными медными ручками входные двери. Остановившись напротив, Ольга взглядела в вывеску. Позади кашлянули, раздался недовольный голос:

— Так вы идете или нет?

Ольга поспешно обернулась, наткнувшись на выразительный взгляд стоящей рядом массивной женщины, отступила на шаг со словами:

— Простите, я задумалась.

Недовольно поморщившись, та буркнула:

— В другом месте надо думать, — отворив дверь, она вошла в здание.

Выглянув из-за плеча женщины, Ольга успела заметить крохотный холл с прозрачным окошечком для вахтера и расположенную у дальней стены лестницу. Еще раз прокрутив в голове информацию по заданию, Ольга взялась за ручку, потянула на себя.

Влекомая мощной пружиной, створка с силой толкнула в спину, но Ольга уперлась обеими руками, и дверь, не издав не звука, мягко встала на место. Прошедшая секундой раньше, женщина стояла возле вахтера, полностью перегородив дородным телом небольшой оконце и, делая нетерпеливые жесты, что-то раздраженно говорила.

Лучше момента нельзя было и представить. Ольга на цыпочках прошла через холл, никем не замеченная, благополучно достигла лестницы, но, углядев на пролет выше, под потолком, черный цилиндрик камеры, остановилась, с досадой стиснула зубы. Предостережение шефа вновь зазвучало в ушах, и она мысленно обругала себя последними словами, можно было заранее догадаться, что подобное заведение наверняка просматривается камерами, и предпринять соответствующие меры, приобретя в ближайшем магазине широкополую шляпу, за которой так легко скрыть лицо от всевидящего электронного ока.

В бессилии стиснув кулаки, Ольга уже хотела подниматься как есть, когда взгляд упал на кипу рекламных газет, разноцветной горой сваленных на столике у стены. Решение пришло мгновенно. Шагнув к столику, Оля подхватила самую толстую и красочную газету, распахнула на середине, и устремилась вверх, прикрываясь от бдительных взглядов камер бумажным щитом.

Добравшись до нужного этажа, где отворачиваясь, а где просто загораживая лицо газетой, Ольга пошла по коридору, присматриваясь ко вделанным в двери блестящим металлическим пластинам с названиями фирм и гораздо более скромным пластиковым прямоугольничкам номеров. Возле пластины с названием «Величие» она остановилась, на всякий случай покосившись на номер, цифры совпадали, стукнула в дверь костяшками пальцев. После повторного стука изнутри донеслось приглушенное:

— Войдите.

Оглянувшись по сторонам, и никого не заметив, Оля вошла. За дверью обнаружился небольшая, но уютно обставленная комната: по углам массивные шкафчики, за прозрачными дверцами, собранные аккуратными стопками пухлые папки, стены теряются под многочисленными грамотами, чьими-то заботливыми руками убранные в изящные деревянные рамки, по углам пара кожаных кресел, к заваленным деловыми журналами столикам спускаются изящные бра.

Мельком оглядев интерьер на предмет камер наблюдения, Ольга перевела взгляд на центр комнаты, где, за массивным деревянным столом, с изумрудным суконным покрытием, расположился хозяин, мужчина неопределенного возраста, с фигурой атлета и лицом опытного психотерапевта, склонившись над бумагами, он заполнял какие-то документы, стремительно набрасывая идеальным ровным подчеркиком строчку за строчкой.

Дописав предложение, мужчина поднял голову, мягко улыбнувшись, поинтересовался:

— Вы, по какому вопросу?

Едва зайдя в кабинет, Ольга тут же опознала объект задания, но, желая окончательно удостовериться, вопросительно произнесла:

— Мне нужен Рудольф Игнатьевич...

Пробежавшись по госте оценивающим взглядом, мужчина с прежним благожелательным видом произнес:

— Рудольф Игнатьевич я. Что вам угодно?

— У меня к вам дело.

— Присаживайтесь, — хозяин кабинета кивнул на кресло. — Чай кофе? — вопросительно глядя на гостью, он потянулся к стоящему в углублении шкафа чайному сервизу.

— Одну секунду.

Мужчина с удивлением смотрел, как Ольга вытащила из кармана конверт, надорвала упаковку, тряхнула, на ладонь выпал продолговатый кусочек бумаги, где, выведенное твердым подчерком чернело всего одно слово — «ликвидировать». Ольга несколько мгновений смотрела на записку, чувствуя, как в груди разрастается ледяной ком. Запоздалое понимание ознобом разлилось по телу, сковывая мышцы и замораживая внутренности. Непривычное поведение шефа, странный конверт, все стало на свои места.

Медленно, словно воздух вокруг разом загустел, Ольга подняла голову. Их взгляды встретились, губы мужчины продолжали улыбаться, но лицо неуловимо изменилось, в глазах протаяло понимание. Несколько долгих мгновений они смотрели друг другу в глаза, затем мужчина рванулся в противоположный угол, протягивая руки к дверце неброского сейфа, но добежать не успел.

Ольга прыгнула, взметнувшись над столом, мгновенно преодолела разделяющее расстояние, с силой ударила беглеца локтями, тот с грохотом обвалился, в страстном стремлении выжить, пополз, извиваясь всем телом. Ольга перехватила руку, с силой вывернула, раздался отвратительный хруст. Лицо противника исказилось мукой, жалобно вскрикнув, он перевернулся на спину, замер, с ужасом глядя в нависшую девушку.

Придавив поверженного коленом, Ольга достала пистолет, отщелкнула предохранитель. При виде оружия глаза мужчины в ужасе расширились, он затрясся всем телом, с трудом прохрипел:

— За что!?

Ольга уперла ствол противнику в лоб, враз покрывшийся испариной. Отвечать не хотелось, но глаза смотрели столь умоляюще, что, ненавидя себя за слабость, Ольга бросила короткое:

— Приказ.

— Но я ничего не совершал, это ошибка! — мужчина попытался отползти, но едва колено нажало сильнее, тут же прекратил движение. Захлебываясь словами, он заговорил скороговоркой: — Что, что тебе про меня рассказали? Что я бандит, должник, убийца? Это все неправда. Я простой предприниматель, что едва сводит концы с концами, у меня куча долгов. — Видя, что слова не производят эффекта, он завизжал срываясь в истерику: — У меня дети!

Щелкнул взводимый курок и мужчина умолк, подавившись словом. Палец застыл на спусковом крючке, осталось совсем чуть-чуть, нажать, и задание будет выполнено. Ничтожная малость, но Ольга застыла в странном трансе, не в силах завершить начатое. Под ногой, осязаемое даже через плотную ткань костюма, заходится надрывным стуком сердце, в такт его ударам, мелко подрагивает сломанная рука, расширенные так, что заполнили почти всю радужку, зрачки невидяще уставились сквозь нее.

Понимая, что делает непоправимую ошибку, Ольга выдохнула:

— Фотография.

Зрачки дернулись, донеслось хриплое:

— Что?

— Фотография детей, есть? — свистящим шепотом повторила вопрос Ольга.

Откуда-то возникло, и укрепилось чувство в нереальности происходящего. Что она здесь делает? Как попала? Зачем этот пистолет, и кто это испуганный мужчина лежащий на полу в неестественной позе? Пошатнувшись, сознание замерло, готовое рассыпаться тысячами сверкающих осколков. Несколько бесконечных мгновений длилось неустойчивое равновесие, когда любая, даже самая незначительная мысль могла сбросить разум в пучину безумия.

Сделав невероятное усилие, Ольга закрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула, а когда открыла, взгляд наткнулся на детские лица: две маленьких девочки, открыто улыбаясь, смотрели на нее с цветной фотографии. До боли стиснув зубы, Ольга напряженно всматривалась в картинку. Слуха коснулось невнятное бормотание, а немногим позже она разобрала слова.

— Это мои детки, Анечка и Яна. Они еще совсем маленькие. Не убивай меня, не убивай... — слова прервались рыданиями.

Ольга отвела глаза от фотографии, взглянула на поверженного, чье тело сотрясалось в конвульсиях, а из глаз непрерывно текли крупные слезы. Паника отступила, а мысли очистились, Ольга ощутила, что вновь способна трезво рассуждать. Еще некоторое время она не двигалась, просчитывая возможные последствия, но решение осталось неизменным.

Возвращаясь в изначальное положение, мягко щелкнул курок, Ольга рывком поднялась, тихо произнесла:

— Живи. — Развернувшись, она вышла из кабинета, уже не замечая, как лицо мужчины разом перестало кривиться, а губы сложились в насмешливую улыбку.

На этот раз ждать не пришлось. Машину шефа она обнаружила там, где и договаривались, но автомобиль оказался пуст. Мельком заглянув в кабину, Ольга отошла в сторону, с подчеркнутым интересом принялась изучать доску объявлений. В тот момент, когда она прочла последнее, что-то коснулось ее плеча, над ухом прозвучало негромкое:

— Пойдем, хватит глаза мозолить.

Немного помедлив, Ольга повернулась, направилась к машине, куда в этот момент уже садился шеф. Захлопнув дверцу, она пристегнула ремень безопасности, но, чувствуя, что не в силах больше терпеть, выпалила одним духом:

— Я провалила задание.

Не поворачивая головы, Геннадий Леонидович сухо бросил:

— Слушаю.

Ощувив в голосе спутника предостережение, Ольга поежилась, собравшись с мыслями, начала рассказ, стараясь не упускать малейших деталей. Когда она закончила, в салоне повисла тяжелое молчание. Ощущая потребность как-то оправдать случившееся, Ольга произнесла с чувством вины:

— Я понимаю, что это меня не оправдывает, но убийства не мой профиль.

Повернув голову, и пристально глядя ей в глаза, шеф прошипел:

— А что твой профиль? Ты вообще отдаешь себе отчет, где работаешь?

Ольга никогда не видела шефа в таком бешенстве: брови сомкнулись на переносице, желваки вздулись, а лицо побагровело так, что, казалось, вся кровь разом бросилась в голову, всесокрушающим потоком сметая все социальные запреты, и грозя прорваться беспощадной яростью.

Страх сдавил сердце стальным захватом, вжавшись в кресло, Ольга прошептала, с трудом пропихивая слова через перехваченное спазмом горло:

— Не важно, чем для меня это кончиться, но убивать не стану...

— Не станешь?! — голос спутника взлетел, больно ударив по ушным перепонкам.

Геннадий Леонидович был страшен, стараясь не смотреть в лицо шефу, Ольга тихо сказала:

— Я не могу убивать людей, тем более невиновных...

— Кто виновен, а кто нет, решаю я, — яростное рычание громом прокатилось по салону. — Тем более, что ты можешь знать про вину...

Упрямо наклонив голову, Ольга возразила:

— Он мне сказал.

— Он сказал? — Геннадий Леонидович на мгновение опешил.

Воспользовавшись неожиданной паузой, Ольга заговорила сбивчиво:

— Я держала пистолет у его лба. В таких ситуациях не лгут... К тому же у него дети!

Геннадий Леонидович закрыл глаза, со свистом выпустил воздух сквозь зубы, немного подышал, приходя в себя. Когда он взглянул на Ольгу, в его глазах мерцала настолько лютая ярость, что девушка отшатнулась. Почти ровным голосом шеф произнес:

— Возможно, когда-нибудь ты научишься оценивать людей верно, вне зависимости от того, что, и в какой ситуации, они говорят. Конечно, если доживешь. В чем я сильно сомневаюсь. — Он хмыкнул, передразнивая, произнес тоненьким голосом: — У него дети...

Набравшись решимости, Ольга поинтересовалась:

— Что теперь?

— Свободна, — голос собеседника вновь зазвенел сталью. — Иди и готовься к худшему.

От шефа повеяло такой угрозой, что Оля с большим трудом задавила сильнейшее желание немедленно выскочить из машины, и нестись, словно обезумевшее животное, не оглядываясь, как можно дальше от этого страшного человека, за которым стояла неведомая, но чудовищная организация.

Выйдя из машины, она подчеркнуто аккуратно затворила дверь и решительным шагом устремила по улице, свернув в первый попавшийся закоулок. Сердце стучало как кузнечный молот, а мышцы живота онемели, сжавшись от нехорошего предчувствия. Пригнув голову, Ольга уходила все дальше, то и дело сбиваясь на бег, словно попятам следовало нечто ужасное, что вот-вот нагонит, вопьется в тело свинцовыми когтями, рванет, выпуская наружу горячие кровавые ручейки, а немногим позже отбросит на пыльный асфальт, словно тряпку, опустошенное бездыханное тело.

Добравшись до автобуса, она забилась в дальний угол, закрыла лицо руками и, не меняя положения, доехала до нужной остановки, вздрагивая от каждого стука, и опасно косясь на входящих пассажиров через щелку в пальцах. Зайдя в пристройку, Ольга заперлась на все замки, выключила телефон, тщательно задернула занавески, и, не раздеваясь, бросилась ничком в кровать. Спасительный сон накрыл невесомым одеялом, гася измученное переживаниями сознание и позволяя утомленному телу расслабиться.

Проснувшись на следующее утро, Ольга прокрутила в памяти прошедшие события дня, не в силах понять причин столь мощного вечернего страха. Задание она благополучно провалила, но Геннадий Леонидович не убил ее на месте, и даже не пригрозил расправой, хотя его последние слова оставили двойное впечатление. В который раз вспоминая завершение беседы, Ольга предпочла видеть в прощальной фразе скорее предостережение на будущее, нежели прямое предупреждение.

Когда она вышла из подсобки, солнце стояло в зените, а Валериан Петрович, оперевшись плечом о гараж, задумчиво глядел на Крокодила, с шумом елозившего мордой в миске, куда, судя по свисающему из пальцев хозяина грязному пакету, только что переместились остатки хозяйского завтрака. Взглянув на солнце, Ольга ахнула, сказала с раскаянием:

— Похоже, я проспала. Валериан Петрович, почему вы меня не разбудили?

Хозяин оторвался от зрелища насыщающегося питомца, сказал с подъемом:

— Ближайшие дни я в отпуске. — Заметив на лице девушки смешанную с изумлением радость, предупредительно пояснил: — Это не означает, что ты можешь собрать манатки, и на неделю — другую укатить в теплые края, но работы станет на порядок меньше.

Ольга подошла ближе, потрепав пса, что уже расправился с пищей, но по инерции продолжал гонять плошку, спросила:

— Значит ли это, что я могу рассчитывать на небольшой отпуск?

Валериан Петрович воровато обернулся, понизив голос, сказал заговорщицки:

— Знаешь, я бы сам не против все бросить и завалиться куда-нибудь на рыбалку, дней так на несколько... — его лицо приняло мечтательное выражение.

— И что мешает? — также понизив голос, шепотом поинтересовалась Ольга.

Валериан Петрович тут же поскучнел, между бровями залегла глубокая складка, с досадой произнес:

— Был бы я один — какие вопросы! Но, семья, обязанности... — уголки его рта поникли, словно у ребенка, которого лишили долгожданного подарка.

Хитро прищурившись, Ольга спросила еще тише:

— А может их тоже, — она сделала неопределенный жест, — на недельку, другую... Только в другое место.

Лицо хозяина приняло озадаченное выражение. Он закатил глаза, затем помассировал подбородок, всем своим видом демонстрируя мощную работу мысли. Ольга уже ждала положительного ответа, когда он махнул рукой, уныло произнес:

— Я на этот счет уже думал. Да только не поедут они.

— Почему? — Оля удивилась настолько естественно, что хозяин на мгновение замялся.

— Ну, у Ирины постоянные заморочки с этой ее сетью бутиков, говорил же — на кой тебе?.. У Лолиты тоже какие-то дела.

— А вы скажите, что жена вашего друга недавно ездила, или какая-нибудь общая знакомая.

Валериан Петрович отмахнулся, сказал со смешком:

— Нашла чем удивить. Жены моих друзей постоянно туда ездят. Я бы даже сказал, не вылазят из-за границы.

— А вы приведите в пример кого-нибудь попроще, — продолжила Ольга с напором. — Кто, вроде, и не должен, а едет.

— Например? — хозяин вопросительно вздернул бровь.

— Например, меня. — Валериан Петрович поморщился, но Ольга взглянула пристально, добавила с нажимом: — Если уж какая-то там живущая в подсобке охранница может себе позволить поездку в жаркие страны, чем они хуже?

С треском отворилась ставня, послышался протяжный голос Ирины Алексеевны:

— Валериан, где ты? По-моему у нас сломался водопровод, нужно проверить.

Хозяина передернуло. Нахмурившись, он хотел ответить что-то резкое, но лишь махнул рукой, сказал в раздумии:

— В теплые страны, говоришь... — хмыкнув, он удалился шаркающей походкой.

Проводив Валериана Петровича взглядом, Ольга покосилась под ноги, где, недовольно ворча, и скаля зубы, Крокодил безрезультатно привлекал внимание, резко нагнулась, и с силой вцепилась псу в загривок. Пес в панике взвизгнул, но, разобравшись, что с ним играют, радостно запрыгал по двору, волоча за собой девушку, словно невесомую куклу.

Вдоволь навозившись с Крокодилом и извалявшись в пыли, Ольга взяла мыло, полотенце, захватила с собой стопку грязной одежды и направилась в баню, с твердым намерением устроить генеральную стирку. Когда с бельем было покончено, и влажные сорочки, маечки и топики закачались в такт порывам ветра, вывешенные на веревке позади дома, возле бани возник Валериан Петрович. Оглядев результаты Ольгиной работы, он деловито произнес:

— Вовремя закончила. Через четверть часа у меня внеплановая встреча, собирайся. — Когда, кивнув, Ольга двинулась в сторону пристройки, хозяин вдруг озорно ухмыльнулся, враз став похожим на затеявшего шалость ребенка, легонько пихнул ее локтем, сказал со смешком:

— А мысль-то была неплоха. Кажись, клюнули.

Успев позабыть беседу часовой давности, Ольга на мгновение опешила, но заметив недовольный взгляд, брошенный через окно хозяйкой, тут же вспомнила разговор, ответила в тон:

— А то!

Настроение резко поднялось, и даже вчерашний провал уже не казался столь фатальным, растеряв за прошедшие сутки налет ужаса, и виделся чем-то, хоть и неприятным, но вполне решаемым. Споро собравшись, Ольга выскочила на улицу, где, изнывая под жарким солнцем, уже ждал Иван, медленно запекаясь в разгоряченном салоне автомобиля.

Оказавшись внутри, Ольга схватилась за голову, с ужасом воскликнула:

— Иван, да мы задохнемся! Что ты сделал?

Промокая платочком непрерывно катящийся со лба пот, Иван сокрушенно произнес:

— Кондишен... Сдох за четверть часа до назначенного времени, я ни починить не смог, ни в мастерскую заехать.

Ольга покачала головой, сказала насмешливо:

— Значит, придется выдерживать должную скорость, чтобы в салоне царил уют и прохлада.

В очередной раз промокнув пот, Иван убито сказал:

— Боюсь, после такой поездки, вся моя будущая зарплата уйдет на выплату штрафов.

— Нужно ехать так быстро? — поинтересовалась Ольга сочувственно.

— Не поверишь, — Иван тяжело вздохнул, — на уровне изъятия прав.

В воротах показался Валериан Петрович, придерживая одной рукой дипломат, а другой оттягивая воротник рубахи, плотно облепивший шею, он быстро пробежал к машине, пригнув голову, словно опасаясь получить солнечный удар, запрыгнув внутрь, скомандовал:

— Погнали, время поджигает.

Иван тронул педаль газа, сухо зашуршали покрышки, машина сдвинулась. В это время тренькнул телефон, Валериан Петрович достал мобильник, полностью погрузившись в разговор. Ольга время от времени незаметно косилась на хозяина, что сперва обмахивался свободной рукой, затем распустил воротничок, после чего безотчетно стал расстегивать пуговицы рубахи, одну за другой. Закончив беседу, он некоторое время сидел, погруженный в раздумья, затем на его лице проявилось недовольство, в упор взглянув на водителя, он спросил недобро:

— Иван, это какая-то новая мода, в сорокаградусную жару отключать кондиционер, или на горючке решил сэкономить?

Водитель вжал голову в плечи, проблеял жалобно:

— Он... сломался.

— Так. — Валериан Петрович побарабанил пальцами по тугой обивке сиденья, сказал с угрозой: — Не было забот, теперь еще новую водилу подыскивать.

— Но я не виноват, — пискнул Иван, — еще вчера все отлично работало, и даже сегодня утром...

— А кто виноват? — зловещим шепотом поинтересовался хозяин. — Может быть я, или она? — короткий толстый палец указал на Ольгу.

На водителя было жалко смотреть, и Ольга произнесла рассудительно:

— Но ведь бывают непредвиденные обстоятельства.

Хозяин всхрипнул, сказал раздраженно:

— Бывают, все бывает. Но я вам для того и плачу, причем, надо заметить, плачу не мало, чтобы все эти «непредвиденные обстоятельства» не касались меня.

— Я все исправлю! Сегодня же! — с жаром вскричал Иван.

— Конечно, исправит, — Ольга опустила голову на грудь, скрывая улыбку. — Прямо сейчас и...

Заметив, что машина притормаживает, Валериан Петрович всплеснул руками, воскликнул испуганно:

— Вы что, очумели?! Давай, гони. Не хватало мне еще на встречу опоздать. — Он помолчал, добавил сумрачно: — Но если на обратном пути я буду вновь обливаться потом...

— Нет, нет, — скороговоркой произнес шофер, — в машине будет комфортно, свежо и холодно. Так холодно, что на стенках выступит иней.

— А пролетающие поблизости птицы будут падать замертво, замороженные насквозь, — с чувством продекларировала Ольга.

Валериан Петрович недовольно поморщился, но лишь махнул рукой, перепалки с подчиненными уже вошли в привычку, став неотъемлемой частью ежедневных поездок и скрашивая томительные минуты ожидания, пока автомобиль пробирался по запруженным машинами улицам.

Следующие несколько дней работы почти не было, Валериан Петрович сидел дома, с головой уйдя в ремонт комнаты на третьем этаже, и Ольга предавалась приятному безделью, лишь изредка сопровождая хозяина в поездках по строительным магазинам, после чего вновь возвращалась к расслабленному ничегонеделанию.

Первый день показался вершиной счастья, Ольга валялась в кровати, изредка выходила во двор, с удивлением отмечая давно забытое состояние спокойствия, когда можно никуда не торопиться, занявшись каким-нибудь совершенно пустяковым, но очень приятным делом, вроде наблюдения за мелкими черными муравьями, деловито снующими по наружным доскам пристройки, или, удобно расположившись на груди сваленных у забора бревен, созерцать облака, выискивая в непрерывно меняющихся клубках водяного пара невиданных чудовищ и сказочных существ.

На второй день, встав ближе к обеду, Ольга занялась уборкой, к вечеру комната блестела чистотой и как будто даже увеличилась в объеме. Оглядев результаты труда, Ольга поразилась, как до этого дня она могла жить в таком ужасном бардаке, почти не испытывая дискомфорта от разбросанного повсюду белья, скопившихся по углам горок фантиков и грязной посуды, занимавшей почти все свободное пространство не захлащенное прочим мусором.

На третий день, встав с самого утра, Ольга поняла, что больше не может находиться в четырех стенах. Поинтересовавшись у хозяина ближайшими планами и получив в ответ недоуменное пожатие плеч, она махнула рукой и вскоре уже шла по улице, направляясь к ближайшей остановке. Начался сезон отпусков, дороги опустели, и автобус быстро донес ее до центра города.

Ольга неторопливо шла, размышляя, зайти ли в ювелирный магазин, чье название сверкало золотом на противоположной стороне улицы, или пройтись по скверу, призывно зеленеющему вдали густой листвой кустарников, когда взгляд зацепился за скромную вывеску Интернет кафе. Ноги сами направились ко входу, а через минуту Ольга уже сидела за компьютером, с головой погружившись в колонки новостных лент.

Привычный мир исчез. Изголодавшись по информации, телевизор она так и не приобрела, а новости удавалось ухватывать урывками, когда Иван, в поисках интересной мелодии, или избегая рекламы, начинал переключать радиоканалы, Ольга впиалась глазами в монитор, захлеб читая о произошедших в мире за последние месяцы изменениях.

Увлечшись чтением, она не обратила внимания на звонок телефона, поставленный на минимальную громкость, он тихо дребезжал в сумочке, бессильный привлечь внимание хозяйки, и лишь когда позвонили вновь, Ольга нехотя отвлеклась от занятия. Не глядя на имя адресата, она поднесла телефон к уху, со сдерживаемым недовольством произнесла:

— Слушаю.

В динамике раздался взволнованный голос Михаила:

— Здравствуй. Ты не слишком занята?

Знакомый голос вернул к реальности, улыбнувшись, Оля ответила:

— Нет, не слишком.

— А мне показалось... — Михаил прервал сам себя, сказал со смешком: — Ладно, не важно, что-то я последнее время мнительный стал.

Продолжая механически прокручивать ленту новостей, Ольга поинтересовалась:

— Ты такой возбужденный... Что-то случилось?

— Нет, не случилось. Вернее, случилось... может случиться. Но для этого нам нужны

встретиться.

Ольга с удивлением покосилась на мобильник, словно рассчитывая увидеть причину столь странного поведения собеседника, сказала с недоумением:

— Я последние дни почти не занята, и мы могли бы...

Михаил подхватил, заговорил быстро-быстро, словно опасаясь пропустить нечто важное:

— Да, да, именно этого я и хотел. Давай встретимся вечером... а лучше в обед. Черт, что я говорю, — он поперхнулся. Мгновение помолчав, сказал виновато: — Извини, похоже, я действительно перевозбудился. Тебе когда удобно?

Ольга покосилась на циферки часов, мерцающие в правом нижнем углу монитора, ответила в затруднении:

— Я сейчас в Интернет кафе, наверное, посижу еще часик. Но если тебе срочно...

— Нет, нет, не до такой степени, — послышался короткий смешок. — Мне самому нужно еще кое-что сделать.

— Тогда через два часа на набережной, — поставила Ольга точку в разговоре.

— Заметано, — на прощание оглушительно чмокнув в трубку, собеседник отключился.

Прислушиваясь к затихающему звону в ухе, Ольга покачала головой, судя по необычному поведению, Михаил действительно хотел обсудить нечто важное, но до разгадки оставалось еще два часа и, набравшись терпения, она вновь прикинула к монитору, меньше чем через минуту начисто позабыв о звонке и предстоящей встрече.

Когда от обилия информации начала раскалываться голова, а перед глазами, утомленными длительным чтением, запрыгали разноцветный зайчики, Ольга отстранилась от монитора, со вздохом облегчения встала из-за стола. От длительной неподвижности занемела спина, а мышцы ног загудели, требуя разминки. Ольга потянулась всем телом, чувствуя, как по коже быстро перебирают острыми лапками мурашки, разносясь по телу вместе с током крови.

Расплатившись, она вышла на улицу, с наслаждением подставила лицо ветру. Сообщая о разрядке, пискнул телефон. Ольга нехотя достала мобильник, взглянула на предупреждающую надпись, сообщающую о нехватке питания. Рука уже потянулась обратно к сумочке, унося мобильник обратно в заваленные многочисленными безделушками недра, когда молнией мелькнуло воспоминание. Ахнув, Ольга повторно взглянула на телефон, отмечая время, до назначенной встречи оставалось чуть меньше десяти минут.

Ольга на мгновение задумалась, набережная находилась не меньше чем в получасе ходьбы, но ехать в душном автобусе не хотелось. Позади раздался звонок. Обернувшись, она обнаружила велосипедиста, молодой веснушчатый парень, осторожно лавируя, ехал через толпу, то и дело оглашая улицу пронзительным звоном.

Решение пришло мгновенно. Размахивая руками, Ольга кинулась наперерез. Не ожидавший подобной прыти от за мгновение до того спокойно стоящей девушки, парень шархнул и едва не упал, лишь в последнее мгновение успев выставить ногу.

— С ума сошла, куда прешь! — переламывающийся от напряжения юношеский голос прозвенел фальцетом.

Опасаясь, что парнишка улепетнет, Ольга ухватила велосипед за руль, сказала извиняясь:

— Прости, пожалуйста, что напугала, но у меня срочное дело. Поможешь?

— И вовсе я не испугался, — парень надменно вздернул нос, отчего золотистые вихры, торчащие словно пушинки одуванчика, разом закачались. Но любопытство взяло свое, и он тут же поинтересовался: — А что за дело?

Подавшись вперед, Ольга с ужасом прошептала:

— Я опаздываю на свидание, очень-очень.

Парень насупился, сказал сердито:

— Ну а я при чем?

По-прежнему не отпуская руль, Ольга сказала с дрожью:

— Мой парень хотел сегодня сказать что-то очень важное, но, я опаздываю, и, боюсь, как бы он не передумал, а то и вовсе не ушел.

Парнишка оценивающе оглядел Ольгу, снисходительно бросил:

— Да что это за парень такой, если может передумать из-за какого-то там опоздания? — Но, взглянув на задрожавшие губы и разом повлажневшие глаза девушки, лишь махнул рукой, сказал примирительно: — Ладно, чего уж там, подвезу. Забирайся на багажник, авось выдержит. И ноги подальше от колес держи, а то выправляй потом спицы...

Радостно взвизгнув, Ольга захлопала в ладоши и мигом устроилась на указанное место. Со второй попытки парнишка сдвинулся с места. Ольга сперва боялась, что юный водитель не выдержит их объединенного веса, завалится, но, повиляв немного, и едва не врезавшись в

дородную женщину с двумя огромными сумками, что каким-то чудом умудрилась отпрыгнуть в сторону за секунду до столкновения, велосипед пошел ровнее, набрав скорость, понесся, пролетая в опасной близости от пешеходов и фонарных столбов.

От скорости и встречного ветра захватило дух. В какой-то момент Ольга ощутила незамутненную радость, подобную той, что, в далеком детстве, сопутствовала полетам на дворовых качелях, когда вместе с несущимся навстречу небом, сердце подскакивало к горлу, а затем, когда мир проваливался в обратном движении, уходило в пятки, а щенячий восторг смешивался с паническим ужасом, образуя гремучую смесь, что будоражила кровь, даже после того, как ноги упирались в безопасную твердь, а место на качелях занимал следующий, дождавшийся очереди счастливчик.

Время от времени, перекрикивая ветер, Ольга объясняла куда сворачивать, а иногда просто указывала рукой. Когда впереди замаячила ограда набережной, она жестом объяснила, что пора останавливаться. Парнишка нехотя остановил, судя по покрасневшему лицу и широкой улыбке, поездка понравилась ему не меньше, а осознание, что он везет симпатичную девушку, изрядно добавило пикантности. Глядя, как Ольга легко спрыгнула на землю, он шмыгнул носом, сказал с подчеркнутым пренебрежением:

— Ну, вот и все, делов-то было.

— Благодарю, ты мне очень помог, — Ольга широко улыбнулась.

— Да ладно, — он отмахнулся. — А то бы ты там разревелась, тушь бы потекла и все такое.

Подавшись вперед, Ольга звонко чмокнула парнишку, помахав на прощание рукой, летящей походкой направилась по аллее, провожаемая задумчивым взглядом велосипедиста, на его лице застыло мечтательное выражение, а на щеке, подобный бутону цветка, пламенел пунцовый оттиск.

Михаила Ольга заметила еще издали, одетый во все белое, он нервно расхаживал взад вперед, удерживая в сложенных за спиной руках продолговатый непрозрачный сверток. Улыбнувшись, Ольга замедлила шаг, остановившись за разросшимся кустарником, некоторое время наблюдала. Судя по тому, как часто Михаил поглядывал на часы, ждал он достаточно долго. Не желая более испытывать терпение друга, Ольга вышла из-за кустарника, но тот заметил, поспешно двинулся навстречу, на ходу разворачивая пакет.

Получив вместо приветствия поцелуй, Ольга на мгновение закрыла глаза, а когда открыла перед лицом колыхался пышный букет кроваво-красных роз. Ахнув от восторга, она осторожно приняла цветы, погрузив лицо в букет, на мгновение замерла. Бархатистые лепестки приятно щекотали кожу, а крохотные капельки влаги, быстро испаряясь с венчиков, создавали пьянящую смесь запахов, от которой кружилась голова, а из груди рвался счастливый смех.

— Как здорово! — Ольга с трудом отстранилась от букета. С удивлением взглянув на Михаила, поинтересовалась: — Как ты догадался, что я люблю именно красные розы?

Подвигав складками кожи на лбу, он задумчиво произнес:

— Ну-у, как сказать. Я сперва долго думал, консультировался со знакомыми, читал цветочный гороскоп...

— И такой есть? — Ольга в удивлении раскрыла глаза.

— Да, — Михаил скромно потупился. — Попался под руку, вот я и...

— И что в итоге? — Ольга лукаво улыбнулась.

— Зашел в цветочный магазин, долго подбирал букет. — Он глубоко вздохнул, словно перед прыжком в пропасть, сказал отчаянно: — А потом взял, и купил тот, что понравился больше остальных.

Ольга залиvisto засмеялась, на мгновение тесно прижавшись к спутнику, прошептала с нежностью:

— Ну и молодец.

Они неспешно двинулись вдоль набережной. Глядя на подернутую мелкой рябью речную гладь, Ольга выжидательно молчала, но Михаил говорил на отвлеченные темы, не решаясь перейти к главному. Когда позади осталась большая часть набережной, Ольга повернула голову, несколько мгновений вглядывалась в лицо спутника, после чего мягко произнесла:

— Мне казалось, ты хотел поговорить о чем-то другом.

Сбитый с мысли, Михаил на секунду замолчал, сжатые губы и враз порозовевшие щеки выдавали сильное волнение, промолвил тихо:

— Ты права. И почему, когда не надо, я становлюсь таким робким?.. А сказать, вернее предложить, я хотел следующее... Давай будем жить вместе.

Ольга перевела взгляд обратно на реку. Шевельнулись смутные воспоминания, словно когда-то давно все это уже было: набережная, цветы, наполненный ожиданием взгляд, и страстное — «Давай будем жить вместе». Порыв встречного ветра взъерошил волосы, с силой рванул букет, заставив непроизвольно сжать ладони, и воспоминания исчезли, распались невесомым туманом, оставив после себя лишь легкий отголосок грусти.

Втянув носом воздух, где, сладкий аромат цветов смешивался со свежим речным воздухом, Ольга сказала кротко:

— У меня напряженный рабочий график, меня не будет сутками.

— Это ничего, — с жаром откликнулся Михаил, — я тоже задерживаюсь до полуночи!

— Я часто разбрасываю и редко убираю, — Ольга слабо улыбнулась.

— Будем мусорить наперегонки — Михаил хохотнул.

— У меня опасная профессия, в один прекрасный день я могу не вернуться, — прошептала Ольга, взглянув в глаза спутнику.

Бледно улыбнувшись, Михаил пробормотал враз охрипшим голосом:

— Никто не вечен, все под богом ходим.

Ольга смотрела в расширенные глаза спутника, где сомнения боролись с надеждой, чувствуя, как внутри зарождается смутная, пока что исполненная недоверия, но все же надежда, что она, как и все остальные люди, вправе рассчитывать на простое человеческое счастье, что последние годы обходило ее стороной, лишь изредка одаривая улыбкой, но тут же вновь исчезая, прекрасное, и такое пугливое, как волшебная синяя птица из детских сказок.

Прикрыв глаза, так что за изгородью ресниц мир раздробился на множество цветных осколков, Ольга сказала:

— Я согласна.

* * *

Переезд прошел легко и безболезненно. Сгрузив большую часть одежды и кое-какие

необходимые безделушки в хозяйскую машину, услышав новость, Иван тут же согласился помочь, Ольга отвезла имущество на новую квартиру. Бесконечные кофточки, топики и нижнее белье заняли всю спальню, а не вошедшее, разместилось в зале. Глядя, как из коробок возникают все новые вещи, Михаил лишь качал головой, да усмехался, то и дело помогая расположить очередную вещь на особенно высоко вбитом гвоздике.

Валериан Петрович с грустью смотрел, как она перетаскивает охапками вещи, под конец не выдержал, принялся помогать. Вдвоем они быстро управились, после чего хозяин окинул взглядом опустевшую пристройку, сказал бодро:

— Ну, наконец-то, теперь никто не будет с утра пораньше носиться вокруг дома, с головоломными прыжками и уничтожать воду в бане. Хотя, — он тяжело вздохнул, — что ни говори, а я к тебе привык.

Ольга широко улыбнулась, сказала ободряюще:

— Валериан Петрович, я просто меняю место жительство, но на работу буду по-прежнему приходить вовремя. Надеюсь, в связи с переездом, вы не собираетесь меня уволить?

Хозяин покачал головой, сказал с сомнением:

— Даже и не знаю. По-хорошему, тебя уже давно было пора выгнать, снабдив соответствующим отзывом, но, — он вновь вздохнул, — моя и без того серая жизнь стала бы еще скучнее.

Ольга ахнула, воскликнула пораженно:

— Ничего себе! Это у вас-то серая?

Валериан Петрович пожал плечами, сказал недовольно:

— А чего ты удивляешься? Или, полагаешь, мне в радость эти постоянные разъезды? Да они у меня уже во где, — он рубанул рукой по шее.

— Но вы никогда об этом не говорили... — Ольга растеряно развела руками.

— Ну а что ты хочешь, чтобы я ныл и жаловался? — Хозяин насмешливо подмигнул. — На такой работе, как моя, нужно выглядеть уверенным, и, я бы даже сказал, чересчур уверенным, иначе нельзя — сожрут, не подавятся. Порой, накатывает такое дикое желание бросить все это к чертям, что с трудом сдерживаюсь. Хорошо хоть с вами можно поругаться, сбросить пар, а то бы уже не выдержал, послал прямым текстом... много кого. Благо, есть за что.

Огорошенная, Ольга стояла, не зная, что сказать. Всегда нахрапистый, исполненный энергии хозяин предстал в новом свете. Осторожно, боясь испортить момент неуместным словом, Ольга произнесла:

— Но ведь ничего не изменилось, правда? Я по-прежнему работаю с вами, Иван тоже...

Валериан Петрович хохотнул, вновь возвращаясь к своему обычному состоянию, сказал насмешливо:

— И то радуется. А то разбежитесь, я ж с горя-то помру. — Нахмурившись, добавил негромко: — Ты Ивану разговор не передавай, и так характер не подарок, как бы вконец не возгордился.

Ольга улыбнулась, сказала с деланной строгостью:

— Я хоть и переезжаю, но по-прежнему жду вашего звонка. Как только появится необходимость — вызывайте.

Хозяин лишь отмахнулся, произнес с досадой:

— Да какая сейчас работа? У меня, считай, отпуск... Если только девчонкам что

приспичит, да и то вряд ли. В общем, иди, а то заболтались, а у меня цемент сохнет.

Едва переехав, Ольга с головой погрузилась в домашние дела, реализуя накопившуюся за последние полтора года потребность в уюте. Стирки и уборки следовали одна за другой, а в промежутках, давая волю разбушевавшейся фантазии, она готовила самые разнообразные блюда, черпая рецепты из толстенной поваренной книги найденной под слоем старых журналов в глубине одного из шкафов.

Михаил не переставлял удивляться бьющей из подруги энергии, казалось, она успевала везде, не уставая и почти всегда сохраняя отличное расположение духа. Вечерами они уходили гулять и подчас забирались в самые отдаленные уголки города, задерживаясь там, пока небо не покрывалось ковром мерцающих звезд, а в парках не зажигались тусклые глаза фонарей, подсвечивающие сумрак волшебными переливами разноцветных огней.

Ночи пролетали незаметно. Погруженные в водоворот страсти, влюбленные не замечали времени, лишь под утро, обессиленные, засыпали в объятьях друг друга, а просыпались далеко за полдень, с радостью встречая очередной, наполненный счастьем день.

Радость безмятежного счастья омрачали лишь опасения связанные с основной работой. Время от времени Ольга с содроганием вспоминала последнюю встречу с шефом, сжимаясь от ожидания очередного звонка, но телефон молчал, и, постепенно, воспоминания поблекли, стерлись, вытесненные более насущными заботами, все произошедшее стало казаться чем-то ненастоящим, жуткими остатками дурного сна, что, изредка прорывались через безоблачную радость будней, сверкая далекими грозами былых кошмаров.

Не звонил и Валериан Петрович, словно вместе с переездом исчезла и потребность в телохранителе. Памятуя о желании хозяина выбраться на «недельку — другую на рыбалку», Ольга не удивлялась, благо заработанных за несколько месяцев денег, хоть и в значительной степени потраченных на одежду с безделушками, при бережливом подходе, должно было хватить еще надолго, поэтому, когда в один из вечеров телефон разразился протяжной трелью, Ольга взяла мобильник, с недоумением обнаружив на дисплее пометку «клиент», произнесла приветливо:

— Добрый вечер, Валериан Петрович, появилась работа?

В динамике, прерываемый шорохом помех, послышался знакомый голос:

— Вот ведь какая, сразу о работе! Уже надоело отдыхать?

— Нет, конечно, — Ольга засмеялась, — но вы же знаете: на работу — как на праздник.

Собеседник хмыкнул, сказал насмешливо:

— А, ну это да, это конечно. — Добавил уже серьезно: — Заскочи завтра вечером, нужно в пару мест заехать, а то без тебя как-то непривычно.

— Что-то серьезное? — Ольга нахмурилась.

— Да нет, обычные дела. Но, думаю, твое присутствие лишним не будет, так, на всякий случай. Ты же знаешь, случай бывает разным, — Валериан Петрович хохотнул. — В общем, часикам к восьми, девяти. Ну, все, до встречи, — в динамике хрустнуло, разговор прервался.

Ольга вернулась к прерванному занятию, за время беседы вода успела закипеть и аппетитные колобки из фарша, приготовленные в качестве основы будущего супа, один за другим, вздымая небольшие фонтанчики, полетели в кастрюлю. Неслышно подошел Михаил, мягко приобняв за плечи, поинтересовался:

— Работа зовет?

Ольга на мгновение обернулась, взглянув в погрузневшее лицо друга, сказала ободряюще:

— Это не надолго. Хозяин грозился отправить домашних в отпуск на пару недель, и самому поехать следом. Так что, скорее всего, это последний выезд в этом месяце.

Михаил поморщился, сказал с легким недовольством:

— Ты, конечно, извини, но это слово... «хозяин», мне режет слух. Неужели нельзя как-то по-другому, к примеру: наниматель, ну, или работодатель.

Сосредоточившись на шинковке моркови, острое лезвие ножа так и мельтешило, выбивая непрерывную дробь по разделочной доске, Ольга ответила не сразу, лишь когда морковь распалась на небольшие равномерные кубики, подняла голову, улыбнувшись, произнесла:

— Это просто профессиональный жаргон. В него никто ничего не вкладывает.

Михаил передернул плечами, сказал, сдерживая раздражение:

— Может быть и так, но мне неприятно слышать, что у моей подруги есть хозяин, пусть даже это просто ярлык.

Ольга помолчала, сказала задумчиво:

— Когда-то давно мне казалось, что мир справедлив, но со временем я поняла, что ошибаюсь. Примерно в то же самое время я была уверена, что никогда не буду заниматься тем, что не нравится, но я ошиблась и здесь.

Не понимая, к чему клонит подруга, Михаил недоуменно поинтересовался:

— Не хочу показаться глупцом, но в чем соль?

Отложив морковь, Ольга взяла картофелину, взвесив на руке, отстраненно ответила:

— Слова важны лишь до тех пор, пока не доходит до дела. Жизнь все расставляет на места, позволяя не обращать внимания на обидные клички и не придавать значения ярлыкам.

Пристыженный, Михаил отошел к окну, некоторое время стоял молча, затем повернулся, сказал виновато:

— Извини, пожалуйста. Я о тебе еще не так много знаю. Вполне возможно, что у тебя в жизни было такое, после чего все эти мелочи действительно не имеют значения... Возможно, что я слишком сильно тебя люблю, и малейший намек на то, что кто-то может заявлять права на любимую девушку, приводит меня в ярость.

Ольга шагнула к Михаилу, взглянув снизу вверх, сказала нежно:

— Не переживай. Я все понимаю и совсем-совсем не обижаюсь. Единственно, что меня смущает... — она запнулась, в глазах мелькнуло лукавство.

Насупившись, Михаил поинтересовался:

— И что же?

— А то, что если ты ревнуешь к слову «хозяин», что начнется, когда я буду приходить с работы под утро?

Михаил закатил глаза, ответил задумчиво:

— Наверное, придется купить битую, и прокатиться вместе с тобой, побеседовать с нанимателем, чтобы у него больше не возникало странного желания выдергивать тебя из дома на ночь глядя.

Он сопроводил слова столь страшным взглядом, что Ольга рассмеялась, но тут же нахмурилась, произнесла с деланной строгостью:

— Миша, это очень плохая идея.

— Почему? — его лицо приняло невинное выражение.

Ольга приблизил губы к уху собеседника, произнесла чуть слышно:

— А потому, что у моего нанимателя есть телохранитель, и он очень не любит, когда к нанимателю приближаются взбалмошные молодые люди с битами наперевес.

— Вот тебе раз! — Михаил всплеснул руками. — И ты не остановишься перед тем, чтобы избить собственного парня?

— Конечно, — Оля усмехнулась. — Застрелю прямо сюда, — ее пальчик уперся собеседнику в лоб.

Михаил схватился за голову, бросился в соседнюю комнату с жалобным криком:

— Это ужасно, меня готова убить собственная девушка!

Прислушиваясь к доносящемуся грохоту, не рассчитав скорости, Михаил снес удерживающую веревки с сохнувшим бельем подпорку, Ольга вновь занялась супом, на ее лице застыло выражение счастья, а в руке замелькал нож.

* * *

Провозившись с делами, Ольга опомнилась, лишь, когда небо за окном стало темнеть. Взглянув на часы, она сдавленно выругалась, уже перевалило за восемь, и, хотя, Валериан Петрович не назвал точное время, следовало поторопиться. Облачившись в костюм и накинув кобуру, Ольга завертела головой в поисках пистолета, но вспомнила, что решила не забирать оружие, оставив на своем месте в сейфе, и, более не задерживаясь, вышла из дома.

Опасаясь, что не успеет на последний рейс, Ольга пробежалась до остановки, заскочила в уходящий автобус, заметив бегущую девушку, водитель на мгновение притормозил, заново раскрыв уже успевшие захлопнуться двери. Неспешная езда и раскинувшийся за окном вечерний город убаюкивали, и Ольга погрузилась в размышления, попытавшись сосредоточиться на предстоящей работе, но мысли раз за разом возвращались к тихому семейному счастью, и, отбросив тщетные попытки, она расслабилась, отдавшись приятному состоянию умиротворения и покоя, удивительным образом закрепившимся в душе всего за несколько дней.

По-прежнему пребывая в мечтах, Ольга вышла на остановке, лишь когда под ногами захрустел гравий, насыпанный на дороге вместо асфальта, а впереди, тускло очерченные во тьме, замаячили контуры коттеджа, расслабленность сменилась тревогой, что, по мере приближения к дому, разрасталась все сильнее, вытесняя прочие чувства.

Пытаясь разобраться в ощущениях, Ольга замедлила шаг, лихорадочно соображая, что послужило сигналом. Еще раз взглянув на коттедж, она с холодком поняла, что именно не так. Остроконечное здание, где проживал со своей семьей Валериан Петрович, оставалось совершенно темным, в бледном свете выглянувшего серпика луны черные провалы окон казались глазницами черепа, что слепо таращились в пространство, не освещенные ни единым огоньком.

Возле ворот Ольга остановилась, вслушалась до боли в ушах, но со двора не доносилось ни звука, и она потянула ручку на себя. Калитка оказалась не заперта, легко отворилась, открывая темное пространство двора. Испытывая сомнения, вполне могло оказаться, что в доме просто выбило пробки или перегорела проводка, Ольга прошла по двору, продолжая

настороженно вглядываться.

Возле гаража в поле зрения попало темное пятно, хорошо различимое на однотонной поверхности земли. Приблизившись, Оля узнала Крокодила, но пес, против обыкновения, не вскочил, радуясь знакомому человеку, недвижимый, он продолжал лежать, не подавая признаков жизни.

Присев, Ольга осторожно запустила руки в густую шерсть, пальцы коснулись теплого, отдернулись, пес еще не успел окоченеть. Ольга всмотрелась, обнаружив тянувшийся от собаки влажный след, судя по всему, смертельно раненый, верный страж еще некоторое время полз, пытаясь защитить хозяина, пока, обескровленные, мышцы не перестали реагировать на приказы мозга.

Ольга мельком взглянула на пристройку, где, в глубине, надежно спрятанное за металлическими стенками сейфа, хранилось выданное хозяином оружие, но лишь тряхнула головой, возня с замками требовала времени, а в доме могли находиться нуждающиеся в срочной помощи люди.

Оставив собаку, Ольга поспешно двинулась к дому. Не запертая, дверь легко отворилась. Помедлив, Ольга вошла внутрь, чувствуя, как от сдерживаемого напряжения, режет мышцы, остановилась, прислушиваясь. Ни звука, лишь в зале умиротворяюще тикают часы. Дом погружен во тьму, только лежащие на полу светлые пятна от падающего из окна лунного света немного рассеивают сумрак.

Ольга сделала крохотный шаг, под ногой оглушительно хрустнуло, чертыхнувшись, если в доме до сих пор находились чужие, она выдала себя с головой, рванулась в сторону, уходя от возможной атаки. Рука мазнула по стене, под пальцами щелкнул выключатель, Ольга застыла в боевой стойке, готовая отразить нападение.

Вспыхнул свет, после вечерней тьмы показавшийся особенно ярким, но Ольга прикрыла глаза мгновением раньше, спасая зрение от перепада яркости, прищурившись, обвела взглядом интерьер, отмечая непривычное расположение предметов: разбросанная по прихожей обувь, сброшенные с полочки у зеркала бутылочки с ароматной водой, одна из емкостей раскололась, и разлившийся одеколон наполнил прихожую густым приторным ароматом.

Крадучись, Ольга двинулась по коридору, стараясь охватить взглядом как можно большую часть открывающегося пространства, малейшее движение, и отработанные месяцами тренировок рефлексы сработают, бросая тело с линии огня, но все недвижимо, лишь тихий скрип половиц под ногами, да мерное тиканье часов.

В зале разгром, стулья опрокинуты, осколки посуды разбросаны по полу, ковер собран уродливыми складками, а возле дивана... Ольга сжала челюсти так, что заломило в висках. Раскинув руки, на полу, в луже крови, замер Валериан Петрович, глаза невидяще уставились в потолок, на лице застыло удивление, рубаха в области груди испятнана красным, в темных стужках угадываются круглые пулевые отверстия.

За спиной скрипнуло, сбрасывая чудовищное напряжение, мышцы распрямились в сильнейшем рывке, отпрыгивая в сторону, Ольга подхватила со стола бутылку, метнула на звук, вложив в движение всю силу. Врезавшись в стену, бутылка лопнула, засыпав все вокруг стеклянным крошечком. С пронзительным визгом, вдоль стены пронесся рыжий комок, с размаху влетел под шкаф, расширенные от страха, из сумрака сверкнули желтоватые зрачки.

Выругавшись сквозь зубы, Ольга поднялась на ноги, бросив торопливый взгляд на тело хозяина, заспешила наверх, страхась представить, что увидит в женской половине дома.

Ирина Алексеевна лежала на лестнице, похуже, услышав шум, она решила спуститься вниз, уточнить, но не успела. Тело хозяйки уже начало остывать, но, приложив руку к артерии на шее, Ольга несколько мгновений напряженно вслушивалась, тщетно пытаясь уловить хотя бы отдаленные признаки жизни.

И вновь лестница, короткий коридор остается позади, двери обеих комнат распахнуты настежь. Не обращая внимания на комнату хозяйки, Ольга свернула в помещение Лолиты. Все как обычно, трельяж с множеством баночек и притинок, разложенная на стульях одежда, заправленная постель. Брови Ольги сошлись на переносице, с тяжелым вздохом она переступила порог комнаты. Измазанная кровью, Лолита лежит на полу, глаза закрыты, лицо мертвенно бледно. Опустившись на колени, Ольга приложила голову к груди девушки, понимая, что уже ни чем не сможет помочь, вслушалась.

Тихий, едва слышный удар. Не веря в происходящее, Ольга застыла, обратившись в слух. Долгие секунды тишины, и вновь удар, словно далеко-далеко, отгороженный от мира глухими стенами тюрьмы, из последних сил стучит всеми забытый заключенный, скорее по привычке, чем, надеясь на помощь, бьет камнем в стену, после каждого удара надолго погружаясь в зыбкое оцепенение.

Ольга осмотрела девушку, мягко, стараясь едва задевать, ощупала, пальцы быстро пробежались по телу, наткнулись на влажное, два отверстия в боку, одно над другим — пули застряли в теле. Оля мгновение раздумывала, подобные раны не излечить вручную, а везти девушку своими силами до больницы — верная смерть в пути, выхватив из сумочки телефон, набрала номер. Долгие гудки, отвлеченная делами, диспетчер не торопится снимать трубку. Наконец в динамике щелкнуло, раздался деловой женский голос:

— Скорая помощь, слушаю вас.

Стараясь, чтобы голос не дрожал, Ольга произнесла:

— Три человека с огнестрельными ранениями, двоих уже не спасти, но третий еще жив, поторопитесь, пожалуйста.

— Адрес? — голос собеседницы затвердел.

— Еловая двенадцать, трехэтажный частный особняк — увидите издали. Ворота открыты, собака... собаки нет, нуждающийся в помощи находится на втором этаже.

— Ваше имя? — собеседница замолчала в ожидании.

— Это уже не важно, — произнесла Ольга с тяжелым вздохом. — Приезжайте.

На той стороне пытались уточнить что-то еще, но Оля убрала телефон, занялась Лолитой. В памяти живо встали слова инструктора по оказанию помощи. Осмотревшись, Ольга шагнула к столику, один за одним откупорила несколько флаконов. Взгляд наткнулся на баночку с вазелином, тут же оказалась и едва початая упаковка салфеток. Собрав необходимое, Ольга вернулась к Лолите, приподняв, прислонила девушку спиной к кровати, придавая телу сидячее положение, после чего, не медля, наложила на рану салфетки, предварительно густо смазав поверхность вазелином.

Используя в качестве жгута обрывок простыни, Ольга закрепила салфетки, вновь приложила ухо к груди, прислушиваясь к чуть слышному биению, и удовлетворенная результатом, вернулась на первый этаж. В зале ничего не изменилось, только кот, испуганный произошедшим, перебрался под диван, откуда время от времени жалобно мяукал.

Ольга вновь осмотрела комнату, взгляд остановился на одной из картин. Распахнутая настежь, картина оказалась замаскированной дверцей сейфа, за ней, в отделанном металлом углублении, смутно белели какие-то бумаги. Приблизившись, Ольга заглянула внутрь:

горстка бумага, несколько пустых коробочек, забытая крупная купюра, еще несколько банкнот, хаотично разбросанные, лежат на полу.

Ольга нахмурилась, человек уничтоживший семью хозяина отлично знал, где располагается сейф, к тому же легко его вскрыл, ни на дверце, ни на стене вокруг не оказалось сколько-нибудь заметных повреждений. Друг семьи, партнер по бизнесу, один из ухажеров Лолиты?.. Теряясь в догадках, Ольга еще раз осмотрела первый этаж, когда мелькнувшая мысль заставила остановиться: человек, владеющий информацией о сейфе, не мог не знать о проживающем в доме телохранителе, и, либо рассчитывал легко справиться с охраной, либо...

Ольга нахмурилась, она сменила место жительства всего три дня назад, чтобы это стало известно широкому кругу лиц. Ноги сами собой привели к пристройке. Потянув на себя дверь, замок оказался открыт, Ольга вошла внутрь, ощущая, как учащенно забилося сердце, щелкнула выключателем. Висящая под потолком лампа залила комнатку ярким светом. На первый взгляд все в порядке: на тумбе стопочка тарелок, забытый на стульчике костюм, ровно застеленный диван. Ольга подняла руку, пальцы привычно нащупали ключик. Шагнув к окну, где, возле стены, под грудой хлама, скрытый от сторонних глаз, хранился сейф, для пущей безопасности прикованный стальной цепью к батарее, Ольга сбросила лежащую сверху рухлядь, сунула ключик в скважину. С тихим хрустом отщелкнулся язычок замка, бесшумно повернувшись в петлях, мягко отошла дверца. Ольга несколько мгновений смотрела внутрь, после чего захлопнула дверцу — сейф оказался пуст.

Мысли понеслись безумным хороводом. Но вот, среди невнятных обрывков и смутных образов выделилась одна, укрепились, вытеснив сумятицу, вспыхнула перед внутренним взором огненными буквами. Ольга с холодком вспомнила последнюю встречу с шефом и его прощальные слова — «Готовься к худшему». Дыхание перехватило. Значит, то была не пустая угроза. Чудовищная в своей изящности месть. Ставшая вторым домом семья шефа, уничтоженная за один вечер ее оружием, в том, что неизвестный убийца использовал исчезнувший пистолет, не возникло сомнений, похищенные из сейфа деньги, а возможно и кое-какие компрометирующие документы, после чего ее скромной персоной заинтересуется не только милиция, но и деловые партнеры хозяина.

От ощущения разверзающейся под ногами пропасти Ольгу затрясло, выбивая мелкую дробь, застучали зубы, от наверхувшихся слез поплыли стены. Чувствуя, что еще немного, и она не выдержит, Ольга чудовищным усилием превозмогла постыдное желание разрыдаться. В памяти всплыла старая, но действенная практика борьбы со стрессовыми состояниями. С силой выдохнув воздух, она задержала дыхание, для верности стиснув горло ладонями.

Когда в голове зашумело, а перед глазами от недостатка кислорода замелькали кровавые мухи, Ольга расслабила пальцы, с хрипом вдохнув, упала на пол, ощущая, как живительный воздух вливается в легкие. Чувствуя, как, вытесненная физическим дискомфортом, отступает паника, Ольга повторила упражнение еще пару раз, сотрясаясь от спазмов в мышцах, с трудом добрела до умывальника.

Вода полилась на лицо, холодными струйками проникла под одежду, смывая остатки смятения, мысли потекли ровнее. Присев на диван, Ольга принялась составлять план действий. Прежде всего, необходимо было достать оружие, несмотря на полученные в лагере навыки рукопашного боя, против человека с пистолетом шансы были не велики, не говоря уже о чем-то более серьезном.

Ольга задумалась, полубессознательно вертя в руках ключик от сейфа. Неудачное

движение и отполированный кусочек металла выскочил из пальцев, блестящей рыбкой мелькнул, закатившись под диван. Механически потянувшись за потерей, Ольга зашарила рукой под диваном, когда пальцы неожиданно наткнулись на твердое. Замерев, Оля осторожно ощупала вещь, не веря в удачу, осторожно извлекла находку. В ладони, облепленный пылью, тускло заблестел пистолет: шероховатая рукоять удобно лежит в руке, затвор покрыт красивой вязью насечек, на корпусе, сквозь серую шубу пыли проступает заводская маркировка и витиеватые буквы «FEG».

Затаив дух, Ольга отщелкнула обойму, полная! Обтерев пистолет от пыли, вложила в кобуру. Поднявшись, Оля коротко осмотрелась: висящие в шкафу вещи, изящные наборы тарелочек, которые она выбирала с таким тщанием, все это останется здесь. Вздохнув, она сделала шаг к выходу, когда слуха коснулся шум мотора. Ольга замерла, прислушиваясь. Шум нарастал, становился громче, пока не затих неподалеку. За забором замелькали фонари, слышались приглушенные голоса.

Рука потянулась к выключателю, щелчок, и пристройка погрузилась во тьму. Стараясь не шуметь, Ольга вышла наружу, обходя дом по дуге, двинулась вдоль забора. Двор наполнился голосами, тяжело затопали ботинки, захрипели рации, слышались короткие команды. Перемахнув к соседям, Оля прокралась через сад, с каждым шагом по щиколотку проваливаясь в мягкую землю, задержавшись у ворот, на мгновение обратилась в слух, но с улицы не доносилось ни звука, и она решительно толкнула дверь.

Притворив калитку, она двинулась вдоль улицы, но едва сделала несколько шагов, как впереди ярко вспыхнул свет, раздался напряженный голос:

— Девушка, постойте!

Ольга с трудом сдержала ругательство. Следовало перестраховаться, и пройти еще пару участков, прежде чем выходить на улицу. Заслонившись от света глаза и опустив голову, Ольга замерла. Захрустели камушки, невидимый во тьме, человек приблизился, произнес негромко:

— Инспектор милиции Сидоров. Девушка, по соседству произошло преступление, вас не затруднит выступить понятой?

— У меня нет времени, я очень спешу, — Ольга покачала головой.

— Я все понимаю, но... дело слишком серьезно и я вынужден настаивать!

— Хорошо, — Ольга кивнула. Добавила, не убирая руку от лица: — Только перестаньте меня слепить.

Инспектор еще некоторое время светил фонарем, после чего сноп света переместился на землю, а мужчина извинился:

— Простите, вынужденная необходимость. Мне нужно было убедиться, что вы... — Он не договорил, охнув, согнулся, схватившись за промежность, прошептал с болью: — За что?!

— За излишнее усердие, — выдохнула Ольга, обрушив пистолет на затылок милиционера.

Оттащив оказавшееся не слишком тяжелым тело во двор, откуда только что вышла, Ольга устремилась в сторону трассы и вскоре ехала на попутке в сторону дома, поминутно оборачиваясь. Пару раз ей казалось, что неподалеку, не отставая, но и не уходя вперед, движется некий автомобиль, но, оглянувшись в очередной раз, Ольга не увидела машины, и, списав увиденное на разыгравшуюся фантазию, выбросила подозрения из головы.

Стараясь не шуметь, Оля отперла дверь, тенью прощмыгнула в квартиру, сбросив туфли, прошла в комнату, нервно заходила из угла в угол. Из ванной донесся плеск воды и

негромкое пение, судя по всему, Михаил принимал вечерний душ. Прислушиваясь к мелодичным звукам, Ольга едва сдержалась, чтобы не зарычать от отчаяния, едва ей начало казаться, что жизнь налаживается, как судьба в очередной раз устроила экзамен.

Уничтожив семью нанимателя, шеф запустил процесс охоты. Представив себе масштабы власти, позволяющие вот так, запросто, вырезать целые семьи, устроив тотализатор на человеческих жизнях, Ольга ужаснулась могуществу незримой организации, которой она посмела бросить вызов своим неповиновением. Виски заломило с такой силой, что, застонав, Ольга обхватила голову руками, без сил опустилась на пол, но, преодолевая боль, сразу же поднялась. Время работало против, и каждое мгновение проведенное в этой квартире ставило под угрозу жизнь и здоровье единственного близкого человека.

Скрипнула дверь, из ванной, обмотав бедра полотенцем, выдвинулся Михаил, застыл на пороге, с удивлением глядя на Ольгу, что, сосредоточенно перебирала одежду, методично вытаскивая из шкафа плечики, одни за другими. Мельком оглядев вещь, Ольга отбрасывала плечики в сторону, и тут же тянулась за следующими. Большая часть одежды смятой кучей лежала в стороне, и лишь немного, сложенное аккуратной стопочкой, возвышалось рядышком, на диване.

— Я не помешал? — Михаил решил нарушить молчание.

Не прерываясь, Ольга произнесла коротко:

— Миша, это не то, что ты думаешь, но на некоторое время я должна исчезнуть из города.

Скрестив руки на груди, Михаил нахмурился, недовольно поинтересовался:

— Может, все-таки объяснишь, что происходит? Ты уезжаешь по делам на ночь глядя, возвращаешься через час и начинаешь собирать чемоданы. Возможно, кому-то это и не покажется странным, но мне бы хотелось знать — что происходит?

Ольга на мгновение повернулась, кротко произнесла:

— У меня очень большие проблемы, такие большие, что нужно немедленно уезжать из города.

— Такие большие, что даже я не могу о них узнать? — лицо Михаила дрогнуло.

С тяжелым вздохом, Ольга опустилась на диван. На мгновение невыносимо захотелось рассказать все, поделиться, сбросив с плеч груз жизненных перипетий, что стал давно привычным, но сейчас давил с такой силой, что пригибал к земле подобно бетонной плите, но рассказать, значило вовлечь Михаила в противостояние с организацией, а это могло кончиться лишь одним. К тому же, Ольга сомневалась, что, выслушав все, любимый не отвернется, преисполнившись презрения. Упрямо наклонив голову, она сказала лишь коротко:

— Так надо. Просто поверь... если можешь.

Глядя, как она начинает упаковывать вещи в чемодан, Михаил не выдержал, воскликнул с болью:

— Но ведь это не правильно! Так не должно быть. Мы долго встречались, ты согласилась переехать ко мне. Прошло три дня и... Что могло произойти за жалких трое суток, о чем нельзя сказать, собирая чемодан у меня на глазах?

Чувствуя, как разрывается сердце, Ольга шагнула к другу, обхватив его руками, прижалась всем телам, подняла глаза, где, готовые прорваться, скопились жгучие слезы, прошептала чуть слышно:

— Ты не представляешь, как мне тяжело держать в себе все, не позволяя выговориться

даже самым близким людям. Но поверь, тому есть причины, и я никогда не стала бы себя так мучить, не будь ты мне столь дорог.

Обняв ее за плечи, Михаил с грустью произнес:

— Может быть и так, хотя, я даже отдаленно не могу себе представить, о чем нужно молчать, но, поверь, мне ни чуть не легче видеть, как ты молча уходишь, отделавшись лишь коротким — «так надо».

Ольга набрала в легкие воздуха для ответа, но ее слова заглушил звонок в дверь.

— Я открою, — Михаил отстранился, двинулся в прихожую.

Ольга гигантским прыжком опередила, загородив путь, с ужасом воскликнула:

— Стой! Не подходи к двери.

Опешив, Михаил остановился, осторожно произнес:

— Оля, я не знаю, что у тебя произошло, но это не повод для паранойи.

Он попытался обойти девушку, но Ольга расставила руки, спросила с подозрением:

— К тебе часто приходят посреди ночи?

Михаил пожал плечами, ответил с затруднением:

— Не часто. Но, может хотя бы спросить, это-то ты мне позволишь? Или я пленник в собственной квартире? — он улыбнулся.

Почувствовав себя неловко, Ольга потупилась, пробормотала виновато:

— Прости, пожалуйста. Похоже, я чересчур перенервничала, — она посторонилась, освобождая проход.

Ласково потрепав подругу за плечо, Михаил подошел к двери, мельком взглянул в глазок, но лишь пожал плечами, пробормотал недовольно:

— Опять лампы поразбивали. Ну что за народ? — Добавил громче: — Кто там?

С лестничной площадки, приглушенный дверью, донесся возмущенный женский голос:

— Вы нас который раз заливаете! Сколько можно? Я терпела, сколько могла, но уже сил нет. Открывайте, пойдемте, полюбуемся, что вы натворили.

Втянув голову в плечи, Михаил покосился на Ольгу, прошептал покаянно:

— А ведь я только что мылся. Похоже, отвлекся, наплескал на пол. — В слабой надежде отсрочить скандал, Михаил поинтересовался: — Может, отложим до завтра? Чего ночью ходить?

— Да вы смеетесь! — соседка заверещала раздраженно. — К утру все высохнет, да и времени у меня на вас не будет. Открывайте! Или мне всю ночь стоять?

Михаил развел руки, буркнул чуть слышно:

— Что ж теперь делать. Накосячил — буду расхлебывать.

Михаил протянул руку к замку, пальцы обхватили ручку, замедленно повернулись. Ольга смотрела, а внутри с каждым мгновением разрастался протест. Откуда-то пришло ощущение неминуемой потери.

— Нет!

Вытянув руки, она бросилась вперед, но в этот момент замок щелкнул. С удивлением на лице, Михаил повернулся, одновременно отворилась дверь. Ольга резко остановилась, словно налетев на стену, расширенными от ужаса глазами всмотрелась в темный прямоугольник проема, где, подсвеченная льющим из квартиры светом, застыла девушка: невысокая, плотного телосложения, облаченная в спортивный костюм, коротко стриженная макушка топорщится жестким ежиком волос, голова опущена на грудь.

Заметив ужас в лице Ольги, Михаил начал разворачиваться. Одновременно, девушка подняла голову, в упор взглянув на Ольгу, произнесла:

— Ну, здравствуй, соратница. Жаль, что пришлось встретиться так... — она быстро шагнула вперед, резко вскинула руку.

Раздался негромкий хлопок, Михаил вздрогнул всем телом, с удивлением опустил глаза

на живот, где, стремительно набухая влагой, расплзлось кровавое пятно. Его руки повисли плетями, покачнувшись, Михаил мягко завалился назад. Рванувшись вперед, Ольга подхватила тело, мягко уложила на пол. Не отрывая глаз от лица гостыи, с ненавистью произнесла:

— И тебе привет, Бритая... Вот значит, чем теперь промышляешь.

Девушка поморщилась, сказала с сарказмом:

— А то сама в бутике торгуешь. Чем учили, тем и занимаюсь.

Михаил стремительно бледнел, рубашка насквозь пропиталась кровью, и алые ручейки потекли на пол, скапливаясь в небольшую лужицу. Зажимая рану ладонью, Ольга неотрывно смотрела на бывшую соратницу, просчитывая, успеет ли сделать коротких три шага до противницы, или злой свинец вонзится в грудь раньше. С трудом выталкивая слова, Ольга произнесла:

— Зачем?

— Это? — Бритая кивнула на Михаила. — Приказ есть приказ, извиняться не буду.

— А Валериана Петровича с семьей, случайно не ты? — Ольга перенесла вес на правую ногу, стараясь проделать это как можно незаметнее.

Бритая произнесла отстраненно:

— Это те трое, что в особняке за городом? Верно.

Готовясь к прыжку, Ольга поинтересовалась:

— Но... почему?

Бритая усмехнулась, холодно ответила:

— Начальство не посвящает, а я не спрашиваю. Думаю, не спрашиваешь и ты.

Чувствуя, как с силой забилося сердце, нагнетая в мышцы кровь, Ольга приготовилась к прыжку, прошептала чуть слышно:

— Не спрашиваю, но и не убиваю.

Пропустив реплику мимо ушей, Бритая произнесла:

— Это твой выбор, не мой. А теперь к делу, — ее голос зазвенел металлом, и Ольга поневоле прислушалась. — Когда мы подъехали к лагерю, ты сохранила мне жизнь, отговорив бежать. Я поняла это, когда одна из новеньких, не вспоминай, тебя уже выпустили, попыталась уйти тем же путем, сиганув прямо через забор. Мы как раз занимались в поле. Представляешь, ее даже не побежали искать. В лесу бабахнуло, а секундой спустя на снег шлепнулся ошметок руки. Как оказалось, там растяжки повсюду.

— Зачем ты мне это говоришь? — прошептала Ольга.

Бритая мгновение помолчала, сказала задумчиво:

— Есть такая поговорка — «долг платежом красен». При всех недостатках моей нынешней работы... Заказа на тебя не было, но, знаешь, свидетелей убирают. Я даю тебе выбор: ты можешь остаться, вызывать скорую помощь, авось твоего друга и спасут, а можешь последовать за мной, и мы, на пару, тряхнем полученными в лагере навыками — одна да останется жива.

— Неплохо, — Ольга глубоко вздохнула, намереваясь атаковать, но противница, не то случайно, не то что-то заподозрив, отступила на пару шагов, увеличив расстояние, погрузилась в сумрак подъезда, чем свела план нападения на нет. — Чем мне грозит второе, я поняла, а насчет первого?..

Из тьмы раздалось отстраненное:

— Наверное, ты догадываешься, идеальных вариантов не бывает. Оставшись, ты

сохранишь жизнь парню, но вот себе... Второго шанса не будет. А насчет свидетелей я уже говорила, с ними не устраивают дуэлей, их пристреливают, как собак. Думай, — в проеме мелькнула смазанная тень, застучали, удаляясь, шаги.

Михаил застонал, не открывая глаз, прошептал:

— Не слабые у тебя подруги. Пожалуй, теперь я соглашусь: о некоторых вещах лучше умалчивать.

Ольга наклонилась так, что почти коснулась губами уха, произнесла с нежностью:

— Не бойся, я не брошу тебя. Сейчас мы наложим повязку, вызовем скорую...

Страдальчески сморщившись, слова давались ему с большим трудом, Михаил произнес:

— Не надо. Дай телефон, и уходи немедленно...

— Но ты истечешь кровью!

— Я справлюсь, — он говорил все тише. — Она мне в печень саданула, не в сердце. А лучше — позвони соседям, они помогут. А ты беги, она не отступится.

Ольга уже хотела отмахнуться от услышанного, когда в памяти вновь прозвучали слова — «свидетелей не оставляют», и она с ужасом поняла — сказанное распространяется не только на нее, Михаил точно такой же свидетель, и не останови она Бритую, та найдет его везде, и, не взирая на рану... Дальше мысль обрывалась, не в силах смоделировать чудовищную ситуацию.

Чувствуя, как сердце обливается кровью, Ольга прошептала:

— Держись, все будет хорошо. Я скоро вернусь. — Рванувшись в подъезд, она забарабанила в дверь напротив, закричала в отчаянии: — Помогите, мужу срочно нужна помощь, он тяжело ранен!

Щелкнул замок. За распахнутой дверью выросла мужская фигура. Послышалось опасливое:

— В чем дело?

Ольга умоляюще сложила руки на груди, воскликнула:

— Муж, он ранен. Пожалуйста, вызовите скорую, а я за помощью, — развернувшись, она понеслась вниз.

Выметнувшись на улицу, Ольга мельком осмотрелась. Ни единой живой души, лишь на газоне, подложив руки под голову, развалился пьяный мужичок. Она метнулась вокруг дома, завертела головой, оглядываясь. В бледных отблесках фонарей запоздавшие прохожие, словно серые тени: постукивая палкой, медленно ковыляет старик, рядом, склеившись в сладком поцелуе, застыла парочка, чуть дальше дородная тетка обтирает лоб платочком.

От бессилия, Ольга сдавленно зарычала. Не зная, куда направляется человек, сложно проследить маршрут в многолюдном городе, а уж если это обученный убийца, дело становится и вовсе безнадежным. В отчаянии, Ольга уже хотела вернуться, но вдали мелькнула смутно знакомая фигура. Вглядываясь до боли в глазах, Оля затаила дыхание. Проходя мимо фонаря, человек на мгновение обернулся, и Ольга ахнула: короткий ежик волос, мощная нижняя челюсть, на секунду показалось, что губы сложились в насмешливую улыбку, но на таком расстоянии было уже не разобрать. Человек отвернулся, а Ольга побежала следом, почти не прячась, стремясь лишь к одному — не упустить цель из вида.

Бритая шла не прячась, уверенная, что у бывшей соратницы не хватит духу оставить истекающего кровью любимого, а быть может, просто не подавала виду, отлично осознавая, что горящая ненавистью противница следует по пятам. Когда Бритая прошла мимо остановки, где, в ожидании клиентов, сгрудились на перекур таксисты, Ольга вздохнула с

облегчением, двигаться незамеченной по темной улице было на порядок проще, чем преследовать уносящуюся в неизвестность машину, пусть даже и на другом, не менее быстром, но более заметном на пустой дороге авто. К тому же, Бритая вполне могла устроить перестрелку, расстреляв идущую попятам машину, а под занавес, расправившись с лишним свидетелем в лице собственного водителя.

Ольга почти нагнала противницу, когда та свернула в неприметную арку. Оля дошла до поворота, выглянув из-за угла, замерла в раздумии. Ничем не освещенный, проход чернел глоткой огромного чудовища. Обратившись в слух, она несколько мгновений стояла, не шевелясь, решившись, сделала осторожный шаг, затем еще.

Под подошвой предательски хрустнуло, и, почти одновременно, впереди неярко полыхнуло, по стене, на уровне головы, звонко чиркнуло, щеку обожгло осколками кирпича. Ольга бросилась на землю, зашипев от боли, острые грани щебенки больно впились в ладони, перекатилась, уходя с линии огня. Но выстрелов не последовало, лишь тихим шорохом прозвучали поспешно удаляющиеся шаги.

Оля подскочила, бросилась следом, на ходу выхватывая пистолет, но, мгновением позже, спрятала обратно. Ни кто не мог дать гарантий, что пущенная наобум пуля не зацепит какого-нибудь припозднившегося, или просто вышедшего выбросить мусор человека, к тому же, грохот выстрелов наверняка привлечет милицию, что резко усложнит задачу. Ольга криво усмехнулась, не смотря на показательную честность, Бритая оставила за собой кое-какие преимущества: пистолет с глушителем почти не производил шума, а спокойное отношение к смерти случайных людей позволяло особо не церемониться, выпуская пулю за пулей в любой подозрительный объект.

Впереди хрустнуло. Всем телом ощутив опасность, Ольга рванулась в сторону. Хлопок выстрела слился со злым гудением пули, пролетевшей совсем близко. Чертыхнувшись, Оля отскочила за какое-то сооружение. Отогнав паническую мысль, что у противницы может с собой оказаться прибор ночного видения, очень уж близко ложились пули, Оля подпрыгнула. Пальцы зацепились за край крыши, мышцы рук с силой сократились, забрасывая тело вверх. Вытянув шею, Ольга замерла, стараясь хоть что-то разглядеть в кромешной тьме, и не привлечь внимания случайным движением.

Некоторое время ничего не происходило, затем впереди что-то шевельнулось, мелькнула смутная тень. Всматриваясь до боли в глазах, Ольга различила, как противница, перебегая от гаража к гаражу, зигзагами уходит в сторону чернеющего поодаль массива стоящихся домов. Не желая затягивать преследование, Ольга рванулась прямо по гаражам, перепрыгивая с одного на другой. Гаражи располагались неплотно, порой, приходилось в прыжке преодолевать значительное расстояние. Каждый раз, когда под ногами возникала черная пропасть провала, сердце замирало в ужасе, но ноги вновь ступали на твердое и погоня продолжалась.

В одном месте Бритая удалилась от гаражей настолько, что Ольга уже подумывала спрыгнуть, но, прислушавшись к внутреннему голосу, заглушила требования разума, метнувшись дальше по крышам в ускоренном темпе. Некоторое время они бежали параллельно, уравновешенный убийца — беглец, и горящий жаждой мщения преследователь.

Сделав рывок, и едва не сверзившись с очередного гаража, чья крыша оказалась чрезмерно покатой, Ольга вырвалась вперед, но гаражи внезапно кончились. С трудом успев остановиться, для чего пришлось несколько мгновений балансировать на краю, размахивая руками, Ольга пригнулась, всмотрелась в сумерки. Не то глаза успели привыкнуть, не то из-

за облаков выглянула луна, но обзор расширился, из тьмы выдвинулись невидимые до того балки, облезшие кустарники, протаяли кучи гниющего мусора, что ранее ощущались лишь по густому смраду.

Высветилась и фигура беглянка. Часто оглядываясь, та быстро шла по извилистой тропинке, петляющей между рытвинами и ухабами. Проследив за очертаниями тропки, Ольга нехорошо улыбнулась, дорожка шла напрямиком к гаражам, проходила возле, и, огибая, терялась в разросшихся зарослях репья. Замедлив дыхание, Ольга замерла, страшась хоть как-то проявить себя.

Обернувшись в последний раз и удостоверившись, что ее никто не преследует, Бритая достала мобильник, на мгновение ее лицо осветилось, негромко бросив несколько слов, из-за приличного расстояния Ольга слышала лишь обрывки, двинулась дальше. В момент, когда девушка оказалась точно под ней, Ольга прыгнула.

Несмотря на почти беззвучное исполнение, Бритая каким-то образом ощутила опасность, вскинув голову, в последние доли секунды успела отшатнуться, и направленный в голову удар пришелся по плечу. С жалобным звоном пистолет отлетел в сторону. Мгновенно приняв боевую стойку, Бритая с удовлетворением произнесла:

— Отлично, иного я и не ожидала. Парни не стоят того, чтобы отдавать за них жизнь. Да и никто, по большому случаю, не стоит.

— Возможно, ты удивисься, — Ольга не спускала глаз с противницы, — но он в безопасности.

— Что ж, тем лучше, — Бритая пожала плечами, — значит гнев не сподвигнет тебя на глупые шаги и бой будет относительно честным.

Следя за малейшими перемещениями Бритой, Ольга поинтересовалась:

— Относительным? Разве у нас не равное положение?

Собеседница усмехнулась, блеснув зубами, выдохнула со свистом:

— Нет. Ты все еще не способна убить, в отличие от... — последние слова смазались, смятые рывком.

Не смотря на то, что Ольга смотрела во все глаза, начало атаки она все же пропустила, и первые несколько ударов не прошли лишь благодаря отточенным в лагере рефлексам. Девушки закружились, стремительно нанося удары и уклоняясь от ответных атак. Со стороны могло показаться, что две подружки затеяли какую-то веселую игру, настолько молниеносно наносились удары. Ни стонов пощады, ни криков ярости, лишь сквозь стиснутые зубы со свистом вылетает воздух.

Бок взорвался болью, со лба, заливая глаз, заструился кровавый ручеек, заныли костяшки пальцев. Ольга ощутила, что, не смотря на примерно равную комплекцию, уступая в скорости, противница превосходила шириной плеч и прочностью костяка, Бритая подготовлена лучше. Сказались месяцы непрерывной работы на хозяина, когда на тренировки выделялось от силы пару часов в неделю, а иногда и того меньше.

От хлесткого удара занемело плечо, рука сразу стала двигаться намного медленнее. По бедру вскользь пришелся удар ботинка, немного ниже, и с коленом можно было бы распрощаться. Ольге начало казаться, что перед ней не человек, а обтянутая кожей машина, часть ударов Бритая блокировала, а остальные пропускала, не замечая. Ощувив, что силы начинают иссякать, Ольга зарычала сквозь зубы, нагнетая в грудь ненависти, вызвала в памяти картины прошедшего вечера: похолодевшие тела Валериана Петровича с женой, истекающую кровью Лолиту, побелевшее лицо Михаила, с расширенными зрачками, где плещется боль.

Злость придала решимости, и Ольга пошла на опасный прием, раскрывшись, приняла телом удар, и, одновременно, контратаковала, пытаясь достать в шею. Ребра взорвались болью, перед глазами заплясали огни, но удар, хоть и ослабленный, боль стеганула с такой силой, что даже отточенное до рефлекса движение дало сбой, достиг цели. Бритая зашаталась, схватилась за горло, разом превратившись из неуязвимого голема в неподвижную мишень, и Ольга не упустила момента, выгнувшись, словно в спину вогнали раскаленный штырь, она ударила ногой в грудь противнице, вложив в движение остатки сил.

Бритая отлетела, с такой силой впечаталась в гараж, что железная стена загудела, но

ослепленная болью, тут же вновь ринулась в атаку. Вскрикнув от клокочущей внутри ярости, Ольга ударила вновь, не дожидаясь повторного нападения, прыгнула следом. Придавив противницу коленом к земле, она вытащила пистолет, в течение всего боя провисевшего в кобуре бесполезной игрушкой, взвела курок, и, приставив ко лбу поверженной, прохрипела:

— Теперь вопросы задаю я.

Оскалившись, Бритая хрипло засмеялась. Кровь струилась из разбитого при падении носа, превращая лицо в чудовищную маску, а в глазах мерцали безумные искры. Ольга на мгновение решила, что бывшая соратница чересчур сильно ударилась головой, но Бритая, словно прочла мысли, сказала с насмешкой:

— Вопросы? У тебя еще остались какие-то вопросы?

Чувствуя, как начинает испаряться злость, словно получившее передышку тело спешно бросило все силы на восстановление поврежденных участков, забирая энергию у ненужных больше эмоций, Ольга произнесла:

— Немного, но они есть. Прежде всего, где проживает шеф?

В горле Бритой заклокотало, сплюнув кровавый сгусток, она поинтересовалась со смешком:

— Кого ты называешь шефом?

— Кого? — Ольга на мгновение опешила. До этого ей не приходило в голову, что к происходящему мог быть причастен кто-то кроме Геннадия Леонидовича. Но недоумение тут же прошло, сменившись подозрительностью. — Хорошо, скажи кто твой шеф.

— В разговоре я называю не иначе как «босс». А что касается имени... Не знаю.

— Допустим, — Ольга не унималась. — Тогда следующий вопрос, почему он заказал хозяина, а не меня? Ведь это было бы проще.

— Не знаю, — эхом повторила Бритая.

Ольга ощутила, что вновь начинает злиться. Нахмурившись, она прошипела зло:

— Я по-прежнему разговариваю с тобой, как с человеком, но если продолжишь в том же духе, пристрелю как собаку.

Бритая растянула губы в улыбке, отчего ее лицо стало еще страшнее, сказала насмешливо:

— Там, где я работаю, рано или поздно убивают, и лучше, если это будут чужие, чем свои, меньше мучений.

— Полагаешь, я не смогу причинить достаточно мук той, что испортила мне судьбу? — Ольга нехорошо прищурилась.

Бритая сделала попытку шевельнуть плечами, но лишь нелепо дернулась, скривившись от боли, прошептала:

— Делай, что считаешь нужным. Я проиграла, теперь твой черед.

— В таком случае....

Стиснув челюсти до хруста в зубах, Ольга опустила пистолет, так что ствол уперся в грудь девушке на уровне сердца, чувствуя, как задрожали пальцы, обхватила оружие двумя руками. Палец коснулся крючка, надавил, проталкивая неподатливый металл, в сердце болезненно кольнуло, и чем дальше сдвигался курок, тем сильнее кололо в сердце, пока болью не пронзило всю грудь. Ольгу охватило глухое страдание, от осознания того, что сейчас прервется чья-то жизнь, не где-то далеко, за закрытыми дверями и высокими заборами, отгороженная от реальности холодным бетоном стен, а здесь, совсем рядом.

Разум советовал, требовал, кричал, но внутри родился и с каждым мгновением рос

протест, против того, что она должна убить. Не должна! А если и должна, то не сейчас, и не эту девушку, в глазах которой читается ожидание смерти, а того, кто управляет нитями, того, кто натравил почти ставших подругами девушек, друг на друга, того, кто возомнил себя богом, распорядясь жизнями и смертями других: черная тень прячущаяся за спинами подручных, сидящий в центре паутины паук, шеф и наставник — Геннадий Леонтьевич.

Вернув курок на исходное место, Ольга спрятала пистолет, замедленно встала. Глядя снизу вверх, Бритая произнесла отстраненно:

— Что ж, неплохое решение, но ты должна понимать, что мы увидимся вновь.

— Будет день — будет и пища, — процитировала Ольга пришедшие на память строки. — Но пока не пришло то время, когда что-то заставит меня убивать помимо воли.

Возвращаясь, Ольга заметила возле дома машину скорой помощи, тут же суетились люди в белых халатах. Мучимая сильнейшей тревогой, она поспешила к подъезду, но взгляд наткнулся на стоящий поодаль милицейский бобик, и шаги сами собой замедлились. Ольга замерла в раздумии. С момента убийства семьи хозяина прошло всего несколько часов, и ее вряд ли стали разыскивать, но подстраховаться не мешало. Обойдя дом по кругу, Ольга затаилась в зарослях кустов на противоположной стороне двора.

Когда из дверей подъезда двое мужчин в белых халатах вынесли покрытые простыней носилки, Ольга ощутила, как в голове начало мутиться, в груди защемило так, что стало трудно дышать, она схватилась за ветку, рванула ворот рубахи так, что отлетели пуговицы. Один из стоящих у машины врачей взмахнул руками, крикнул так, что окружающие невольно вздрогнули:

— Шевелитесь, вашу мать! Он же кровью изойдет до больницы!

Мужчины живо соскочили с крыльца, осторожно погрузили носилки в машину. Рывнул мотор, замерцал синий маячок на крыше, «скорая» рванула с места, спасая хрупкую человеческую жизнь. Ольга ощутила, как с плеч будто сняли тяжелую глыбу. Жив! Ощувив безграничную радость, она закусил губу, сдерживая рвущийся наружу крик ликования, оттого, что хоть кто-то из близких людей пережил этот ужасающий вечер.

Милиционеры же не спешили уезжать, стояли возле машины, затем, негромко о чем-то переговариваясь, курили у подъезда. В окнах квартиры горел свет, время от времени, мелькали силуэты людей. Наконец свет потух, милиционеры уехали, а спустя немного времени погасли и желтые квадраты соседских окон. На всякий случай, выждав еще некоторое время, Ольга вышла из укрытия, поглядывая по сторонам, двинулась в сторону дома.

Подъезд встретил тяжелым запахом табака, создавалось впечатление, что все приехавшие, от врачей, до милиции, поднимаясь к квартире, сочли своим долгом выкурить по сигарете, а то и не по одной. Поморщившись, Ольга рванула ставню, открывая доступ свежему воздуху. Прохладный ночной ветерок ворвался в подъезд, игриво взвихрил занавески. Сразу же потянуло сквозняком, воздух начал очищаться.

Пройдя последний пролеты на цыпочках, Ольга приникла ухом к двери, несколько минут стояла не шевелясь, но так ничего и не услышав, достала ключи, отперев замок, осторожно вошла. Квартира встретила ее множеством незнакомых запахов, среди которых преобладал тяжелый сладковатый аромат. Включив свет, Ольга поняла чем именно пахнет. На полу, размазанное по всему коридору, темнело огромное кровавое пятно, многочисленные отпечатки подошв веером расходились по комнатам, превращая квартиру в сюрреалистический коллаж.

При виде засохшей крови, Ольга вновь ощутила болезненный укол в сердце, но тут же постаралась взять себя в руки, вспомнив, что Михаил в руках врачей, и ненужные опасения лишь измотают психику, и без того перенапряженную за последние сутки сверх всякой меры. Раздевшись, после вечерних приключений деловой костюм представлял из себя жалкое зрелище, Ольга вооружилась тряпкой и принялась уничтожать следы пребывания «гостей». Она непрерывно терла и скребла, раз за разом меняя воду и, наконец, по прошествии получаса, приходящая засияла такой чистотой, что глядя на блестящий линолеум, почищенную обувь и аккуратно развешанную одежду никто бы не смог предположить, что совсем недавно квартира напоминала мясоразделочный цех.

Когда в квартире воцарился порядок, Ольга поужинала, наскоро пожарив котлет из остатков фарша. Котлеты получились недосолены и слегка подгорели, но Оля вдруг ощутила такой голод, что, не взирая на недостатки, смела ужин в считанные минуты. Едва желудок наполнился, непреодолимо потянуло в сон. Махнув рукой на невытую посуду, Ольга быстро ополоснулась под душем и, едва коснувшись постели, погрузилась в глубокий сон.

От звонка в дверь Ольга подскочила на кровати, сон мгновенно слетел. Завернувшись в простыню, она вышла в прихожую, не забыв прихватить пистолет, спросила подчеркнуто сонным голосом:

— Кто там?

За дверью завозилось, послышался гулкий голос:

— Сосед. Вы стучали ночью ко мне...

Ольга выглянула в глазок, за дверью обозначился силуэт крупного мужчины, помедлив, отворила. Спрятав пистолет за спину, и отступив на шаг назад, она поинтересовалась:

— Вам что-то нужно?

Сосед окинул Ольгу неодобрительным взглядом, сказал желчно:

— Скорее, это нужно вам.

Ольга кивнула, произнесла ровно:

— Я вас слушаю.

— Поскольку вчера вас так и не дождались, врач просил передать, что мужа увезли в четвертую городскую больницу. Захотите навеститься, спросите его в отделении хирургии.

— Благодарю, — Ольга улыбнулась. — Вы мне очень помогли.

Мужчина постоял еще несколько мгновений, явно чем-то тяготясь, не выдержал, сказал с досадой:

— Что-то в этом мире не так, если полумертвый муж лежит в больнице, а жена спокойно спит, даже не затруднившись узнать адрес... И хорошо еще если одна! — с ненавистью выкрикнув последние слова, он, прихрамывая, пошел вниз по лестнице, высокий и нескладный.

Ольга с грустью проводила соседа взглядом, с тяжелым вздохом закрыла дверь. Слова оставили неприятный осадок, но объяснять подробности было бы в высшей мере неразумно, выбросив разговор из головы, Оля занялась делами. Позавтракав, она закончила с упаковкой вещей, сложившаяся ситуация грозила непредсказуемыми последствиями и собранные сумки могли пригодиться в любой момент, после чего быстро оделась.

От неизменных костюмов уже тошнило, но спрятать пистолет как-то иначе не представлялось возможным. Облачившись в новенький костюм, состоящий из короткой юбки, белой атласной рубашки и строгого делового пиджака, скроенного настолько удачно, что и на деловом собрании и на праздничной вечеринке смотрелся одинаково уместно, Ольга покинула квартиру. Захлопнув дверь, она стала спускаться, когда мелькнувшая мысль о возможных визитах незваных гостей заставила замедлить шаг.

Вернувшись, Оля в задумчивости остановилась возле двери. Взгляд наткнулся на россыпь обгорелых спичек. Нагнувшись, Ольга подобрала пару наименее грязных, втиснула в дверной зазор, расположив одну над другой, если дверь отворят, спички неминуемо выпадут, предупредив хозяйку о посетителе, после чего, более не раздумывая, спустилась по лестнице и вышла из дома.

Первым делом Ольга поехала по подсказанному соседом адресу, но прежде зашла на рынок, долго придирчиво выбирала фрукты, пока сумка не наполнилась до верха, после чего, сожалея, что не взяла сумку пообъемистее, двинулась дальше. В регистратуре поинтересовались фамилией поступившего. Миниатюрная женщина с детским личиком и

большими испуганными глазами подробно объяснила, как, и куда именно нужно идти. Горячо поблагодарив девушку, Ольга сунула в окошечко огромное яблоко, не взирая на вялые протесты, заставила принять подарок.

Поднявшись на третий этаж, Ольга двинулась к указанной палате, чувствуя, как с каждым шагом сердце бьется все сильнее. Когда на плечо мягко легла рука, Оля вздрогнула от неожиданности, резко обернулась. Позади, мягко улыбаясь, стоял пожилой доктор: мясистый нос, подбородок висит дряблой тряпочкой, на лбу глубокая залысина, но бледно-голубые, выцветшие глаза смотрят с пытливым интересом.

— Кого-то потеряли, милочка? — доктор улыбнулся, отчего в уголках глаз лучиками собрались морщины.

Не смотря на внешнюю строгость, пожилой врач действовал на удивление умиротворяюще. Улыбнувшись в ответ, Ольга произнесла:

— Вчера ночью к вам поступил больной с огнестрельным ранением.

И хотя глаза блеснули огоньком, врач сурово произнес:

— К нам поступают много больных, в том числе и стреляные. А вы кто ему будете?

Ольга на мгновение ощутила себя ученицей на уроке у строгого учителя, ответила растеряно:

— А я... я его жена.

Уловив запинку, доктор едва заметно усмехнулся, сказал с подъемом:

— Ну, раз жена, тогда конечно. Какие могут быть разговоры?

— Правда? — Ольга расцвела. — Тогда я загляну к нему. Вы не против? Перекинусь парой слов, да фруктов оставлю. Говорят, полезно, для выздоравливающих, — на последнем слове она на мгновение побледнела, но быстро с собой справилась, взглянула вопросительно.

От врача не укрылась ни мгновенная бледность, ни, выступившие, несмотря на улыбку, желваки. Помолчав, он произнес уже более мягко:

— Я-то не против. Разве мне жалко? Но вот санитарно-гигиенические правила не позволяют в первые дни приносить тяжело больным... — заметив, как дрогнуло лицо собеседницы, он поспешно добавил, — в том числе и выздоравливающим, стороннюю пищу. Ведь ваш муж, если не ошибаюсь, Пришвин Михаил?

— Да, да, конечно, — Ольга закивала, скрывая смущение.

— Он потерял много крови, и я бы вам не советовал его волновать понапрасну. Пару-тройку дней и он будет в порядке, но до того... сдержите эмоции, отложите визит.

Ольга воскликнула умоляюще:

— Но хотя бы увидеть! Ведь вы позволите мне такую малость?

— Конечно, конечно, — защищаясь, доктор выставил перед собой ладони. — Смотрите на здоровье, я вас даже самолично провожу до палаты.

Следуя за врачом попятам, Оля подошла к одной из палат. В дверях, на уровне глаз, находилась забранная прозрачным стеклом продолговатая прорезь. Приложив палец к губам, врач указал на дальний угол палаты. Ольга приникла к стеклу, чувствуя, как учащенно забилося сердце, взглянула в указанном направлении.

На кровати, укутанный одеялом, неподвижно лежит мужчина, лица не видно, но по каким-то едва уловимым деталям, Ольга догадалась, что это Михаил. Но тут мужчина заворочался, повернул голову. Открылось побледневшее лицо, исхудавшее настолько, словно человека месяц морили голодом: глаза закрыты, губы запеклись и растрескались, но дыхание

ровное, грудь чуть заметно поднимается и опускается в такт дыханию. Ольга покачала головой, доктор не обманул, беспокоить Михаила в таком состоянии не стоило, отвернувшись от окошечка, отошла в сторону, поманила врача за собой. Когда тот приблизился, всем своим видом выражая внимание, она произнесла:

— Действительно, это была не лучшая мысль. Хорошо, что вы не пустили меня к нему. Потом бы себя заела за глупость.

— Ну что вы, — врач развел руками, — это моя обязанность.

Ольга взглянула на пакет, сказала в затруднении:

— Раз ему пока нельзя фрукты, может быть, я их где-нибудь тут оставлю, чтобы не тащить назад?

— Можно, — доктор кивнул, — у нас в ординаторской есть холодильник. Не скажу, что подобное поощряется, но, в качестве исключения, могу поспособствовать. Единственно, что прикажете делать, если продукты подпортятся? — он взглянул пытливо.

Секунду подумав, Ольга махнула рукой, сказала с подъемом:

— А знаете, раздайте их прочим больным, кому можно, и никакой головной боли. А фруктов я еще принесу. Идет?

Из больницы она вышла налегке. За здоровье Михаила можно было больше не беспокоиться, и заняться непосредственными делами. Мелькнула мысль робкая мысль, что, было бы хорошо осведомиться насчет Лолиты, но Ольга отогнала ее, как несвоевременную. Теперь предстояла наиболее сложная и утомительная часть работы, обнаружить место проживания шефа. Слабо рассчитывая на успех, Ольга пару раз набрала номер, но ответом стали лишь бесконечные гудки, и она приступила к поискам.

Сперва Ольга гуляла поблизости тех мест, где когда-то шеф назначал встречи, но, объект поисков либо не выходил в это время на улицу, либо, что вероятнее всего, жил совсем в другой части города, и, прекратив бесполезные шатания, она принялась ездить по всему городу на транспорте, напряженно вглядываясь в поток проносящихся за окнами машин. Когда от езды начинало кружиться в голове, а к горлу подкатывала тошнота, Ольга выходила на очередной остановке, не торопясь, прогуливалась по улицам, выбирая наименее людные.

В одну из таких прогулок, отдыхая от напряженного дня, Ольга неторопливо шла по незнакомой улочке, погружившись в мысли и вгрызаясь в стаканчик с мороженым, когда что-то смутно знакомое привлекло внимание. Вернувшись к реальности, Ольга замедленно осмотрелась, пытаясь определить раздражитель, но в этот момент на противоположной стороне дороги рывкнул мотор. Больше по инерции, чем осознанно, она повернула голову и остолбенела, возле машины, беседуя с незнакомым мужчиной, стоял шеф.

Встреча оказалась столь неожиданной, что Ольга сперва растерялась, а когда опомнилась, мужчина уже шел прочь, а Геннадий Леонидович садился в машину. Мороженое полетело в сторону. Не задумываясь о последствиях, Ольга бросилась наперерез, размахивая руками, и крича что-то бессмысленно-угрожающее. Но шеф уже сидел за рулем. Мотор зарычал сильнее, и автомобиль помчался по дороге, с ходу набрав приличную скорость. Вне себя от бешенства, Ольга побежала следом, сдавленно рыча сквозь стиснутые зубы, но несмотря на взятый безумный темп, автомобиль с легкостью ушел вперед, а потом и вовсе пропал из виду, скрывшись за одним из поворотов.

Ослепленная ненавистью, Ольга бежала до тех пор, пока ноги не начали заплетаться, а в боку разросся колючий шар боли, и даже тогда, она продолжала идти, шепча пересохшими губами нечто нечленораздельное. Из проезжающих мимо машин косились водители, кто-то

раздраженно гудел, кто-то крутил пальцем у виска, но все, как один, объезжали бредущую девушку по широкой дуге.

Уже намного позже, сидя в кафе, Ольга с удивлением вспоминала произошедшее, не понимая, что на нее нашло. По всей видимости, последние события не лучшим образом сказались на психике, наслаиваясь одно за другим, откладывались в памяти, вылившись неконтролируемой вспышкой ярости, лишь только представилась возможность. Ольга с холодком представила, что могло произойти, заметь ее в этот момент шеф: сбил бы машиной, вышел и хладнокровно пристрелил посреди улицы, или, оглушив умелым ударом, в тот момент она бы и помыслить не смогла о серьезном сопротивлении, бросил в машину, отвез на ближайшую свалку и там похоронил, нацепив на голову полиэтиленовый мешок и оставив в ближайшей куче мусора?

Начиная со следующего утра, Ольга приступила к поискам с повышенным рвением. Купив в ларьке карту города, она разделила районы на сектора, используя в качестве границ улицы, присвоила каждому порядковый номер, и методично, с несгибаемым упорством, принялась прочесывать участки один за одним, отмечая пройденные крестиками.

Первые два дня результата не принесли, обойдя почти две трети города, Ольга в кровь стерла ноги, поругалась с несколькими владельцами собак, чьи питомцы проявляли недвусмысленные агрессивные намерения, и едва не подралась с компанией пьяных подростков, чересчур настойчиво желающих познакомиться с одинокой девушкой. Ольга уже вышла из себя, но проходящий мимо мужчина вмешался, чем, сам того не ведая, избавил детей от крепкой взбучки.

Глядя, как подростки удаляются, время от времени бросая в их сторону снисходительные взгляды, мужчина укоризненно произнес:

— Осторожнее надо быть, девушка. Вот попадись кто другой, не я, прошел бы мимо, а то и поглазеть остановился, чем дело кончиться. Что бы вы делали?

Испытывая раздражение, смешанное с разочарованием, оттого, что не удалось излить гнев естественным путем, Ольга бросила сердито:

— Провела бы разминку, что не успела сделать утром.

— Для чего? — мужчина выглядел ошарашенным.

— Чтобы одним отбить желание знакомиться, а другому смотреть, — развернувшись, Ольга гордо удалилась, провожаемая удивленным взглядом незнакомца.

Вечерами, возвращаясь домой, Ольга заглядывала в щель дверного проема, но спички находились на прежнем месте, и, успокоенная, она заходила в квартиру, не опасаясь, что внутри придется столкнуться с засадой из милиционеров или притаившимся киллером. Конечно, оставалась небольшая вероятность, что кто-нибудь мог проникнуть в квартиру, разбив стекло в окошке, или, того хуже, затаиться на соседней крыше со снайперской винтовкой, но подобные предположения пахивали паранойей, и Ольга, без того напряженная до предела, предпочла не нагнетать, опасаясь за устойчивость собственной психики.

На третий день, как обычно, покинув дом с первыми лучами солнца, Ольга сверилась с картой. Бумага пестрела пометками, неисследованным оставался лишь самый краешек в южной части города, где почти не было жилья, и в основном располагались производственные помещения. Прикинув на глаз дорогу, Ольга неспешно двинулась в нужном направлении.

Транспорт еще не появился, шагая по улицам, она наслаждалась утренней красотой

города. Пустые дороги, влажный от прошедших ночью поливальных машин асфальт, блестящие капельками росы венчики цветов, распахивающиеся навстречу солнцу, прекрасный мир в котором нет места ненависти и боли. Разом нахлынули воспоминания: вот она ползает по грядкам, радостно смеясь, руки тянутся к ярким бусинам ягод, а стоящие неподалеку взрослые улыбаются и говорят что-то ободряющее, а вот они вместе с одноклассником идут по осенней улице, деревья залиты багрянцем, под ногами шуршат, рассыпаясь грудями несметных сокровищ, разноцветные листья, спутник несет оба портфеля и что-то оживленно говорит...

Что-то преградило дорогу. Улыбаясь мыслям, Ольга вынырнула из воспоминаний, застыла в ступоре, рядом, почти касаясь руки холодным металлом корпуса, стояла машина шефа.

Не веря глазам, Ольга обошла автомобиль по кругу, взглянула на номера. Сомнения исчезли. Волей случая она набрела на то, что безрезультатно искала последние дни. Мелькнула растерянность. Мелькнула и пропала, сменившись удовлетворением. Судя по уютному дворику и окружающим жилым домам, шеф если здесь и не жил, то уж точно не работал.

Ольга осмотрелась: пышные деревья, зелеными зонтиками нависающие над ржавыми гаражами в противоположной части двора, могли послужить отличным местом для наблюдения, крыши гаражей откроют обзор всего двора, а густые ветви деревьев скроют от любопытных взоров, позволив оставаться невидимой до того момента, когда... Ольга передернула плечами, сбрасывая возникшее возбуждение, направилась в сторону деревьев.

При ближайшем рассмотрении все оказалось еще лучше. Несмотря на умеренную высоту, гаражи стояли обособленно, не примыкая ни к глухой стене стоящего позади здания, ни к растущим вокруг деревьям, что откровенно радовало, вездесущие дети, повсюду сующие любопытные носы, не смогут помешать, ни в силах преодолеть вертикальную трехметровую стену.

Осмотрев предстоящее укрытие, Ольга с удовлетворением кивнула. Покинув двор, она двинулась в сторону зеленеющего неподалеку ларька круглосуточной продажи горячих бутербродов. Из-за стекла на нее глянула сонная физиономия продавщицы, натужно улыбнувшись, судя по всему, Ольга выдернула ее из объятий сладкого сна, продавщица вежливо поинтересовалась:

— Что желаете?

Мельком взглянув на приклеенный к стеклу яркий рекламный буклет, где, привлекая сочными красками, красовались изображения товара в натуральную величину, Ольга заказала десяток бутербродов. Немного подумав, попросила добавить пару шоколадок и бутылку с минеральной водой. Расплатившись, она вернулась обратно во дворик, подошла к гаражам. Забросив пакет на крышу ближайшего, Оля отошла на несколько шагов назад, коротко разбежалась, с силой оттолкнувшись ногами. Пальцы ухватились за выступающий металлический козырек, мышцы плеч сократились, выталкивая тело вверх.словно выныривая из воды, она легко взлетела на крышу, а мгновением позже уже деловито осматривалась, привычно отмечая особенности убежища.

Крыша оказалась покрыта толстым слоем сухой листвы. Улыбнувшись, часы вынужденной бездеятельности предстояло провести в комфорте, Ольга принялась разгребать листья, сооружая импровизированное гнездо. Закончив с приготовлениями, она легла на живот и приступила к наблюдению.

В течение часа двор оставался пуст и Ольга с трудом боролась с сонливостью, щипая себя за руку и время от времени с силой протирая глаза. Первыми появились собачники, недовольные, они бродили вслед за скачущими от радости питомцами, словно зомби, утаскивая визжащих от обиды воспитанников, едва те успевали справиться естественные нужды. Некоторое время спустя, потянулись на работу несчастные, чей отпуск уже закончился, либо пришелся на холодное время года, ежась от утренней прохлады, они семенили в сторону остановки, появляясь из подъездов по одному, а то и целыми группами.

Ольга смотрела во все глаза, боясь пропустить момент выхода шефа, но, стоило ей на

мгновение отвлечься, как Геннадий Леонидович возник возле машины, мгновение назад двор был пуст, и вот он уже стоит возле автомобиля. Ольга обозвала себя последними словами, но в этот момент шеф похлопал себя по карманам, раздраженно взмахнул рукой, и быстро направился в сторону ближайшего подъезда.

Оля улыбнулась, обстоятельства складывались как нельзя лучше, оставалось лишь дождаться, когда шеф вернется, чтобы последовать за ним до квартиры, а там... Дыхание участилось, а кулаки сжались сами собой, когда она представила сладостный момент мести. Идеально продуманный план омрачала лишь одна мысль — что если шеф вернется не один, а в сопровождении группы лиц, или, что еще хуже, не вернется вовсе, ведь вполне может оказаться, что здесь живет его любовница, друг или один из соратников, у которого он задержался до утра, обсуждая животрепещущие рабочие моменты.

Отмахнувшись от ненужных сомнений, Ольга впилась взглядом в подъездную дверь. Через несколько минут шеф вышел вновь, с ходу запрыгнул в машину и выехал со двора. Выждав на всякий случай четверть часа, Ольга соскользнула с гаражей, подошла к подъезду, осмотрев дверь, с трудом сдержала ругательство. Возле ручки топорила острыми гранями коробочка электронного замка.

Коснувшись ручки, Ольга мягко потянула на себя, особо не надеясь на успех, но дверь неожиданно отворилась. Не веря в удачу, она провела рукой по торцу двери. На том месте, где должен был располагаться язычок, пальцы провалились внутрь. Судя по всему, замок отнесли в починку, и теперь дверь только выглядела неприступной, представляя непреодолимую преграду лишь для домашних животных и маленьких детей.

Ольга вошла в подъезд, огляделась: свежая штукатурка на стенах, ярко окрашенные перила, аккуратные двери квартир, неспешно двинулась вверх, присматриваясь к каждой двери. На последнем этаже неприятным открытием стало отсутствие чердачного люка. Скептически оглядев верхнюю площадку лестницы, без малейшего намека на запасной выход, Ольга покачала головой, но не расстроилась. День итак начался удачно, можно даже сказать, чересчур, чтобы подобное везение могло продолжаться долго.

Вернувшись на улицу, Ольга обошла дом вокруг, пристально изучив наружную архитектуру. Здесь ее постигло второе разочарование, пожарная лестница отсутствовала как таковая, не то спиленная в неизвестных целях, не то просто незапланированная в проекте. Ко всему прочему балконы торчали редкими пеньками, располагаясь друг от друга столь удаленно, что воспользоваться ими в качестве дополнительного выхода смог бы разве какой-нибудь человек-паук.

Вернувшись во двор, Оля заняла исходную позицию. Увиденное не радовало, в случае осложнений действовать придется на пределе возможностей. Устроившись удобнее, она расслабилась, отбросив неуместные эмоции и погасив мысли, погрузилась в состояние полудремы, стараясь удерживать двор в поле зрения. Потянулись томительные часы ожидания. Когда мышцы начинали ныть, утомленные неподвижностью, она коротко разминалась, сменив положение тела, продолжала наблюдение.

Солнце поднялось в зенит, неподвижный воздух загустел от жары, но поверх гаражей оставалось прохладно, густая листва деревьев надежно защищала от палящих лучей, а от металла тянуло приятной прохладой. Проголодавшись, Ольга съела пару бутербродов, затем, разохотившись, еще один. После чего, лишь время от времени прикладывалась к бутылке с минералкой, да кусочек за кусочком грызла шоколад.

Солнце медленно, но неуклонно сдвигалось на запад, с работы начали возвращаться

люди. Чувствуя, что от усталости начинает «плыть», отвлекаясь на посторонние вещи, Ольга встряхнулась, ополоснула лицо остатками воды, несколько раз ударила себя по щекам, так что кровь бросилась в лицо. Это помогло, но ненадолго. Через полчаса она вновь поймала себя на том, что с интересом разглядывает севшую на край крыши стрекозу, с упоением любясь переливающимися лопастями крыльев.

Зашумел мотор. Ольга подняла глаза, и оцепенение разом слетело, сменившись напряжением. Во двор въехала уже знакомая машина. С замиранием сердца Ольга смотрела, как автомобиль паркуется на то же место, что и утром. Фыркнув, замолчал двигатель, из салона вышел Геннадий Леонидович, тронул пульт сигнализации. Оля с облегчением вздохнула, объект вернулся, и вернулся один. Удача по-прежнему сопутствовала ей и это нужно было использовать. Соскользнув с гаража на землю, Ольга притаилась за деревом и в момент, когда за шефом захлопнулась дверь подъезда, рванулась следом.

Шорох травы под ногами, смазанные силуэты машин. Невысокий заборчик преграждает путь. Качнувшись, мир встает на место, а заборчик остается далеко позади, преодоленный в едином прыжке. Глаза прикипели к двери, что с каждым мгновением разрастается, вытесняя собой прочие элементы окружения. Рывок. Дверь еще только начинает отворяться, но тело уже штопором ввинчивается в образовавшуюся щель, стремясь к заветной цели. Повторяясь снова и снова, в череде колотится лишь одна мысль — только бы успеть!

Слуха касается звяканье ключей, тысячекратно усиленное, болью отдается в затылке. Только бы успеть... Надрываясь, мышцы сокращаются, бросая тело вверх по лестнице, сразу через несколько ступенек. Один пролет, второй. Сверху доносится щелканье замка. Третий. Челюсти сжимаются так, что скрипят зубы. Еще немного... только бы успеть. Очередной поворот. Возле распахнутой двери, спиной к лестнице, замер мужчина. Последний рывок. Фигура приближается скачком. В руке, словно по мановению волшебной палочки, возникает пистолет, ствол упирается в обтянутую пиджаком спину. Успела!

Мужчина стоит недвижимо, не делая попыток обернуться или сбежать, лишь вздувшиеся мышцы шеи, да чрезмерно ровная спина выдают скрытое напряжение. Тяжело дыша, рывок отнял изрядно сил, Ольга произнесла зло:

— Заходите, Геннадий Леонидович, не стесняйтесь. Нужно поговорить.

Едва раздалось первое слово, шеф заметно расслабился, или это только показалось, но, более не медля, спокойно прошел в квартиру. Двигаясь вплотную сзади, Ольга вошла следом, потянула за собой дверь, на ощупь защелкнула замок. Шеф нагнулся, подчеркнуто замедленными движениями снял ботинки, двинулся в комнату. Ольга прошла следом, бросая быстрые взгляды по сторонам.

Небольшая, со вкусом обставленная квартира: изящная мебель, обои мягких цветов. Просторная гостиная почти пуста, в углу, напротив окна, рабочий столик с ноутбуком, диванчик, пара кресел, на стене, удерживаемый парой медных штыречков, восточный меч. Ольга на мгновение задержала взгляд. Клинок с едва заметным рисунком, падающие из окна солнечные лучи красиво переливаются на металле, кожа на рукояти натерта до блеска, но не вся, местами, что, значит, прежде чем попасть на стену, оружие часто использовали.

Геннадий Леонидович прошел через комнату, все также замедленно присел в одно из кресел, проследив за направлением взгляда гостьи, чуть заметно улыбнулся, сказал негромко:

— Подарок. Один хороший знакомый из Японии вручил на юбилей. — Нахмурившись, добавил: — А теперь к делу. Я тоже иногда люблю веселые розыгрыши, но не до такой

степени. В чем дело?

Оторвав взгляд от оружия, Ольга пристально взглянула на шефа. Сидящий перед ней мужчина не выглядел ни обеспокоенным, ни тем более напуганным, лишь залегшая меж бровей глубокая морщина выдавала напряженную работу ума. Будь на его месте другой, Ольга засомневалась бы, рассылающий убийц распорядитель не может быть столь хладнокровен в присутствии пришедшей за ним вооруженной жертвы, но она лишь нахмурилась, сказала в раздумии:

— Я даже не знаю, стоит ли вам что-то говорить. На мой взгляд, лучшим выходом будет просто убить вас, и уйти как можно быстрее.

Геннадий Леонидович побарабанил пальцами по ручке кресла, сказал задумчиво:

— Что ж, разумно. В случае, если ты получила прямые указания, так и надлежит сделать. Но, коль скоро я с тобой все еще говорю, а не валяюсь с пулей во лбу, хотелось бы уточнить кое-какие детали. Мало ли, вдруг это всего лишь досадное недоразумение...

— Недоразумение! — Ольга рванулась вперед так резко, что собеседник вздрогнул. Чувствуя, как волна злости поднимается изнутри, прошипела: — Уничтожение семьи заказчика, попытка убийства близких, нынче это называется недоразумение?

На лице шефа отразилось такое недоумение, что Ольга в очередной раз заколебалась, но тут же вновь отбросила сомнения. Люди подобные шефу были способны изобразить что угодно, усыпляя бдительность, а когда, успокоенный мнимой беспомощностью, человек поворачивался спиной...

Геннадий Леонидович кашлянул, произнес как можно мягче:

— Я понимаю, это звучит не очень убедительно, но... Не могла бы ты в трех словах описать, что именно произошло?

— Зачем? — Ольга устало вздохнула. — Чем дольше я буду разговаривать, тем больше вероятность, что мне что-нибудь помешает: люди, обстоятельства. К тому же, результат не изменится. Как бы мне ни претили убийства, но на этот раз я все же нажму на крючок, — она начала медленно поднимать пистолет.

Глядя Ольге прямо в глаза, шеф произнес насмешливо, хотя было заметно, что веселость дается ему с трудом:

— Помнишь, мы говорили о разнице между «неплохо», и «отлично»?

— Допустим, — Ольга нахмурилась, не понимая, куда клонит собеседник.

Геннадий Леонидович продолжил, ни на мгновение не отводя взгляд:

— Ты меня выследила, застала врасплох, держишь на мушке. Ты молодец. Но, не смотря на все, это по прежнему всего лишь «неплохо».

Ольга покачала головой, сказала с грустью:

— Это уже не важно.

— Нет важно! — на этот раз шеф рявкнул так, что вздрогнула Ольга. — Дура, ты до сих пор не поняла простой истины?

Ноздри Ольги зашевелились, но она сдержалась, спросила кротко:

— В чем истина?

— В уверенности! — Геннадий Леонидович не говорил, рычал. — У тебя не должно быть сомнений. Понимаешь? Не должно — он отчеканил по буквам. — Если ты до сих пор меня не убила, значит, улики недостаточны! Сильны, ужасны, но не абсолютны. И поэтому ты стоишь тут, и уже пять минут собираешься с духом, вместо того чтобы выбить мне мозги еще на лестничной клетке. Поэтому я прошу, умоляю, расскажи хотя бы в общих чертах, что

произошло?

Взгляд шефа стал умоляющим. Ольга чувствовала, как с каждым сказанным словом тает непоколебимая решимость, во что бы то ни стало убить этого человека. Но в словах шефа чувствовалось зерно истины, и она решилась. Отступив на пару шагов, чтобы противник не смог атаковать одним прыжком, и по-прежнему удерживая собеседника на мушке, Ольга вкратце описала произошедшее.

Геннадий Леонидович слушал, не перебивая, но с каждым сказанным словом его лицо становилось все задумчивее. Под конец он даже привстал, видимо, собираясь пройтись по комнате, но, взглянув на Ольгу, сел обратно, сказал с сомнением:

— Мне непонятны два момента. Первое, почему Виолетта, так зовут девушку, что ты описала, не убила тебя прямо в квартире, и второе... Почему она не пристрелила тебя на пустыре, ввязавшись в ненужную рукопашку?

— Я выбила у нее пистолет, — напомнила Ольга.

Шеф покачал головой, сказал отстраненно:

— На задания она всегда берет с собой два пистолета. Всегда.

Ольга нахмурилась, сказал с вызовом:

— Я не понимаю, к чему вы клоните, но... разве это не вы послали ее?

— Зачем? — вопрос, ответ на который до того казался Ольге закономерным, неожиданно обрел неоднозначность.

— Чтобы наказать, посмотреть на травлю, уничтожить наконец! — Ольга пыталась говорить веско, но чувствовала, что с каждым сказанным словом уверенность испаряется.

Геннадий Леонидович прищурился, сказал с непонятной интонацией:

— Ты что, серьезно считаешь, что ради наказания новичка я перебью сотню человек, оторвав для этого от дел половину агентов?

Ольга ощутила, как лицо заливают краска. Неужели все ее расчеты оказались бредом испуганной девчонки? Как утопающий хватается за соломинку, Ольга схватилась за последний аргумент, вскричала с вызовом:

— Но разве не вы сказали во время последней встречи — готовься к худшему?

Шеф вздохнул, его лицо на мгновение разгладилось, потрясенная, Ольга увидела в нем отеческую нежность, но спустя секунду, перед ней был прежний Геннадий Леонидович, жесткий и расчетливый. Усмехнувшись, он бросил сурово:

— Все верно, за проколы следует наказание, и в особо тяжелых случаях наказывают смертью. Но, поверь, это происходит быстро и безболезненно, без ненужного шума и уж тем более без лишних жертв. В твоем случае я просто передал задание более подготовленному агенту.

— Но ведь я провалила задание, разве вы не собирались меня наказать? — Ольга окончательно растерялась.

— Собирался, — шеф кивнул. — Хотел отправить в одну из горячих точек, чтобы ума набралась. Но после передумал.

— Тогда кому все это понадобилось? — во взгляде Ольги, брошенном на шефа, больше не было ненависти, лишь доверчивая надежда на старшего, что объяснит, поможет, защитит.

Геннадий Леонидович мотнул головой, сказал жестко:

— Кому — не знаю, но для чего, догадываюсь...

Со двора послышался шум моторов, донеслись приглушенные голоса. Покосившись на Ольгу, шеф поднялся, осторожно выглянул в окно, некоторое время внимательно изучал двор, затем вернулся, сел на прежнее место, о чем-то напряженно размышляя.

— Так для чего же? — Ольга робко повторила вопрос. Она готова была провалиться под землю от стыда, но ситуация требовала окончательного разрешения, и она выжидательно

взглянула на шефа.

Геннадий Леонидович уже открыл рот для ответа, но в этот момент задребезжал звонок входной двери. Шеф встал, направился в коридор, бросив через плечо:

— Сиди, не высывайся. Подозреваю, кто это может быть, но... постараюсь урегулировать.

Щелкнул замок, скрипнула, отворяясь, дверь, а спустя мгновение по ушам хлестанул грохот выстрела. Присев от испуга, Ольга обернулась, с ужасом глядя в коридор, откуда, замедленно двигая руками, медленно полз Геннадий Леонидович, цепляясь ногтями за линолеум, он короткими рывками подтягивал тело вперед. Его лицо перекосилось, губы шептали что-то неслышное.

В прихожей послышалась возня, донеслось хриплое:

— Добивай. Но тут еще где-то девчонка была, ее тоже. Да осторожнее, на пулю не нарвись.

Раздались один за другим три выстрела, Геннадий Леонидович дернулся всем телом, изогнулся, в его спине возникли кровавые отверстия. Не в силах отвести взгляд, Ольга смотрела, как голова шефа с глухим стуком ударилась об пол, изо рта потянулась красная струйка. Разум отказывался поверить, что этот человек, которого она только что едва не убила из-за собственной глупости, все равно мертв, и сейчас должно произойти нечто страшное.

Грохоча ботинками, из коридора выскочил мужчина в маскировочной форме, окинув Ольгу холодным взглядом, принялся поднимать пистолет. Разум оцепенел, но вбитые с кровью в лагере рефлексы сработали. Сбивая противнику прицел, тело качнулось сперва в одну, затем резко отклонилось в другую сторону. Выстрелы прозвучали одновременно, позади с грохотом разлетелось стекло, а противник с удивленным выражением лица мягко осел на пол.

Загремело, из коридора выметнулся еще один мужчина: на лице ярость, рот перекошен в крике. С холодным остервенением Ольга выпустила в него всю обойму, с отстраненным любопытством наблюдая, как из груди бьют фонтанчики крови. По ушам хлестнул далекий крик:

— Ванек! Ребята, она Ванька сложила. Дави суку!

Ольга ощутила, как в груди, на уровне сердца, зарождается жар, быстро распространяется, охватывая тело огнем. Откуда-то пришла стойкая уверенность — это последний бой, живой не уйти. Возникло ощущение свободы, сопровождающееся невероятной легкостью. Мозг пронзило понимание, что именно покойный шеф называл отличным результатом: когда знание абсолютно и нет страха, когда тело и разум действуют в едином порыве, доводя ритм работы организма до запредельных величин, когда выполнимо все, а степень сложности задания не имеет значения, когда короткие мгновения растягиваются в бесконечность, уничтожая само понятия времени.

Захочетав, Ольга отбросила ненужный более пистолет, бережно сняла со стены меч. Рукоять удобно легла в ладонь, влипнув, словно влитая. Привыкая к оружию, Ольга крутанула меч так, что взвыл воздух, шагнула вперед. Из прихожей выскочил боец, повел стволом автомата, выцеливая хрупкую фигурку. Резкий взмах, холодно вспыхнув, клинок рассекает воздух. Горло бойца вскрывается, словно тонкая фольга, алые капли фонтаном пронзают воздух. Едва закончив движение, Ольга прыгнула вперед.

Прихожая забита людьми в серо-зеленой одежде: перекошенные ненавистью лица,

распяленные в крике рты. Ольга взвихрилась стальным смерчем, ввинтившись в центр группы. Тело превратилось в механизм, четкие скупые движения, словно часы, где каждая шестеренка подчинена единому ритму. Удар, отсеченная кисть падает на пол сжимая бесполезный пистолет. Короткий взмах, ткань рубахи распадается, разрез окрашивается кровью, а секундой позже мужчина оседает, зажимая руками выползающие внутренности.

Напротив лица возникает пистолет, тело отклоняется, уходя с траектории выстрела, далекий грохот касается слуха, щеку обжигает поток воздуха, где-то позади звенит разбитое стекло. Взмах. Клинок взмывает вверх, оставляя на теле бойца кровавую роспись. В глаза брызжет корячим. Это не страшно, сейчас зрение почти не нужно. Тело само знает, что делать.

Кровь заливает лицо, горячими ручейками стекает по щекам, пятная костюм и пьяня терпким ароматом. Прихожую пронизывает липкий густой страх, бойцы оседают один за одним, застывая нелепыми фигурами: отрубленные конечности, распоротые животы, ноги скользят по раздавленным внутренностям. Последний боец, что до этого времени прятался за спинами других, защищен бронежилетом, но это ничего, ведь меч не пуля. Тело проваливается в приседе, выстреливая в противника снизу вверх, руки сотрясает от удара.

Мелодичный, словно звон хрустального бокала, треск, в руках остается рукоять с обломком лезвия, а противник, сжимая руками торчащий из груди клинок, заваливается навзничь. Плата за смерть взята с лихвой и скользкая от крови рукоять замедленно падает на пол. Оружие не должно переживать хозяина.

Снизу доносятся вопли и приближающийся топот. Нащупав на скользком полу оружие, пальцы сжимаются на рукояти: один пистолет, второй. Времени на перезарядку не будет, да она и не понадобится. Уходить некуда, поэтому... Короткий разбег навстречу нападающим, пока они не ожидают. Быстрее, еще быстрее.

Пролетом ниже появляются сразу два бойца, тела прикрыты бронежилетами, лица сосредоточенны, руки оттягивают автоматы. Пистолеты дергаются одновременно, выпуская свинцовые жала, по два на каждого: одно в голову, второе в плечо. Парней разворачивает в разные стороны, освобождая путь. Шаг. Еще. Снизу грохочет очередь. Боли нет, но почему вдруг стало так тяжело?

Притаившийся в углу парень отшатывается, провожая тускнеющим взглядом, метнувшуюся мимо тень, другой, что-то надрывно кричащий в рацию, оседает безжизненным кулем. На первом этаже четверо, прислушиваясь к грохоту выстрелов, остановились в нерешительности. Сколько же их еще!? Выстрелы сливаются в непрерывный грохот, один за другим, словно игрушечные солдатики, мужчины валятся, роняя оружие на бетон.

Прыжок. Тело проносится над павшими. Ноги вновь касаются ступенек. Правая нога едва не подламывается, слабея с каждой секундой. Из бедра струйками выплескивается кровь. Но это не страшно, главное пробиться, выйти из западни, а там можно и остановить кровь. Позади раздается выстрел. В плечо с чудовищной силой бьет, бросая на бетонную стену. Тело сотрясается от боли, а правая рука повисает плетью. Сквозь кровавый туман глаза нашаривают врага. Один из бойцов, оставшийся в живых, трясущимися руками наводит пистолет. Выстрел. Парень откидывается назад, из образовавшейся во лбу ямки вяло течет кровь.

Вокруг повисает тишина. Неужели все? Последний пролет даются с великим трудом. Ступенька, еще одна. Сердце трепещет, словно ушедший в разнос мотор. Покачиваясь,

приближается дверь. С противоположной стороны тишина. Или это лишь кажется? Оглушенные от пальбы уши не способны уловить надсадное дыхание поджидающих с той стороны врагов.

Рывок. Дверь распаивается от удара ногой. Светлый прямоугольник манит свободой, еще немного... Смазанное движение. Впереди, словно ниоткуда, возникает противник: невысокая фигура, изящный деловой костюм, ежик коротко стриженных волос. Словно из другого мира доносится едва слышное:

— Ну, здравствуй, подруга.

Две вспышки, следуют одна за другой. От невыносимой боли в животе тело скручивает судорогой, а из перехваченного спазмом горла рвется беззвучный крик. Мир заливают кровью. Лишь светлый прямоугольник сопротивляется некоторое время, но вскоре и он растворяется, исчезая во всепоглощающей тьме.

Замедленным движением, спрятав пистолет, Виолетта вошла в подъезд, остановилась, глядя на залитое кровью, истерзанное тело соратницы, произнесла чуть слышно:

— Долг платежом, валькирия...

С улицы донеслись крики, треск раций. Мимо, перебрасываясь короткими фразами, пробежали несколько человек в маскировочных костюмах. Бегущий последним, остановился возле, взглянув на Ольгу, пробормотал:

— Надо б контрольный.

Глядя, как он потащил из кобуры пистолет, Виолетта бросила холодно:

— Не требуется. Меня учили стрелять.

Мужчина взглянул пристально, произнес с подозрением:

— Приказ был четкий — девку наверняка.

Виолетта глянула с такой ненавистью, что мужчина отшатнулся, прошипела в ярости:

— Если ты, падаль, сейчас не заткнешься, одним трупом станет больше. И уж поверь, мне ни перед кем не придется отчитываться.

Боец некоторое время сверлили девушку полным ненависти взглядом, но в глазах Виолетты сверкнуло нечто такое, отчего спорить расхотелось. Выругавшись сквозь зубы, он спрятал оружие и устремился вслед за остальными.

* * *

Длинный коридор с редкими пеньками стульев, холодные белые стены, напротив дверей с надписью «реанимация» расположились двое мужчин. Несмотря на различие в возрасте и телосложении, мужчины чем-то неуловимы схоже, словно тяжелая работа, или большая ответственность наложили незримый отпечаток, навсегда оставив на лицах свою печать. Время от времени мужчины перебрасываются короткими фразами, но порой надолго замолкают. Один из собеседников, судя по многочисленным седым волосам и глубокой залысине, значительно старше по возрасту, произнес с удовлетворением:

— Что ж, операцию провели успешно. Ларин нам больше не помешает.

Второй усмехнулся, ответил сухо:

— Конечно, если не считать полтора десятка убитых...

— Не считай, — первый отмахнулся, — это низший эшелон, он для того и набран.

— Дело не в том, — молодой нахмурился. — Такое количество трупов привлечет

ненужный интерес.

Перефразировав известное изречение, седой назидательно произнес:

— Интерес появляется и исчезает, а мы остаемся. Главное, чтобы реальное положение дел не дошло до центра, иначе нам с тобой светит... ты знаешь что.

Молодой усмехнулся, сказал с ноткой превосходства:

— Не дойдет. Если бы партнер погиб в автомобильной катастрофе, или отравился огурцами, сюда бы прислали ревизора, а так... — он отмахнулся. — Пришедшая мстить за смерть любимого агентша, чем не легенда? Тем более, концов нет — спросить не у кого.

— А та, что завалила нанимателя и парня этой «агентши», ее случаем не раскрутят? — напряженно поинтересовался седой.

— Не раскрутят. Через неделю у нее задание, с которого она не вернется.

Седой помолчал, произнес размышляя:

— Конечно, Ларин был неплохой координатор, лучше, вряд ли найдем. Но его активность последнее время приобрела излишне назойливый характер. Помнишь, как он едва не отправил обратно подготовленный к распространению героин? Едва успели перехватить.

Молодой сказал со смешком:

— Да помню, как забыть. Из-за него едва весь план не рухнул. Ведь умудрился как-то уверить девку в своей невиновности... Хорошо, что сразу у двери шлепнули, а то вдвоем, глядишь, и прорвались бы.

Седой повернулся, спросил с интересом:

— А с чего ты вообще решил, что она пойдет мстить, а не уедет из города?

Собеседник бросил снисходительно:

— А зачем я, по-твоему, ее нанимателя с семьей убил, а потом дополнительные сведения ментам закинул? Некуда ей было деваться. Да и деловые товарищи хозяина, чьи деньги и бумаги хранились в сейфе, тоже рано или поздно проявили бы интерес.

Седой покивал, сказал с уважением:

— Действительно, план достойный. Только непонятно, как она должна была выйти на Ларина? Людей в городе много, а он себя не светил.

— Повезло. — Видя недоумение в глазах товарища, молодой добавил нехотя: — Я уже думал, как подкинуть информацию, да сама нашла...

Скрипнув, запахнулась дверь. Мужчины разом замолчали. Обтирая руки полотенцем, в коридор вышел доктор. Устало улыбнувшись, произнес:

— Жива ваша девушка. Раны не представляют угрозы для жизни. — Помолчав, добавил: — Везучая она у вас. Два сквозных в животе, но, словно хирург стрелял, настолько ювелирно, ничего важного не задето, только заштопать и осталось.

Старший мужчина поднялся, спросил с тревогой:

— Значит, ее жизни ничего не угрожает?

— Ничего, — доктор улыбнулся. — Завтра переведем в отделение интенсивной терапии, а там, глядишь, через месяц будет как новенькая.

Молодой поднялся следом, сказал с благодарностью:

— Мы вам очень признательны.

Развернувшись, мужчины двинулись к виднеющимся вдали дверям выхода. Не глядя на спутника, седой холодно поинтересовался:

— Почему ее не добились на месте?

— Ты же знаешь, — собеседник вспыхнул, — народу понаехало лишнего! Пока разбирались, скорая под шумок и увезла.

— Это проблема, — первый нахмурился.

— Это не проблема, — сухо отчеканил второй. — Как выпустят, так и хлопнем. Хотя... — Он несколько минут молчал, что-то напряженно обдумывая, затем широко улыбнулся, сказал замедленно: — Один мой знакомый работает в параллельном ведомстве, там разрабатывают некий секретный проект, и у них вечная проблема с «расходным материалом». К тому же у девчонки неплохая интуиция, я скрытно наблюдал за ней пару раз, и ведь почуяла, чертовка!

— Зачем тебе это? — старший брезгливо поджал губы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net